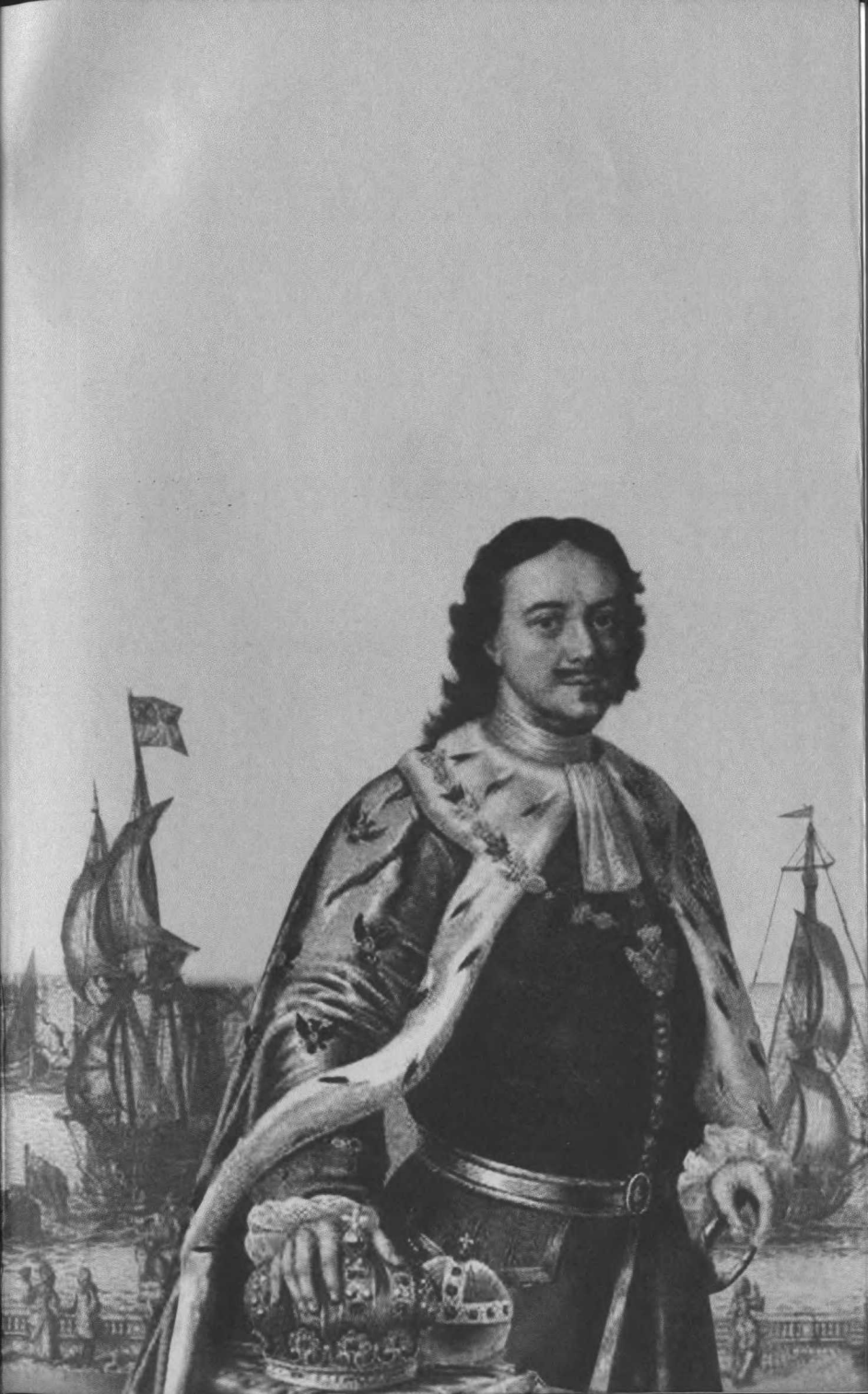
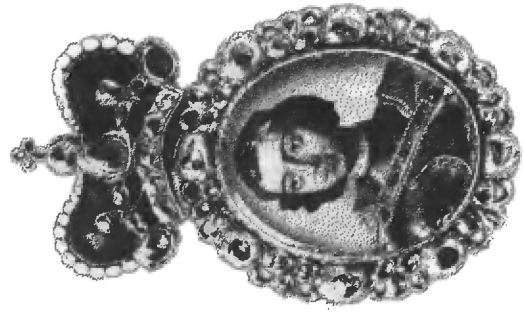
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Виктор Наумов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ





ПОВСЕДНЕВНАЯ

Виктор Наумов

МОСКВА

ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · 2010

УДК 94(47):930.85“17”
ББК 63.3(2)511-7
Н 34

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

ISBN 978-5-235-03374-0

© Наумов В. П., 2010
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2010

Digitized by Dok-57

Петр I — величайшая фигура в российской истории. Невозможно найти другого исторического деятеля, столь существенно повлиявшего на развитие нашей страны. Споры о нем начались при его жизни и продолжаются до сих пор. Одни видят в нем разрушителя русской самобытности, исковеркавшего органичный путь России и предопределившего тем самым государственно-политические катаклизмы XX века. Другие, к числу которых относится автор этих строк, склонны считать его воссоздателем подлинной России, уничтожившим основные черты старомосковского «дремотно-азиатского» уклада, который был привнесен татаро-монголами в изначально европейскую Русь. По существу, это старый спор западников и славянофилов, в котором истина не будет найдена по причине заведомо противоположных идеологических установок. Возможно, она обнаружится в синтезе мнений, что в данный момент нового осмысления истории представляется непосильной философской задачей.

Но в любом случае величие Петра I как государственного деятеля не станет отрицать ни один мыслящий человек. Поэтому вполне понятен интерес к его неоднозначной личности. Попытки оценить его интимное пространство уже предпринимались в работах различного научного уровня вплоть до трудов Казимира Валишевского, который на основании сомнительных ис-

точников вывел колоритный образ сексуального маньяка, бисексуала и законченного психопата. Подобный путь исторического творчества весьма привлекателен для значительной части читающей публики, жаждущей сенсации. Однако на основе скрупулезно собранного и тщательно выверенного фактического материала можно создать не менее интересную и в то же время достаточно достоверную картину.

О Петре Великом написаны сотни книг в России и за рубежом, но специальные исследования о повседневной жизни царя-преобразователя и его соратников отсутствуют, за исключением нескольких небольших работ, посвященных частным сюжетам. Для создания этой книги приходилось буквально по крупицам выискивать материал, рассеянный в разнообразных источниках. Ни о каком самостоятельном исследовании речь идти не могла — на это потребовались бы многие годы. Оставим подобную крупномасштабную задачу будущим поколениям историков. Пока же достаточно лишь обозначить некоторые наиболее значимые аспекты темы и пробудить тем самым интерес читающей публики к живому прошлому, столь непохожему на выхолощенные схемы учебников и занудство научных монографий.

Выражаю горячую благодарность заведующей Отделом отечественной истории Государственной публичной исторической библиотеки России Оксане Владимировне Динеевой, профессору Российского государственного гуманитарного университета Игорю Владимировичу Курукину, главному специалисту Российского государственного архива древних актов Алексею Борисовичу Плотникову и моей матушке Людмиле Ивановне Наумовой за неоценимую помощь в работе над книгой.

КАПЛЯ ОТРАЖАЕТ МОРЕ

История быта и нравов эпохи Петра Великого удивительна и полна парадоксов. В те времена черты старомосковского уклада жизни причудливо переплетались с европейскими нормами, насаждаемыми неистовым реформатором, а требования европейского этикета с трудом усваивались людьми, привыкшими к простоте обыденных отношений с заметной долей азиатского угодничества.

Над персонажами бурных переломных лет рубежа XVII—XVIII веков возвышается исполинская фигура великого преобразователя. Что мы знаем о нем? Петр I любил рвать зубы своим придворным, охотно посещал пыточные застенки, орудовал топором на верфях, поучал подчиненных с помощью дубины, страдал от припадков эпилепсии, курил и управлял страной в полупьяном состоянии — вот, кажется, и весь арсенал стереотипных представлений об образе жизни великого государя-реформатора. А его соратники во главе с талантливым Александром Меншиковым стремились угадать желания монарха, подсиживали друг друга и целыми днями беззастенчиво крали — нетрудно распознать набор опостылевших аллюзий современности. Эти штампы заслоняют собой главное содержание обыденной жизни петровского времени — титанический созидательный труд, познание и усвоение нового, нелегкий отказ

от привычного старого уклада со всем его полуазиатским своеобразием.

Повседневная жизнь Петровской эпохи — тема поистине необъятная, заслуживающая многотомного исследования или серии монографий. В рамках одной научно-популярной работы возможно сделать лишь некоторые наблюдения, обратив внимание на отдельные наиболее существенные стороны повседневности этого переломного периода русской истории. Между тем даже такие предварительные замечания могут значить достаточно много в условиях почти полного отсутствия специальных работ по данной проблеме. Как справедливо заметил Фернан Бродель, «иной раз бывает достаточно нескольких забавных историй, для того чтобы разом высветить и показать образ жизни»[1]. Подобно тому, как капля отражает море, эти сюжеты зачастую способны дать представление об эпохе.

Количество документов по данной теме настолько колоссально, что для его освоения не хватит и десяти лет. В распоряжении исследователя имеются делопроизводственные бумаги петровских учреждений, сотни законодательных актов, регламентирующих мельчайшие детали государственной, общественной и частной жизни, огромное количество писем Петра I и его ближайших соратников А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, Ф. И. Головина, Г. И. Головкина, Б. П. Шереметева, Ф. Ю. Ромодановского, Я. В. Брюса, К. И. Крюйса и многих других, мемуары и публицистические произведения близких к трону людей, журналы повседневных занятий Петра I, многочисленные дипломатические донесения, записки и дневники иностранных послов, путешественников и предпринимателей. В рамках изучаемой темы бессмысленна попытка вычленить из этого огромного массива источников какие-то наиболее существенные сведения, ибо важно буквально всё; каждая, порой на первый взгляд незначительная деталь может вдруг высветить картины минувшей, но такой зримой и реальной жизни. С другой стороны, панорама повседневности петровского времени никогда не будет полной даже при практически неосуществимом условии детальной проработки всех известных документов —

всё равно многие стороны ушедшей эпохи останутся неизвестными, поскольку далеко не все реалии обыденности нашли отражение в источниках.

При работе над книгой автор пошел по единственно возможному пути вычленения нескольких наиболее важных тем, которые постарался осветить с помощью произвольно выбранных источников. Хочется верить, что собранный материал, а также методика его систематизации и интерпретации послужат некоторой базой для последующих фундаментальных исследований профессиональных историков (на решение этой задачи автор ни в коей мере не претендует в рамках данной научно-популярной работы). Что же касается остальных читателей, то они, надеюсь, откроют для себя много нового и интересного.

СТРОИТЕЛИ ИМПЕРИИ

Глава первая

Первые самостоятельные шаги государя

Потехи как средство познания

Исследуя феномен любой выдающейся личности, нужно возвращаться к истокам ее становления, к детству, отрочеству и юности. Воспитание, первичное образование, детские вкусы и привычки, игра как средство познания мира и приобретения житейских навыков — всё это накладывает неизгладимый отпечаток на последующую жизнь человека. Современные психологи установили, что личность складывается примерно к десятилетнему возрасту, после чего возможны лишь отдельные корректировки, почти не меняющие основы характера, привычек, мировосприятия и психологию человека в целом. Обратившись к рассмотрению первых шагов Петра Великого, можно понять многое из того, что поражало современников и продолжает удивлять потомков.

Кипучая энергия будущего царя проявлялась уже в самом раннем возрасте: когда другие дети начинают ходить, он сразу стал бегать. Ребенок проявлял необыкновенную восприимчивость и впечатлительность, казался старше своих лет, отличался крепким здоровьем,

ранним физическим и умственным развитием. Проницательные люди могли заметить в маленьком царевиче задатки необыкновенного человека.

Преобразовательная деятельность Петра Великого выросла из игры, неукротимой тяги к познанию и разнообразным практическим занятиям.

Четырнадцатый по счету ребенок царя Алексея Михайловича и первое дитя от его второго брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной, царевич Петр Алексеевич родился 30 мая 1672 года «в отдачу часов ночных», то есть на рассвете. Государь указал немедленно послать гонцов с вестью об этом радостном событии к придворным чинам. В пять часов утра звон большого соборного колокола призвал москвичей к благодарственному молебну в Успенском соборе. Тогда же состоялся и торжественный царский выход: Алексей Михайлович направился благодарить Господа в сопровождении бояр, окольничих, стольников, стряпчих, полковников солдатских выборных полков и голов стрелецких приказов. После молебна митрополит и высшее духовенство поздравили государя с новорожденным. По возвращении во дворец Алексей угощал в Передней палате всех участников торжественного выхода водкой, винами и разными сластями.

Наступивший через два дня Петров пост заставил отложить до разговения крестины и торжественный пир по этому случаю. 29 июня, в День Петра и Павла, царевич был крещен в Чудовом монастыре и наречен Петром. На другой день после обедни в царском дворце собрались гости: духовенство с иконами и дарами, думные и дворцовые чины, представители верхушки купечества, выборные от слобод и городов — все они явились с подношениями. Собравшихся пригласили в Грановитую палату к столу, ломившемуся от изделий кондитерского искусства. Большая коврижка изображала герб Московского государства, два сахарных орла весили по полтора пуда, лебедь — два пуда, утя и попугай — по полпуда. Были изготовлены даже «город сахарный, кремль с людьми, с конными и пешими» и «другой город четыреугольный с пушками». Каждому гостю поднесли по большому блюду с зеренчатыми сахарами, леденцами,

сушеными ягодами и фруктами, корицей, арбузными и дынными цукатами. Через четыре дня был дан крестный пир, завершивший придворные торжества по случаю рождения Петра[1].

Мать новорожденного, Наталья Кирилловна, испытывала тягу к европейской культуре. Да и ее царственный супруг любил заморские новизны. Поэтому в воспитании маленького царевича заметно прослеживались новые веяния в сочетании со старомосковскими традициями. В детской комнате двухлетний Петр был окружен иноземными вещами: «музыкальными ящиками», «цимбальцами» немецкой работы; у него был даже «клевикорд» с медными зелеными струнами. Чуть позже мальчика стали забавлять предметами военного дела, у него появился целый арсенал игрушечного оружия, в том числе деревянные пищали и «пушки с лошадками»[2]. Конские фигурки тоже были деревянные, обтянутые кожей; они ездили на колесиках, а их седла и уздечки были украшены драгоценными камнями. В арсенале маленького царевича имелись также изготовленные по специальному заказу крошечные луки и стрелы, а его любимым музыкальным инструментом стал барабан, в который можно было бить сигнал к атаке. Как видим, обычный интерес мальчишек к воинскому искусству начал проявляться у Петра очень рано, что, возможно, впоследствии определило жизненный путь царя-воителя, готового вести несколько войн одновременно. Для игр к царевичу приставляли сверстников из детей бояр, но в детской непременно присутствовали и карлики, забавлявшие царевича несуразными выходками и кривлянием[3]. Обычная для средневековых монархов тяга к карликам и шутам сохранилась у Петра I на всю последующую жизнь.

Царь Алексей Михайлович любил навещать монастыри, в том числе и далеко отстоявшие от Москвы Саввино-Сторожевский в Звенигороде и Троице-Сергиев. Он также с большим удовольствием тешился соколиной охотой в подмосковных селах Измайловском и Преображенском. По обычаям того времени в таких поездках участвовала вся царская семья, которую сопровождали многочисленная свита и охрана из сотен стрельцов

в яркой одежде, что придавало процессии восточную пышность и торжественность. С трехлетнего возраста в этих семейных вояжах участвовал и царевич Петр Алексеевич. У него была маленькая позолоченная карета, в которую впрягались крошечные лошадки «пигмейной породы», а сопровождали ее конные и пешие карлики[4].

Детство Петра проходило в неблагоприятной обстановке. Трудно сказать, каким бы он вырос, если бы всё сложилось иначе. От рождения обожаемый младший сын царя Алексея Михайловича ощущал на себе всеобщее внимание, ежедневно получал подарки, радовался ласковой улыбке отца на забавном для ребенка бородатом лице. А потом вдруг всего этого не стало: 29 января 1676 года в возрасте неполных четырех лет маленький Петр потерял доброго родителя, скончавшегося от внезапной болезни.

Мир вокруг резко переменился. Новый царь Федор Алексеевич* хорошо относился к единокровному братишке и никогда его не обижал, зато его мать, вдовствующую царицу Наталью Кирилловну, терпеть не мог. Она от греха подальше покинула кремлевский дворец и поселилась с сыном, родней и маленьким двором в селе Преображенском — любимой подмосковной резиденции ее покойного мужа. Этому тихому уединенному местечку впоследствии суждено было войти в русскую историю как первому пункту преобразовательной деятельности царя-реформатора...

Великий русский историк С. М. Соловьев тонко почувствовал влияние семейных неурядиц на формирование характера маленького Петра: «Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствует правильности развития, не ускоряет его в ребенке; напротив, печальная доля в младенчестве, гонения, бури способствуют раннему развитию в детях способных»[5].

С пятилетнего возраста началось обучение Петра. Необходимо было подыскать подходящего учителя. На-

---

* *Федор III Алексеевич* (1676—1682) — сын царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской, старший единокровный брат Петра. *(Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания редактора.)*

талья Кирилловна просила царя Федора найти для этой цели человека «кроткого, смиренного, божественное писание ведущего». Присутствовавший при этом разговоре боярин Соковнин сказал: «Есть на примете муж кроткий и смиренный и всяких добродетелей исполнен, в грамоте и писании искусен, из приказных — Никита Моисеев сын Зотов».

Федор Алексеевич тут же отдал приказ представить ему Зотова. Когда тот явился, государь принял его милостиво, пожаловал к руке и «велел читать перед собой и писать». Присутствовавший при этом экзамене знаменитый ученый архиерей Симеон Полоцкий одобрил кандидатуру Зотова на роль учителя. Тогда Никиту отвели к Наталье Кирилловне, которая встретила пришедших, держа за руку маленького Петра.

— Известна я о тебе, — сказала она Зотову, — что ты жития благого и Божественное Писание знаешь; вручаю тебе единородного сына моего. Прими его и прилежи к научению божественной мудрости и страху Божию и благочинному житию и писанию.

Тот упал к ногам царицы и вне себя от страха проговорил:

— Несмь достоин прияти в хранилище мое толикое сокровище...

Наталья Кирилловна велела ему встать.

— Прими от рук моих, — настоятельно проговорила она, — не отрицайся принять; о добродетели и смирении твоем я известна.

Зотов остался лежать, «помышляя свое убожество». Тогда царица решительно повелела ему встать, пожаловала к руке и приказала явиться утром, чтобы начать обучение царевича.

На следующий день в присутствии царя Федора патриарх отпел молебен, окропил нового ученика святой водой, благословил его и вручил Зотову. Тот посадил царевича на стульчик, раскрыл букварь, дал ученику указку и, «сотворив ему земное поклонение», начал учение[6].

Никита Моисеевич оказался хорошим педагогом, учитывавшим особенности темперамента маленького Петра, которому трудно было усидеть на месте. Зная общую для всех детей любовь к книгам с картинками, он

попросил Наталью Кирилловну дать указание о подборе соответствующей литературы. Царица повелела дьякам найти в домашней государевой библиотеке «книги с кунштами*, и всея Росии книги с рисунками градов, и книги многия знатных во вселенной городов». Были там и миниатюры, изображающие «грады, палаты, здания, дела военные, великие корабли и вообще истории лицевые с прописьми», то есть иллюстрированные с текстами. Эти «куншты» Зотов развесил по стенам комнаты царевича, создав наглядную картину всемирной истории и современного состояния европейских стран. Когда мальчик «в учении книжном слишком утруждался», Никита «в увеселение» рассказывал ему «о блаженных делах родителя его, царя Алексея Михайловича, и царя Ивана Васильевича, храбрые их и военные дела, и дальние нужные походы, бои, взятие городов и коликo претерпевали нужду и тяготу больше простого народу, и тем коликие благополучия государству приобрели, и государство Российское распространили». При этом учитель водил Петра из одной комнаты в другую, снимал с полок нужные книги, а попутно знакомил его не только с «историями», но и с азами других наук.

Разумеется, Зотов мог вести преподавание лишь в рамках собственных, не очень обширных, знаний, но для начального образования этого было вполне достаточно. Царевич быстро и легко научился читать «остро и памятью», то есть наизусть, Евангелие и Апостол, знал порядок церковной службы, умел петь на клиросе «по крюкам» (нотам)[7]. Правда, писал он неразборчиво; его почерк до сих пор служит предметом мучений специалистов по Петровской эпохе. Кроме того, Петр навсегда остался не в ладах с орфографией и допускал на письме ошибки, от которых был свободен любой грамотный канцелярист того времени. В целом же, по оценке историка Н. И. Павленко, Петр получил образование «весьма скромное, если не скудное», не пройдя в годы обучения даже курса, который обычно преподавали царевнам. «Между тем, — отмечает историк, — в зрелые годы Петр обнаруживал глубокие познания и в истории, и в географии, артиллерии, фортификации. Этим он обязан

* От нем. *Kunst* — искусство.

собственной одаренности, неутомимой тяге к знаниям и готовности всегда учиться»[8].

Болезненный царь Федор умер 27 апреля 1682 года, за месяц с небольшим до того как Петру исполнилось десять лет. Мальчик был провозглашен царем в обход другого старшего брата, Ивана*, что привело к стрелецкому бунту — страшному событию в жизни ребенка. На глазах маленького государя родственников и друзей его матери поднимали на пики, рубили на куски, били кнутом, жгли раскаленным железом. Впоследствии приближенные к Петру люди рассказывали иностранцам, что во время ужасов мятежа юный царь сохранял удивительное спокойствие и даже нисколько не изменился в лице, наблюдая дикие кровавые сцены. Современники были склонны видеть в подобном самообладании «признак будущего величия»[9]. Но если взглянуть на ситуацию с высоты современных представлений о детской психологии, то можно констатировать, что, по всей видимости, ребенок находился в шоковом состоянии и включилась защитная реакция организма, не позволяющая впасть в истерику или потерять сознание при виде зверских убийств. Ужас был загнан вглубь, что сказывалось впоследствии: проявлявшиеся на протяжении всей жизни Петра Великого нервные тики, частые пароксизмы эпилепсии, внезапные приступы животной ярости — всё это оттуда, с кремлевской площади. Можно не сомневаться, что нервный впечатлительный ребенок в кошмарах вновь и вновь переживал страшные сцены майского дня 1682 года: видел перекошенные от ненависти лица озверевших стрельцов, отрубленные части человеческих тел и лужи крови на мраморных плитах, слышал яростный вой толпы, предсмертные хрипы и вопли истязаемых. И он вырос таким, каким мы его знаем, — личностью с удивительным смешением пороков и добродетелей...

Итогом стрелецкого бунта стало провозглашение диумвирата царей Ивана и Петра при регентстве их сестры Софьи. Наталья Кирилловна была низведена до по-

---

* *Иван V Алексеевич* — сын царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской, старший единокровный брат и соправитель (1682—1696) Петра I.

ложения опальной царицы и сочла за благо держаться подальше от кремлевских палат. В 1683 году она вместе с сыном и маленьким двором переехала в Воробьево, а затем — в Преображенское; в этих подмосковных селах они жили преимущественно в теплое время года. А с 1685 года основными местами их обитания становятся Коломенское и Преображенское. Здесь вдовствующая царица с сыном, по выражению современника, князя Бориса Ивановича Куракина, жила «тем, что давано было от рук царевны Софьи», постоянно нуждалась в средствах и вынуждена была тайком принимать денежную помощь от иерархов Русской церкви[10].

Тем не менее им приходилось бывать и в Кремле: юный Петр по положению царя был обязан принимать участие в придворных церемониях, которых насчитывалось великое множество. По установленной Алексеем Михайловичем традиции царская семья периодически отправлялась в Троице-Сергиев, Чудов и другие монастыри. Оба царя и правительница участвовали в крестных ходах в Кремле. Неукоснительно отмечались многочисленные семейные праздники и памятные даты: именины всех членов царствующего дома, годовщины смерти царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Тяжелым испытанием для непоседливого Петра являлись пышные и величественные церемонии приема иностранных послов, где молодым царям отводилась декоративная роль. Для Ивана и Петра был изготовлен двойной трон из серебра с высокой и широкой спинкой; за ней скрывались русские дипломаты в роли своеобразных суфлеров, подсказывавших мальчикам, как надо себя вести и что говорить чужеземным гостям.

Одну из таких церемоний описал в 1683 году секретарь шведского посольства Кемпфер: «В приемной палате, обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под святыми иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными каменьями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое; молодая кровь играла в нем, как только обращались

к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских. Когда посланник подал верящую грамоту и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье, младший, Петр, не дал времени дядькам приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил с своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: "Его королевское величество, брат наш Карлус Свейский, по здорову ль?"»[11].

Одиннадцатилетний Петр, по отзывам очевидцев, в то время более походил на шестнадцатилетнего юношу. Он был высок ростом, силен, отличался пытливостью ума, быстротой реакции и умением мгновенно оценить происходящее. В то же время в его характере сохранялись детские черты: непоседливость, непосредственность, нетерпеливость. Впрочем, они были свойственны Петру и в зрелые годы. Надоевшие в детстве пышные кремлевские ритуалы на всю жизнь определили ненависть царя к всякого рода церемониям, чопорности и представительности.

Мальчику было скучно и тяжко во дворце, он рвался на улицу — на простор, на воздух. Там он играл со сверстниками, не делая между ними никаких различий; его приятелями становились и княжата, и дети стольников и окольничих, и сыновья конюхов и поваров. Во всей этой пестрой компании юный Петр верховодил не по положению царя, а на правах прирожденного лидера — самого сильного, активного и заводного из мальчишек. Его удивительная харизма проявлялась уже в раннем возрасте, это был вождь от Бога.

Преобразовательная деятельность великого монарха выросла из игры, неукротимой тяги к познанию и разнообразным практическим занятиям. Постепенно забавы на просторах Преображенского и Воробьева приобрели настоящий воинский характер. Из Оружейной палаты и Воинского приказа по требованию царского величества стали привозить уже вовсе не игрушечные пищали, карабины и мушкеты. Вскоре для игры потребовались порох и свинец. В 1683 году, одиннадца-

ти лет, Петр во главе целого отряда сверстников занимался стрельбой из мушкетов в цель.

Вскоре юный царь начал «верстать в свою службу» молодежь из числа спальников и дворовых конюхов, а потом из сокольников и кречетников. Так было образовано две роты «потешных» солдат, которые «прибором охотников» из молодых дворян и других «чинов», в том числе даже из боярских холопов, разрослись в два батальона, около трехсот человек в каждом. Это уже не были «игрушечные» солдатики: за свою «потешную» службу они получали жалованье.

В 1685 году «потешные» под барабанный бой промаршировали полковым строем через Москву из Преображенского в Воробьево. А в следующем году четырнадцатилетний царь завел при своем войске настоящую артиллерию под руководством «огнестрельного мастера» капитана Федора Зоммера. Разумеется, управляться с тяжелыми пушками Петр и его сверстники были еще не в состоянии, поэтому молодой царь взял из Конюшенного приказа «охочих к военному делу» стряпчих-конюхов Сергея и Василия Бухвостовых, Якима Воронина, Данилу Кортина, Ивана Нагибина, Ивана Иевлева и Сергея Черткова и назначил их «потешными» пушкарями. Когда окружавшая Петра молодежь подросла настолько, чтобы вместе с взрослыми образовать «регулярный» полк, все они оделись в мундиры европейского образца. Первым иноземный мундир надел Сергей Леонтьевич Бухвостов — самый ревностный среди «потешных» солдат. Впоследствии Петр заказал бронзовый бюст этого «первого русского солдата», как он называл Бухвостова. Ныне памятник ему поставлен возле станции метро «Преображенская площадь».

В числе «потешных» солдат рано появился Александр Меншиков, в 1687 году в офицеры одного из батальонов был зачислен 26-летний Иван Бутурлин. Чуть позже «потешный» полк стал называться Преображенским по месту расквартирования. Бутурлин получил в нем чин премьер-майора, а сам Петр в 1691 году был произведен в сержанты. Мать подарила ему сержантский кафтан* из красного сукна (правда, он не соответствовал

*Кафтан (*перс.* и *тюрк.*) — верхняя мужская долгополая одежда.

форме: преображенские мундиры должны были быть темно-зеленого цвета, однобортные, с золотыми шнурами и серебряными пуговицами)[12].

В селе Преображенском, на берегу Яузы, была построена маленькая крепость со стенами, башнями, рвами и бастионами. Это наполовину деревянное, наполовину земляное сооружение было воздвигнуто по всем правилам фортификационной науки под руководством капитана Зоммера. При постройке крепости Петр работал в поте лица: рубил бревна, возил в тачке землю, помогал устанавливать пушки. «Потешный городок» получил название Прешпурх по имени знаменитой в то время австрийской крепости Пресбург, изображение которой юный царь, вероятно, видел на одной из учебных картинок Никиты Зотова.

Крепость начали осаждать, разделив «потешные» войска на защитников и атакующих, а затем взяли ее приступом. Осады и штурмы повторялись не раз.

В 1686 году под Прешпурхом на Яузе появились первые «потешные» суда — большая шняка и струг* с лодками. Для подъема воды Яуза при впадении в Москву-реку в том же году была запружена плотиной.

Преобразовательная деятельность Петра I с ориентацией на европейские культурные и технические достижения началась с одного случая. Отъезжавший во Францию в качестве посланника князь Яков Лукич Долгорукий явился в Преображенское откланяться молодому царю. Вероятно, Петр поделился с дипломатом проблемами, возникшими при устройстве своих военных лагерей, и посетовал на трудности определения расстояний при артиллерийской стрельбе. Долгорукий сказал, что у него был немецкий инструмент, с помощью которого можно узнавать расстояния до цели, не сходя с места, да только его украли. Царь очень заинтере-

---

* Шняка (шнека) — плоскодонное парусно-гребное рыболовное судно длиной 8,5—10 метров, использовалось на севере России поморами, в том числе для выхода в море, имело палубу только на носу и корме и, как правило, одну мачту с прямым парусом и кливером. Струг (от «строгать») — русское плоскодонное парусно-гребное судно длиной 20—45 метров для перевозки людей и грузов по рекам и озерам, было оборудовано съемной мачтой с небольшим прямым парусом, который ставился при попутном ветре.

совался диковинкой и приказал князю Якову купить ее за границей.

Долгорукий вернулся в Россию через два года и привез этот инструмент — астролябию. Впоследствии Петр I вспоминал: «Я, получа оный, не умел его употреблять. А инструменты были астролябия да кокор или готовальня с циркулями и прочим. Но потом объявил я его дохтуру Захару фон-дер-Гульсту, что не знает де ли он? который сказал, что он не знает, но сыщет такого, кто знает; о чем я с великою охотою велел его сыскать, и оной дохтур в скором времени сыскал голландца, именем Франца, прозванием Тиммермана, которому я вышеписанные инструменты показал, который, увидев их, сказал те же слова, что князь Яков говорил о них, и что он употреблять их умеет; к чему я гораздо с охотою пристал учиться геометрии и фортификации»[13].

Обучение пришлось начать с азов математики: Никита Зотов этому Петра не учил. Тиммерман объяснял молодому царю правила аддиции (сложения), субстракции (вычитания), мултипликации (умножения), дивизии (деления). После постижения основ математической науки Петр смог заняться геометрией и фортификацией, к чему так стремился.

Тиммерман вошел в ближайшее окружение царя. «Сей Франц, — вспоминал Петр, — чрез сей случай стал при дворе быть безпрестанно и в компаниях с нами». Однажды летом они гуляли по селу Измайлово. Петр заглянул в старый амбар и увидел там большую опрокинутую лодку необычной формы.

— Что это такое? — спросил царь.

— Это английский бот, — ответил Тиммерман. — Он ходит на парусах не только по ветру, но и против.

Петр захотел немедленно увидеть это чудо в действии, благо Измайловский пруд находился тут же. Но у бота не оказалось необходимой оснастки. Тиммерман пообещал найти человека, который смог бы починить и отладить маленькое судно. Через несколько дней он представил Петру пожилого голландца Карштена Брандта, который в скором времени исправил бот, оснастил его и спустил на Яузу, а затем начал плавать на нем вниз и вверх по реке, маневрируя парусами, поворачивая

судно вправо и влево. Царь наблюдал за этой картиной с берега. «И зело любо мне стало», — вспоминал он.

Петр закричал, приказывая Брандту причалить к берегу, вскочил на бот и принялся сейчас же учиться управлять парусами. В этот момент впереди обозначилось создание российского флота и превращение России в морскую державу.

Яуза оказалась слишком тесной для судовых маневров. Бот перетащили на Просяной пруд, но и там воды не было достаточно. Кто-то указал Петру ближайшую к Москве большую водную гладь — Плещеево озеро под Переславлем, простиравшееся на десять верст в длину и пять в ширину. Царь решил как можно скорее поехать туда.

Чтобы отпроситься у матери, юноше необходим был благовидный предлог. Петр сослался на необходимость похода на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда поехал со своими голландскими приятелями на Плещеево озеро, очень ему понравившееся. Последовало распоряжение расчистить здесь место для верфи и пристани и начать строительство кораблей.

Петру тогда исполнилось шестнадцать. В канун своих именин он вернулся в Москву и принялся упрашивать мать, чтобы она отпустила его пожить в Переславле. Наталья Кирилловна долго не решалась: где это видано, чтобы царь проводил время в уездном городишке? Но сын не отставал, и в конце концов царица согласилась отпустить его при условии, что свои именины он отметит в Москве. Нетерпеливый молодой человек едва мог дождаться окончания праздника и на другой день, 30 июня 1688 года, уже скакал в Переславль с Карштеном Брандтом и другими своими друзьями.

На озере начались заготовка леса, гвоздей, скоб, парусины, канатов, смолы и пеньки, а затем строительство кораблей. Петр наладил процесс и вернулся в Москву, куда его настойчиво призывала матушка. Теперь можно было заняться сухопутными военными делами.

К Преображенскому полку прибавился Семеновский, размещенный в соседнем селе Семеновском, в двух верстах от Преображенского. Теперь начались уже настоящие многодневные военные маневры, в которых

полки будущей гвардии вели сражения со специально отобранными для этой цели стрелецкими полками. Это были уже не шуточные дела: порой случалось немало убитых и раненых. Но Петра подобные вещи, похоже, мало заботили — им двигала потребность созидания нового.

В Немецкой слободе

«Закатная заря осветила дрожащим розовым светом берега малой речки, тесно уставленной мельничками, и вдруг поодаль, над крутым обрывом, обрисовался милый немецкий городок: с белыми опрятными домиками, шпилем кирхи, зелеными садами, и даже блеснула гладь аккуратного пруда с фонтаном. Городок был как две капли воды похож на милый сердцу Фюрстенхоф, что стоял всего в полумиле к юго-востоку от отчего замка» — такой представилась Немецкая слобода герою романа Бориса Акунина «Алтын-толобас» Корнелиусу фон Дорну. Такой она и была — маленьким благоустроенным европейским местечком в центре огромной полуазиатской России.

Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах юный Петр впервые попал в Немецкую слободу. Вероятно, он был приглашен в гости к своему новому другу, полковнику Францу Лефорту, уроженцу Женевы, перешедшему на русскую службу. Они познакомились в критические дни решительного противостояния Петра и Софьи в августе 1689 года, когда Лефорт привел свой полк в Троице-Сергиев монастырь и заявил о своей поддержке молодого царя. Первым свидетельством расположения Петра к Лефорту стало присвоение тому чина генерал-майора 18 февраля 1690 года по случаю рождения у царя первенца, сына Алексея.

Впервые Петр посетил Лефорта и отобедал у него 3 сентября 1690 года. Небольшой дом на берегу Яузы, отделанный на французский манер с изяществом и даже некоторой роскошью, понравился царю. 16 октября он вновь приехал к обеду и пробыл в гостях до вечера, через девять дней еще раз, а затем посещения участились: Петр приезжал к новому другу 7 и 27 ноября, 7 и

8 декабря 1690 года, 7 января 1691-го[14], а в течение следующих полутора лет — почти еженедельно.

По отзыву князя Б. И. Куракина, «Лефорт был человек забавной и роскошной или назвать дебошан французской. И непрестанно давал у себя в доме обеды, супе (ужины. — *В. Н.*) и балы». «Фавор к Лефорту продолжался, — пишет далее известный русский дипломат, — токмо был для одних вечеринок и пиров, а в делах оный Лефорт силы не имел и не мешался, и правления никакого не имел, токмо имел чин адмирала и генерала от инфантерии. И понеже был человек слабого ума, то все управляли другие вместо его. Помянутой Лефорт и денно и нощно был в забавах, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебош с дамами и питье непрестанное, оттого и умер во время своих лет под пятьдесят»[15] (на самом деле Лефорт умер в марте 1699 года в возрасте сорока трех лет). Эта характеристика довольно пристрастна. Во-первых, Лефорт сыграл важнейшую роль в истории России, став инициатором Великого посольства и выполняя функции первого посла, то есть руководителя этой миссии; во-вторых, как неоднократно подчеркивали историки, он умер не от последствий разгульного образа жизни, а в результате повреждений, полученных при падении с лошади во время Азовского похода 1695 года[16].

Дом Франца Лефорта в Немецкой слободе стал центром разгульной жизни Петра. По воспоминаниям очевидцев, «тут началось дебошство, пьянство так великое, что невозможно описать, что по три дни, запершись в том доме, бывали пьяны и что многим случалось оттого и умирать». Именно у Лефорта Петр познакомился с Анной Монс, которая стала его любовницей на многие годы.

Знакомство с иностранцами не ограничивалось только бурными развлечениями, оно способствовало расширению кругозора молодого царя, стимулировало его интеллектуальное развитие. Швейцарец Франц Лефорт, шотландцы Патрик Гордон и Яков Брюс и другие обитатели Немецкой слободы были его наставниками в различных областях. С их помощью Петр хорошо изучил немецкий язык и в разной степени освоил голланд-

ский, английский и французский. В слободе царь научился танцам, фехтованию, изящной верховой езде[17]. Можно сказать, что дом Лефорта стал для Петра первым островком будущей европейской России.

Глава вторая

В чужих краях

Великое посольство

До Петра I огромная Россия оставалась «вещью в себе». Пышные русские посольства иногда посещали чужие страны, поражая королевские дворы своим азиатским великолепием, но ни о каком проникновении русских в «еретическую» Западную Европу речь идти не могла. Великий реформатор разрушил этот «железный занавес», провозгласив принцип «Учиться у Европы!». За границу хлынул поток русских путешественников, волонтеров, студентов и гардемаринов. Одни ехали добровольно и с большой охотой, проявляя смекалку и любознательность; других государь силой сдергивал с насиженных мест и посылал в неведомые страны, столь непохожие на родную дремотную Россию. Так или иначе, всем им приходилось жить, работать и учиться в чужих краях, проникаясь европейской культурой, усваивая нормы западного «политеса» и расширяя свои представления об окружающем мире.

Мощным прорывом Петра I и его окружения в Европу стало знаменитое Великое посольство 1697—1698 годов, посетившее прусский Кёнигсберг, Курляндию, Голландию, Англию и австрийскую Вену. 5 декабря 1696 года в Посольском приказе было объявлено, что «государь указал для своих великих государственных дел послать в окрестные государства, к цесарю, к королям Английскому и Датскому, к папе Римскому, к Голландским штатам, к курфюрсту Бранденбургскому и в Венецию великих и полномочных послов: генерала и адмирала, наместника Новгородского Франца Яковлевича Лефорта, генерала и воинского комиссария, наместника Сибирского Федора Алексеевича Головина и думного

дьяка, наместника Болховского Прокопия Богдановича Возницына, с верющими полномочными грамотами для подтверждения... дружбы и любви для общих всему христианству дел, к ослаблению врагов креста Господня, салтана Турского, хана Крымского и вящему приращению государей христианских»[18]. Однако посольство решало не только дипломатические задачи: Петр составил для него собственноручную инструкцию, в которой говорилось о «приискании» за границей для русской службы искусных морских офицеров, боцманов, штурманов и матросов, о найме корабельных мастеров, о покупке оружия для русской армии и различных материалов и инструментов для флота. Петр I решил принять личное участие в путешествии; ему хотелось побывать везде, кроме Франции, потому что Людовик XIV поддерживал турок и стремился посадить на польский престол своего ставленника.

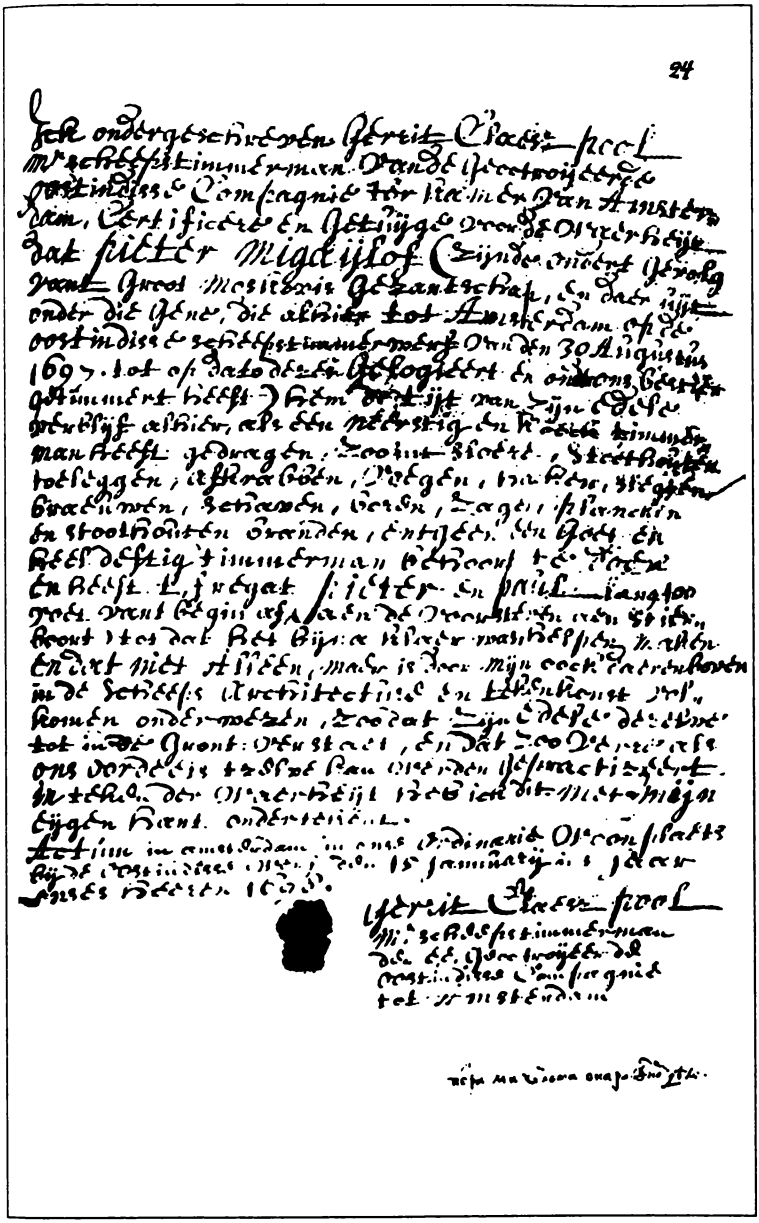
Громкие титулы наместников (по европейским понятиям — вице-королей) на самом деле ничего не значили, они нужны были только для придания большей весомости этой важной российской миссии. Реальное значение трех великих послов различалось: первым из них был Лефорт, что видно из размеров его жалованья — 3920 рублей; Головину положили три тысячи рублей, Возницыну — 1650 рублей. Разнились и количество выданных послам припасов, и число дворян и слуг, составлявших их личные свиты: к Лефорту были приписаны 70 человек, к Головину — 20, к Возницыну — десять. Персонал посольства состоял из трех переводчиков, учителя верховой езды, четырех камергеров, докторов, хирургов, поваров, священников, ювелиров, шести трубачей, множества слуг; семидесяти солдат Преображенского полка, отобранных за высокий рост; четырех карликов и торговца — ему поручено было охранять очень дорогую партию собольего меха, продажа которого должна была покрыть расходы на пребывание посольства за границей в случае, если не хватит взятых с собой бриллиантов и золота. Путешественники запаслись переводными векселями, а также продовольствием, в том числе мукой, семгой, икрой, медом и водкой в больших бочонках[19]. Ре-

альным руководителем Великого посольства являлся Петр I, путешествовавший инкогнито под именем дворянина Петра Михайлова.

К посольской свите были прикомандированы 35 волонтеров, отправленных в заграничное путешествие с целью изучать кораблестроение и мореходство. Они составили особый отряд, разделенный на три десятка, под общим начальством командора князя Черкасского. Десятником первого десятка был Гавриил Кобылин, второго — Петр Михайлов (то есть царь), третьего — Федор Плещеев. Основную часть волонтеров составили бомбардиры Преображенского полка, которые прежде участвовали во всех воинских потехах и походах Петра. Они вместе с ним строили суда на Плещееве озере, работали в Архангельске и Воронеже, воевали под Азовом, где отличились героизмом во время приступа. В числе волонтеров-преображенцев особенно выделялись двое наиболее близких к Петру людей — А. Д. Меншиков и А. В. Кикин. Вместе с этими испытанными соратниками молодого царя ехали маленький сын князя Голицына, два сына Головина, Нарышкин и имеретинский царевич Александр Арчилович.

Второго марта 1697 года в путь отправился передовой отряд посольства с «соболиной казной» и другими припасами. Через неделю, после прощального пира с основательной попойкой и дебошем в доме Лефорта, посольство в полном составе выехало из Москвы. Первая ночь на пути в Европу была проведена в селе Никольском. Утром путешественники простились с провожатыми и почти на тысяче саней отправились по заснеженным дорогам в Тверь, а оттуда через Новгород и Псков к границе шведской Лифляндии (на территории современной Латвии), куда прибыли 25 марта. Как отметил Анри Труайя, «зловещий пейзаж, разбитый порывами ветра и дождем, постоялые дворы и каморки с клопами не могли испортить веселое настроение Петра»[20]. Оно омрачилось только после приезда в Ригу — столицу шведской Ливонии.

Посольство вступило в город, где его ждала торжественная встреча с музыкой, пушечной пальбой, приветственными речами и почетным караулом, 31 марта.



Паспорт, оформленный в 1697 году на имя Петра Михайлова на выезд в составе Великого посольства

Петр I наблюдал эту церемонию как рядовой волонтер, по возможности сохраняя инкогнито. Он остался вполне доволен первыми днями, проведенными на берегах Балтийского моря. «Приняты господа послы с великою честию», — сообщил он в письме своему другу Андрею Виниусу (младшему). В конце марта на Двине начался ледоход, и река широко разлилась, что задержало русское посольство более чем на неделю, вопреки первоначальному намерению Петра тронуться в путь как можно раньше. В течение девяти дней вынужденного бездействия государь и его спутники имели много случаев убедиться, что шведы и лифляндцы вовсе не так гостеприимны, как им показалось вначале. Миссию, которую подобало разместить во дворце, расселили по простым домам. «Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением», — с негодованием писал царь Виниусу. Посольство не получало от местных властей ни еды, ни фуража, ни денег для покупки самого необходимого. Напротив, пришлось дорого платить за постой, продовольствие и переправу через Двину. Для покрытия неожиданно больших расходов путешественники вынуждены были за бесценок продать сани, на которых выехали из Москвы. Вместо них были приобретены кареты, повозки и телеги для багажа. Впрочем, нарекания царя и его спутников в адрес лифляндского губернатора Эриха Дальберга не вполне справедливы: в Лифляндии тогда свирепствовал голод, и местным властям было трудно поставлять необходимое число лошадей и экипажей для 250 человек. Кроме того, со стороны русского правительства не было сделано своевременного извещения о точном времени путешествия и числе едущих[21].

Наконец, 8 апреля негодующий Петр в сопровождении самых близких лиц покинул негостеприимную Ригу. Через два дня тронулись в путь великие послы со своей свитой. Путь их лежал в Митаву ко двору курляндского герцога Фридриха Казимира, где их ожидали роскошные приемы, изобильные пиры, торжественная аудиенция. Посольство находилось на полном обеспечении и ни в чем не испытывало недостатка: митавские власти охотно выдавали деньги на наем жилых домов и

других необходимых помещений, а также на приобретение съестных припасов и напитков. Особенно много средств тратилось на вино и водку.

Курляндский герцог и Франц Лефорт оказались давними приятелями: в молодости они вместе состояли на голландской службе и бок о бок сражались против французов. Бравый Франц Яковлевич очень приглянулся местной знати. Курляндский барон Бломберг, справедливо называя его фаворитом Петра I, писал в мемуарах: «Я нашел, что фаворит — человек очень разумный, приветливый и привлекательный... это настоящий швейцарец по чести и храбрости и особенно по умению выпить. Однако он никогда не дает вину одолеть себя и всегда сохраняет обладание рассудком... Он старается сообщить своему господину благородные чувства и внушить ему смелые, обширные и великие планы». Бломберг донес до нас яркие детали пребывания русского посольства в Митаве: «Везде для них держали открытый стол и развлекали их музыкой и игрой на трубах. Повсюду это были пиры, на которых чрезмерно пили, как будто его царское величество был вторым Бахусом. Я никогда не видел таких питухов... Несомненно, эти излишества воспрепятствуют успехам замыслов, ради которых предпринято путешествие»[22].

Вследствие непогоды царь был вынужден задержаться в Митаве на несколько дней. Скрывая нетерпение, он ходил по кабакам и пил вместе с портовыми моряками, принявшими его за русского капитана, которому царем было поручено вооружить корсарский корабль[23].

Первую большую остановку Великое посольство сделало в курфюршестве Бранденбург (в 1701 году стало Прусским королевством). 20 апреля Петр I покинул Митаву, чтобы морем отправиться во владения курфюрста, в Кёнигсберг. Посольство двинулось туда же сухим путем. Маршрут русского государя лежал через курляндский порт Либаву, где он был вынужден задержаться из-за непогоды на неделю. За это время он осмотрел все достопримечательности города и окрестностей. В одной частной аптеке его внимание привлекла заспиртованная саламандра. О знакомстве с этим невиданным экспонатом царь с восторгом рассказывал в письме Ви-

ниусу: «...сулемандра в стеклянице, в спирту, которую я вынимал и на руках держал»[24].

Второго мая купеческое судно «Святой Георгий» с русскими путешественниками на борту (Петра сопровождали волонтеры, а также солдаты охраны) отплыло из Либавы в Кёнигсберг. Приятная морская прогулка заняла три дня, и 5 мая корабль бросил якорь на рейде Пилау — порта и крепости бранденбургского курфюрста Фридриха III. Через два дня царь и сопровождавшие его лица прибыли в Кёнигсберг. Курфюрст немедленно послал своего церемониймейстера приветствовать «высокую персону». Первая тайная встреча царя и курфюрста состоялась 9 мая около десяти часов вечера. Они провели в дружеской беседе довольно много времени. Поскольку Петр хорошо говорил по-немецки, переводчик не понадобился, и два государя могли общаться с глазу на глаз. Царь от души поблагодарил Фридриха за присланных им в Россию офицеров-артиллеристов, которые оказались весьма полезны под стенами Азова.

В ожидании прибытия посольства Петр I совершенствовался в «бомбардирном искусстве». Его учителем был главный артиллерист и инженер Пруссии подполковник Штейтнер фон Штернфельд, который выдал своему державному ученику аттестат на имя «московского кавалера» Петра Михайлова, отметив, что тот выказал «высокопохвальное рвение... не только в теории науки, но и в практике; в том и другом случае в непродолжительное время к общему изумлению он такие оказал успехи и такие приобрел сведения, что везде за исправного, осторожного, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может»[25].

Между тем к Кёнигсбергу приближались великие послы со свитой. 18 мая они торжественно въехали в город. Великолепная церемония приема русского посольства, устроенная курфюрстом в стиле версальского двора, состояла из семнадцати отделений и поражала пышностью и блеском. По улицам маршировали полки прусской гвардии в красных и зеленых мундирах, ехали десятки карет, запряженных цугом по четыре и шесть лошадей, за ними шли трубачи и литаврщики, играв-

шие марши; за музыкантами следовали придворные чины и кавалеры в роскошных камзолах*, блиставших серебряным шитьем, галунами**, лентами и перьями. Город встречал русских послов орудийным салютом. Царь и курфюрст с большим удовольствием наблюдали за действом через высокие окна кёнигсбергского замка.

Официальный прием посольства Фридрихом III состоялся 21 мая. Курфюрст с трудом удержался от смеха, когда послы известили его, что русский царь в момент их отъезда из Москвы «в полном здравии пребывал», поскольку уже в течение двенадцати дней встречался с Петром I. После торжественных речей с обеих сторон члены посольской свиты преподнесли курфюрсту дорогие подарки, в основном собольи и горностаевые меха. Церемониймейстер прусского двора Бессер сообщает любопытные детали этой аудиенции. Великие послы были в русской одежде, и даже швейцарец Лефорт облачился в длиннополое боярское платье. Многочисленная посольская свита с трудом уместилась в аудиенц-зале, и из-за тесноты «послы едва могли сделать два первых поклона»[26].

Затем начались сложные переговоры о заключении российско-бранденбургского договора о дружбе. Профессор Потсдамского университета Сергей Хенке тонко передал ситуацию обсуждения условий этого документа: «...переговоры не были лишены известной театральности: <в ответ> на домогания хозяев посланники Москвы ссылались на недостаточные полномочия и не скупились на обещания по возвращении домой незамедлительно информировать обо всем государя. Скрываясь под именем унтер-офицера Михайлова, Петр наблюдал за ходом переговоров, стараясь по мере сил не выдать себя предательской ухмылкой»[27].

В дальнейшем Петра I и великих послов ожидали ежедневные увеселения. 24 мая для них был устроен великолепный фейерверк из множества горящих фигур, в числе которых был двуглавый орел с надписью по-ла-

* Камзол (от ит. *camiciola* — рубашка) — деталь мужского костюма, куртка с рукавами или без рукавов, надевавшаяся под кафтан.

** Галун (позумент) — золотая, серебряная или мишурная (медная, оловянная) тесьма узорного ткачества или кружевного плетения для отделки одежды и шляп.

тыни: «Виват царь и великий князь Петр Алексеевич». На дворцовый пруд были спущены огромные плоты, на которых сооружена триумфальная арка с московским гербом — святым Георгием Победоносцем. Еще одна композиция на воде изображала русский флот под Азовом. Красочное зрелище сопровождалось пушечными выстрелами, звуками труб и литавр. На другой день царь и послы участвовали в «звериной травле» в лесу под Кёнигсбергом, а 27 мая они были приглашены в загородную резиденцию курфюрста Фридрихсгоф.

Второго июня состоялась прощальная аудиенция у Фридриха III, закончившаяся торжественным ужином под камерный оркестр. Через шесть дней Петр, послы и сопровождающие лица на предоставленных им судах отплыли по реке Прегель из Кёнигсберга в Пилау. На прощание руководители русской миссии получили ценные подарки, в том числе «курфюрстовы персоны», то есть усыпанные алмазами миниатюрные портреты Фридриха III. Во время плавания по реке яхта царя и послов сделала остановку в Фридрихсгофе, где в течение получасовой встречи царя и курфюрста удалось решить важный дипломатический вопрос. Поскольку Фридрих боялся заключать с русским государем письменный договор о союзе против своего соседа — шведского короля, Петр I предложил ему произнести словесную клятву с взаимным обещанием помогать друг другу против всех неприятелей, особенно против Швеции. В знак особого расположения царь тут же подарил курфюрсту очень дорогой рубин.

Петр I и посольство прибыли в Пилау — морские ворота Пруссии — 10 июня. Здесь русским путешественникам пришлось задержаться почти на три недели, во-первых, из-за незавершенности переговоров о союзе с Фридрихом III; во-вторых, из-за событий в Польше — там решался вопрос о выборе нового короля. Россия поддерживала одного из претендентов на польский престол, саксонского курфюрста Фридриха Августа, поскольку его сильный конкурент, французский принц де Конти, являлся активным сторонником союза Франции и Турции. Царь заявил во всеуслышание: «Я скорее увижу дьявола на троне, нежели Конте!»[28] Во время пребы-

вания в Пилау Петр I предпринимал серьезные усилия в пользу Фридриха Августа, отправив 12 июня польскому сейму ультимативное послание, в котором решительно заявлялось: «...мы такого короля французской и турецкой стороны видеть в Польше не желаем»[29]. Для подкрепления ультиматума к польской границе двинулась сорокатысячная армия под командованием киевского воеводы М. Г. Ромодановского. Принявший католичество Фридрих Август вступил в Польшу с двенадцатитысячным войском и был провозглашен польским королем под именем Августа I.

После благополучного решения этой сложнейшей политической задачи Петр I с сопровождавшими его волонтерами и телохранителями 30 июня отплыл на голландском галиоте из Пилау в Голландию. Вслед за ним на бранденбургском судне отправились великие послы со свитой, которая значительно уменьшилась: 49 дворян, солдат и служителей были отправлены через Нарву на родину. Царь намеревался достичь Западной Европы морским путем, однако из опасения встретить близ польских берегов французскую эскадру решено было высадиться в Кольберге. Путешественники двинулись дальше по владениям бранденбургского курфюрста. Петр ехал впереди посольства и нигде не задерживался ни на один день, даже Берлин с его достопримечательностями не был удостоен внимания русского монарха. Однако, несмотря на спешку, Петру и его спутникам необходимо было где-то ночевать в пути. Государь не планировал свой маршрут и останавливался где придется, не брезгуя самыми захудалыми гостиницами и постоялыми дворами. Но в маленьком ганноверском городке Коппенбрюгге его неожиданно встретили с герцогской роскошью. Дело в том, что с русским монархом захотели познакомиться две высокие особы: ганноверская курфюрстина София и приехавшая к ней дочь — бранденбургская курфюрстина София Шарлотта. Последняя была очень расстроена тем, что не смогла отправиться со своим мужем Фридрихом III из Берлина в Кёнигсберг, поскольку мечтала увидеть необычного русского царя. В Берлине их встреча опять не состоялась из-за спешки Петра, но София Шарлотта не желала сдаваться.

Она вместе с матерью отправилась по плохой дороге наперерез царю, в бедное ганноверское местечко Коппенбрюгге. Принцессы со своими свитами расположились в большом неудобном особняке и с нетерпением ожидали прибытия русского государя.

Он приехал около восьми часов вечера и остановился в крестьянском доме. К нему тотчас же явился камергер Софии Шарлотты и просил «пожаловать на ужин к их высочествам». Петр наотрез отказался — ему было неприятно служить предметом любопытства. Но настойчивые дамы посылали своих слуг одного за другим с новыми приглашениями, и через час старательных уговоров царь вынужден был уступить.

Петр с Лефортом, Головиным, Возницыным и несколькими приближенными вошел в дом с черного хода, не желая встречаться с любопытными ганноверскими придворными. Принцессы радостно встретили его в комнате перед столовым залом, но он сконфузился, закрыл лицо рукой и начал твердить: *Ich kann nicht sprechen* («Я не могу говорить»). Хозяйки постарались помочь царю преодолеть смущение: за ужином они усадили его между собой и беспрестанно с ним разговаривали, так что он постепенно включился в беседу. Как уже отмечалось, немецкий язык Петр знал хорошо, поэтому никаких препятствий в общении с курфюрстинами не было. Ему особенно понравилась живая и остроумная София Шарлотта, с которой в конце ужина он обменялся табакерками. Симпатия была взаимной; молодая хозяйка вечера на следующий день сообщила в письме подруге: «Я представляла себе его гримасы хуже, чем они на самом деле, и удержаться от некоторых из них не в его власти. Видно также, что его не выучили есть опрятно, но мне понравились его естественность и непринужденность»[30].

Когда русский государь вполне освоился, хорошенько выпил и развеселился, принцессы уговорили его позволить придворным войти в зал. Дамы и кавалеры заполнили помещение. После этого Петр начал вести себя как хозяин: приказал одному из своих приближенных встать у дверей и никого не выпускать, а сам велел принести большие стаканы, наполнил их вином и стал

угощать каждого придворного поочередно; мужчины вынуждены были выпивать по три-четыре стакана, а дамы по одному. Для принцесс было сделано исключение: они по просьбе Петра выпили с ним по московскому обычаю, стоя, по три стакана: за здоровье царя, бранденбургского курфюрста и свое собственное.

Затем принцессы приказали позвать итальянских певцов и певиц, которых специально привезли с собой для такого случая. Те начали исполнять арии и серенады. Петр слушал очень внимательно и собственноручно поднес стакан вина лучшему из певцов, но тут же заявил, что особой любви к музыке не испытывает.

— Может быть, вы больше любите охоту? — спросила София Шарлотта.

— Нет, отец мой был страстный охотник, но я к этой забаве не чувствую никакой склонности; но зато очень люблю плавать по морю, строить корабли и пускать фейерверки.

В подтверждение этих слов царь показал принцессам свои мозолистые и огрубевшие от работы ладони.

В половине одиннадцатого вечера принцессы захотели посмотреть русские пляски и попросили позвать пришедших с царем музыкантов, но Петр потребовал, чтобы София Шарлотта с матерью прежде показали ему, как танцуют они сами. Курфюрстины охотно согласились и открыли бал со своими придворными. После нескольких танцев настала очередь Петра и его друзей. Великолепный танцор Лефорт терпеливо объяснил немкам, какие нужно принимать позы и делать движения при русской пляске. Всё это очень понравилось принцессам, и бал с чередованием немецких танцев и русских плясок продолжался до четырех часов утра. Царь и его спутники ощущали под руками жесткие корсеты партнерш. Позже Петр в одном из писем удивлялся: «У этих немок необыкновенно жесткие спины». Чтобы развлечь принцесс, русский государь позвал из коридора своего шута-карлика, однако увлеченная танцами публика не обращала внимания на кривляния маленького человечка. Тогда царь взял метлу и выгнал его из зала[31]. Петр был очень весел и любезен. Он проявил внимание к детям Софии Шарлотты: потаскал за уши и

поцеловал десятилетнюю принцессу Софию Доротею, которой суждено было стать матерью прусского короля Фридриха Великого, и ее маленького брата Георга, впоследствии английского короля.

Петр I выехал из Коппенбрюгге вместе с великими послами, но у реки Липпе отделился от основной группы русских путешественников и с восемнадцатью волонтерами поплыл на лодке к Рейну, а по нему добрался до Голландии. Там он по каналам и по рукаву Рейна отправился к Саардаму — маленькому городу на побережье, к северо-западу от Амстердама. Саардам в то время являлся центром (конечно, не самым крупным) кораблестроения. На его верфях ежемесячно спускалось на воду несколько судов различного водоизмещения. Этот городок был известен Петру по рассказам саардамских голландцев, живших в московской Немецкой слободе.

Царь отправил большую часть своих спутников-волонтеров в Амстердам, взяв с собой только шестерых, в том числе царевича Александра Имеретинского, Александра и Гавриила Меншиковых, вместе с которыми поплыл к Саардаму на лодке. На рассвете 8 августа он достиг одного из предместий городка, где вдруг заметил на встречной лодке своего старого знакомого, саардамского кузнеца Геррита Киста, несколькими годами ранее работавшего по контракту с русским правительством в Москве и Воронеже, а в этот воскресный день ловившего рыбу на реке. Петр окликнул его. Кист остолбенел от удивления, увидев перед собой московского царя в одежде голландского плотника: красной фризовой куртке, белых холщовых шароварах и с круглой клеенчатой шляпой на голове.

— Ну, товарищ Кист, — сказал Петр, — прошу тебя дать мне у себя в доме квартиру!

— Царь, я беден, жить тебе в моей лачуге не пристало, да и свободной комнаты у меня нет.

— Всё равно, отдай мне чулан какой-нибудь. Неужели ты один занимаешь весь дом?

— Что у меня за дом? Просто хижина: в одной половине я сам живу с женой, а в задней половине живет у меня вдова поденщика.

Однако царь не отставал; он настаивал на том, чтобы Кист выселил жиличку и отдал занимаемое ею помещение ему со спутниками, причем немедленно заплатил довольно большой задаток. Кузнец бросился домой и за семь гульденов уговорил вдову очистить квартиру.

У Киста был простой деревянный дом в два окна, разделенный перегородкой на две половины при входе в сени, где хранились рабочие инструменты. В каморке Петра I находились печь, двустворчатый шкаф и матрас, лежащий в стенном алькове. Слуг не было, царь должен был самостоятельно застилать постель и готовить себе еду. Дом Киста находился в самой уединенной части Саардама, что очень нравилось Петру, озабоченному сохранением своего инкогнито.

В понедельник государь с первыми лучами солнца отправился в лавку, где купил себе одежду местного лодочника: красную рубашку, камзол без воротника с большими пуговицами, широкие штаны и фетровую шляпу конической формы. Затем он приобрел плотницкие инструменты и в то же утро записался под именем Петра Михайлова плотником на корабельную верфь Линста Рогге. Ежедневно на рассвете он отправлялся на работу и трудился без отдыха до полудня, затем обедал в какой-нибудь гостинице или харчевне, а иногда ходил в гости к семье какого-нибудь саардамского корабельного плотника, работавшего в то время в России. Легенды о визитах русского государя в эти бедные дома до сих пор сохраняются в Саардаме. У одной старухи он выпил стакан вина, у другой пообедал. Еще одна женщина сама пришла к нему, чтобы расспросить о своем муже.

— Он хороший и прилежный мастер, — рассказывал Петр, — я хорошо его знаю, потому что рядом с ним строил корабль.

— Разве ты тоже плотник? — недоверчиво спросила голландка.

— Да, я плотник, — ответил царь.

Петр часто заходил к вдове умершего в Москве искусного корабельного мастера Клааса Муша. Незадолго до приезда в Саардам удивительного русского плотника она получила от московского царя подарок в 500 гуль-

денов, поэтому попросила гостя при случае поблагодарить его за оказанную помощь. Петр пообещал слово в слово передать государю благодарность вдовы и охотно остался у нее обедать[32].

В свободное от работы время державный плотник осматривал саардамские мануфактуры и мастерские. Он старался вникать в мельчайшие детали производства и приставал к мастерам с вопросами, на которые они не всегда могли ответить. Тогда они грубо выгоняли навязчивого и любопытного русского. Нередко Петр просил разрешения выполнить какую-нибудь операцию и с ходу улавливал все тонкости производственного процесса. Однажды на бумажном предприятии Коха он долго приглядывался к приемам мастера-черпальщика и наконец захотел проделать то же самое. Он взял форму, зачерпнул из чана необходимое количество бумажной массы, вытряхнул ее с черпака и выдал превосходный лист без малейшего изъяна. Мастер похвалил его за ловкость, а Петр в ответ подарил ему талер* на водку. Столь же внимательно царь осматривал лесопильни, маслобойни, сукновальни и другие маленькие предприятия, разбросанные повсюду в деревнях. А по вечерам у него оставалось время для самого любимого занятия — катания по морю на буере, который он купил за 40 гульденов на другой день по приезде в Саардам. Иногда эти плавания были особенно приятны. Современник сообщает в письме: «Царь встретил в Заандаме поселянку, пришедшуюся ему по вкусу, и к ней он отправился один на своем судне, чтобы предаться любви в дни отдыха, по примеру Геркулеса»[33].

Голландский купец Ноомен рассказал в своих записках о происшествии, случившемся 9 или 10 августа 1697 года. По дороге домой с верфи Петр I купил себе

*Талер (иоахимсталер, от названия города Иоахимсталь в Богемии) — большая серебряная монета, чеканившаяся с конца XV века из серебра 937-й пробы, весом в 29,232 грамма, оставшаяся стандартом для европейских серебряных монет на протяжении четырехсот лет. Название талера сохранилось в измененной форме в названиях денежных единиц: в англосаксонских странах — доллар, в скандинавских — далер, в Голландии — даэльдери т. д. Некоторые европейские страны выпускали серебряные монеты типа талера под местными названиями: Испания — песо, пиастр, Франция — экю, Англия — корону, Россия — рубль.

сливы, положил их в шляпу и ел на ходу. На плотине к нему пристала толпа мальчишек, которых он угостил сливами. Всем, конечно, не хватило, и обделенные принялись бросаться гнилыми яблоками, грушами и камнями; булыжник угодил царю в спину, а комок земли с пучком травы — в голову. Петр, оторвавшись от преследования, спрятался в гостинице «Три Лебедя»; он был очень рассержен и приказал тотчас позвать бургомистра, которому пожаловался на нападение. На другой день члены саардамской управы обнародовали распоряжение: «Бургомистры, к своему сожалению, узнали, что дерзкие мальчишки осмелились бросать грязью и каменьями в знатных чужестранцев, которые у нас гостят и хотят быть неизвестными; мы строжайше запрещаем такого рода своевольство под опасением жестокого наказания». Тогда же на мосту по пути следования Петра от верфи до дома поставили караул с приказанием не позволять народу толпиться и надоедать русскому путешественнику[34]. Так инкогнито русского царя было, по сути, раскрыто.

Несмотря на одежду и жилище мастерового, Петру не удалось затеряться среди городского люда. Верный данному слову Кист хранил тайну и на расспросы соседей твердо отвечал, что в его доме живет простой плотник. Однако его жена с досадой воскликнула: «Терпеть не могу, когда ты говоришь неправду!» Пребывание в Саардаме становилось для Петра невыносимым; из-за небывалого скопления людей он даже вынужден был отказаться от приглашения присутствовать при спуске на воду построенного корабля.

Пятнадцатого августа Петр I собрался в Амстердам, куда на другой день должно было вступить Великое посольство. Государь хотел отправиться в путь на буере, но добраться до него оказалось нелегко: на улицах города, по свидетельству очевидца, «было многолюднее, чем на ярмарке»[35]. Судно удалось немного приблизить к дому Киста, после чего царь рискнул покинуть свое жилище и с большим трудом, расталкивая толпу, пробрался к буеру. Несмотря на сильный ветер, он поднял паруса и через три часа был в Амстердаме, где остановился в гостинице «Геррен-Ложенмен», отведенной властями города посольству в качестве резиденции.

На следующий день великие послы с многочисленной свитой въехали в главный город провинции Северная Голландия, приветствуемые огромной толпой. Петр участвовал в торжественном шествии в группе волонтеров. Яркую картину посольского въезда нарисовал на основании голландских источников Анри Труайя: «Шумная толпа теснилась по ходу кортежа, восхищаясь послами, одетыми в шикарные одежды, расшитые золотом, жемчугами и бриллиантами, проезжающими в пышных каретах. Двадцать четыре гайдука несли серебряные топорики и кривые турецкие сабли, придворные лакеи в ярко-красных ливреях, и в последней карете ехал нелюдимый гигант, одетый в военное платье, о котором все говорили, что это царь. Городские власти отдавали ему почести»[36]. Правительство Соединенных провинций не поскупилось на расходы по приему и содержанию огромного русского посольства, выделив сверх обычной суммы 100 тысяч гульденов. В тот же день царь познакомился с бургомистром Амстердама Николаем Витсеном — большим знатоком российской географии и истории (при царе Алексее Михайловиче он около года пробыл в России в составе голландского посольства), а также специалистом в области судостроения. Петр I прежде был заочно знаком с Витсеном, поскольку у них имелись общие друзья — Виниус и Лефорт. Бургомистр, прекрасно владевший русским языком, получил от своего правительства задание опекать российское посольство.

Весь день 17 августа царь и послы были заняты осмотром многочисленных достопримечательностей Амстердама. Они посетили ратушу, благотворительные и исправительные учреждения, а вечером в роскошных каретах отправились в театр в сопровождении высших чиновников, конной гвардии и пажей. В отчете посольства отмечено, что на театральной сцене русским путешественникам были «показаны многие бои, и устрашения адския, и дивные танцы, и иные утешные вещи и перспективы». Во время представления и в антракте гостей «потчевали прилежно» фруктами и сладостями[37]. На следующий день Петр и послы осматривали склады и верфи Ост-Индской компании. А 19 августа городс-

кие власти давали в честь посольства торжественный обед с последующим фейерверком, начавшимся около девяти часов вечера и продолжавшимся 40 минут. Зрелище привлекло огромное количество местной публики; в некоторых местах ограждения каналов и мостов не выдержали напора толпы, из-за чего многие попадали в воду.

Как только погасли последние огни, Петр заявил о своем намерении немедленно вернуться в Саардам, чтобы забрать свои вещи и инструменты. Дело в том, что наутро царь твердо решил продолжить свои плотницкие занятия на верфи Ост-Индской компании в Амстердаме. Ни Витсен, ни послы не смогли отговорить его от ночной поездки. Пришлось посылать в ратушу за ключами, чтобы открыть запираемые на ночь шлюзы.

В 11 часов Петр вышел на своем буере в залив, а в час пополуночи был уже в Саардаме. Подняв с постели своего хозяина, царь довольно скупо с ним расплатился, а затем уложил вещи, отдохнул несколько минут и отправился в обратный путь. Рано утром Петр был уже на верфи, где ему предстояло и работать более четырех месяцев. На другой день его посетили великие послы, по случаю новоселья была устроена дружеская пирушка. А затем начался ежедневный упорный труд царя и его друзей на ниве судостроения.

Между тем русского государя ждала большая радость: в воскресенье 22 августа власти Амстердама организовали в заливе «примерное сражение» двух эскадр, состоявших из сорока легких судов. Петр вступил в командование одним из буеров и оказался на высоте в этом «потешном» морском бою.

Почти через три недели после начала работы Петра I на верфи в Амстердаме, 9 сентября, произошла закладка фрегата «Петр и Павел». Под руководством корабельного мастера Клааса Поля вместе с царем трудились десять русских волонтеров, в том числе Александр Меншиков и Александр Кикин. Остальные волонтеры занимались мачтовым, блочным и другими делами. В процессе возведения фрегата Петр с топором в руках усвоил все необходимые навыки корабельного плотника, а также изучил «корабельную архитектуру и черчение планов».

В свободное от плотницкой работы время он успевал осматривать коллекции минералов, монет, оружия, археологических находок, встречался с выдающимися голландскими учеными, инженерами, коллекционерами. А по вечерам он отправлялся в какой-нибудь герберг*, где заказывал себе кружку пива или стакан джина, закуривал глиняную трубку и на хорошо знакомом ему голландском языке заводил беседы с корабельными плотниками, кузнецами и матросами. Иногда он заходил в гости к кому-либо из товарищей по работе и просиживал за пивом по два-три часа[38].

В числе местных достопримечательностей, осмотренных царем и волонтерами во время пребывания в Амстердаме, были и живые люди. Неизвестный участник Великого посольства отметил в своем дневнике поразившее его зрелище: «Видел мужика безрукого, который в карты играл, из пищали стрелял и набивал, сам у себя бороду брил; поставит на столе на самой край стул и под стул поставит рюмку; станет на стул ногами и нагняся достанет зубами рюмку, со шпагами танцовал, в стену бросал шпагою зело прытко, ногою писал»[39]. Тот же русский путешественник описал свое посещение ратуши, синагоги, квакерской церкви, сумасшедшего дома и зверинца, где «видел ворона, тремя языками говорит». Особое впечатление на него произвели визиты в бордели: «В Амстердаме устроены дома, где собираются всякой вечер девицы изрядные, по 20 и по 15 в числе, есть красавицы. И музыка непрестанно играет. Кто охотник, танцует, а кто девицу любит, взяв за руку, идет в особую камеру или к ней в дом и ночует с нею без всякого опасения, потому что нарочно устроено, и пошлину платят в ратушу»[40].

Вскоре посольству пришлось на время оставить Амстердам, чтобы отправиться в Гаагу, где оно должно было получить аудиенцию. По дороге царь раз двадцать приказывал остановить повозку, чтобы измерить мост, посетить ветряную мельницу, поговорить с рабочими на лесопильном заводе. Тот же участник посольства отметил детали поездки: «Из Амстердама приехали в Гагу сентября 15-го числа. Встреча была за две версты до го-

*Герберг (нем. *Herberge*) — постоялый двор.

рода, два человека, под нас 50 карет о 6 конях, а сидели по два человека. Я сидел с кн. Алексеем Голицыным. А как приехали в город, на посольской двор, 2 человека... поздравляли посольское величество с приездом»[41].

В Гааге Петр I отказался жить в приготовленной для него роскошной комнате, а вместо этого отправился в бедную гостиницу «Старый Делен», где один из его слуг уже спал в углу на медвежьей шкуре. Государь разбудил его пинком ноги: «Пусти меня на свое место!» Присутствовавшие при этом уполномоченные Генеральных штатов обменялись удрученными взглядами[42].

Переговоры Великого посольства с голландским правительством об оказании помощи России в войне с Турцией завершились безрезультатно: Нидерланды боялись испортить отношения с Францией, с которой только недавно заключили мир. 8 октября после трех конференций Лефорт известил Петра о тщетности всех дипломатических усилий российской стороны. Исковерканные русские слова написаны в письме латинскими буквами: «Конференци, можно быть, еще одна на тум недели будет, и отпуск нашу. Будет ли добра, Бог знат: ани не хотят ничаво дать»[43].

Тем временем Петр Алексеевич бродил по Гааге, пытаясь узнать как можно больше, но без какого-либо плана. Он посещал стройки, смотрел на вернувшихся из Гренландии китобоев, немного поучился книгопечатанию, посетил курсы анатомии профессора Рюйша. Именно в Гааге царь заразился своей знаменитой страстью к удалению зубов. Он очень быстро получил от местных дантистов элементарные познания в этой области и купил себе все необходимые инструменты, а затем тщательно осмотрел рты всех 250 членов посольской свиты, немилосердно вырывая зубы, которые в меру своих поверхностных знаний считал нездоровыми. Рев несчастных его не останавливал, зато прошедшим эту экзекуцию можно было надеяться на повышение по службе и даже на дружбу с царем[44].

После завершения своей официальной миссии, 21 октября 1697 года, посольство вернулось в Амстердам. С этого времени оно утратило статус дипломатического представительства, и Генеральные штаты пере-

стали ассигновывать деньги на его содержание. Теперь расходы на стол, жилье, отопление и освещение, содержание конюшни и экипажей русские должны были оплачивать из собственных средств. Впрочем, про Петра I местные власти всё же не забывали: под конец пребывания в Голландии он был приглашен на еще одну церемонию — казнь преступников. В те времена это считалось увлекательным зрелищем, и для представителей высшего круга сооружались специальные трибуны[45].

Великие послы после завершения переговоров с голландским правительством получили возможность сменить московское платье на иноземные костюмы. Второй посол Ф. А. Головин обрядился в камзол и кафтан из парчи, отделанные кружевами, надел тонкое белье, шею украсил кружевным галстуком, на плечи накинул плащ из красного дорогого сукна. На голове — длинный «кавалерский» парик и широкополая фетровая шляпа с перьями, на ногах — изящные туфли с пряжками, отделанными изумрудами. К позолоченному поясу была привешена шпага — необходимая принадлежность дворянского костюма того времени. В Голландии Головин успел пристраститься к европейской кухне, поэтому отправил из Амстердама в Архангельск «запасов и питий» на 391 ефимок (иоахимсталеры тогда шли по курсу 50 копеек). Известно, что им было припасено восемь бочек питья. Кроме того, он отослал на родину восемь сундуков и 25 ящиков с одеждой и различными предметами, в числе которых были карманные и «столовые» (очевидно, напольные) часы, фарфоровый сервиз, два серебряных ковчежца для образов[46]. Петр I тоже приобрел новые для России товары: расписную посуду из Делфта, французские шпалеры, китайские фарфоровые сосуды и экзотические фрукты; купленную мартышку он повсюду носил на плече[47].

Пребывание посольства в Голландии заканчивалось, пора было ехать в Англию. Петр I заранее послал туда своего друга Адама Вейде, который должен был подготовить всё необходимое. 26 декабря 1697 года тот вернулся в Амстердам с кораблями «под волонтеров». Для отбывавших в английскую землю шестнадцати добровольцев и одиннадцати человек слуг и охраны срочно

шилась новая одежда и закупались шляпы, шпаги, парики, галстуки, трости, а также, ввиду наступивших холодов, шубы.

После прощального обеда у Лефорта царь со спутниками 7 января 1698 года отбыл к британским берегам. В числе прочих с ним были Александр Меншиков и Яков Брюс, только что прибывший из Москвы в Амстердам с изуродованным лицом — за время отсутствия государя в России он успел побывать в застенках князя Ф. Ю. Ромодановского. «Зверь, — негодовал Петр в письме князю-кесарю, — долго ль тебе людей жечь? И сюды раненные от вас приехали». В ответном послании Ромодановский неуклюже пытался оправдаться: «А что Яков Брюс донес, будто от меня руку обжег, и то зделалось пьянством его, а не от меня»[48]. В личную свиту царя для путешествия в Англию вошли имеретинский царевич Александр, первый русский доктор медицины Петр Постников, будущий вице-канцлер Петр Шафиров, корабельный юнга, уроженец Португалии Антон Девиер — будущий генерал-полицеймейстер Санкт-Петербурга, пять корабелов, придворный шут Шанский, лекари и повара. Яхты русских путешественников плыли по каналам через Лейден и Делфт; обсаженные липами берега радовали глаз. В одном месте царь даже сошел с яхты и зашагал пешком по берегу — так были «дороги водяные и другие проспекты... красивы и веселы»[49]. Во время плавания Петр, одетый на манер голландских матросов, с интересом обследовал корабль и даже лазил на мачту. Пояснения любознательному путешественнику давал английский вице-адмирал Митчел.

Яхты вошли в Темзу 11 января и встали на якорь ниже Тауэра. При пересадке на гребные суда царь отказался сесть в специально присланную королевскую лодку и воспользовался баркой, предназначенной для перевозки багажа. По прибытии на место он, никем не замеченный, быстро прошел в один из трех домиков, арендованных Вейде для русских постояльцев. Уступая чудачествам гостя, король Вильгельм III через три дня посетил его запросто, в сопровождении всего нескольких лиц. Он едва не задохнулся от спертого воздуха и, несмотря на холод, любезно попросил открыть

окно. Несколько дней спустя Петр нанес ответный визит в Кенсингтонский дворец. Затем он осмотрел Академию наук, Оксфордский университет, Виндзорский замок, арсенал Вулвича, Монетный двор, которым в то время управлял Исаак Ньютон, обсерваторию, мануфактуру по производству гробов, оружейные мастерские, верфи и доки. Он также тайно присутствовал на заседании палаты лордов британского парламента, следя из соседней комнаты через слуховое окно за дебатами, смысл которых ему излагал переводчик[50].

Среди достопримечательностей, вызвавших немалое удивление царя и волонтеров, была женщина-великан, с которой они познакомились 9 марта. Запись в «Походном журнале 1698 года» гласит: «Была у нас великая женщина после обеда, которая протянула руку, и, не наклоняясь, десятник под руку прошел». Рост гостьи составлял четыре аршина, то есть 2,84 метра[51].

В Лондоне царю удалось заключить выгодный для России торговый договор на поставку табака. Эту казенную монополию он продал контр-адмиралу Перегрину Осборну маркизу Кармартену. Петр подсчитал, что договор обеспечит России 200 тысяч рублей чистого дохода в год. Извещая об этом великих послов, он приказал до распечатывания письма с проектом договора выпить каждому по три кубка вина. Повеление было в точности исполнено. Ф. А. Головин известил царя: «...выпили три кубка гораздо немалы, от которых были гораздо пьяны, однако ж, выразумев, истинно радовались и Бога благодарили»[52]. Впрочем, Кармартен немного сомневался в успехе торговли табаком в России, говоря, что русские, особенно духовные лица, питают отвращение к этому зелью и считают его употребление грехом. «Я их переделаю на свой лад, когда вернусь домой», — заявил государь[53].

Чаще всего Петр проводил вечера в гостях у Кармартена; как отмечалось в «Походном журнале», «у него кушали, вернулись веселы». Лучшего собеседника царю трудно было пожелать: маркиз являлся опытным моряком, большим знатоком корабельного дела, храбрецом, авантюристом, занимательным рассказчиком и большим любителем выпить. В его компании русский госу-

дарь пристрастился к любимому напитку английских моряков — бренди, настоянному на перце[54].

Познакомившись с английской столицей, Петр 9 февраля перебрался в небольшой городок Дептфорд, расположенный на Темзе ниже Лондона (теперь это один из его кварталов). Там находились королевские верфи, на которых царь мог заняться изучением основ конструирования судов. Главное внимание он уделил геометрическим пропорциям кораблей всех размеров. Для высокого гостя и его свиты был арендован дом одного из основателей Королевского научного общества Джона Эвелина, окруженный обширным садом, непосредственно примыкавшим к территории верфей. В ограде сада для царя проделали дверь, через которую он в любое время беспрепятственно попадал на верфи, избегая взглядов любопытствующих. В Дептфорде Петр уже не брался за топор, уделяя основное внимание изучению теоретических основ кораблестроения, однако его спутникам приходилось по воле царя заниматься тяжелым физическим трудом.

По вечерам Петр и его друзья-волонтеры отдыхали весьма своеобразным способом. Анри Труайя на основании английских источников живописал яркие детали их повседневной жизни: «Вечерами русские, которые весь день работали, пускались во все тяжкие, так что соседи слушали с ужасом вопли и хохот этой банды. Дом, где они жили, был разгромлен. Спали неизвестно где, ели непонятно что и в любое время, не пощадили ни мебель, ни картины. Когда Джон Эвелин приехал в свой дом после трехмесячного пребывания в нем царя и его свиты, он был сражен: окна и двери были выбиты и сожжены, обои ободраны или испачканы, дорогие паркетные доски выломаны, художественные полотна пробиты пулями: каждый нарисованный персонаж служил мишенью; грядки в саду были вытоптаны, будто здесь был расквартирован целый полк. Эвелин заставил полицейских составить протокол. Ущерб составил 350 фунтов стерлингов. Эта сумма была возвращена владельцу из царской казны без малейших замечаний знаменитому путешественнику»[55].

Любимым занятием Петра I в дневное время являлись прогулки на яхте вниз по Темзе. Чаще всего судно останавливалось в Вулвиче, где находились интересовавшие царя морской арсенал, литейный и артиллерийский заводы. 2 марта адмирал Митчел передал высокому гостю замечательный подарок Вильгельма III — яхту «Королевский транспорт». Петр не остался в долгу и попросил адмирала вручить королю ответный подарок — огромный необработанный алмаз, завернутый в обрывок грязной бумаги[56].

Тем временем в Англию из Амстердама прибыл великий посол Головин, который привез царю приятное известие: ему удалось пригласить на службу многих морских офицеров, в том числе одного из лучших капитанов Корнелиуса Крюйса, норвежца на голландской службе. Он сразу получил от Петра I чин вице-адмирала. В общей сложности из Голландии на русскую службу согласилось перейти более ста человек. А в Англии царь пригласил на работу в Россию кораблестроителя Джозефа Ная, мастера шлюзного дела Джона Перри и еще четыре десятка других специалистов.

Настало время покидать Великобританию, от которой у Петра I остались самые лучшие впечатления. В «Походном журнале» отмечено: «...часто его величество изволил говорить, что оной Английской остров лучший, красивейший и счастливейший есть из всего света».

Петр I нанес английскому королю 18 апреля 1698 года прощальный визит, поблагодарил его за радушный прием, еще раз осмотрел монетный двор и через шесть дней на своей яхте отплыл обратно в Голландию. Свита вместе с багажом следовала за ним на другой яхте. По пути царь в последний раз остановился в Вулвиче, пострелял там из пушек, осмотрел военные корабли в Чаттаме (Чатеме) и дал прощальный пир английским капитанам и адмиралам, после чего вышел в Ла-Манш. Бури затруднили морское путешествие, однако через два дня яхты русских вояжеров благополучно прибыли в Амстердам. Там они провели еще три недели до отъезда в Вену. В это время посольство было озабочено погрузкой на корабли закупленного оружия и снаряжения, размещением по каютам нанятых в Голландии и Англии

специалистов. Четыре корабля направлялись в Архангельск, пять — в Нарву. Среди закупленных редкостей были попугаи, мартышки, заспиртованные крокодил и меч-рыба, гербарии[57].

Пятнадцатого мая посольство сухим путем выехало в Вену через Лейпциг, Дрезден и Прагу. По дороге Петр осмотрел полотняную мануфактуру в городке Билефельде и замок Шаумбург, воздвигнутый в XI веке. В Лейпциге задержались на один день, «веселились довольно, из пушек стреляли»[58]. 1 июня около одиннадцати часов ночи путешественники прибыли в столицу Саксонии — Дрезден. Петр, одетый в модный испанский камзол и удобные голландские башмаки, соблюдая инкогнито, скрывался в карете, заранее отказавшись от каких-либо церемоний. После непродолжительного ужина в замке курфюрста царь изъявил желание немедленно осмотреть тамошнюю кунсткамеру, где оставался до рассвета, подолгу задерживаясь у математических и ремесленных инструментов и механизмов. В последующие дни он еще дважды посетил этот музей, а также побывал на литейном дворе, осмотрел арсенал. Саксонский курфюрст и польский король Август II находился в то время в Польше, но прислал оттуда письменное распоряжение доставить коронованному гостю всевозможные удовольствия. К их числу относились застолья с музыкой и дамами, среди которых блистала своей красотой фаворитка короля графиня Мария Аврора Кёнигсмарк. Петр I был вполне доволен приемом, выражая хорошее расположение духа со свойственным ему темпераментом: по свидетельству наместника курфюрста, князя Антона Эгона Фюрстенберга, его величество во время ужина 2 июня «взял барабан и в присутствии дам стал бить с таким совершенством, что далеко превзошел барабанщиков». За следующим ужином ему «опять доставило удовольствие бить в барабан»[59].

С рассветом 4 июня прямо после бала Петр улегся в карете, где ему была приготовлена постель, и отправился в Вену. На пути находилась крепость Кёнигштейн, расположенная в 35 километрах от Дрездена на скалистом берегу Эльбы. Петр подробно осмотрел крепость и наблюдал за полетом ракет, выпущенных по случаю его

приезда из крепостных орудий. Особенно заинтересовал путешественника винный погреб, где имелась бочка колоссальных размеров, вмещавшая 3300 ведер[60].

Не останавливаясь в Праге, государь 11 июня прибыл в Штоккерау, местечко в 28 верстах от Вены, где вынужден был прождать несколько дней, пока в столице не закончились приготовления к торжественной встрече русского посольства. Российская сторона хотела, чтобы цесарь повелел «великих и полномочных послов со многою шляхтою и рейторы встретить, а не с одними драгуны». Кроме того, послы просили предоставить им резиденцию за пределами города, «потому что ныне настоит время летнее». Венский двор удовлетворил все эти просьбы и решил выделять на содержание посольства по три тысячи гульденов еженедельно. Въезд посольства состоялся вечером 10 июня. Относительно пышности приема нет единого мнения: одни наблюдатели утверждали, что императорские кони, экипажи и ливреи по красоте и богатству значительно превосходили бранденбургские; другие, наоборот, говорили об ослепительном блеске бранденбургского двора и неожиданной скромности венского[61]. Петр, по обыкновению, опередил послов и приехал в Вену инкогнито, на почтовых лошадях[62].

Посольство было размещено в просторном богатом доме графа Кёнигсека, окруженном прекрасно распланированным садом с фонтанами и множеством статуй; здесь же поселился и «десятник Петр Михайлов». 19 июля по настоятельной просьбе царя состоялась его неофициальная встреча с императором в замке Фаворит. Петр отправился туда одетым в темный кафтан, повязав на шею плохой галстук, с позолоченной шпагой на боку и без темляка, в сопровождении Лефорта в качестве переводчика. Слуги провели их через потайную дверь в большую столовую галерею, где ждал император Леопольд I. Беседа между монархами продолжалась не более четверти часа и свелась к заверениям в дружбе. Затем Петр вышел в сад, увидел на пруду венецианскую гондолу, запрыгнул в нее в порыве радости и, энергично гребя веслами, проплыл несколько кругов перед изумленными австрийскими камергерами[63].

Переговоры великих послов с австрийским императором и Петра I с канцлером графом Кинским о совместных действиях против Турции закончились безрезультатно: цесарское правительство твердо решило заключить мир с османами. Трехнедельное пребывание в Вене позволило Петру осмотреть арсенал, библиотеку, кунсткамеру, посетить соседние города, в том числе древний курорт Баден с теплыми серными источниками и венгерский город Пресбург (сейчас — столица Словакии Братислава) со знаменитым старинным готическим собором. В Вене царь и его спутники приняли участие в двух праздниках, один из которых был устроен 29 июня специально по случаю именин высокого российского гостя. В честь Петра гремел салют из двенадцати пушек, горел двухчасовой фейерверк с буквами *VZPA* («Виват царю Петру Алексеевичу»), более пятисот гостей пили за здравие русского государя до рассвета[64].

Одиннадцатого июля император Леопольд устроил грандиозное празднество *Wirtschaft* («хозяйство») — традиционный для венского двора костюмированный бал для 120 избранных персон. Большой танцевальный зал являл собой вид волшебного сада, уставленного цветущими деревьями в кадках, украшенного серебряными люстрами, большими зеркалами, картинами и множеством светильников-стенников со свечами. Австрийская элита должна была явиться на праздник в костюмах разных времен и народов: древнеримских, голландских, польских, китайских, цыганских и т. д. Петр I нарядился кудрявым фрисландским* крестьянином, а Леопольд и его супруга Элеонора — трактирщиками. Веселье продолжалось до четырех часов утра, царь был оживлен и танцевал «без конца и меры», открыв бал с избранной по жребию дамой — фрейлиной Иоганной фон Турн. Наутро царский карлик отвез ей презенты: перстень с алмазом, четыре пары соболей и пять кусков цветастой шелковой ткани — камки. Но и сам Петр не остался без подарков от цесаря: в тот же день Леопольд прислал ему великолепный хрустальный кубок итальянской работы ценой в две тысячи гульденов, из которого они накануне пили за здоровье

*Фрисландия — провинция на севере Нидерландов.

друг друга, а также трех лошадей из императорской конюшни[65].

Из Вены Петр намеревался отправиться в Венецию, где уже шла энергичная подготовка к его встрече: у границы стояли наготове кареты и лошади, предусматривалась обширная развлекательная программа, в которую были включены соревнования гондол, концерты, маскарады, фейерверки и т. д. Но из Москвы пришли тревожные вести о бунте стрельцов, и царь решил немедля возвратиться на родину. Между тем выехать сразу не было возможности: Петру пришлось присутствовать на прощальной аудиенции Великого посольства у цесаря 18 июля. Первый посол Лефорт вручил Леопольду отъездные грамоты, дипломаты обменялись речами и отправились на торжественный обед на посольском дворе, где распорядитель Кёнигсакер потчевал изысканными винами русских послов и других начальных людей, в том числе «десятника Петра Михайлова».

На другой день в четвертом часу пополудни государь отправился в путь. Его сопровождали Лефорт, Головин, несколько волонтеров, в том числе Александр Меншиков, и младшие посольские чины. Возницын остался в Вене для дальнейших переговоров и участия в предстоящем мирном конгрессе. В первые три дня путешественники, не останавливаясь даже на ночлег, преодолели около 300 верст. Только на четвертые сутки, 23 июля, была сделана первая остановка с ночевкой. За Краковом Петр получил известие, что бунт подавлен, после чего продолжил свой путь в Россию уже с обычной скоростью, и дорога растянулась более чем на месяц. В маленьком галицийском городке Раве Русской царь встретился с польским королем Августом II. Они провели три дня в застольях и политических беседах, очень понравились друг другу и в знак полного взаимопонимания обменялись одеждой и шпагами[66].

В шесть часов вечера 25 августа 1698 года государь и послы прибыли в Москву. Одежда упитанного Августа II болталась на худощавом жилистом Петре, как на вешалке, сбоку висела плохая шпага саксонца. Не заезжая в Кремль и не удосужившись навестить супругу, царь направился прямо в Немецкую слободу к любовнице Анне

Монс, провел с ней некоторое время, а затем поспешил в дом Лефорта, где со своими армейскими товарищами прокутил всю ночь. Наутро в жизни России началась новая эпоха, сразу ознаменовавшаяся насильственным обрезанием длиннополой боярской одежды до колен «на голландский манер».

Основная дипломатическая цель Великого посольства не была достигнута — ни одно западное правительство не согласилось поддержать Россию в борьбе с Турцией, так как Европа готовилась к войне за Испанское наследство. Тем не менее полуторагодичное заграничное путешествие Петра I, волонтеров и русской миссии явилось мощным стимулом преобразования России по западному образцу. Отныне повседневная жизнь верхушки русского общества уже не могла оставаться прежней.

Заграничные ученики

Стремление Петра I «учиться у Европы» наиболее ярко воплотилось в отправках за границу многочисленных русских волонтеров, из которых далеко не все являлись добровольцами. Многие вынуждены были ехать, чтобы не испортить себе карьеру и не потерять высокое социальное положение, ведь Петр не выносил упрямства и косности. Надо сказать, что ученичество за границей не было абсолютным новшеством для России. Еще Борис Годунов послал нескольких молодых дворян на учебу в Любек, Оксфорд и Вену, но из них на родину вернулся только один. При Алексее Михайловиче за границу для обучения медицине были отправлены несколько родившихся в Москве иностранцев. В 1692 году с той же целью в Италию был послан упоминавшийся выше сын подьячего Посольского приказа Петр Постников. После четырех лет обучения он получил в Падуе звание доктора медицины и диплом, в восторженных выражениях удостоверявший его познания в области медицины и философии. Впоследствии Постников благодаря блестящему знанию итальянского, латинского и французского языков использовался Петром I на дипломатической работе[67].

Мощным стимулом для отправки русских учеников за границу явилось горячее желание царя-реформатора создать российский флот, для чего необходимы были русские корабельные мастера и морские офицеры. Во введении к Морскому регламенту Петр отметил, что посылал многих благородных людей в Голландию и другие страны для обучения кораблестроению и судоходству. В первой партии учеников было около шестидесяти дворян, 28 из которых были направлены в Италию, преимущественно в Венецию, а также в Голландию и Англию. Все они принадлежали к наиболее знатным русским родам. Ни один из них не стал хорошим моряком, зато некоторые сделались впоследствии выдающимися дипломатами. На этом поприще особенно отличились Борис Куракин, Григорий Долгорукий, Петр Толстой, Андрей Хилков. Таким образом, обучение мореходству приобретало меньшее значение, чем освоение европейских языков, приобщение к культуре западных стран. Русские ученики по возвращении на родину оказывались более подготовленными к делам государственного управления, чем к морской службе или корабельному делу. В начале января 1697 года, за два с небольшим месяца до отъезда из Москвы Великого посольства, в Голландию и Италию для изучения навигацкой науки отправилась особенно большая партия учеников из 61 человека молодых стольников и спальников из лучших боярских фамилий и такого же количества солдат из дворян[68].

Большинству русских людей было нелегко покидать свое отечество. В России того времени существовало убеждение, что всякое общение с «еретиками», то есть «латынянами» (католиками) и протестантами, представляет опасность для души. Кроме того, многие будущие ученики были уже людьми семейными и им приходилось покидать жен и детей на довольно долгий срок. Изнеженные и чванливые отпрыски родовитых боярских семей ощущали себя разжалованными в матросы. Вдобавок ко всему Петр I заранее грозил суровыми взысканиями в случае их возвращения без надлежащих свидетельств о достигнутых за границей успехах[69].

Царь снабжал учеников подробными инструкция-

ми и требовал их неукоснительного выполнения. Например, Петру Толстому предписывалось основательно ознакомиться с географическими картами, компасами и другими морскими приборами, освоить управление кораблем и изучить все его составные части, оснастку и паруса и по возможности принять участие в морских сражениях. Но основной задачей русских волонтеров являлось овладение навыками кораблестроения; тем, кто достигнет успехов в этой области, Петр I обещал «милость большую по возвращении своем»[70]. Кроме всего прочего, на каждого отправляемого за границу была возложена обязанность пригласить на службу и привезти в Россию двух «мейстеров». Расходы по доставке иностранных специалистов к месту назначения впоследствии должны были быть возмещены российским правительством, а в остальном командированные за границу должны были содержать себя за собственный счет[71].

Во время пребывания в Голландии Петр I имел возможность наблюдать за занятиями своих подданных. Он писал Андрею Виниусу, что некоторые из них, изучив только обращение с компасом, выразили уже желание возвратиться на родину, ни разу не побывав на море. Царь иронизировал по этому поводу, что для прохождения полного курса навигацкой науки необходимо еще узнать морскую болезнь. Более подробно о заграничных штудиях русских посланцев Петр пишет князю-кесарю Федору Ромодановскому: десять волонтеров работают вместе с ним на верфи Ост-Индской компании, двое изучают процесс изготовления мачт, еще двое знакомятся с устройством водяных мельниц, остальные «приставлены к плотничьим работам при кораблестроении или при оснастке судов». Семеро несли матросскую службу на различных голландских кораблях, а Александр Имеретинский, проявлявший интерес к «бомбардирному искусству», изучал в Гааге баллистику[72].

В Голландии и Венеции русские ученики осваивали преимущественно мореходство, но перед некоторыми другими волонтерами ставились иные цели. Например, несколько знатных дворян были посланы в Берлин для изучения немецкого языка и артиллерийской науки.

Проездной паспорт этих молодых людей был подписан Петром I в Вене 23 июля 1698 года. Вскоре царь получил известие, что они в Берлине занимаются усердно и начали изучать геометрию. С одним из этих волонтеров, Василием Корчминым, Петр состоял в личной переписке. На вопрос государя об успехах в науках его корреспондент отвечал, что вместе с товарищем Бужениновым прошел курс пиротехники и артиллерии, а теперь приступил к тригонометрии, но пожаловался, что его учитель, бранденбургский артиллерийский лейтенант, известный своими познаниями и педагогическими способностями, требует непомерную сумму — 100 талеров за каждого ученика. Таких денег у волонтеров не было, и Корчмин просил царя их прислать[73].

В 1703 году 16 молодых людей из северных уездов России были посланы в Голландию, чтобы изучать мореходство, голландский и французский языки. Отправившись в путь из Архангельска, в Северном море они попались в руки французских каперов и были отпущены лишь после того, как разбойники обобрали их до нитки. По прибытии в Голландию эти ученики находились под наблюдением адмирала Корнелиуса Крюйса, который помог им решить финансовые проблемы за счет казны[74].

Представители высшего сословия постепенно свыклись с мыслью о необходимости посылать сыновей для обучения за границу. Об этом свидетельствует письмо отца одного из учеников, отправленных в Голландию по царскому приказу в 1708 году. Рачительный родитель дает сыну много полезных советов. Прежде всего, тот не должен считать свою поездку за границу несчастьем или бременем; путешествие имеет целью сделать из него способного и верного слугу государя. Отец подчеркивает, что «между знанием и невежеством имеется громадная пропасть», поэтому волонтер «должен с пользой употреблять каждый час и трудолюбиво заниматься науками». В письме содержится настоятельный совет «выучиться по-французски, по-немецки», изучить математику, архитектуру, фортификацию, картографию, астрономию и естествознание, а также получить навыки обращения с компасом. Примечательно, что отец русс-

кого ученика не считал, что его отпрыск должен обязательно сделаться специалистом в области инженерного дела или мореходства. Вышеперечисленные науки и умения могли пригодиться на тот случай, если государь «даст ему назначение, на котором эти познания будут пригодны». Кроме того, отец советует узнать все «кавалерские обучения», посещать светские собрания и театры, научиться фехтовать, ездить верхом и стрелять[75].

Многие ученики основанной Петром I в 1698 году Навигацкой школы должны были по окончании курса отправляться за границу для дальнейшего образования. Царь требовал отчетов об успехах каждого ученика в отдельности и старался контролировать учебный процесс. Известно, что он читал письма, которые присылал из-за границы Никите Моисеевичу Зотову его сын Конон. После прочтения одного из них Петр похвалил отца за успехи сына, выпил за его здоровье стакан венгерского вина, а потом собственноручно написал ответ заграничному ученику.

Впоследствии Конон Зотов был послан во Францию в качестве российского агента, в чьи обязанности входили надзор за находящимися там русскими, содействие их временному поступлению на французскую службу, снабжение их деньгами. Деятельность Зотова показывает, что в процессе заграничного обучения из него получился всесторонне образованный человек. По поручению царя он решал во Франции торговые и политические вопросы, вел частные дипломатические переговоры с версальскими сановниками. В одном из писем Петру Зотов обращает его внимание на необходимость обучения молодых русских юридическим наукам, без которых невозможно наладить работу Адмиралтейства[76].

За находившимися в Голландии русскими учениками наблюдал постоянный агент князь Иван Львов, живший в Амстердаме. Сохранились его необычайно интересные донесения царю. Он постоянно жаловался на дикие выходки своих подопечных: они затевали драки, входили в неоплатные долги и даже угрожали жизни самого Львова, пытавшегося их урезонить. «Дела мои, — пишет князь кабинет-секретарю А. В. Макарову, — есть вельми

тяжкие для того, что те люди, кем мне то делать, все молодые, надежные, всяк надеетца на своих сродников, на свои знати и богатства. А я человек бедной, безродной, к тому же больной и весьма полуумерший, не токмо бы такими людьми управлять здесь, в вольных странах, воистинно и во отечестве нашем трудно». Сложность своего положения Львов объяснял еще и отсутствием какого-либо юридического статуса: «...моя комиссия тайная». Поэтому агент настойчиво добивался царского указа, чтобы учеников «приводили к послушанию государевы послы», которые «у тех дворов обретаются публично»[77]. Он также просил царя дать инструкции относительно учебного плана. Петр ответил, что зимой надо заниматься теорией, а летом изучать морское дело на практике[78].

Тайные агенты надзирали за поведением и занятиями русских учеников и в других странах. Во Франции эти обязанности исполнял Конон Зотов, в Англии — Федор Салтыков, в Италии — сначала Петр Беклемишев, а затем Савва Владиславич-Рагузинский. Зотов из Парижа сообщал Макарову, что его подопечные тоже ведут себя не лучшим образом: «Господин маршал Дестре призывал меня к себе и выговаривал мне о срамотных поступках наших гардемаринов в Тулоне: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что последний человек здесь того не сделает. Того ради отобрали у них шпаги». Некоторое время спустя пришло новое неприятное сообщение: гардемарин Глебов «поколол шпагой» своего товарища, юного князя Барятинского, причем тот был без оружия; по этой причине нарушитель спокойствия «за арестом обретается». Происшествие поставило французские власти в тупик, ибо прежде здесь не происходило ничего подобного: «...хотя и колются, только честно, на поединках, лицом к лицу»[79].

Некоторые ученики чувствовали себя за границей очень несчастными, жаловались на тяжелую жизнь, материальные лишения, непосильную работу и опасности морских плаваний. Их тяготила необходимость изучать ненужный, по их мнению, латинский язык. В 1716 году было решено послать 30 или 40 русских молодых

людей в Кёнигсберг, где они должны были научиться немецкому языку, чтобы потом плодотворно работать во вновь создаваемых коллегиях. При них состоял особый инспектор, наблюдавший за тем, чтобы они усердно учились[80].

Во время войны за Испанское наследство русские молодые люди под руководством голландского инженера Коегораса изучали основы тактики и инженерии, одновременно сыновья князя Аникиты Ивановича Репнина осваивали военное дело под командованием прославленного полководца Евгения Савойского. Молодые Репнины причинили отцу немало хлопот своими долгами и буйным поведением. В 1717 году он писал Петру I: «Дети мои, князь Василий и князь Юрий, отправлены в цесарскую армию для искусства к князю Евгению, и я, вступя в долг, послал к ним 800 червонных; они в Вене жили, а теперь в обозе живут непотребно со всяким непостоянством; и те все деньги и посланные мною еще 300 червонных прожили и много долгу еще нажили, которого и заплатить не могу, потому что до сих пор они уже стоят 15 000 рублей, из которых с семь тысяч взято мною в долг, кроме того, что они беспутным своим житьем наделали долгов. И для того со слезами рабски прошу ваше царское величество да повелит мне дать указ, чтоб детей моих взять, для чего послать мне кого-нибудь из офицеров; а они, дети мои, будучи там, в армии, от своего беспутного житья вашему величеству ныне и впредь никакого плода не покажут, только мне вечный стыд и разорение и несносная к старости печаль»[81]. Слуга Василия и Юрия Репниных писал их отцу, что оба молодых князя, обремененные долгами, пребывают «в великой мизерии» по причине мотовства. Братья взяли на иждивение двух встречных французов, которые их обокрали. Оказавшись без средств, Репнины продали за бесценок лошадей и одежду, оставив для себя «по одному кавтану», однако вырученные деньги моментально потратили, так что «и хлеба купить не на что».

Не меньшие финансовые затруднения испытывал двоюродный брат кабинет-секретаря Алексея Макарова Василий Шапкин, обучавшийся кораблестроению в Англии. Он умолял Алексея Васильевича, чтобы тот

«приказал прислать хотя малое число денег, чрез вексель перевести в Лондон на расплату долгов, також на покупку инструментов и книг». «А я, — жаловался Шапкин, — истинно в великой нужде обретаюсь здесь, почитай, наг и бос, а должники (кредиторы. — *В. Н.*) мои уже не дают мне свободности во времени, хотят посадить в тюрьму».

С 1720 по 1722 год во Франции инженерному делу обучался знаменитый «арап Петра Великого», прадед А. С. Пушкина Абрам Ганнибал. В своих письмах Алексею Макарову он тоже сетовал на нужду: «мы здесь в долгу не от мотовства, но от бумажных денег» (то есть от инфляции и связанного с ней роста цен). Ганнибалу повезло — о нем позаботился живший в то время в Париже П. И. Мусин-Пушкин. «Ежели бы здесь не был Платон Иванович, — писал заграничный ученик, — то б я умер с голоду. Он меня по своей милости не оставил, что обедал и ужинал при нем по все дни»[82].

В 1716 году пять молодых людей были посланы в Персию, чтобы научиться татарскому, арабскому и персидскому языкам, знание которых необходимо было для дипломатической работы на Востоке. Продолжалась и отправка волонтеров за границу для изучения мореходного дела. В начале 1717 года для службы во французском флоте было командировано 20 гардемаринов, а в Венецию их было послано 27 человек. В том же году в одном только Амстердаме числились 69 русских навигаторов[83]. Ученики направлялись туда также для постижения способов устройства каналов, гаваней, доков и других портовых сооружений[84].

В 1719 году около тридцати молодых людей были командированы в Голландию и Англию, чтобы учиться медицине; Иван Никитин и Андрей Матвеев изучали живопись в Голландии, Михаил Земцов и Петр Еропкин осваивали основы архитектуры в Италии. Алексей Бестужев-Рюмин, ставший впоследствии российским канцлером, посещал в Берлине гимназию[85].

Командировки русских учеников за границу продолжались до последних лет жизни Петра. Французский консул Анри Лави 22 декабря 1720 года сообщил своему министру иностранных дел аббату Гийому Дюбуа: «Так

как сто молодых людей, изучавших в иностранных землях навигацию и иные искусства и ремесла, вернулись из-за границы, то Его Царское Величество приказал академии выбрать сто пятьдесят других молодых дворян, которых пошлют на место вернувшихся для изучения тех же предметов»[86].

Историк М. М. Богословский справедливо отметил: «Не будет преувеличением сказать, что не было сколько-нибудь знатной и видной фамилии, хотя бы один из членов которой не побывал при Петре за границей»[87].

«Предивный путь» дедушки Толстого

Одним из самых необычных русских учеников за границей стал Петр Толстой, который в возрасте пятидесяти двух лет, будучи уже дедушкой, испросил у царя разрешение отправиться волонтером в Италию для изучения военно-морской науки. Несомненно, он руководствовался исключительно карьерными соображениями, рассчитывая завоевать расположение Петра I. И его расчет оправдался. До заграничного путешествия он, несмотря на солидный возраст, имел только скромный чин стольника, а по возвращении в Россию стремительно продвинулся по службе и вскоре стал одним из самых выдающихся русских дипломатов.

Толстой выехал из Москвы 26 февраля 1697 года вместе с тридцатью семью отпрысками знатнейших фамилий. Его сопровождали только солдат-охранник и слуга. Расставание с Россией далось волонтеру нелегко: целых три дня провел он в Дорогомиловской слободе, прощаясь с родственниками[88].

Толстой пересек границу России 23 марта, а неделю спустя переправился на пароме через Днепр и оказался «в городе короля польского Могилеве»[89], откуда добрался до Вены. В дороге Петр Андреевич собственноручно вел путевой дневник, содержащий замечательные подробности его повседневной жизни. «И ехал я, — пишет путешественник, — от Вены до итальянской границы 12 дней, где видел много смертных страхов от того пути и терпел нужду и труды от прискорбной дороги». Особенно труден был переход через Альпы: «...не столь-

ко я через те горы ехал, сколько шел пеш, и всегда имел страх смертный пред очима»[90].

В Италии Толстой, не ограничившись изучением военно-морского дела, проявлял невероятную любознательность. Он посещал правительственные учреждения, ватиканские дворцы, промышленные предприятия, госпитали, учебные заведения, зверинцы и другие места, которые счел достойными своего внимания. У него были все необходимые задатки для восприятия западной культуры. По справедливому замечанию Н. И. Павленко, Петр Андреевич обладал рядом способностей, крайне необходимых путешественнику: «...находясь в чужой стране, среди незнакомых людей, он не проявлял робости, вел себя с достоинством, как человек, которого ничем не удивишь, ибо он ко всему привык; другой дар — умение заводить знакомства, располагать к себе собеседника. Скованность была чужда складу его характера, и он быстро находил пути сближения со множеством людей, с которыми встречался»[91].

Толстой интересуется самыми разнообразными предметами. Он описывает церкви и монастыри в Польше, Италии и Вене, рассказывает о католическом богослужении, на котором ему довелось присутствовать, очень подробно характеризует польских магнатов, сообщает о деталях их жизни, перечисляет предметы роскошной обстановки, статуи, хрустальную посуду. Он повествует также о железоделательном производстве в Силезии, рассказывает о художественных воротах в Ольмюце (современный Оломоуц в Чехии), виноградниках и огородах на пути в Вену, великолепных парках и фонтанах в цесарской резиденции Шёнбрунн. Особое внимание Толстого привлекла венская больница, поразившая его своими размерами. В Италии путешественник удивляется великолепию ухоженных садов и роскоши дворцов.

В Вене Толстой пробыл лишь шесть дней, но успел увидеть и описать очень многое. Он обратил внимание на отсутствие деревянных строений в городе, на обилие церквей и монастырей, на проезжающие по улицам «изрядные» кареты. У здания ратуши его внимание привлекло изваяние Фемиды: «...подобие девицы выре-

зано из белого камени с покровенными очми во образе Правды, якобы судит, не зря на лицо человеческое, праведно»[92].

Наибольший интерес представляет та часть «Путевого дневника» Толстого, в которой запечатлено его пребывание в Италии. Петр Андреевич посетил Венецию, Бари, Неаполь, Рим, Флоренцию, Болонью, Милан и Сицилию. Ему не удалось побывать лишь на северо-западе Апеннинского полуострова — в Турине.

В Италию Толстой прибыл уже с достаточно обширным багажом впечатлений. Например, путешественника не могли теперь удивить каменные здания и вымощенные улицы итальянских городов. Но Венеция поразила Петра Андреевича: каналы вместо улиц и передвижения по городу на лодках пленили воображение человека, прожившего почти всю свою жизнь в сухопутной Москве. «В Венеции, — отмечал путешественник, — по всем улицам и по переулкам по всем везде вода морская и ездят во все домы в судах, а кто похочет идтить пеш, также по всем улицам и переулкам проходы пешим людям изрядные ко всему дому». Дома «изрядного каменного строения» и «добрые работы» Толстой видел в Местре, Виченце, Вероне, Болонье.

Наибольшее впечатление на путешественника произвела Мальта. «Город Мальт, — писал он, — сделан предивною фортификациею и с такими крепостьми от моря и от земли, что уму человеческому непостижимо».

Особый восторг у Толстого вызывали фонтаны, которые он видел во всех итальянских городах, а также в Варшаве и Вене. Но ни с чем не сравнимы были фонтаны Рима и окрестных парков. Петр Андреевич не мог скрыть своего восхищения: «...а какими узорочными фигурами те фонтаны поделаны, того за множеством их никто подлинно описать не может, а ежели бы кто хотел видеть те фонтаны в Риме, тому бы потребно жить два или три месяца и ничего иного не смотреть, только б одних фонтан, и насилу б мог все фонтаны осмотреть». Некоторые из них он описал на страницах своего дневника: «...первая фонтана — вырезан лев из камени, против него также из камени вырезан пес, и, когда отопрут воду, тогда лев со псом учнут биться

водою, и та вода от них зело высоко брызжет, и около их потекут вверх многие источники вод зело высоко». Особый восторг вызвали у Толстого фонтаны с музыкальным устройством: каменная фигура «держит в руке один великий рог и тою же водою действует в тот рог, трубит подобно тому, как зовут в роги при псовой охоте». Рядом вода приводила в действие волынку и флейты в руках у десяти мраморных девиц. Путешественнику довелось наблюдать также фонтаны с сюрпризами, обливавшие водой всякого, кто наступал на секретный механизм[93].

Обустройство повседневного быта приезжего в каждом новом городе начиналось с поиска подходящей остерии, то есть гостиницы. Комфорт и роскошь этих заведений были в диковинку видавшему виды немолодому стольнику, привыкшему к грязным и тесным комнаткам российских постоялых дворов и харчевен. В Венеции каждому приезжему иностранцу «отведут комнату особую; в той же палате будет изрядная кровать с постелью, и стол, и кресла, и стулы, и ящик для платья, и зеркало великое, и иная нужная потреба». Слуги «постели перестилают по вся дни, а простыни белые стелят через неделю, также палаты метут всегда и нужные потребы чистят». Кормили гостей дважды в день — обедом и ужином. Толстой отмечал, что пища «в тех остериях бывает добрая, мясная и рыбная». На стол подавалось вдоволь виноградных вин и фруктов. Все эти услуги стоили очень дорого: 15 алтын в сутки, что можно приравнять примерно к восьми золотым рублям начала XX века[94].

Кажется, Петра Андреевича более всего удивляло наличие в гостиничных комнатах белоснежного постельного белья; видимо, в России он к этому не привык. Где бы ни останавливался на ночлег Толстой, он обязательно отмечал, что ему предоставили «палату изрядную, где спать, и в ней кровать с завесом и постелию чистою». Почти в каждом рассказе о пребывании в европейских остериях фигурирует упоминание о «белых простынях»[95].

Особенным убранством отличались римские гостиницы для иностранцев. «Остерии в Риме, в которых ставятся форестеры (приезжие иноземцы. — *В.Н.*), зело бо-

гаты и уборны; палаты в них обиты кожами золочеными и убраны изрядными картинами; кровати изрядные золоченые, постели также хорошие, простыни всегда белые с кружевами изрядными. И когда хозяин остерии кормит форестеров, тогда на столах бывают скатерти изрядные белые и полотенца ручные белые ж по вся дни, блюда и тарелки оловянные изрядные, чистые, ножи с серебреными череньями, а вилки и ложки и солонки серебреные, все изрядно и чисто всегда бывает»[96].

В Венеции Толстому довелось побывать на маскараде, что произвело на него неизгладимое впечатление. «И так всегда в Венеции увеселяются, — отметил он, — и не хотят быть никогда без увеселения, в которых своих веселостях и грешат много, и, когда сойдутся на машкарах на площадях к собору Святого Марка, тогда многие девицы берут в машкарах за руки иноземцев приезжих и гуляют с ними и забавляются без стыда». Путешественник особо подчеркнул при этом, что венецианки «ко греху телесному зело слабы». Зато неаполитанские женщины, по его мнению, были целомудренны и скромны: в Неаполе «блудный грех под великим зазором и под страхом, и говорить о том неаполитанцы гнушаются, не только что делать». Столь же строгим поведением отличались римлянки и жительницы Болоньи: «Женский народ в Риме зазорен (стыдлив. — *В. Н.*) и не нагл и блудный грех держат под великим смертным грехом и под зазором, а наипаче под страхом», «Женский народ в Болонии изрядный, благообразный»[97].

Путешественник обратил внимание еще на одно обстоятельство, весьма странное с точки зрения русского человека того времени: повсюду в Италии продавалось огромное количество разнообразных вин, однако пьяных нигде не было видно. «Пьянство в Риме под великим зазором, — пояснил Толстой, — не токмо в честных людях, и между подлым народом пьянством гнушаются»[98].

Русский путешественник не довольствовался случайными впечатлениями от увиденного, а специально ездил осматривать разного рода достопримечательности. «Рано нанял я себе коляску, — рассказывает Петр Андреевич, — и поехал смотреть удивления достойных вещей, обретающихся в ближних местах от Неаполя».

Иногда он осматривал достопримечательности в сопровождении гида. Например, в Риме папа Иннокентий XII прикрепил к московскому гостю своего конюшего, который показывал ему город.

Толстой не забывал об обязанностях ученика, поэтому с особым вниманием осматривал учебные заведения. Так, его очень заинтересовало принадлежавшее иезуитам платное училище в Неаполе. Дворянских детей обучали там не только основам различных наук, но и фехтованию, танцам, верховой езде. «И те студенты зело меня удивили, — подчеркнул путешественник, — как бились на шпагах и знаменем играли, и танцовали зело малолетние ребятки лет по 10 или по 12; а в науках своих зело искусны»[99].

Иногда Толстой сравнивал итальянские города с Москвой: «Обыкность в Неаполе у праздников подобна московской. У той церкви, где праздник, торговые люди поделают лавки и продают сахары и всякие конфекты, и фрукты, и лимонады, и щербеты». Родную Москву ему напомнили и роскошные кареты со знатными седоками, за которыми следовало большое количество пеших слуг[100].

Толстой отправился в заграничное путешествие не ради отдыха и экскурсий, его основной задачей являлось обучение военно-морскому делу. Итальянская морская практика Петра Андреевича продолжалась в общей сложности два с половиной месяца. В первое, самое продолжительное плавание он отправился из Венеции 10 сентября 1697 года, а вернулся 31 октября. В путевых записках отмечено: «Нанял я себе место на корабле, на котором мне для учения надлежащего своего дела ехать из Венеции на море, и быть мне на том корабле полтора месяца или больше...» Это плавание являлось каботажным, поскольку корабль «Святая Елизавета» шел вдоль восточного побережья Апеннинского полуострова, заходя на Истрию — в Ровинь и Пулу.

В ночь на 21 октября корабль застигла буря. «Нам, — пишет Толстой, — был отовсюды превеликий смертный страх: вначале боялись, чтоб не сломало превеликим ветром арбур*... потом опасно было, чтоб в темноте

*Арбур (от лат. *arbor* — дерево) — мачта. *(Прим. авт.)*

ночной не ударить кораблем об землю или о камень; еще страх был великий не опрокинуть корабля». К счастью, всё обошлось благополучно: мачта не сломалась, корабль не сел на мель и не опрокинулся[101].

Второе морское путешествие было менее продолжительным. Толстой отбыл на корабле из Венеции в Дубровник 1 июня 1698 года, но обратно на этом судне не поплыл, а был высажен на юге Италии, в Бари, по суше добрался до Неаполя, а оттуда 8 июля отправился в третье плавание. Корабль с русским путешественником на борту держал путь на Мальту с заходом на Сицилию. Между двумя этими островами Толстого ждало опасное морское приключение. 16 июля фелюга*, на которой он находился, встретилась в море с тремя турецкими кораблями, каждый из которых имел на вооружении 60 пушек. Вступать в сражение с превосходящими силами противника было бы безрассудно, поэтому итальянское судно поспешило ретироваться в Палермо, где на время укрылось в гавани вместе с тремя мальтийскими галерами. После ухода из сицилийской акватории турецких кораблей можно было продолжить путь.

Каждое плавание заканчивалось выдачей Толстому аттестата с оценкой его успехов в овладении военно-морским ремеслом. Капитан корабля «Святая Елизавета» отметил, что русский навигатор «в познании ветров так на буссоле (компасе. — *В. Н.*), яко и на карте, и в познании инструментов корабельных, дерев и парусов и веревок есть, по свидетельству моему, искусный и до того способный». Судя по содержанию второго аттестата, основная задача венецианского судна, на котором находился Толстой, состояла в преследовании заходивших в итальянские воды турецких кораблей. Однако морской бой с османами не состоялся, ибо, как указано в аттестате, противники, «видя свое безсилие, утекли к берегу». Это не помешало капитану засвидетельствовать, что «именованный дворянин московский купно с солдатом всегда были не боязливы, стоя и опираяся злой фортуне».

Накануне отъезда из Венеции на родину, 30 октяб-

*Фелюга (ит. *feluca* — лодка) — небольшое парусное судно прибрежного плавания.

ря 1698 года, венецианский дож выдал Толстому аттестат, подводивший итоги овладению им военно-морской наукой, из которого следует, что русский навигатор прошел курс теоретической подготовки и получил навыки кораблевождения, управляя судном во время осенних штормов, в осеннее время 1697 года «в дорогу морскую пустился, гольфу (залив. — *В. Н.*) нашу переезжал, на которой чрез два месяца целых был неустрашенной в бурливости морской и в фале фортун морских не устрашился, но во всем с теми непостоянными ветрами шибко боролся». Кроме того, в аттестате отмечено, что русский волонтер ознакомился в Италии с географией и математикой. Венецианский дож свидетельствовал, что Толстой — «муж смелый, рачительный и способный»[102]. Если верить этим оценкам, получалось, что в лице вернувшегося на родину волонтера Россия могла бы приобрести превосходного моряка. Однако проверить это не удалось — Петр Андреевич более не служил на море ни одного дня. Петр I использовал его на дипломатической и административной работе.

Боярин становится рыцарем

Особое место в ряду поездок русских путешественников за границу занимают странствия Бориса Петровича Шереметева, отправившегося в путь через три месяца после отъезда из Москвы Великого посольства. В указе Шереметеву цель его поездки формулировалась следующим образом: «...ради видения окрестных стран и государств и в них мореходных противу неприятелей Креста Святого военных поведений, которые обретаются во Италии даже до Рима и до Мальтийского острова, где пребывают славные в воинстве кавалеры»[103]. Позже, во время аудиенции при дворе германского императора Леопольда I, Борис Петрович заявил, что его путь лежит на Мальту, к тамошним кавалерам ордена Святого Иоанна Иерусалимского, «дабы, видев их храбрые и отважные усердия, большую себе восприяти к воинской способности охоту»[104]. Инициатива путешествия будто бы исходила от самого Шереметева, которому поездка обошлась в 20 500 рублей.

Историк Н. И. Павленко не без основания предполагает, что в действительности Петр I возложил на путешественника тайную дипломатическую миссию. Тот посетил Речь Посполитую и Австрию, где встречался с польским королем Августом II и германским императором Леопольдом I. Дальнейший его путь лежал в Венецию. «Совершенно очевидно, — пишет Павленко, — что маршрут Шереметева предварял маршрут царя и являлся частью общего плана русской дипломатии по сколачиванию антиосманского союза европейских держав»[105]. Шереметев, по всей видимости, добился в своей миссии большего успеха, чем Петр I и великие послы, которые, как известно, в Венецию не попали.

Борис Петрович покинул Москву 22 июня 1697 года. По России он ехал не спеша и без приключений; три дня провел в своей коломенской вотчине, куда на его проводы съехалась вся родня. Навестил он и кромскую вотчину, где пробыл больше недели. Но с момента пересечения русско-польской границы начались неприятности с долей опасности: в Речи Посполитой начался очередной «рокош» — гражданская война, сопровождаемая мятежами, грабежами и убийствами. Благожелательные к России представители католического духовенства посоветовали Шереметеву продолжать путь «с великим опасением». Он решил ехать далее под именем ротмистра Романа, а его свита из царедворцев и слуг была объявлена «равными товарищами». Однако полностью сохранить инкогнито не удалось: поляки заподозрили, что едет боярин со свитой, в связи с чем путешественнику пришлось провести сутки в тюрьме до выяснения его личности и цели поездки через польские земли.

Зато при дворе польского короля Шереметева ожидал почет. 5 ноября путешественник остановился в доме, приготовленном для него по приказанию короля. Не успел Борис Петрович выйти из дорожного экипажа, как к нему явились высшие сановники Речи Посполитой и королевский секретарь Клейст.

— Желаете вы представиться его величеству приватно или церемониально? — спросил секретарь.

— Прошу принять меня без церемоний, — ответил боярин.

На другой день, в пятом часу пополудни, Август II «прислал за Борисом Петровичем вызолоченную карету, обитую внутри бархатом и заложенную в шесть лошадей». Впереди ехали верхом свитские дворяне и слуги Шереметева. Экипаж остановился у самого крыльца королевской резиденции. В приемной комнате гость в присутствии польских сенаторов произнес перед королем краткую речь на русском языке, в которой описал свою службу на дипломатическом и военном поприщах, а затем поздравил его величество с недавно совершившейся коронацией. После этого Шереметев и его свита, по обычаю того времени, были допущены к руке Августа II.

Впоследствии Борис Петрович нанес еще несколько приватных визитов королю, который беседовал с ним откровенно и выказывал ему знаки особого уважения[106]. 19 ноября в честь русского гостя был дан великолепный обед в королевском дворце, после чего Шереметев послал Августу II щедрые дары: «два сорока* соболей, мех соболий, две черные лисицы и богатое турецкое ружье». Король отдарился двумя ружьями, двумя французскими пистолетами, серебряной шкатулкой, обложенной драгоценными камнями, и кубком, сделанным из большой морской раковины в серебряной позолоченной оправе. Польские вельможи получили от Бориса Петровича прекрасных лошадей, меха и великолепные турецкие сабли, а в ответ преподнесли ему золотые часы и большие серебряные шандалы — подсвечники на одну свечу.

«Записки путешествия Бориса Петровича Шереметева» тщательно регистрируют каждое перемещение и каждую встречу боярина. О нем говорится в тексте в третьем лице и с известной долей уважения; следовательно, записи вел не он сам, а кто-то из его свиты, вероятно, Алексей Курбатов, впоследствии известный «прибыльщик» — разработчик выгодных для казны экономических мероприятий. Однако этот документ, вне всякого сомнения, составлялся с ведома Шереметева и, вполне возможно, по его подсказке[107].

Перед въездом Шереметева в Вену 10 декабря импе-

* Как правило, 40 шкурок шло на пошив полной шубы.

ратор Леопольд I выслал ему свою карету и переводчика Адама Стиля, обратившегося к гостю с приветственной речью. Тот сообщил Шереметеву день и час аудиенции и от имени императора принес Борису Петровичу извинения, поскольку Леопольд не мог принять его сразу из-за траура (тремя днями ранее скончалась его сестра Элеонора, вдова польского короля Яна Собеского).

Аудиенция состоялась 17 декабря, во время ее проведения русский путешественник в немецком платье стоял «на особливом месте при столе». Император снял со своей руки бриллиантовый перстень и подарил гостю. Затем он снабдил его рекомендательными письмами к римскому папе и Великому магистру Мальтийского ордена. Позже гость был представлен сыну императора, королю Римскому и Венгерскому Иосифу, которому подарил черкесскую лошадь с великолепным седлом и колчан со стрелами в золотой оправе, а в ответ получил золотую цепь с королевским портретом[108].

Путешественник побывал в расположенном близ Вены Бадене, известном своими горячими источниками, а оттуда отправился в Венецию.

Шереметев приехал в город-республику во время Масленицы. По случаю болезни дожа официальная аудиенция не состоялась, зато был дан великолепный обед. Бориса Петровича угощали сахарами и конфетами «на ста осьмидесяти блюдах», а вином — из шестидесяти бутылок. Затем он поехал в Рим и прибыл туда 21 марта 1698 года. Папа Иннокентий XII принял гостя с радушием: не велел отбирать у него шпагу и шляпу при входе в аудиенц-залу, лично взял из его рук грамоты Петра I и Леопольда I, допустил к своей руке, а сам поцеловал его в голову. 30 марта Иннокентий благословил Шереметева образом Спасителя из золота на мраморной доске, подарил ему трость, оправленную золотом и драгоценными камнями, и прислал «рыб многих и сахаров и вин разных множество, блюдах на семидесяти». Наутро боярин отправил католическому первосвятителю соболье одеяло стоимостью в 900 рублей, а также два куска дорогой парчовой материи и две сотни горностаевых шкурок[109].

Из Рима Шереметев и его свита на семи колясках от-

правились на юг, к Неаполю. За ними следовали две фуры с мехами — предстояло сделать еще немало подарков.

Участникам вояжа пришлось преодолевать Альпы в неблагоприятное время, когда путь преграждали снежные заносы. Для расчистки дороги нужно было нанять до сотни людей; они же тащили кладь, поскольку лошади не могли идти по льду и глубокому снегу. Сам Борис Петрович «пошел пеш через те великие горы и через те великие опалые с гор сугробы, и шли они с великою трудностию и опасностию от снега с гор верст семь и ночевали в деревнишке Доня, в которой и есть добыть не могли»[110].

Морское плавание от берегов Италии до Мальты также казалось опасным, ведь в этих водах разбойничали турецкие каперы, захватывавшие в плен итальянские купеческие суда. Шереметев на всякий случай нанял в Неаполе два корабля — разведывательный и пассажирский. Но предосторожности оказались излишними: в море его фелюгу встретили семь хорошо вооруженных мальтийских галер. У Бориса Петровича появилась мимолетная надежда отличиться в морском сражении — вдали маячили четыре небольших турецких каперских судна. Галеры кинулись было в погоню, но не смогли настичь более быстроходные парусные корабли.

Второго мая Шереметев вступил на Мальту — конечный пункт путешествия. У пристани его ожидали три кареты великого магистра, а перед крыльцом отведенного гостю дома его встречали генерал-командор и два кавалера ордена. Они помогли Борису Петровичу выйти из экипажа и объявили, что им велено «находиться при нем безотлучно, довольствовать его со свитою столом и напитками во все время пребывания в Мальте». Великий магистр Раймонд Переллос де Рокафул прислал своего трубача, которому приказал трубить ежедневно перед обеденным и вечерним застольем гостя, отказавшись от этой почести, полагавшейся ему самому, на всё время пребывания русского вельможи на острове.

Через два дня Борис Петрович был принят Великим магистром на торжественной аудиенции. Гость стоя

прочел речь, причем хозяин при произнесении царского титула Петра I снял шляпу. Потом они продолжили беседу, сидя в креслах под балдахином. Два последующих дня путешественник осматривал городские укрепления, 8 мая присутствовал на литургии в церкви Святого Иоанна Предтечи, занимая почетное место по правую руку от Великого магистра. В тот же день он отправил Рокафулу свои подарки, состоявшие из мехов и парчовых материй. Гость не забыл одарить и главных кавалеров Мальтийского ордена.

Девятого мая Шереметев был приглашен к обеденному столу Великого магистра. Перед началом обеда Рокафул возложил на Бориса Петровича алмазный мальтийский командорский крест и трижды обнял его. Теперь русский путешественник стал одним из командоров знаменитого Мальтийского ордена. Затем начался пир, во время которого, как отмечено в «Записках путешествия», «в кушанье и питье многое было удовольствие и великолепность, также и в конфектах»[111].

Пребывание на Мальте было недолгим. На обратном пути Шереметев снова увидел Неаполь, а оттуда съездил в Бари на поклонение мощам святителя Николая. Затем он в течение двух суток был свидетелем мощного извержения Везувия: раскаленные камни разлетались на три или четыре мили, огненная лава поглощала окрестные селения, погибло множество людей, а около тридцати тысяч человек бежали в Неаполь, спасаясь от стихии. По улицам города почти невозможно было ходить, поскольку они были покрыты пеплом более чем на четверть аршина, то есть почти на 20 сантиметров. Лишь на третьи сутки сильный ночной ливень затушил пламя вулкана и спокойствие в городе восстановилось[112].

Из Неаполя Шереметев поехал в Рим, где на этот раз смог остаться на более долгое время, чтобы осмотреть исторические достопримечательности и различные городские заведения. Он вновь увиделся с папой, вручившим ему ответные грамоты Петру I и императору Леопольду. Затем путешественник отправился во Флоренцию, где посетил великого герцога Козьму III. Тот подарил гостю резную шкатулку с лекарствами, оправленную в серебро и украшенную драгоценными камня-

ми. Далее Шереметев совершил вояж через Венецию в Вену, где вновь был принят императором Леопольдом и его сыном-королем Иосифом.

— Желаю, — сказал цесарь русскому вельможе, — чтобы полученный вами орденский знак поощрил вас к новым подвигам, полезным для всего христианства.

Приставленный к гостю в качестве переводчика иезуит Вольф передал ему смысл пожелания императора. В тот же день король Иосиф прислал Шереметеву новый подарок: золотую шпагу, осыпанную бриллиантами. Сведения об ответном ходе Бориса Петровича в источниках отсутствуют: видимо, запасы собольих и горностаевых мехов иссякли.

Из Вены странник выехал 11 сентября 1698 года. Он вновь проследовал через Польшу, затем побывал в Киеве и вернулся в великорусские земли, не забыв отдохнуть после путешествия в своих имениях и найдя время для занятий усадебным хозяйством. 10 февраля 1699 года Борис Петрович возвратился в Москву. Секретарь австрийского посольства Иоганн Георг Корб отметил в своих записках: «Князь Шереметев, выставляющий себя мальтийским рыцарем, явился с изображением креста на груди; нося немецкую одежду, он очень удачно подражал и немецким обычаям, в силу чего был в особой милости и почете у царя»[113].

Европейские странствия

С годами энергия Петра Великого не ослабевала. Он месяцами колесил по России во всех направлениях, а также выезжал много раз в Польшу и Германию для переговоров с польским и прусским королями, руководства действиями русской армии против шведов и лечения на европейских курортах. 27 января 1716 года началось второе длительное заграничное путешествие Петра I, растянувшееся почти на два года.

Прежде всего необходимо было подумать о здоровье. Тяжелая болезнь царя, приковывавшая его к постели в течение всего декабря 1715 года, вынудила его отправиться на лечение в нижнесаксонский курортный городок Бад-Пирмонт. Однако помимо принятия лечебных

процедур Петру необходимо было решить за границей ряд дел государственной важности: заключить дружественный и династический союз с Мекленбургом, попытаться организовать совместный русско-датский морской десант к берегам Швеции, а главное — побывать с политическими и познавательными целями во Франции.

Вместе с Петром в путешествие отправилась Екатерина. Еще государь взял с собой племянницу Екатерину Иоанновну, которую намеревался выдать замуж за герцога Мекленбургского. Августейшие путники ехали на запад медленно, с продолжительными остановками, вызванными недомоганиями обоих супругов. В Риге они провели неделю, с 2 по 7 февраля 1716 года, в Данциге оставались с 18 февраля по 1 мая[114].

Восьмого марта в Данциг приехал мекленбургский герцог Карл Леопольд. Будущий родственник, человек грубый, угрюмый, малообразованный и своевольный, не понравился российскому государю. Но личные симпатии не могли играть заметной роли в проекте брачного и династического союза: Петр I был заинтересован в установлении дружественных отношений с Мекленбургом, чтобы закрепить влияние России в Германии.

В последующий месяц Петр с супругой, племянницей и ее женихом проводил дни, осматривая средневековые замки и церкви, посещая многочисленные музеи; вечера были посвящены театрам, а также балам и ассамблеям в домах вельмож. На свадьбу съехались представители государей Дании, Пруссии и Ганновера; польский король Август II явился лично. С этим старым знакомым Петр многократно встречался наедине и обсуждал вопросы европейской политики.

Бракосочетание Екатерины Иоанновны и Карла Леопольда состоялось 8 апреля 1716 года. В 2 часа дня российский генерал Адам Адамович Вейде в своей карете повез жениха в дом, где остановился Петр I. Царь в присутствии находившихся в его свите андреевских кавалеров торжественно надел на герцога орден Святого Андрея Первозванного, а потом проводил его в покои невесты, которая ждала нареченного с велико-

княжеской короной на голове. Затем Петр с супругой, Август II, прочие иностранные гости, российские, мекленбургские и польско-саксонские придворные сопроводили жениха и невесту в часовню, расположенную через улицу от дома российского монарха. Обряд венчания был совершен русским архиереем. Во время церемонии, продолжавшейся два часа, Петр, по своему обыкновению, часто переходил с места на место и сам указывал певчим те места в псалтыре, которые им надлежало исполнять[115]. Из часовни свадебная процессия отправилась в дом герцога, где в узкой комнате был накрыт праздничный стол. На площади перед домом был устроен фейерверк, во время которого Петр с удовольствием зажигал и запускал ракеты[116].

Первого мая Петр с супругой и свитой покинул Данциг и продолжил свой путь на запад. По дороге он непременно хотел встретиться с датским королем Фредериком IV для выработки плана совместных военных действий против Швеции. Посол в Копенгагене князь Василий Лукич Долгорукий получил приказ передать от имени царя: «Желаю сего свидания, дабы все определить и потом ехать лечиться». Встреча Петра и Фредерика состоялась в середине мая близ Гамбурга. Во время четырехдневных переговоров удалось достичь соглашения о высадке совместного десанта в Сконе — прибрежной провинции на юге Швеции, отделенной от Дании лишь узкой полосой моря.

Затем Петр с чувством исполненного долга отправился в курортный Бад-Пирмонт, где пробыл почти три недели, с 26 мая по 14 июня. Уже в день приезда «его величество изволил идти к колодезю и кушать воду». 30 мая, в день рождения царя, пришлось даже отказаться от «публичного банкета» «за тем, что дохтуры при употреблении тех вод вина пить всем заказали»[117].

Из саксонского Бад-Пирмонта государь отправился в Росток, столицу Мекленбургского герцогства. Затем он вместе с новым родственником Карлом Леопольдом провел несколько дней в герцогской резиденции в Шверине, где любил обедать в саду, из которого открывался прекрасный вид на Шверинское озеро. Во время обеда Карл Леопольд всегда приказывал стоять у стола

четверым своим гвардейцам исполинского роста, с огромными усами. Петр, не выносивший условностей и церемоний, неоднократно просил обойтись без этих излишних почестей, но герцог его не слушал. Однажды, ближе к вечеру, пировавших высоких особ стали беспокоить комары. Тогда царь сказал герцогу, указывая на гвардейцев: «Вот эти мужичины с обнаженными шпагами ни к чему иному не годны; велите им подойти и отгонять комаров огромными своими усами»[118].

Вернувшись в Росток, Петр произвел смотр находившейся там русской галерной эскадры, приготовленной для переправки морских пехотинцев в Копенгаген, а оттуда в Швецию. Между тем Фредерик IV уже начал колебаться в отношении планов совместного русско-датского десанта — его пугало возможное вмешательство России в дела Мекленбурга, расположенного неподалеку от датских владений в Германии. Те же чувства испытывал английский король Георг I, являвшийся одновременно ганноверским курфюрстом. Между тем позиция Англии была крайне важна, поскольку Петр и Фредерик рассчитывали на поддержку английского флота.

Петр, прибыв со своим галерным флотом в Копенгаген, провел июль и половину августа в бесплодном ожидании. Затем он сумел уговорить датского короля послать соединенный флот в Зундский пролив, где около ста купеческих кораблей под разными флагами стояли, опасаясь встречи со шведскими каперами на Балтике. Фредерик IV поручил русскому монарху командование флотом, к которому присоединились английские и голландские военные суда. На грот-стеньге флагманского* корабля «Ингерманландия» взвился царский штандарт**, и соединенный флот приветствовал своего предводителя пушечными залпами. Купеческие корабли под надежным конвоем отплыли в восточном направлении.

---

* Флагман (от голл. *vlag* — флаг и *man* — человек) — командующий флотом или соединением кораблей, которому присвоен должностной флаг.

** Штандарт — особый вид флага правильной геометрической (обычно квадратной) формы; символ государства, воинского подразделения, лично главы государства. Золотой царский штандарт с черным двуглавым орлом посередине был введен в 1701 году.

Во время плавания английские моряки удивлялись стройности и точности маневров русских, которые совсем недавно познакомились с мореплаванием. Но особенно их поражали безукоризненные действия Петра I, командовавшего кораблями с мастерством опытного флотоводца. В то же время датчане подчинялись ему с явной неохотой и, по словам царя, «делали всё, как будто ленивые наемники, которые исполняют чужое, а не свое дело». Проводив купеческие суда до острова Борнгольм, где плавание было уже безопасным, флот союзников вернулся в Копенгаген[119].

Датчане продолжали оттягивать решение о начале десанта, упуская самое благоприятное летнее время. 1 сентября царь созвал военный совет из находившихся в Копенгагене русских генералов и офицеров.

— Так как наступает осень, то предпринимать ли высадку, тогда как дивизия Репнина по медленности датчан еще не перевезена? — поставил вопрос Петр.

— Высадку надобно отложить до будущей весны, — единогласно решили участники военного совета.

Дольше оставаться в Копенгагене было незачем. В начале октября Петр вместе с Екатериной и ее свитой вернулся в Мекленбург, и уже один отправился в Бранденбург для встречи с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I. Между ними состоялись переговоры о мерах по утверждению русско-прусского союза и о совместных действиях против Швеции.

В ноябре царь прибыл в Гамбург, а 6 декабря — в Амстердам, где намеревался оставаться довольно долго — осмотреть знакомые места и дождаться приезда Екатерины, которая по причине связанных с беременностью недомоганий и ехала по плохим, раскисшим от осенней непогоды дорогам очень медленно. При проезде через ганноверские владения на карету царицы напала толпа простонародья, сбросила кучера с козел, избила придворных, посадила их на крестьянские телеги и заставила таким образом сопровождать русскую государыню, чтобы унизить ее. Карету с ее своеобразным эскортом ганноверцы безостановочно гнали до самой границы своих владений[120]. Несомненно, в этом неприятном эпизоде выразилась озлобленность ганноверс-

ких властей, вызванная усилением российского влияния в соседнем Мекленбурге.

Испуг и утомление Екатерины привели к преждевременным родам: 2 января 1717 года по прибытии в Везель она произвела на свет царевича Павла, однако недоношенный ребенок умер на следующий день. Государыня мучилась от послеродовой лихорадки и была очень слаба. Тогда же Петр и сам тяжело заболел в Амстердаме; лихорадка и периодически повторявшиеся эпилептические конвульсии удерживали его в постели до 10 февраля, пока к нему не приехала поправившаяся Екатерина.

После выздоровления государь начал осматривать голландские предприятия и порты, побывал в живописных мастерских и приобрел несколько картин для своего петергофского дворца. В Амстердаме он купил также коллекцию анатомического музея профессора Фредерика Рёйса (Рюйша), составившую основу собрания Кунсткамеры.

Оставив Екатерину в Роттердаме, откуда она потом переехала в Гаагу, Петр 24 марта 1717 года отправился во Францию. Анри Труайя полагает, что русский монарх расстался с супругой из соображений деликатности: «После того как он показал ее при дворе почти всех иностранных правителей, не заботясь о том впечатлении, которое она могла произвести своими грубыми манерами и яркими нарядами, он решил, что будет нежелательно появляться с ней в злословящем и изысканном парижском обществе»[121]. На самом деле мнение французского света не особенно волновало царя, что ясно видно из его последующего поведения в Париже. Он не взял с собой супругу лишь по той причине, что она все еще была не совсем здорова. В Антверпене за полтора дня царь вместе со своей свитой (около шестидесяти человек) опустошил 269 бутылок вина. В Ниупорте его приветствовал юный герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский, пожелавший ему попутного ветра до окончания поездки.

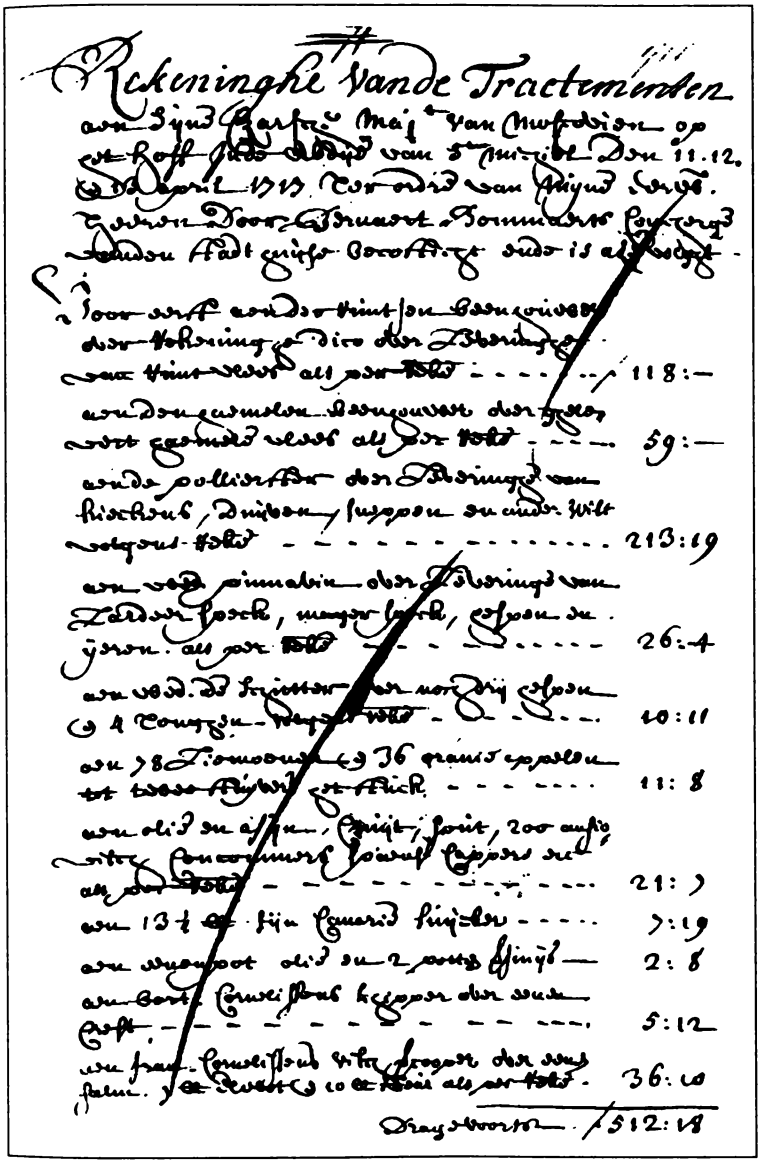
Десятого апреля Петр достиг французского берега в Дюнкерке и провел в этом городе четыре дня, осматривая порт, корабли под разными флагами, шлюзы и ма-

газины. Русского государя встречал уполномоченный французского короля Шарль де Либуа. Ему было заранее объявлено, что царь путешествует инкогнито, в сопровождении двадцати приближенных и такого же количества слуг. Либуа получил от правительства сумму на содержание этой свиты. Однако Петр привез с собой 57 человек и сообщил, что еще 23 участника вояжа должны подъехать в ближайшие дни. Поэтому Либуа мог выдать путешественникам только полторы тысячи ливров в день на расходы. Это вызвало громкое возмущение российского посла во Франции князя Б. И. Куракина, сопровождавшего государя от Дюнкерка до Парижа, которое Либуа немедленно передал в Версаль; к его большому облегчению, сразу же последовало распоряжение регента Франции Филиппа Орлеанского увеличить сумму в три раза.

На пути из Дюнкерка в Кале Петр увидел множество ветряных мельниц и сказал сидевшему рядом с ним в карете Павлу Ивановичу Ягужинскому: «То-то бы для Дон Кишотов было здесь работы!»

В Кале августейший путешественник провел два дня. 17 апреля он «изволил смотреть фортецию и солдатскую экзерцицию», а на другой день участвовал в охоте на зайцев, хотя не любил этого развлечения. Накануне отъезда Петр пожелал, чтобы ему и сопровождавшим его лицам вместо карет были предоставлены двуколки. Однако с трудом найденные повозки ему не понравились. Путешественники доехали на них только до Булони, а дальше Петр отправился в экипаже собственной конструкции, распорядившись поставить кузов своей двуколки на каретные дроги. Для обеспечения безопасности в этом случае было необходимо, чтобы пешие слуги поддерживали оглобли и вели лошадей под уздцы. Тем не менее Петр был очень доволен своим экипажем. Сопровождавшие его лица следовали за ним в повозках[122].

Дорога до Парижа в обществе русских путешественников оказалась весьма трудной для месье Либуа, который изо всех сил старался угодить высочайшему гостю с его своеобразными вкусами и привычками. Уполномоченный французского двора сообщал в Версаль, что


Rekeninghe Vande Tractementen

В счет, выставленный аббатством Святого Михаила городским властям Антверпена за прием русских гостей 11—13 апреля 1717 года, включена стоимость 269 бутылок вина, разбитой посуды и пороха для салютов

Петр и его свита, «все, от трона до конюшни, легко впадают в ярость». В самом же царе придворный увидел «зачатки добродетели, но совсем дикой». По описанию Либуа, распорядок жизни Петра был таков: «Он встает рано утром, обедает около десяти утра и, если хорошо пообедал, после легкого ужина ложится в девять; но между ужином и обедом он немыслимо много выпивает анисовой водки, пива, вина и съедает фруктов и всякого рода съестных припасов... У него всегда в руке две или три тарелки с блюдами, которые ему готовит его личный повар. Он выходит из-за роскошно накрытого стола, чтобы продолжить трапезу в своей спальне. Он заявляет, что пиво, которое ему подают, отвратительно, и жалуется на всё»[123].

В Амьене светские и духовные власти три дня хлопотали, чтобы обеспечить русскому государю достойную встречу. Но их заботы о торжественном обеде, фейерверке, иллюминации и концерте оказались напрасными — Петр проехал по городу, нигде не останавливаясь, и решил немедленно следовать в Бове. В ответ на объяснения, что в это время нет сменных лошадей, он разразился проклятиями и отправился дальше в своем экипаже. Срочно предупрежденный комендант Бове быстро нашел 60 недостающих лошадей, подготовил ужин, концерт, иллюминацию, украсил дворец царскими гербами и собрал весь цвет города для торжественной встречи. Однако Петр не пожелал останавливаться. Когда спутники робко сказали ему, что больше нигде по пути не получат такого хорошего обеда, царь ответил: «Для солдата был бы хлеб да вода, так он уже тем и доволен».

Путешественники быстро проехали через весь город и остановились в четверти лье за городской стеной, в кабаке, пользовавшемся дурной славой, где поужинали за 18 франков и остались на ночь. Вместе с царем в это время находились посол Б. И. Куракин, вице-канцлер П. П. Шафиров, П. И. Ягужинский, князь Г. Ф. Долгорукий, П. А. Толстой, офицеры, камергеры, пажи и шуты во главе с князь-папой Н. М. Зотовым. Последний позже произвел неизгладимое впечатление на министра иностранных дел Франции Гийома Дюбуа, который

обрисовал его следующим образом: «Старикашка маленького роста, с длинными белыми волосами, спадающими на плечи, невыносимо безобразный уродец, похожий на жабу»[124].

Перед прибытием в Париж Петр, наконец, согласился пересесть в королевскую карету и при въезде в столицу 21 апреля 1717 года был встречен со всеми подобающими почестями. Было уже девять часов вечера, и улицы города по приказу регента были ярко освещены стационарными и переносными фонарями. Царскую карету сопровождали триста конных гренадеров королевского полка. Регент распорядился приготовить для высокого гостя роскошные апартаменты королевы-матери в Лувре; Петра ожидала великолепная кровать, подаренная в свое время Людовику XIV его супругой Франсуазой де Ментенон. Для русского государя и его свиты было накрыто два стола на 60 персон, сервированные восемьюстами большими и малыми блюдами. Однако царь остался верен себе: бегло осмотрел убранство помещения, взглянул на стол, съел ломтик бисквита и пареную репу, попробовал шесть сортов вина, выпил два стакана пива, а затем приказал потушить свечи, вышел из зала, спустился во двор, принес из экипажа свою походную постель и устроился на ночлег в гардеробной[125].

Следующим утром Петр I переехал во дворец герцогов Ледигьеров, расположенный рядом с Арсеналом. Здесь его впервые увидел цвет французского высшего общества. Известный мемуарист герцог Луи Сен-Симон де Рувруа вспоминал впоследствии о впечатлении, произведенном на него российским монархом: «Это был очень большой человек, очень ладно сложенный, достаточно худой, круглолицый, с большим лбом, густыми бровями, крупным носом, достаточно пухлыми губами и красноватым цветом лица. Он был брюнетом с красивыми черными глазами, большими, живыми и пронизывающими; взгляд величественный и приветливый, когда он обращал на это внимание, или суровый и дикий, с тиком на лице, который был, правда, не часто, но обезображивал его лицо и повергал в страх. Это моментально проходило, с блуждающим страшным взглядом, и тотчас же возвращалось снова».

Придворный щеголь Сен-Симон обратил особое внимание на простоту одежды Петра I: «Он носил только холщовые воротники, круглый коричневый парик, не пудря его, который едва доходил ему до плеч, коричневую одежду по фигуре, одноцветную, с золотыми пуговицами, куртку, короткие штаны, чулки, без перчаток и без манжет, орденскую звезду носил прямо на одежде, а орденскую ленту поверх, его одежда часто бывала расстегнута, головной убор лежал на столе, и почти никогда он его не надевал, даже когда выходил на улицу. В этой простоте зачастую он ездил и сопровождался не так, как подобало его сану, но он был узнаваем благодаря своему величию, которое было для него вполне естественно»[126].

Статьи о прибытии в Париж российского монарха немедленно появились во французской печати. Газета «Ведомости иностранных дел» поместила на своих страницах весьма точное описание высокого гостя: «Черты лица у него довольно красивые, в его выражении просвечивает доброта, и трудно поверить, что он срубает головы подданным, вызвавшим его неудовольствие. Он был бы очень хорошо сложен, если бы не горбился на ходу похуже голландских матросов, которым, кажется, старается подражать...»[127]

После обеда 22 апреля русского государя посетил Филипп Орлеанский. Петр сделал несколько шагов навстречу регенту Франции, обнял его, как вспоминал Сен-Симон, «с видом большого превосходства», а затем вошел в свои апартаменты впереди гостя «без малейшей вежливости». За ним проследовали регент и Б. И. Куракин, который должен был исполнять обязанности переводчика. У Сен-Симона сложилось впечатление, что «царь хорошо понимал французский язык» и при желании «мог бы на нем говорить», однако пользовался услугами переводчика в силу своего высокого положения. На самом деле Петр понимал французский лишь в малой степени.

Царь и регент уселись в расположенные напротив кресла и провели час в дружеской и довольно бессвязной беседе, избегая острых политических вопросов. Затем Петр поднялся, отвесил гостю короткий поклон и

вышел в соседнюю комнату. Филипп, не зная, следует ли считать визит оконченным, хотел пойти вслед за хозяином, но Куракин с выражением глубокого почтения остановил его. Регент должен был понять, что российский монарх не может удовольствоваться встречей со вторым лицом Французского королевства.

Через несколько дней, 29 апреля, семилетний король Франции Людовик XV прибыл в особняк Ледигьеров в карете, запряженной восьмеркой лошадей, в сопровождении многочисленного эскорта. На этот раз Петр спустился во двор, встретил мальчика при выходе из кареты и провел его в свои апартаменты, шествуя слева от гостя, что являлось выражением почтения. В своих покоях царь предложил королю занять кресло, а сам уселся напротив. В течение пятнадцати минут монархи при посредничестве Куракина обменивались протокольными любезностями. Людовик произносил заученные наизусть речи, а Петр отвечал ему веселым жизнерадостным тоном.

В момент расставания русский государь, забыв о правилах этикета, схватил маленького французского монарха, поднял его над своей головой и поцеловал, промолвив: «Сир, это не поцелуй Иуды». Присутствовавшие при этой сцене придворные замерли от неожиданности. «Удивительно было, — пишет Сен-Симон, — видеть царя, взявшего короля на руки, поднявшего его и обнимавшего в воздухе, а король, для своего возраста не готовый к такому повороту событий, вовсе не испытывал страха. Все были изумлены подобной благосклонностью царя, которую он демонстрировал перед королем, нежным обращением с юным королем, этой вежливостью, которая была связана с положением, равенством по крови и слегка превосходством в возрасте»[128].

Французские вельможи и особенно воспитатель короля маршал Франсуа Вильруа проявили заметные признаки беспокойства, увидев своего маленького повелителя высоко над землей, в руках царя-гиганта. Но Петр с веселым видом сказал им: «Держа всю Францию на руках, не уроню ее, ибо государь государя блюсти умеет»[129]. Опустив мальчика на землю, Петр проводил его до кареты и галантно раскланялся с ним. Об этой встрече царь

сообщил в письме супруге: «Объявляю вам, что в прошлой понеделник визитовал меня здешней каралища, которой палца на два более Луки нашева (придворного карлика. — *В. Н.*), дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему довольно разумен, которому седмь лет»[130].

Петр I прожил в Париже с 21 апреля по 9 июня 1717 года. В это время П. П. Шафиров, П. А. Толстой и Б. И. Куракин вели дипломатически переговоры с представителями французского правительства, завершившиеся обязательством Франции «употребить добрые услуги для окончания Северной войны» и не вступать в договорные отношения со Швецией по окончании срока франко-шведского союза в апреле 1718 года[131]. А царь тем временем выполнял свою собственную культурно-познавательную программу, которая была весьма насыщенной. Он просыпался рано, наспех завтракал, выскакивал на улицу; не желая терять времени в ожидании королевской кареты, садился в первый попавшийся экипаж и отправлялся на экскурсии по Парижу и его окрестностям. Например, 30 апреля он посетил Арсенал, осмотрел королевский парк и «аптекарский огород» (ботанический сад), произвел осмотр «анатомических вещей». Однако приходилось находить время и для официальных встреч: в тот же день царь устроил прием для двенадцати членов парижского магистрата, а затем, в пятом часу пополудни, отправился с ответным визитом к Людовику XV. 1 мая Петр побывал на шпалерной мануфактуре, в анатомическом театре и обсерватории. Несколько часов он пробыл в парижском Доме инвалидов (воинов-ветеранов), где отведал солдатского супа, выпил вина за здоровье старых солдат, причем похлопывал кое-кого из них по плечу и называл их своими товарищами. В другие дни он посещал научные и учебные заведения, встречался со знаменитыми учеными Франции. 3 мая Петр побывал в парижской Опере, где Филипп Орлеанский принял его в королевской ложе, украшенной дорогими коврами. Утомленный спектаклем, царь потребовал принести пива. Ему подали большой бокал, который Петр выпил жадными глотками. Регент протянул ему салфетку; он, по свидетельс-

тву Сен-Симона, принял ее «с улыбкой и вежливым поклоном». Петр смог высидеть только до четвертого акта продолжительного спектакля, после чего встал с места, раскланялся с регентом и отправился ужинать.

Особый интерес русский государь проявлял к королевским паркам. В течение трех дней, с 13 по 15 мая, он изучал их планировку в Версале и Марли, при этом обращал особое внимание на устройство фонтанов и прудов. Много времени он уделил также ознакомлению с внутренним убранством Версальского дворца.

В последний день мая Петр отправился в Сен-Сире, чтобы ознакомиться с расположенным там знаменитым учебным заведением для благородных девиц, основанным Франсуазой де Ментенон. 82-летняя вдова Людовика XIV жила там же, рядом со своими воспитанницами. Она отказалась принять российского монарха, сославшись на болезнь, и осталась в постели в комнате с плотно задернутыми шторами. Однако Петр бесцеремонно растолкал удерживавших его слуг, вошел своими гигантскими шагами в опочивальню старой дамы и даже отдернул шторы, чтобы лучше разглядеть некогда красивую женщину, а затем сел у ее изголовья.

— Чем вы больны? — спросил он.

— Старостью, — ответила Ментенон.

— Сей болезни все мы подвержены, если будем долго жить, — заметил Петр, пожелал хозяйке дома выздоровления и отправился осматривать учебное заведение[132].

Шестнадцатого июня царь вместе с регентом наблюдал в Париже за учениями полков королевской гвардии. Он рассказывал Куракину: «Я видел нарядных кукол, а не солдат. Они танцуют, а не ходят. Полковой экзерциции надлежит смотреть в Потсдаме»[133].

Любопытны приведенные Сен-Симоном сведения о застольях Петра I во время пребывания в Париже и его окрестностях. «Непостижимо, сколько он обычно съедал во время трапезы, — отмечал мемуарист, — не считая того количества пива, лимонада и других напитков, которые он выпивал во время еды; бутылка или две пива, столько же или даже больше вина, затем он пил ликеры, а в конце еды полштофа специально приготовленной водки»[134].

Далее Петр решил отправиться в Спа, чтобы поправить здоровье на водах. Накануне отъезда из французской столицы он обронил известное замечание: «Жалею, что домашние обстоятельства принуждают так скоро оставить здесь науки и художествы, и жалею притом, что Париж рано или поздно от роскоши падет или от смрадной вони вымрет»[135].

По пути следования высокого гостя французские города стремились принять его как можно лучше. В Реймсе он остановился всего на несколько часов, тем не менее муниципалитет потратил 450 ливров на угощение. В Шарлевиле Петр со свитой провел два дня, что обошлось городу в четыре тысячи ливров. Царь с большим интересом осмотрел шарлевильский ружейный завод и нанял нескольких тамошних мастеров на русскую службу. Но когда ему предложили вслед за тем посетить кружевную фабрику, он резко ответил: «Кружева? Это не мое дело! Это скорее заинтересовало бы царицу, если бы она была здесь!»

Далее Петр со спутниками поплыл на корабле по реке Меузе в Льеж. На борт была доставлена гора съестных припасов: «170 фунтов различного мяса, одна косуля, 35 цыплят и кур, шесть больших индюков, 83 фунта ветчины, 200 раков, 200 яиц, 15 фунтов лосося, две больших форели, три бочки с пивом, один говяжий язык и два свиных языка, шесть пар голубей, две щуки, 20 фунтов масла». Сопровождавший царя доктор Роберт Арескин пытался удерживать своего августейшего подопечного от излишеств в еде, но тот резко оборвал его: «Никакого лечения, пока не приехали в Спа».

В Намюре Петр принял участие в бое на ходулях, а затем танцевал до часу ночи на балу, устроенном в его честь. Он отказался ночевать во дворце, где всё было приготовлено к его приезду, и отправился спать в свою маленькую каюту на корабле. В Льеже он пренебрег роскошными покоями дворца и остановился в дешевом отеле «Лоррен». На следующий день он обошел город, посетил предприятия по изготовлению «зажигательного стекла» и спустился в угольную шахту, чтобы изучить труд горняков.

Наконец 21 июня Петр со свитой в 40 человек при-

был в Спа, где начал пить целебные воды в неумеренных количествах. Каждое утро он отправлялся к источнику в Геронстере, в одном лье от Спа, верхом, в экипаже или легкой повозке, которыми сам управлял на каменистых дорогах. У источника царь выпивал около двадцати стаканов воды подряд, а затем съедал шесть фунтов вишни и дюжину больших плодов инжира в связи с предписанной ему фруктовой диетой. Затем он прогуливался по окрестностям Спа, заходил в крестьянские дворы, заглядывал в амбары и хлева и беседовал с сельчанами по-французски, поскольку к тому времени уже успел неплохо изучить язык. К обеду государь возвращался в Спа и приступал к трапезе в присутствии друзей из своей свиты и десяти-двенадцати гостей из местного общества. Один из них, католический священник Анри ла Найе, красочно описал застолье Петра I: «Почти все тарелки были перевернуты на скатерть, так же как и бутылки с вином, которым не нашлось хорошей пробки. Когда последовала перемена блюд, скатерть вся была испачкана жиром и вином. Последовала вторая перемена блюд. Она состояла из одного блюда, на котором было жаркое из телятины и четыре цыпленка. Его величество приметил самого большого цыпленка из четырех, взял его в руку, провел им под носом и сделал мне знак, что он хорош, а затем оказал мне любезность и бросил его в мою тарелку; блюдо скользило с одного конца стола на другой, не встречая на пути препятствий, потому что было единственным, а скатерть была такой грязной, что облегчала это скольжение. Затем последовал десерт. Принесли тарелку с тремя пирожными. Наконец поднялись из-за стола, и царь, приблизившись к окну, нашел пару жирных и ржавых щипцов для снятия нагара и воспользовался ими, чтобы почистить свои ногти»[136].

Петр пробыл в Спа до 13 июля, затем отправился в путь. Добравшись с остановками до Маастрихта, он отплыл на яхте в Амстердам, где его дожидалась Екатерина. 28 июля царская чета встретилась, а 22 августа в сопровождении многочисленной свиты выехала в юго-восточном направлении, посетила Харлем, Берген-оп-Зом и Неймеген. 31 августа путешественники достиг-

ли Клеве, а затем через Эрфурт, Бранденбург и Шпандау явились в Берлин, где пробыли с 8 по 14 сентября[137].

Прусский король Фридрих Вильгельм I и его супруга София Доротея приняли высоких гостей в своем замке Сан-Суси. Дочь коронованных хозяев Вильгельмина, впоследствии маркграфиня Байрейтская, отметила в мемуарах, что ее мать в ожидании беспорядков и погрома в доме приказала «увезти самые хрупкие вещи». При встрече с восьмилетней принцессой Петр подхватил ее на руки и крепко поцеловал в обе щеки. Она запомнила русского царя «очень большим и довольно статным», но «с лицом таким грубым, что становилось страшно». Любившая позлословить графиня не пощадила в своих мемуарах и супругу русского монарха. «Царица, — писала она, — была маленькой и коренастой, очень загорелой и не имела ни внешности, ни грации. Было достаточно одного взгляда на нее, чтобы догадаться о ее низком происхождении. В своем смешном наряде она вполне подошла бы для игры в немецких комедиях». Придворный прусского короля барон Иоганн фон Пёльниц также вспоминал, что в Екатерине, «с лицом, намазанным белилами и румянами, и коренастой фигурой, на которой топорщилось безвкусное платье, не было ничего соблазнительного». Вместе с тем он отметил, что «в ее манерах не было ничего неприятного и можно было бы с натяжкой назвать их хорошими, если вспомнить о происхождении этой принцессы»[138].

В Берлине Петр посетил Кабинет медалей и античных скульптур и попросил Фридриха Вильгельма подарить ему изваяние, представлявшее «языческое божество в очень неприличной позе». Король нехотя расстался с этим редчайшим экспонатом, но вынужден был удовлетворить бесцеремонное желание гостя[139].

Из прусской столицы царь с супругой и сопровождавшими их лицами выехали на восток, чтобы вернуться в Россию. С 18 по 22 сентября они пробыли в Данциге, 25-го приехали в Мемель, 28-го — в Митаву, а на следующий день — в Ригу[140]. 10 октября 1717 года Петр возвратился в Санкт-Петербург, пробыв за пределами России в общей сложности 21 месяц. Почти двухлетнее заграничное путешествие обогатило его знаниями

и впечатлениями; теперь он лучше понимал, что́ необходимо доделать для превращения своей столицы в настоящий европейский город и для придания русскому обществу большей цивилизованности.

Глава третья

Люди новой эпохи

Характер и привычки Петра Великого

«Царь очень высок ростом, носит собственные короткие коричневые вьющиеся волосы и довольно большие усы, прост в одеянии и наружных приемах, но весьма проницателен и умен», — отметил в записках датский дипломат Юст Юль[141]. «Рост его был два аршина 14 вершков, — уточняет историк XVIII века Иван Иванович Голиков, горячий почитатель Петра I. — Лицо полное и несколько смугловатое, глаза черные, исполненные живости и огня»[142]. Следовательно, рост царя составлял два метра пять сантиметров. Целуясь со встречными на Пасху, он постоянно должен был нагибаться до боли в спине.

Он всегда и во всем спешил. Когда он быстро вышагивал своими огромными ногами, спутники с трудом поспевали за ним вприпрыжку. Петр был чрезвычайно темпераментен и активен, ему было трудно усидеть на месте. На продолжительных пирах он часто вскакивал со стула и выбегал в соседнюю комнату, чтобы размяться. Будучи по природе очень нетерпеливым человеком, царь научился это скрывать за счет огромного самообладания. Юст Юль поражался тому, «до какой степени он умеет владеть своим лицом и как ни малейшею миной, ни равно своими приемами он не выдает своего неудовольствия либо скуки»[143]. Однако государю порой было невозможно с собой совладать: включались механизмы дремавшего в нем нервно-психического заболевания, о чем речь пойдет ниже.

Петр, по выражению В. О. Ключевского, был гостем у себя дома: «Он вырос и возмужал на дороге и на работе под открытым небом»[144]. За годы своего правления

он исколесил страну от Архангельска и Невы до Прута, Азова, Астрахани и Дербента. Его отличала потребность в перемене мест и впечатлений. Он постоянно стремился найти себе какое-нибудь занятие. Если он не спал, не находился в дороге, не пировал или не осматривал достопримечательности, то непременно что-нибудь мастерил или строил.

Любимым занятием Петра I была работа на токарном станке. Ю. Юль отмечал, что «царь часто развлекается точением и, путешествуя, возит станок за собою. В этом мастерстве он не уступит искуснейшему токарю и даже достиг того, что умеет вытачивать портреты и фигуры». На станке государь работал «с таким усердием и вниманием, что не слышал, что ему говорят, и не отвечал, а с большим упорством продолжал свое дело, точно работал за деньги и этим трудом снискивал себе пропитание»[145].

Склонность к ремесленным занятиям с годами превратилась у Петра в привычку: он хотел непременно освоить всякое новое дело, прежде чем успевал сообразить, зачем оно ему может понадобиться. Царь приобрел невероятное количество технических познаний. Уже в первую заграничную поездку, в возрасте двадцати пяти лет, он с гордостью сообщил немецким принцессам, что в совершенстве владеет четырнадцатью ремеслами. А во время пребывания за границей круг его технических навыков еще более расширился: он стремился обучиться самым разнообразным профессиям и в Амстердаме даже пытался овладеть гравировальным мастерством под руководством Адриана Шхонебека. После смерти Петра чуть ли не везде, где он бывал, обнаруживались предметы его изготовления: шлюпки, стулья, посуда, табакерки и прочие вещи. Он считал себя способным выполнить любую работу, в том числе хирурга и зубного врача. Люди из его окружения порой скрывали свои недуги из опасения, как бы царь не явился с хирургическими инструментами их оперировать. У него имелся специальный мешочек, где хранились выдернутые им зубы.

В отличие от своих царственных предшественников, Петр был совершенно равнодушен к охоте. И. Г. Корб

Во время пребывания в Голландии Петр I под руководством Адриана Шхонебека освоил азы гравировального мастерства и изготовил гравюру «Победа христианства над исламом». ... *1698 г.*

отмечал, что «царь увлекается другого рода страстью: он предпочитает всем развлечениям и наслаждениям военное искусство, потешные огни, пушечную пальбу, кораблестроение, опасности мореплавания и тяжелые заботы любителей славы»[146].

Но превыше всех своих занятий он ставил мастерство строительства кораблей. В Петербурге он не пропускал ни дня, чтобы хоть на пару часов не зайти в Адмиралтейство и не поработать топором на верфи. Современники не без основания считали его лучшим корабельным мастером в России: при желании он мог бы в одиночку построить корабль от корпуса до мельчайших деталей отделки.

Кораблестроение являлось частью свойственного Петру I «культа воды». Уроженец сухопутной Москвы по какой-то причине с юных лет буквально заболел стремлением к мореплаванию. Некоторые историки склонны видеть в этом компенсацию детской водобоязни. Петр уверенно стоял у штурвала прогулочных яхт, а иногда даже и больших военных кораблей. Одним из любимых занятий царя являлось катание на кипарисовом буере — маленьком парусном судне, привезенном по его заказу из Индии.

Петр отличался необыкновенной физической силой, которая еще более развилась в нем от постоянного обращения с топором и молотком. Он мог свернуть в трубку серебряную тарелку и перерезать ножом кусок сукна на лету[147]. Государь имел невероятный аппетит, готов был есть где угодно и сколько угодно. Иногда в течение одного вечера он мог побывать в гостях в трех-четырех домах и везде предавался обильной трапезе с щедрыми возлияниями. Царь пристрастился к спиртному еще в юности, в компании известного пьяницы Франца Лефорта. В течение всей своей сознательной жизни он ни дня не обходился без водки, пива, венгерского или рейнского вина. В те же юные годы он начал курить трубку и с тех пор почти не выпускал ее изо рта.

Просыпался Петр очень рано, в пятом часу утра. Около полудня он обедал, после чего, как правило, ложился на некоторое время спать, даже в тех случаях, когда обе-

дал в гостях, а затем с новыми силами продолжал свои занятия.

Свой быт государь старался обустроить как можно проще и дешевле. Его часто видели в стоптанных башмаках и в чулках, заштопанных женой или дочерьми. Дома он принимал посетителей в стареньком халате из китайской нанки*, на улицу выходил в простом кафтане из толстого сукна, который подолгу не менял. Ездил он обычно на одноколке или на плохой паре в таком убогом кабриолете, в котором, по замечанию иностранца-очевидца, не всякий московский купец решился бы выехать в город. А в торжественных случаях царь брал экипаж напрокат у известного щеголя Павла Ягужинского. Во время приезда Петра I в Нарву осенью 1709 года, по свидетельству Юста Юля, «при нем не было ни канцлера, ни вице-канцлера, ни какого-либо тайного советника, была только свита из восьми или десяти человек. Он равным образом не вез с собою никаких путевых принадлежностей — на чем есть, в чем пить и на чем спать»[148].

Петр терпеть не мог просторные и высокие залы, он не мог жить в комнате с высоким потолком; попадая по необходимости в такие помещения, он приказывал натягивать искусственный низкий потолок из полотна.

В обращении государя с людьми непринужденность граничила с бесцеремонностью. Придя в гости, он садился куда попало, на первое свободное место. Когда ему становилось жарко, он без стеснения при всех скидывал с себя кафтан. Он не считал нужным утруждать себя деликатными манерами, а зачастую был откровенно груб. Однажды на большом празднике иностранный артиллерийский офицер, назойливый болтун, в разговоре с царем начал хвастаться своими познаниями и успехами, не давая вставить встречное слово. Петр некоторое время слушал хвастуна, а затем плюнул ему в лицо и отошел в сторону, ни слова не говоря.

Беззастенчивость царя особенно заметно проявлялась в его привычке запросто являться в дома русских

---

* Нанка — тонкая хлопчатобумажная отбеленная ткань полотняного переплетения, иногда с текстильным орнаментом в полоску или клетку.

вельмож и иностранных дипломатов. «Мало того, — отмечает Юль, — что царь любит, чтоб его постоянно звали в гости, порою он неожиданно является и сам, без приглашения, для каковых случаев надо всегда иметь в запасе известное количество продовольствия и крепких напитков... Будучи приглашен к кому-либо или приходя по собственному побуждению, царь обыкновенно сидит до позднего вечера; тут-то и предоставляется отличный случай болтать с ним о чем угодно. Не следует, однако, забывать его людей: их должно хорошенько накормить и напоить, потому что царь, когда уходит, сам спрашивает их, давали ли им чего-нибудь. Если они изрядно пьяны, то всё в порядке. Царь любит также, чтоб при подобных случаях делали его слугам подарки»[149].

Царь был противником каких бы то ни было формальностей, что с удивлением отмечали иностранные дипломаты. С первых минут знакомства с Юстом Юлем Петр I вступил с ним в такой дружеский разговор, что, отмечает датчанин, «казалось, он был моим ровнею и знал меня много лет». Он говорил по-голландски настолько отчетливо, что датский дипломат мог без труда его понимать. При тосте за здоровье датского короля русский государь собственноручно подал посланнику стакан[150].

По словам В. О. Ключевского, «Петр является перед наблюдателем в вечном потоке разнообразных дел, в постоянном деловом общении со множеством людей, среди непрерывной смены впечатлений и предприятий; всего труднее вообразить его наедине с самим собою, в уединенном кабинете, а не в людной и шумной мастерской»[151]. Это мнение не совсем полно отражает реальную картину жизни Петра I. Иностранные дипломаты неоднократно отмечали, что в некоторые дни царь запирался у себя дома и не позволял обращаться к нему ни по каким делам. В такие моменты он занимался перепиской, разрабатывал указы или предавался иной кабинетной деятельности. Например, однажды он почти в течение целой недели разрабатывал модель нового корабля. По замечанию Юста Юля, «царь так неровен, что в иное время с ним можно беседовать всюду, на улице, где бы он ни был, и со всеми он обходится как с

ровнями; но на другой день, если он хочет быть один, нельзя даже дознаться, где его найти, и доступ к нему так же труден, как в былые времена к персидскому царю Артаксерксу»[152].

Петр I задался мыслью пройти все ступени военной и морской службы и дослужился на флоте до звания шаутбенахта, то есть контр-адмирала (1709), а затем и вице-адмирала (1714), а в армии — до генерала (1713). Этими чинами его награждал князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский. Петр постоянно стремился продемонстрировать свое подчиненное положение по отношению к флотским и сухопутным военным начальникам выше его по должности. Подобную картину наблюдал Юст Юль при поднятии форштевня* на пятидесятипушечном корабле: «Достойно замечания, что, сделав все нужные распоряжения для поднятия форштевня, царь снял пред стоявшим тут генерал-адмиралом шапку, спросил его, начинать ли, и только по получении утвердительного ответа снова надел ее, а затем принялся за свою работу. Такое почтение и послушание царь выказывает не только адмиралу, но и всем старшим по службе лицам, ибо сам он покамест лишь шаутбенахт». «Пожалуй, это может показаться смешным, — продолжает датчанин, — но, по-моему мнению, в основании такого образа действий лежит здравое начало: царь собственным примером хочет показать прочим русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушны в отношении своего начальства»[153]. В другой раз дипломат отметил, что «в делах служебных его величество выказывает старшим такое же послушание и покорность, как самый младший из его служащих». По свидетельству того же очевидца, «находясь на судне, Петр I не желал пользоваться титулом величества и требовал, чтобы его называли в это время просто шаутбенахтом. Всякого оговорившегося он немедленно заставлял выпить в наказание большой стакан крепкого вина»[154].

Всем известен стихотворный афоризм Грибоедова, вложенный им в уста Чацкого:

---

* Форштевень (от голл. *voor* — впереди и *steven* — стояк) — брус, образующий носовую оконечность судна, на котором замыкается наружная обшивка корпуса.

Когда в делах — я от веселий прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Петр Великий не был столь безнадежно серьезен и относился как раз к вышеупомянутым любителям смешивать дурачества и серьезные дела. Многие его соратники, занимавшие важные государственные должности, являлись одновременно членами Всешутейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего собора, в котором сам царь носил чин протодьякона. Государственные мероприятия зачастую плавно переходили в грандиозные попойки с грубым скоморошеством. Шуты могли приставать к монарху с всякими глупостями во время его беседы с иностранными дипломатами. В то же время шутовские пьянки были не лишены политической подоплеки: царь и «дураки» из его окружения старались напоить вельмож и спровоцировать ссоры, чтобы их участники в запале взаимных обид и под воздействием винных паров выдали свои тайные мысли и мнение друг о друге, изобличая своих товарищей в мошенничестве и прочих неблаговидных поступках. А если Петр был недоволен кем-то из своих соратников, шуты во время пира могли того прилюдно выбранить или даже побить. К государю в этом случае претензий быть не могло: «Я тут ни при чем, это всё проделки шутов, а на дураков не обижаются».

Петра I отличала способность безошибочно разбираться в людях. «Проницание его было столь острое, — отмечает Голиков, — что при первом взгляде на кого редко ошибался в свойствах оного. Он обыкновенно молодым людям, приподняв на лбу волосы, смотрел в глаза, — и безошибочно предсказывал о их способностях и в чем что успеет, говоря присутствующим: "В сем малом будет путь", или "не будет", и определял их в те звания, к каким по замечанию его был кто способен»[155].

К концу жизни Петр I начал обнаруживать признаки разочарованности в людях, что, однако, нисколько не снижало его неукротимую энергию. 14 марта 1721 года французский посланник в Петербурге Жак Кампредон сообщил министру иностранных дел Франции

Гийому Дюбуа: «С некоторых пор монарх чрезвычайно сдержан. Он порешил в уме из конца в конец изменить дух, нравы и обычаи своей нации. Делами он занимается с неутомимым рвением и знает и понимает их лучше всех своих министров... У царя есть люди, называемые денщиками, которые, собственно говоря, суть не что иное как его пажи, избираемые большею частью из среды народа. Эти денщики доносят ему обо всем, что происходит особенного в частной жизни его подданных. Он ласков со всеми, а преимущественно с солдатами (гвардии. — *В. Н.*), большую часть которых составляют дети князей и бояр, служащие ему как бы залогом верности своих отцов»[156].

Петр всегда был полон энергии и бодрости, что не позволяло ему сидеть на месте, но требовало постоянной деятельности. Это свойство его натуры не претерпело изменений до самых последних дней жизни царя. Пренебрежение собственным здоровьем, уверенность в том, что железный организм выдержит любые нагрузки, возможно, ускорили кончину Петра.

Друзья и соратники

Самый старший по возрасту сподвижник Петра I князь Федор Юрьевич Ромодановский был весьма колоритной фигурой. Он родился в 1640 году, следовательно, был старше царя на целых 28 лет, по сути, годился ему в отцы. Яркое его описание оставил известный дипломат князь Борис Куракин: «Сей князь был характеру партикулярного (то есть большой оригинал. — *В. Н.*); собой видом как монстра; нравом злой тиран; превеликой нежелатель добра никому; пьян по вся дни, но его величеству верной был так, как никто другой». Ромодановский возглавил Преображенский приказ, созданный в 1686 году в дворцовом селе Преображенском для управления хозяйством юного царя Петра и «потешными» полками. Это же учреждение стало органом политического сыска. Его здание располагалось на берегу Яузы, где его руины в конце XVIII века видел замечательный русский историк Николай Михайлович Карамзин: «Там, среди огородов, укажут вам развалины

небольшого каменного здания: там великий император, преобразуя отечество и на каждом шагу встречая неблагодарных, злые умыслы и заговоры, должен был для своей и государственной безопасности основать сие ужасное судилище... Я видел глубокие ямы, где сидели несчастные; видел железные решетки в маленьких окнах, сквозь которые проходил свет и воздух для сих государственных преступников»[157].

Ромодановский являлся не просто главой службы безопасности России — он располагал огромной властью, был вторым человеком в государстве, а порой и первым: уезжая в заграничные поездки, Петр оставлял его в качестве наместника «на хозяйстве» обширной страны.

Его произвол в качестве главы политического сыска не знал границ. Например, царский врач Григорий Мартынович Карбонари де Бизенег, арестованный без какой-либо серьезной причины и вскоре освобожденный, с возмущением спрашивал Ромодановского, почему его содержали под стражей. «Только для того, чтобы вам более досадить», — невозмутимо ответил Федор Юрьевич. В то же время этот вельможа готов был унизиться перед теми, кто мог ему дать достойный отпор. И. Г. Корб описывает случай, произошедший в середине января 1699 года: «Князь Федор Юрьевич Ромодановский и Федор Матвеевич Апраксин сошлись в одном доме. Ромодановский, по привычке необразованных людей, сперва обругал Апраксина, потом, замахнувшись на него палкой, хотел было его ударить. Апраксин, человек благороднейших свойств, оскорбясь таким неприличным и грубым обхождением, обнажил саблю и грозил нанести своему противнику смертельные раны. Ромодановский, испуганный его решимостью, стал обнимать его колена и просить прощения, умоляя вспомнить, что он ему брат и друг, а не враг. Таков этот человек: сколько жесток с несчастными, столько труслив с благородными»[158].

Еще один знаменитый соратник царя-реформатора, Борис Петрович Шереметев, был старше Петра ровно на 20 лет. Поначалу его карьера ничем не отличалась от поэтапного возвышения отпрысков других родовитых фамилий. В 13 лет он был пожалован в комнатные столь-

ники — этот придворный чин обеспечивал близость к престолу и открывал широкие перспективы для дальнейшего возвышения. Однако у Шереметева стольничество затянулось. Только в 1682 году, в возрасте тридцати лет, он был произведен в бояре. В дальнейшем Борис Петрович подвизался на дипломатическом и военном поприщах: участвовал в переговорах о Вечном мире в 1686 году и возглавил российское посольство, направленное в Речь Посполитую для ратификации этого договора, затем ездил с дипломатической миссией в Вену. По оценке Н. И. Павленко, Шереметев имел прекрасные данные для исполнения подобных поручений: «Голубоглазый блондин с открытым лицом и изысканными манерами, он обладал качествами, необходимыми дипломату: в случае надобности он мог быть и непроницаемым, и надменным, и предупредительно любезным»[159]. В 1688 году Шереметев командовал войсками в Белгороде и Севске, преграждающими путь набегам крымских татар; в первом Азовском походе 1695 года он действовал на отдаленном от Азова театре военных действий, разоряя турецкие крепости по Днепру, в 1697—1699 годах предпринял поездку в Западную Европу. В годы Северной войны Шереметев в чине генерал-фельдмаршала командовал войсками в Прибалтике.

Петр Андреевич Толстой также относился к старшему поколению соратников Петра I. Он родился в 1645 году в семье окольничего Андрея Васильевича Толстого. Государственную службу он начал при отце, находившемся с войском на Украине; в 1677 и 1678 годах вместе с ним участвовал в Чигиринских походах. Петр Андреевич ориентировался на фаворита царевны Софьи, князя Василия Васильевича Голицына, что первоначально привело его в лагерь противников юного Петра и его родственников Нарышкиных. Будучи стольником при дворе старшего единокровного брата Петра, царя Федора Алексеевича, Толстой не продвинулся по службе, поэтому решил вернуться к военной карьере и стал адъютантом воеводы Ивана Михайловича Милославского (возможно, приходившегося ему дядей), который привлек его к участию в стрелецком бунте. По рассказам современников, Толстой и Милославский «на прытких

серых и карих лошадях скачучи, кричали, что Нарышкины Иоанна Алексеевича задушили»[160]. Это послужило поводом для захвата стрельцами Кремля и расправы с неугодными боярами.

После поражения царевны Софьи и «партии» Милославских Толстой не пострадал, хотя Петр I никогда не забывал, что тот когда-то входил в число его политических противников. Петр Андреевич вынужден был постоянно демонстрировать свою лояльность и служебное рвение. Ловким шагом с его стороны стала добровольная поездка в Европу для обучения морскому делу. С нее началась успешная карьера уже пожилого Толстого в окружении Петра Великого. В 1702—1714 годах он являлся российским послом в Константинополе, по возвращении из-за границы был назначен сенатором, а еще через три года стал президентом Коммерц-коллегии. С 1718 года он одновременно являлся начальником Тайной канцелярии, то есть главой политического сыска. Именно он сумел привезти из-за границы царевича Алексея Петровича, а затем возглавил следствие по его делу. Большее доверие со стороны Петра I трудно себе представить. Прошлое Толстого заставляло его служить государю особенно ревностно.

Однажды на пирушке у корабельных мастеров все сподвижники царя сильно напились, и лишь Петр Андреевич оставался трезвым. Он присел у камелька, снял парик, свесил голову и сделал вид, что задремал, а между тем внимательно прислушивался к пьяным откровениям. Царь, ходивший взад и вперед по комнате, указал присутствующим на хитреца:

— Смотрите, повисла голова, как бы с плеч не свалилась.

— Не бойтесь, ваше величество, — отвечал будто бы вдруг очнувшийся Толстой, — она вам верна и на мне тверда!

— А, так он только притворялся! — воскликнул государь. — Поднесите-ка ему стакана три доброго флина (подогретого пива с коньяком и лимонным соком. — *В. Н.*), так он поравняется с нами и так же будет трещать по-сорочьи!

Затем царь слегка ударил Толстого ладонью по голове и добавил:

— Голова, голова! Кабы не так умна ты была, давно б я отрубить тебя велел[161].

Огромный вклад в преобразовательную деятельность Петра Великого в первое десятилетие его царствования внес Федор Алексеевич Головин, удостоенный в 1701 году графского титула. По замечанию английского дипломата Чарлза Уитворта, этот человек вел все важнейшие дела и, занимая высокое положение, приобрел в них большую опытность: «Граф пять лет был губернатором Сибири, а в 1689 году в качестве посла заключил мир с Китаем, в 1697 году при большом посольстве в Голландии он был вторым лицом, а затем до самой смерти — начальным президентом посольской канцелярии и генерал-адмиралом русского флота. Внешние сношения, монетное дело, снабжение армии, кораблестроение, назначение офицеров, расплата с ними — всё было в его ведении»[162]. К несчастью, этот энергичный и талантливый сподвижник Петра в 56 лет внезапно умер от горячки 30 июля 1706 года в городке Глухове, по дороге в Киев, куда был вызван царем. В связи с его кончиной Уитворт писал статс-секретарю Роберту Гарлею (Харли): «...множество лиц, приходивших в сношение с ним по... разнообразным делам, имеют полное основание жалеть о нем, вспоминая его доступность, добрый нрав и вежливое обращение»[163].

После кончины Головина руководство внешнеполитическим ведомством России перешло к Гавриилу Ивановичу Головкину, троюродному брату матери Петра I Натальи Кирилловны. Головкин родился в 1660 году, с 1677-го состоял при царевиче Петре Алексеевиче стольником, а затем верховным постельничим. Во время правления Софьи Алексеевны он выказал приверженность Петру и с тех пор пользовался его постоянным доверием. Гавриил Иванович сопровождал царя в заграничной поездке 1697—1698 годов, работал вместе с ним на верфи в Саардаме. С 1706 года он являлся начальником Посольской канцелярии и Посольского приказа, в 1707-м был удостоен графского титула, в 1709-м после полтавской победы получил вновь учрежденную должность государственного канцлера.

С 1717 года он возглавлял Коллегию иностранных дел и был сенатором.

Юст Юль оставил нелестную характеристику этого государственного деятеля: «...великий канцлер Головкин, высокий, худой, тем не менее видный старик (ему было тогда всего 50 лет. — *В. Н.*), никакого языка, кроме русского, не знает и умом весьма недалек»[164]. Последнее вряд ли верно: Гавриил Иванович достаточно успешно справлялся со своей высокой должностью. Правда, он проявлял в государственных делах мало инициативы, во всем полагаясь на волю Петра. Головкин был очень богат, владел целым Каменным островом в Петербурге, многими домами и поместьями и при этом отличался чрезвычайной скупостью.

Весьма заметной фигурой в числе ближайших соратников Петра I являлся Федор Матвеевич Апраксин, брат царицы Марфы Матвеевны — вдовы царя Федора Алексеевича. Будучи старше Петра на 11 лет, он входил в число его ближайших друзей, принимал участие во всех «потешных» военных забавах молодого царя, а потом являлся двинским и архангелогородским воеводой (Петр обращался к нему *Min Her Guverneur Archangel*, то есть «господин губернатор Архангельска»). В 1700 году Апраксин был назначен главным начальником Адмиралтейского приказа и воеводой Азова, в течение шести лет руководил строительством Азовского флота в Воронеже, а в 1707 году произведен в адмиралы и стал президентом Азовского и Балтийского Адмиралтейств. В 1708 году он командовал корпусом в Ингерманландии и Финляндии, отразил нападение шведов на Петербург и был пожалован в генерал-адмиралы, в 1710-м — возведен в графское достоинство и награжден за взятие Выборга орденом Святого Андрея Первозванного и золотой шпагой. В 1714 году галерный флот под командованием Апраксина одержал победу над шведами в Гангутском морском сражении. 15 декабря 1717 года Федор Матвеевич был назначен президентом Адмиралтейств-коллегии, в мае 1719-го — эстляндским генерал-губернатором. Во время Персидского похода 1722—1723 годов он стоял во главе Каспийской флотилии. Апраксин трижды обвинялся в служебных злоупотреблениях, но

из-за расположения к нему Петра I отделывался большими денежными штрафами. По отзывам современников, он не отличался выдающимися способностями, но был добрым и справедливым человеком, веселым и гостеприимным хозяином[165].

Наиболее деятельным и талантливым сподвижником Петра I являлся Александр Данилович Меншиков, ставший почти легендарной фигурой русской истории. Недавнее исследование Ю. Н. Беспятых опровергает два широко распространенных мифа: о безграмотности Меншикова и его низком происхождении. Историк доказывает, что Меншиков был достаточно образованным человеком. Что же касается его происхождения, то весьма вероятно, что он был потомком древнего чешско-польско-литовского рода, носившего фамилию Менжик. Во всяком случае, пирогами, по мнению исследователя, Александр Данилович никогда не торговал[166].

В отрочестве Меншиков служил у Лефорта, затем был взят в денщики к юному Петру I. В 1691 году он был принят в бомбардирскую роту Преображенского полка, участвовал в Азовских походах 1695—1696 годов и в заграничной поездке 1697—1698 годов. Он стал первым петербургским губернатором, в мае—июне 1704 года руководил обороной города от шведского флота. В 1705 году Петр направил Меншикова с корпусом войск на помощь союзнику, польскому королю Августу II. В октябре того же года император Леопольд I по просьбе российского монарха пожаловал Меншикову титул светлейшего князя Священной Римской империи германской нации.

В сражении со шведами у села Доброго 30 августа 1708 года Меншиков командовал кавалерией, благодаря успешным действиям которой русские войска одержали победу. Спустя месяц в битве у деревни Лесной под его командованием находился авангард летучего отряда. В Полтавской баталии 27 июня 1709 года Меншиков командовал драгунскими полками, отбившими атаку шведской кавалерии, уничтожившими колонну генерала Шлиппенбаха, который был пленен. Успешные действия драгун светлейшего князя против шведской кавалерии положили начало победе русских войск[167]. 30 июня

остатки шведской армии сдались Меншикову у Переволочны. За эти подвиги Петр 13 июля пожаловал ему чин генерал-фельдмаршала.

В 1712—1713 годах Александр Данилович командовал русской армией, воевавшей против шведов в Померании и Гольштейне. С 1714 года он управлял присоединенными к России Ингерманландией и Прибалтикой, чиня при этом всевозможные злоупотребления и произвол. В 1715 году Петр I был вынужден начать следствие по делу Меншикова и заставил его вернуть в казну часть присвоенных им денежных средств. Впоследствии светлейший князь еще дважды подвергался огромным денежным штрафам за злоупотребления и казнокрадство, тем не менее продолжал оставаться в числе наиболее приближенных к Петру сановников. В 1717—1722 годах он являлся президентом Военной коллегии, одновременно занимая должность сенатора.

О ближайшем сподвижнике царя англичанин Уитворт отзывался весьма неприязненно: «Это человек очень низкого происхождения, необыкновенно порочных наклонностей, вспыльчивый и упрямый... Низкое происхождение не дало ему случая получить образование, прямое возвышение на высшие должности, помимо всякого подчиненного положения, лишило его возможности сделать личные наблюдения или научиться чему-нибудь из собственного опыта. Между тем он своим рвением и вниманием к царской воле сумел войти в беспримерную милость к царю: он состоит дядькой юного царевича, губернатором Ингрии да, собственно, и всего государства Московского, в котором ничто не делается без его согласия, хотя он, напротив, часто распоряжается без ведома царя в полной уверенности, что распоряжения его будут утверждены»[168].

По свидетельству датского посланника Юста Юля, при приезде Меншикова из Москвы в Петербург в мае 1710 года «сам царь выехал к нему за три версты от города, несмотря на то, что недавно хворал и теперь еще не совсем оправился». «Замечательно, — подчеркивает датский посланник, — что князь даже не слез с лошади, чтобы выказать своему государю почтение и встретить его, а продолжал сидеть верхом до тех пор, пока царь

первым к нему не подошел и не поцеловал его». Разумеется, подданные не отставали от государя: «множество русских офицеров и других служащих тоже выехало верхом навстречу князю»; все целовали ему руку, ибо, как отметил Юль, «в то время он был полубогом и вся Россия должна была на него молиться». При приближении Меншикова к Петербургу пушки с вала салютовали ему пятьюдесятью пятью выстрелами[169].

Иностранными наблюдателями неоднократно отмечалось, что между Петром I и его ближайшими сподвижниками не было должного «единомыслия». 25 июля 1719 года французский консул А. Лави сообщил министру иностранных дел Франции Г. Дюбуа, что перед отъездом из Петербурга в Олонец царь довольно резко выразил свои чувства Меншикову и Апраксину. «Первого он укорял, что болезнь его одно притворство, чтоб только не идти на войну», а второму сказал с горечью: «Хотя ты всегда одобрял мои действия, в особенности по отношению к флоту, но я всё же читаю в твоем сердце, что умри я прежде тебя, ты один из первых осудишь все, что я сделал». По рассказу Лави, царь якобы прибавил: «И если бы шведская королева* так же хорошо знала вас, как я, она согласилась бы на мир и уступила мне всё, что я желаю сохранить, потому что после моей смерти вы, я убежден, откажетесь от завоеванных мною земель и даже согласитесь, лишь бы вернуться к своему прежнему житью, уничтожить этот город и флот, которые стоили мне столько крови, денег и труда»[170].

---

* *Ульрика Элеонора* (1718—1720) — представительница Пфальц-Цвейбрюкенской династии, дочь короля Карла XI, взошедшая на престол после гибели своего старшего брата Карла XII. Отреклась в пользу своего супруга Фридриха Гессен-Кассельского, провозглашенного королем Швеции под именем Фредрика I.

ЖИВЕМ КАК МОЖЕМ

Глава четвертая

На манер политичных народов

«Платье носить европейское»

Боярская одежда допетровской Руси восходила к азиатским образцам, причем мужские наряды напоминали женские. Нередки были случаи, когда мужчины переделывали для себя одежду своих жен. Однако уже при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче в высшие круги русского общества начинают проникать образцы польской моды; некоторые бояре подстригают волосы и бороды на иностранный манер, одеваются в иноземные кафтаны или обряжают в них свою прислугу. В 1681 году царь Федор издал указ, предписывавший боярам, дворянам и приказным людям появляться при дворе и в Кремле только в польском платье.

Переход от длиннополой старомосковской одежды к европейской начался во время заграничной поездки Великого посольства 1697—1698 годов. Первоначально все три великих посла, включая Франца Лефорта, были обряжены в экзотические по западным меркам боярские кафтаны. Но по прибытии в Австрию российские дипломаты переоделись в наряды французского об-

разца. Интересна реакция князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского на известие из Вены о том, что руководитель российской дипломатической службы Ф. А. Головин обрядился в европейский костюм. «Не верю такой глупости и безумству Головина, — воскликнул он, — чтобы он мог пренебречь одеждой родного народа!»[1]

Однако вскоре и самому Ромодановскому, как и прочим боярам, пришлось расстаться с любимыми длинными одеяниями. В январе 1700 года был издан указ о запрещении всем, кроме духовенства и крестьян, носить русскую одежду, а вместо нее предписывалось носить платье «на манер венгерского». В августе того же года был издан еще один указ, повелевающий «всех чинов людям», кроме духовенства, извозчиков и пахотных крестьян, «носить платье венгерское и немецкое». Последующие указы, неоднократно повторявшиеся, обязывали бояр, дворян и служилых людей носить немецкое платье по будням и французское по праздникам[2].

Повсюду в общественных местах 26 августа 1700 года, по свидетельству одного из современников событий Ивана Желябужского, были «прибиты по градским воротам указы о платье французском и венгерском и для образца повешены были чучелы, сиречь образцы платью»[3], то есть своеобразные манекены в европейской одежде. Всякого, замеченного в обычном длинном русском наряде, хватали, ставили на колени и обрезали на нем одежду так, чтобы она доставала ему только до колен и тем самым становилась похожей на французский фасон[4]. Был также издан указ, «под страхом наказания повелевающий женщинам носить юбки. Прежняя их одежда состояла из широкого платья, застегнутого спереди и спускавшегося до пяток»[5].

Одежда и внешний облик знатных русских женщин до распространения европейской одежды описаны И. Г. Корбом: «Исподнее платье русских женщин по обеим сторонам вышивается золотом; при этом рукава, по странному обыкновению, сложены в складки, часто более чем в восемь и нередко даже более десяти локтей длины; изящные и драгоценные запястья украшают сборки, продолжающиеся сцепленными складками до конца руки. Верхнее платье похоже на одежду восточ-

ных женщин; на него надевается плащ, нередко украшенный шелковой материей и мехом. К частым и обыкновенным предметам пышности принадлежат серьги и кольца. Замужние женщины и вдовы покрывают голову драгоценными мехами, девицы же имеют только на лбу богатую повязку; впрочем, непокрытые головы девиц русских украшаются волосами, опускающимися до самых плеч, причем волосы завиты с великолепным изяществом в искусственные кудри»[6].

Петр быстро покончил со всеми этими яркими особенностями облика русских дворянок. С 1 января 1701 года государь предписал «женам и дочерям носить платье венгерское и немецкое». На смену шушунам (длинным сарафанам), телогреям и летникам с рукавами до земли пришли пышные робы* с большим вырезом на груди и спине, рукавами до локтей и широкой юбкой. Обязательной принадлежностью женской одежды стали жесткие фижмы** и корсеты[7].

Одежда Петра I и его приближенных уже в начале XVIII века принадлежала в основном к тому типу европейского костюма, который сформировался во Франции при дворе короля Людовика XIV в конце предшествующего столетия. Модное платье состояло из кафтана, камзола и штанов. Кафтан был длинный, узкий в талии, с эффектно заложенными по боковым швам складками, с широкими обшлагами и глубокими прорезными карманами, закрытыми фигурными клапанами. Воротники кафтанов во Франции и других западных странах были довольно большими, зачастую сшитыми из кружев. Петр предпочел взять за образец маленькие холщовые шведские воротники, вошедшие в обращение благодаря скромным вкусам Карла XII. Но в большинстве случаев русские вельможи обходились и вовсе без накладных воротников, поскольку они мешали носить длинные парики, также ставшие неотъемлемой частью мужского костюма.

Из-под кафтана, как правило, не застегнутого, был

---

*Роба (фр. *robe*) — платье.

**Фижмы (от нем. *Fischbein* — рыбья кость) — устройство из ивовых прутьев или китового уса в виде перевернутых вверх дном корзиночек, крепящихся к талии с боков для придания пышности юбкам.

виден камзол, сшитый либо из такой же, либо из контрастной по цвету ткани. Камзол плотно облегал фигуру, был несколько короче кафтана и всегда шился без боковых складок и воротника. Третий необходимый компонент костюма — штаны-кюлоты*. По требованиям моды конца XVII — начала XVIII века они были короткими, до колен, и удерживались на талии широким поясом. Костюм дополнялся кружевными жабо и манжетами, шелковыми чулками и кожаными башмаками с пряжками. Для шитья кафтанов, камзолов и штанов использовались самые разнообразные материи: сукно, шелк, парча, бархат, льняные и бумажные ткани. В качестве аксессуаров и декора широко применялись различные виды вышивки, кружева, полоски галуна[8]. Шляпы были различной формы — от скромных треуголок полувоенного типа до версальских образцов с широкими полями и страусиными перьями.

Самые модные европейские костюмы и аксессуары первым получал из-за границы А. Д. Меншиков, любивший демонстрировать роскошь и внешний блеск. Благородство его кафтанов подчеркивалось испанскими и генуэзскими кружевами, а многочисленные позолоченные или оплетенные металлическими нитями пуговицы мерцали на фоне тканей, словно драгоценные украшения. Однако и Петр I уделял одежде гораздо больше внимания, чем это принято считать. Он также заказывал себе платье за границей или поручал его изготовление в Петербурге иностранным и русским портным, причисленным к штату придворных служителей. В парадных костюмах царь отдавал предпочтение тканям красных, коричневых и зеленых тонов, по которым иногда делалась вышивка золотыми или серебряными нитями. По свидетельству Андрея Нартова, Екатерина Алексеевна «сама трудилась с комнатными своими девицами» над расшиванием серебром кафтана, который ее супруг должен был надеть на коронационные торжества 1724 года. В связи с этим Нартов передает назидательный анекдот: «Государь, посмотрев на шитье, взял кафтан и его тряхнул. От сильного

*Кюлоты (от фр. *cul* — зад) — узкие и короткие застегивавшиеся под коленом штаны, которые имели право носить только дворяне.

потрясения с шитья полетело несколько на пол кантели, чему подивясь, сказал: "Смотри, Катинька, пропало дневное жалованье солдата". Сей кафтан в угодность супруге своей имел Государь на себе во время только празднования коронации и после никогда его не надевал»[9].

Тот же эпизод описан биографом Петра I И. И. Голиковым со ссылкой на рассказ адмирала Алексея Ивановича Нагаева, который, будучи еще двадцатилетним юношей, явился свидетелем примечательного разговора государя с женой: «Императрица к своей коронации вышила для великого супруга своего по голубой объяри* серебром кафтан, который когда монарх впервые надел на себя, то государыня сказала:

— Ах, батюшка! Как он к тебе пристал, и как бы я желала видеть тебя и всегда так одетого!

— Безрассудное желание! — ответствовал монарх. — Ты того не представляешь, что все таковые и подобные издержки не только что излишни, но что не могут оные и иначе быть как насчет народа моего, а за злоупотребление народных денег должен я буду отвечать Богу в каждом оных рубле, ведая при том же, что государь должен от подданных отличаться не щегольством и пышностью, а менее еще роскошью, но неусыпным ношением на себе бремени государственного и попечением о их пользе и облегчении»[10].

Роскошный костюм Петра I, сшитый по случаю коронации его супруги, до сих пор сохраняется на «восковой персоне» царя в Государственном Эрмитаже. Он состоит из четырех предметов: кафтана, камзола, штанов и портупеи. Кафтан и камзол сшиты из одного материала — голубого гродетура**. На кафтане имеются отложной воротник, застежки на полах и 18 пуговиц (еще пять не сохранились). Двушовные рукава кафтана украшены высокими разрезными обшлагами с четырьмя декоративными пуговицами на каждом. Кар-

---

*Объярь — плотная шелковая переливчатая одноцветная ткань, напоминавшая муар, но более высокого качества.

**Гродетур — тяжелая шелковая одноцветная ткань, как правило, темных оттенков, в которой каждая нить основы закрыта двумя нитями утка. Получила название по первоначальному месту производства — городу Тур во Франции.

маны закрыты широкими клапанами сложной формы, украшенными пятью пуговицами. Все пуговицы на кафтане деревянные, полусферической формы, оплетенные серебряной нитью и канителью. По бокам кафтана сделаны разрезы, которые с одной стороны имеют фигурную форму. По центру спинки тоже идет разрез, который начинается чуть ниже талии. По ткани сделана вышивка серебром в виде мелкого плотного орнамента из переплетающихся веток, расположенного широкими полосами на полах кафтана, на его воротнике и обшлагах, а также на карманных клапанах и вокруг них. На левой стороне груди прикреплена шитая серебряной нитью и битью* восьмиконечная звезда ордена Святого Андрея Первозванного** с девизом ордена «За веру и верность» (на обороте сохранилось имя вышивальщика — *Ene Pally*).

Камзол с застежкой на 28 пуговиц (одна из них утеряна) имеет узкие рукава, с застежкой на три пуговицы. Клапаны карманов камзола подобны клапанам на кафтане, но меньшего размера. На каждом из них было по пять пуговиц (сохранилось по четыре). По бокам и центру спинки камзола идут разрезы. Он украшен такой же вышивкой серебряной нитью, как и кафтан. Штаны длиной чуть ниже колен имеют широкий пояс, откидной клапан спереди и застежку на шесть пуговиц, а по боковым швам — на пять. Имеется две пары прорезных карманов: по боковым швам и по обеим сторонам от клапана. Штанины стянуты внизу подвязками из серебряного галуна с серебряными пряжками. Отделка вышивкой идет вдоль застежки. Портупея представляет собой широкий пояс из голубого шелкового репса, украшенного вышивкой серебром, с фигурным нашивным кармашком и застежкой на серебряную фигурную пряжку[11].

Другая сохранившаяся до наших дней одежда Пет-

---

* Бить — расплющенная серебряная проволока, прикрепленная на ткань по нанесенному рисунку при помощи простой нитки.

** Знаками ордена Андрея Первозванного являлись Х-образный крест с распятым святым и восьмилучевая звезда. Крест носился на широкой голубой ленте через правое плечо, а звезда помещалась на левой стороне груди. Первоначально она была не металлическая, а вышитая.

ра I позволяет судить о том, что в каждодневной носке он ставил на первое место удобство и практичность, поэтому в его гардеробе было много простых по покрою курток и штанов из грубого сукна и шерстяных тканей, без всякого декора. В то же время нижние фуфайки и сорочки государя шились преимущественно из тонкого полотна и нежного батиста, украшенного вышитыми цветами. Это свидетельствует о том, что в интимной, скрытой от посторонних глаз жизни ему было не чуждо стремление к комфорту. О том же говорят его длинные халаты-шлафоры*, сшитые из китайских, итальянских или французских тканей, которые царь надевал дома поверх камзола и штанов. В таком виде он отдыхал с трубкой у камина или принимал особо доверенных лиц.

Во время пребывания во Франции в 1717 году Петр получил сильное впечатление от новейшей версальской моды. Несомненно, под ее влиянием в гардеробе монарха появились элегантные кафтаны из коричневого репса с черными бархатными обшлагами и довольно заметными воротниками, а также изысканные комплекты верхней одежды из бархата красного и горохового цвета[12].

Петр I расправлялся с помощью ножниц не только со старинной русской одеждой, а иногда подвергал корректировке и особо модные европейские платья, если находил их форму неудобной. Один такой случай описал в феврале 1699 года австриец И. Г. Корб: «Царь, увидев, что некоторые его офицеры из подражания моде носили платье просторнее обыкновенных, обрезал им слишком длинные рукава, делая при этом такие замечания: "Вот это тебе во всём мешает; при этом на всяком шагу может с тобой случиться какое-либо приключение: либо прольешь стакан, либо нечаянно обмакнешь рукав в суп. А из этого сделай себе валенцы!"»[13].

Сам Петр обычно ходил в поношенном сюртуке голландского покроя, в залатанных чулках и стоптанных башмаках, демонстрируя подданным наглядный при-

---

* Шлафор, шлафрок (от нем. *Schlaf* — сон и *Rock* — пиджак) — мужская и женская просторная домашняя одежда, достигающая лодыжек.

мер бережливости. Однако на праздники он мог одеваться весьма щеголевато. Голштинский камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц свидетельствует о том, что в День Святой Троицы, 24 мая 1724 года, государь был одет в красный с серебряным шитьем кафтан, украшенный по французской моде большими отворотами и имевший, как все кафтаны Петра, маленький шведский воротник[14].

Парики вместо бород

Первые случаи брадобрития на Руси известны с 1681 года, одновременно с указом царя Федора Алексеевича о введении при русском дворе одежды по польскому образцу. Это новое веяние вызвало резкое порицание со стороны патриарха Адриана, утверждавшего, что «без бороды человек перестает иметь образ человеческий, он подобен псу или коту; только желающий уподобиться такому животному или соединиться с еретиками может подумать о брадобритии; у еретиков случается, что не только миряне, но и духовные и монахи бреют бороду и усы и выглядят как обезьяны»[15]. Потребовались энергия и решительность Петра I, чтобы изменить внешний облик русских людей, невзирая ни на традиции, ни на мнение Русской православной церкви.

Шестого августа 1698 года, на следующий день после возвращения из заграничной поездки, Петр на своем преображенском дворе принимал явившихся к нему с поклоном подданных. Их бородатые лица раздражали молодого царя, успевшего за два года жизни в Европе отвыкнуть от вида растительности на лице и длиннополой русской одежды. Петр привык действовать радикальными методами: он немедленно вооружился ножницами и начал обрезать бороды важнейшим сановникам. Секретарь австрийского посольства Иоганн Корб отметил: «Воевода князь Алексей Семенович Шеин первым пожертвовал своей длинной бородой, подставив ее под ножницы... Сохранили свои бороды только патриарх, святостью своего сана, князь Михаил Алегукович Черкасский, уважением к его преклонным летам, и Тихон Никитич Стрешнев, почетной долж-

ностью царского оберегателя. Все прочие должны были преклониться перед иностранными нравами, когда ножницы уничтожали старинный их обычай»[16].

Экзекуция была продолжена в новогодний праздник 1698 года, отмечавшийся по старому русскому календарю 1 сентября. На этот раз обязанность брадобрея исполнял царский шут, «и к кому только ни приближался он с ножницами, не позволялось спасать свою бороду, под страхом получить несколько пощечин». «Таким образом, — пишет Корб, — между шутками и стаканами весьма многие, слушая дурака и потешника, должны были отказаться от древнего обычая»[17].

Преображение внешнего облика представителей верхушки русского общества вызывало подчас глухое недовольство, однако никто не осмеливался противиться воле царя в открытую. 20 февраля 1706 года английский посланник Чарлз Уитворт сообщил статс-секретарю Роберту Гарлею: «Вы, конечно, уже слышали, с каким трудом весь народ покорился бритве. Он был предубежден против бритья и привычками, и религией: предки его ходили небритыми; священники, угодники и мученики уважались за свои бороды; стараясь подражать им, невежество полагало, что отчасти само благочестие заключается в ношении бороды, как сила Самсона заключалась в волосах его. Даже женщины присоединились к общему неудовольствию и с трудом решились покориться преобразованию мужей»[18]. В то же время М. М. Щербатов, писавший свой труд «О повреждении нравов в России» в конце 1780-х годов, со слов свидетелей Петровской эпохи утверждал: представительницы прекрасного пола испытали немалое удовольствие от того, что «лица женихов их и мужей уже не покрыты стали колючими бородами»[19].

В допетровское время ни с прическами, ни со стрижкой и бритьем проблем у подавляющего большинства русского населения не было; соответственно, не могло быть и отечественных специалистов в этом деле, а потому при Петре вельможам пришлось разыскивать опытных цирюльников среди иностранцев и нанимать их на службу за значительную плату. Одновременно те должны были обучать своему искусству слуг и дворо-

вых людей в домах, куда были приглашены. Менее состоятельные люди научились бриться и подстригать волосы сами. Постепенно число отечественных куаферов росло, в Петербурге появились даже особые специалисты, изготавливавшие инструменты для стрижки, бритья и укладки волос. В 1722 году только среди жителей Санкт-Петербургского (Городового) острова набралось десять человек, желающих вступить в цех «цырулников» (брадобреев), а в цех «парухмахеров» записались 13 мастеров[20]. Основным видом деятельности парикмахеров являлось изготовление париков, они же занимались укладкой женских волос и созданием модных причесок. Стрижкой мужчин чаще занимались цирюльники в процессе бритья.

Женщины из высшего общества испытывали немалые трудности из-за нехватки модных парикмахеров. Князь М. М. Щербатов приводит любопытное свидетельство представителей старшего поколения: «Я от верных людей слыхал, что тогда в Москве была одна только уборщица для волосов женских, и ежели к какому празднику когда должны были младые женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутки некоторых убирала и они принуждены были до дня выезду сидя спать, чтобы убору не испортить»[21]. Так на женских головках сохранялись причудливые прически в виде многопушечного фрегата, замка или букета цветов.

Активно внедряемая Петром I европеизация внешнего облика представителей высшего сословия вынуждала их носить длинные парики аллонж*, хотя это, скорее всего, не соответствовало их желанию. Отвращение русских людей того времени к парикам ясно высказал известный публицист и экономист первой четверти XVIII века Иван Тихонович Посошков: «...и таковых мертвечинных и нечистых блудниц волосы православным

---

*Аллонж (от фр. *allonger* — удлинять) — парик с длинными волнистыми локонами, одна его прядь спускалась на спину, а две лежали на груди. Первоначально такая «львиная грива» появилась во Франции при дворе короля Людовика XIV (1638—1715), рано начавшего лысеть; оттуда эта мода распространилась по всей Европе. Парики делали из натуральных волос, шерстяных или шелковых нитей, растительных волокон.

христианом и вне церкви на главы свои возлагать не весьма господствует. Лютерам то свойственно есть, еже носити таковые паруки, понеже они вне суть истинного христианства»[22].

Сам государь не желал носить на голове эти «волосы блудниц»; как отмечали современники, его короткий парик был сделан из собственных волос[23]. Петр никогда его не пудрил, поэтому он выглядел, как живые волосы. А. С. Пушкин в набросках «Истории Петра I» под 1722 годом записал: «Петр обрезал свои длинные волосы и сделал из них парик, ныне видимый на его кукле». Нередко государь обходился и вовсе без парика; состоявший при нем гвардейский сержант Никита Иванович Кашин в своих записках утверждал, что царь «в церковь никогда в паруке не ходит»[24].

После церковной службы по случаю нового, 1710 года Юст Юль сделал следующее замечание: «...хотя обыкновенно он (Петр. — *В. Н.*) носит собственные волосы, однако в тот раз имел на голове старый парик, так как в церкви, когда ему холодно, он надевает парик одного из своих слуг, стоящих поблизости; по миновании же в нем надобности отдает его кому-нибудь по соседству»[25]. Это обыкновение подтверждается забавным эпизодом, приведенным Я. Я. Штелином. В 1716 году Петр, проезжавший через Данциг, присутствовал на воскресном богослужении в тамошней церкви; царь, бывший, по обыкновению, без парика, «почувствовав, что открытой его голове было холодно, снял... не говоря ни слова, большой парик с сидевшего подле него бургомистра и надел себе на голову»; по окончании проповеди «снял он парик и отдал бургомистру, поблагодарив его небольшим наклонением головы». Позже «один господин из царской свиты» пояснил депутатам городского магистрата, что это происшествие не должно казаться удивительным и необычным, поскольку «его величество не смотрит на мелочные церемонии и привык в церкви, когда голове его бывает холодно, снимать парик с князя Меншикова или с кого-нибудь другого из стоящих подле него, и надевать на себя»[26].

Впрочем, во время пребывания в Париже в 1717 года Петр всё же заказал себе парик «у одного ремес-

ленника, известного мастера по длинноволосым буклированным парикам, какие модно было носить при дворе». Примерив готовое изделие, он счел его неудобным. Тогда, разозлившись, царь прошелся по нему стамеской, чтобы укоротить и придать ему обычную форму, которую привык носить, и отказался его пудрить[27].

Юный Василий Александрович Нащокин, обучавшийся в то время в школе для дворянской молодежи в Петербурге, впервые увидел Петра I 21 октября 1717 года, сразу же по возвращении того из заграничной поездки. Молодой человек обратил внимание на его необычную прическу: «Государь... волосы имел маленькие и зачесаны маленькой косой гребенкой; и как сперва увидели, дивились той первой моде, что гребешок у государя в волосах»[28].

Новое время

Введение европейской одежды и принудительное бритье бород явились первыми шагами на пути европеизации России. Следующими важными вехами в этом направлении стали хронометрические реформы, изменившие принятый на Руси порядок исчисления времени. Указами от 19 и 20 декабря 1699 года Петр I перенес начало предстоящего 1700-го на 1 января, в то время как прежде год принято было начинать с 1 сентября. Он распорядился также вести летосчисление от «Рождества Христова», а не от «сотворения мира», как было заведено на Руси. Разница между этими точками отсчета составляет 5508 лет, соответственно 1700 год был по старому счислению 7208-м. Хронометрические новшества вводились мягко: в богослужебной практике сохранялась прежняя система летосчисления, а новолетие праздновалось 1 сентября. Таким образом, жители России без жесткой отмены традиций подключались к принятому в Западной Европе счету лет. Однако католический григорианский календарь, на который к тому времени перешло большинство католических и протестантских государств, страна не приняла. В указах от 19 и 20 декабря 1699 года специально отмечалось, что

вводится летосчисление европейских православных стран, то есть юлианское*[29].

Эти нововведения не были приняты обществом однозначно положительно. Даже близкие к Петру люди пытались возражать против реформы, утверждая, что Бог мог сотворить мир только в начале осени, в теплую погоду и при обилии плодов, а не в морозном зимнем месяце, следовательно, и новый год нужно начинать в сентябре. Тогда царь взял в руки глобус и начал объяснять окружающим, что в других странах тепло наступает уже в январе[30].

Следующей хронометрической реформой Петра I стало изменение на западный манер счета часов в сутках. На Руси время принято было делить на дневное и ночное, и точками отсчета часов являлись восход и заход солнца, а не полночь и полдень. Время дня и ночи вместе составляло 24 часа, но понятие «сутки» отсутствовало. Поскольку в течение года время восхода и захода солнца изменялось, то изменялось и количество дневных и ночных часов. Дневное время на широте Москвы в течение года длилось от семи часов зимой до 17 часов летом, соответственно менялось и ночное время — от 17 до семи часов — от лета к зиме. Русские часы имели на циферблате 17 делений. Дважды в сутки часовщик переводил стрелки к исходной точке отсчета, выверяя по специальной таблице момент восхода и захода солнца в текущем месяце. В течение года время восхода и захода менялось 22 раза, с периодичностью в две недели, за исключением июня и декабря[31]. По этому

---

*Юлианский календарь был разработан александрийскими астрономами и введен Юлием Цезарем в 45 году до н. э. Год по нему начинается 1 января (именно в этот день римские консулы вступали в должность), состоит из 365 дней, объединенных в 12 месяцев, с каждым четвертым високосным годом. Таким образом, год имеет продолжительность в среднем 365,25 суток, а каждые 128 лет накапливается лишний день. Григорианский календарь, при котором год длится 365,2425 суток, а ошибка в одни сутки накапливается за 3200 лет, был создан на основе юлианского и введен в католических странах римским папой Григорием XIII в 1582 году, причем накопившееся расхождение было ликвидировано тем, что после 4 октября сразу последовало 15-е. Високосными по этому календарю являются все годы, кратные четырем, кроме кратных ста (за исключением кратных четыремстам). В России григорианский календарь был введен декретом Совнаркома от 24 января 1918 года.

принципу действовали главные часы Москвы, расположенные на Спасской башне Кремля и имевшие вращающийся циферблат, поделенный на 17 частей. По той же системе счета отбивали время башенные и стенные часы Москвы и других русских городов и монастырей.

Реформа времени пришлась на 1706 год. Полководец, дипломат и писатель, саксонский барон Людвиг Николай Алларт (Галларт), один из заметных сподвижников Петра I, отметил в своей «Истории о начале войны Свейской», что его величество указом «на башнях круги часовые отменил, чтобы часы считались по обычаю европскому от 1 до 12, а именно с полудня и с полуночи, а прежде того считались часы от утра до вечера, и на кругах часовых знаки были от 1 до 17»[32]. Осенью 1706 года в Москву были доставлены трое башенных часов, заказанных еще четырьмя годами ранее в Амстердаме. Они были изготовлены в соответствии с западными нормами и имели на циферблате 12 часовых делений. Эти часы были установлены сначала на Спасской, а затем на Троицкой башне Кремля и церкви Архангела Гавриила (Меншиковой башне). 9 декабря 1706 года в девять утра часы Спасской башни впервые отбили девять ударов, а в полдень ее куранты стали вызванивать москвичам мелодию веселого немецкого танца[33]. С этого времени по всей России башенные и стенные часы с семнадцатичастным циферблатом начинают заменяться на привычные нам двенадцатичасовые механизмы.

Следует отметить, что уже с середины XVII века в обиходе российской элиты начали достаточно широко использоваться настенные, настольные и карманные часы с делением циферблата на 12 частей. Следовательно, Петр и его приближенные начали жить по европейскому времени задолго до «реформы часа». Теперь новый счет часов распространился на все слои русского общества, объединив его в одинаковом для всех временно́м ритме.

Новые привычки

«— Царь-батюшка приказал кофию пить.
— Не могу, маманя, горько!
— Пей, олух!»

Юмористическая зарисовка из старого фильма весьма точно передает обстановку петровского времени. Государь активно насаждал в среде русского дворянства привычку к табаку, кофе и другим распространенным в Европе колониальным товарам. Для него всё это являлось неотъемлемой частью повседневной жизни цивилизованного общества. Таковы были вкусы первого русского императора, и он считал себя вправе переделать всех россиян «на свой лад», как пообещал в 1697 году маркизу Кармартену. Что ж, он достиг своей цели: русские до сих пор остаются одной из самых курящих наций в мире.

Надо сказать, что табак был известен и любим многими в России и до Петра I. Его распространение в нашей стране отмечается вскоре после Смуты. Известный путешественник и ученый, секретарь голштинского посольства Адам Олеарий, посетивший Московское царство в 1630-х годах, якобы наблюдал, как самые бедные люди покупали табак на последние гроши. Тогдашние власти прибегали к крайним репрессивным мерам против любителей «богомерзкого бесовского зелья». Изданный в 1634 году указ царя Михаила Федоровича запрещал русским и иноземцам под страхом смертной казни держать у себя табак, Соборное уложение 1649 года предписывало рвать ноздри и резать носы курильщикам и нюхальщикам. Тем не менее «табачное зелье» продолжало употребляться в Москве, где его проще было достать. Иностранные путешественники отмечали, что русские добывали за большие деньги табак у приезжих иноземцев, набивали им полые бычьи рога и «глотали облака упоительного дыма до одури»[34]. Во второй половине XVII века курение было нередким явлением среди прибывших в Москву малороссиян и греков, не привыкших к запрету на табак у себя на родине. Покуривали исподтишка и некоторые представители высшей знати, например фаворит правительницы Софьи князь В. В. Голицын. Однако в целом ни о каком сколько-нибудь заметном распространении табака в России до Петра I речь идти не может.

Петр пристрастился к курению с юных лет в компании Лефорта. Поэтому неудивительно его желание на-

ладить ввоз табака в Россию и легализовать курение. Выше уже говорилось о том, что во время поездки в Англию он продал право табачной торговли лорду Кармартену. Российские купцы также начали брать торговлю табаком на откуп*. Патриарх Адриан резко выступил против этого нововведения и предал анафеме одного из богатых купцов, заплатившего за табачное дело 15 тысяч рублей. Исходя из этого горького опыта, Кармартен и его компаньоны выражали сомнение в успехе табачной торговли, опасаясь противодействия церкви. «Не сомневайтесь, — успокоил их Петр. — Я дал об этом указ и постараюсь, чтобы патриарх в табачные дела не мешался: он при мне только блюститель веры, а не таможенный надзиратель»[35].

Петр предоставил право исключительной торговли табаком в России компании Кармартена на шесть лет за 20 тысяч фунтов стерлингов, с уплатой этой суммы вперед. По истечении этого срока компания предлагала русскому правительству более крупную сумму, но царь отказался от возобновления контракта. Указом от 4 апреля 1705 года он установил казенную продажу табака через бурмистров и целовальников, а также через выборных людей, которые посылались на ярмарки, в села и деревни. Тем временем выращивание табака было налажено в Малороссии, а для производства «табачного зелья» созданы две мануфактуры: в Петербурге и Ахтырке (на Украине)[36].

После легализации табачной торговли в России курение начало быстро распространяться и стало заметной частью повседневной жизни правящей верхушки, поскольку многие вельможи даже вопреки собственному желанию вынуждены были курить в угоду царю.

Петр предпочитал короткие голландские и длинные немецкие трубки, причем самые простые и дешевые, изготовленные из глины или вырезанные из вишневого дерева. Приближенные царя чаще всего курили трубки с чашками из вишни или фарфора. К концу петровско-

*Откупная система — передача государством на определенный срок права сбора налогов или продажи определенных товаров (соль, вино и др.), на которые существует государственная торговая монополия, частным лицам, с уплатой ими суммы откупа в казну.

го царствования среди русской знати распространились диковинные голландские трубки с длинными, до пола, чубуками и чашками в виде «непотребных девок». В домике Петра I хранится его курительная трубка причудливой формы из самшита с агатовыми вставками — подарок А. Д. Меншикова.

На учрежденных Петром ассамблеях в зале для приема гостей должен был стоять стол с трубками, табаком и деревянными лучинками, которые употреблялись для закуривания вместо принятых в Европе бумажек. Их зажигали от пламени свечи, так как спички начали распространяться лишь с 1830-х годов[37].

Гораздо меньшее распространение в Петровскую эпоху получил кофе, который в то время являлся еще редким экзотическим напитком. Петр впервые попробовал его во время пребывания в Голландии в 1697 году. Тогда же члены Великого посольства и наиболее состоятельные кавалеры свиты приобрели небольшие партии кофейных зерен по баснословно высокой цене. Вероятно, они были зачарованы слухами о достоинствах нового напитка, которому приписывались чудодейственные свойства: «...осушает любой насморк и излечивает простуду, избавляет от ветров, укрепляет печень, благодаря своим очищающим свойствам облегчает страдания больных водянкой; превосходное средство против чесотки и порчи крови; облегчает сердце и жизненно важное биение такового, приносит облегчение страдающим болями в желудке и отсутствием аппетита; и равным же образом хорош от мозговых недомоганий вследствие холода, сырости и тяжести. Пар, который от него исходит, хорош против слезящихся глаз и шума в ушах; он отличное средство от одышки, от мокроты, от болей в селезенке, против глистов и приносит чрезвычайное облегчение после того, как слишком много выпьешь или съешь»[38].

Кофейные зерна в течение почти всего петровского царствования оставались очень дорогостоящим товаром, поскольку разведение кофе в промышленных масштабах тогда еще не было налажено. Первые пробы выращивания кофе были произведены голландцами на Яве еще в 1650 году, однако первый крупный груз яван-

ского кофе пришел в Голландию только в 1719-м. Годом раньше голландские плантаторы наладили производство кофе в Суринаме. Почти одновременно, в 1722 году, это сделали французы на Мартинике и англичане на Ямайке[39]. Только с этого времени цены на кофейные зерна начали падать, а прежде представители российской правящей верхушки вынуждены были закупать кофе мелкими партиями в Голландии. Однако игра стоила свеч: Петр I поощрял употребление нового напитка, и в угоду ему многие были готовы пойти на значительные траты.

Гораздо большее распространение в Петровскую эпоху получил чай, который ввозился в Россию из Китая. Он стал поступать особенно большими партиями после первого русско-китайского Нерчинского договора 1689 года. В конце XVII века неизвестный французский эксперт по вопросам внешней торговли отметил, что китайцы ввозят в Россию «весьма большие количества зеленого чая»: «Он неизмеримо выше по качеству, чем тот, какой Европа получает из-за бескрайних морей, так что русские вынуждены платить до 20 франков за фунт*... Чтобы возместить себе эту потерю, они не упускают ни одной возможности поднять цену своих мехов, кои суть почти единственный товар, который они поставляют китайцам»[40].

На петровских ассамблеях гости выпускали клубы табачного дыма и отхлебывали из чашечек кофе или чай. Это нравилось государю, поэтому становилось заметной частью повседневной жизни высшего общества.

Глава пятая

Из жизни двух столиц

Обитатели «Парадиза»

Средневековые русские города не имели регулярной планировки, застраивались хаотично и состояли из окруженных высокими заборами усадеб с жилыми дома-

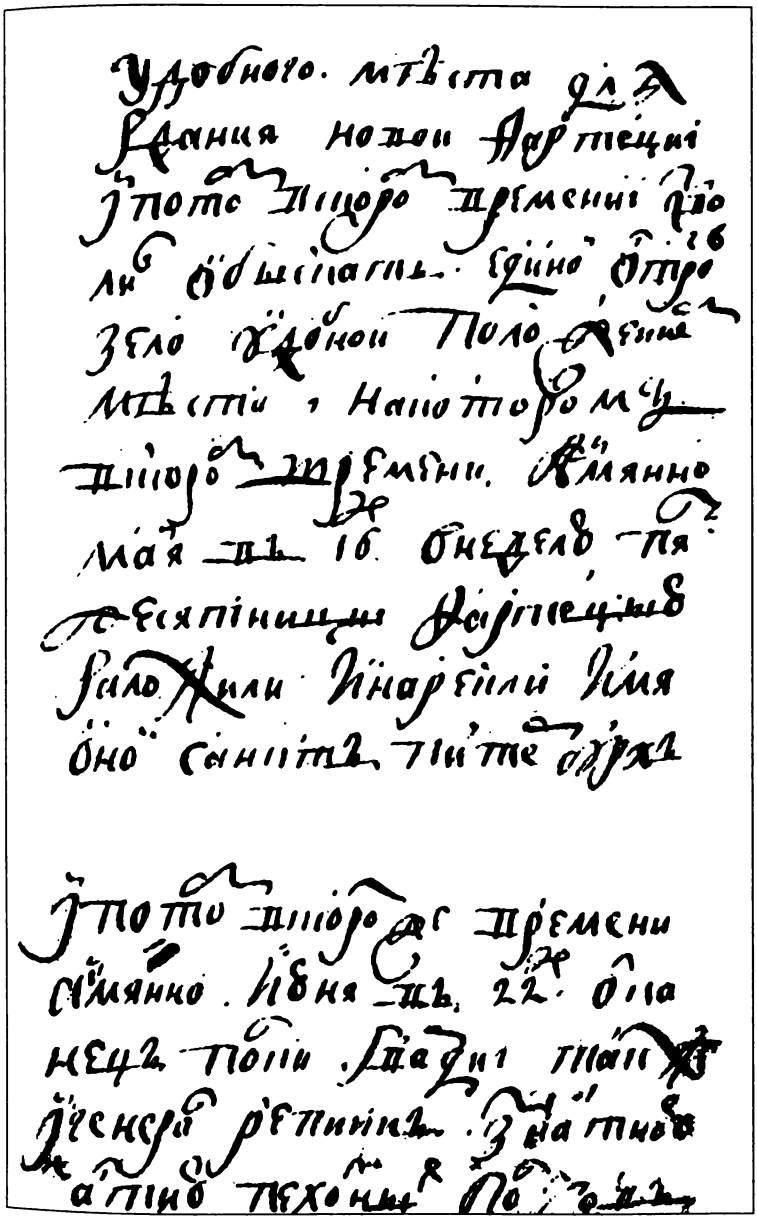
* Франк включает 20 су, а рубль, по подсчетам иностранных наблюдателей, на рубеже XVII—XVIII веков приравнивался к 52 су.

ми в глубине двора. Петербург знаменовал собой начало новой эпохи в русском градостроительстве.

Наспех построенный город среди лесов и болот в неприветливом климате на берегах ежегодно разливающейся Невы менее всего походил на райские кущи. Но Петр I любовно называл его «мой парадиз» и в самом деле был счастлив на этом кусочке северной земли, отвоеванном у шведов и природы. Сподвижники великого реформатора в глубине души вряд ли разделяли это пристрастие, но вынуждены были подчиняться воле монарха, приспосабливаясь к новым условиям жизни и преодолевая неимоверные трудности...

Русские войска 11 ноября 1702 года штурмом взяли шведскую крепость Нотебург, расположенную при истоке Невы из Ладожского озера. Петр I переименовал ее в Шлиссельбург (нем. *Schlüsselburg* — Ключ-город). 1 мая 1703 года после артиллерийского обстрела сдалась небольшая и слабая крепость Ниеншанц, стоявшая при впадении Охты в Неву, приблизительно в трех верстах от балтийского берега. Она получила название Шлотбург (голл. *Slotburg* — Замо́к-город). На военном совете при участии государя решено было не укреплять этот форт, «понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры». Совет постановил строить новую крепость. Через несколько дней Петр I со своими приближенными осмотрел острова, образованные устьями Невы; один из них, под названием Заячий, показался наиболее удобным для возведения «фортеции».

Шестнадцатого мая 1703 года началась нелегкая жизнь строителей и обитателей Петербурга. На рассвете к Заячьему острову подошла царская яхта, которую сопровождало множество лодок; Петр вышел на берег вместе с А. Д. Меншиковым, Ф. А. Головиным, Б. П. Шереметевым, Г. И. Головкиным, А. И. Репниным, Я. В. Брюсом, М. М. Голицыным, П. П. Шафировым и другими своими виднейшими соратниками[41]. Государь выхватил из рук стоявшего рядом солдата штык, вырезал две полоски дерна, положил их крестообразно и объявил: «Здесь быть городу». Затем он взял заступ и начал копать ров; его примеру последовали все приближенные. Когда длина рва дошла до двух аршин (около полутора мет-



Запись в Кабинетном журнале Петра I от 16 мая 1703 года об основании Петербурга

ров), в него поставили высеченный из камня ящик, который находившиеся здесь же священники окропили святой водой. Петр собственноручно поместил в него золотой ковчег с мощами святого апостола Андрея Первозванного. Возможно, это лишь красивая легенда, но весьма похожая на правду, как и то, что после этого царь и его сподвижники орудовали лопатами еще несколько часов; затем работу продолжили «двадцать тысяч человек подкопщиков», а Петр с приближенными вернулся на яхте в Шлотбург. В ознаменование закладки нового города «все чины были пожалованы столом, веселье продолжалось до двух часов ночи, при пушечной пальбе»[42].

Крепость Санкт-Петербург первоначально строилась из дерева, с земляными валами. Она имела шесть бастионов: Государев, Нарышкина, Трубецкого, Зотова, Головкина и Меншикова; каждый из упомянутых лиц руководил вверенным ему участком строительства. Работа продвигалась невероятно быстрыми темпами. Уже 22 мая гвардия и армейские полки, ранее стоявшие в Шлотбурге, были переведены в казармы новой крепости. В них Петр 29 июня отпраздновал свои именины, собрав на банкет офицеров, чиновников, купцов и корабельных мастеров. В тот же день в крепости была заложена деревянная церковь во имя святых апостолов Петра и Павла. Через десять месяцев она была готова. Церковь была небольшая, но, по свидетельству иностранных наблюдателей, очень красивая. На высокой остроконечной колокольне висело несколько колоколов, и приставленные к ним искусные звонари с наступлением нового часа вызванивали короткую прелюдию, а затем отмечали ударами колокола количество часов.

Строительство деревянной крепости было окончено за пять месяцев, и к середине сентября она уже могла противостоять нападению неприятеля. Фортификационные сооружения разделялись на две равные половины каналом, который был выкопан для обеспечения гарнизона водой в случае осады. По обеим его сторонам было выстроено по четыре ряда домов, крытых, по примеру финских, дерном или берестой. Напротив Петропавловской церкви стоял дом первого комендан-

та крепости К. Э. Ренне, рядом располагались дома гарнизонных офицеров. Чуть поодаль находились казармы, арсенал, провиантские магазины, дома священника и церковного причта. Подъемный мост соединял крепость с Городовым островом. Каждый день с утренней зарей на Государевом бастионе поднимали крепостной флаг при пушечном выстреле, что служило сигналом к началу работы. В десять часов пополуночи опять стреляли из пушки, указывая на наступление обеденного времени, а после вечерней зари последний выстрел сигнализировал окончание трудового дня. Крепостная пушка и колокола Петропавловской церкви день за днем размеряли трудовой день всех без исключения петербуржцев, от царя до солдата и работного человека.

Неожиданным событием в жизни строящегося города стал приход в августе 1703 года голландских торговых кораблей. Голландцы явились за строевым лесом и рассчитывали увидеть на берегах Невы шведов, с которыми у них были коммерческие отношения. Встретив новых хозяев, торговцы не растерялись и обратились к находившемуся при постройке крепости Меншикову с просьбой позволить им нагрузить лесом 12 кораблей. Александр Данилович охотно согласился — он знал, что установление связей России с европейскими государствами через Балтийское море являлось заветной целью Петра I. Государь еще в мае 1703 года назначил премии шкиперам из Голландии или других стран, которые раньше других приведут свои корабли в Шлотбург: первому капитану было обещано 500 червонцев, второму — 300, третьему — 100.

В тот раз голландцы не смогли загрузить свои корабли лесом — им помешала шведская эскадра контр-адмирала Нумерса, стоявшая на взморье и запиравшая вход в Неву. Пришлось возвращаться ни с чем. Но в начале октября 1703 года шведские корабли снялись с якорей и отправились на зимовку в Выборг, поэтому в ноябре в устье Невы беспрепятственно вошел еще один голландский корабль, нагруженный солью и вином. Меншиков радушно встретил шкипера и вручил ему обещанные полтысячи золотых[43].

В первые годы существования Петербурга его стро-

ители и жители испытывали постоянное опасение нападений со стороны шведов. В мае 1704 года на море показались значительные морские силы противника, в то же время ожидался удар корпуса шведского генерала Шлиппенбаха по недавно занятой русскими войсками Нарве. Петр I немедленно отправился туда во главе российской армии, оставив командующим в Петербурге Романа Вилимовича Брюса, у которого было всего шесть полков пехоты и иррегулярная конница. Посланный для разведывания сил противника конный отряд обнаружил на реке Сестре восемь тысяч шведов под командованием генерал-поручика И. Г. Майделя. Брюс принял срочные меры к защите города. В ночь на 12 июля были возведены укрепления на Березовом острове у берега Невы, на них поставлены орудия, а весь имевшийся в Петербурге флот сосредоточен на Большой Неве. Это было сделано вовремя: утром того же дня неприятель приблизился к Неве как раз напротив места, где ночью были возведены укрепления, и на начатый им обстрел русские отвечали дружным огнем с батарей и судов. После четырехчасовой артиллерийской дуэли шведы отступили и заняли позиции за рекой Сестрой. В начале августа отряд Майделя снова двинулся к Петербургу. 6 августа Майдель прислал Брюсу письмо с предложением сдать Петербург, угрожая в случае отказа взять его силой оружия. В ответном послании звучала ядовитая вежливость: «Зело мне дивно, что господин генерал-поручик мне предлагает иже от моего всемилостивейшего государя и царя приказанную мне крепость Санкт-Питербурх в добре уступить. А тако да позволит господин генерал-поручик в своей земле лежащие крепости и места отойтить, такое искание получити и впред таким писанием ко мне и прочим меня да пощадит. Напоследи, како господин генерал-поручик позволит вышеупомянутые воинские помыслы у крепости Санкт-Питербурха употребляти. При том же обнадеживаю, что благоприят будешь». Майдель всё же побоялся атаковать русские позиции и в ночь на 9 августа увел свои войска по дороге на Кексгольм[44].

Между тем Петербург продолжал интенсивно строиться. Неподалеку от Петропавловской крепости, на Го-

родовом острове, Петр приказал возвести для себя маленький дом, сохранившийся до сих пор. Его соорудили из сосновых брусьев за три дня в конце мая 1703 года. В нем имелись только две небольшие низкие комнаты, разделенные узкими сенями и кухней. Все помещения в доме были обиты полотном и побелены, какие-либо украшения в них отсутствовали. Крышу покрыли маленькими сосновыми дощечками, имевшими форму черепицы и уложенными тем же способом; оконные рамы сделали из свинцовых желобков. Снаружи стены были выкрашены по голландскому образцу под кирпич, поэтому дом именовался «красными хоромцами». На крыше находились деревянные резные украшения: посредине — мортира, а по обоим концам конька — бомбы с горящим пламенем[45].

Рядом с домом Петра I, на Троицкой площади, в июле—сентябре 1703 года из бревен разобранных шлиссельбургских зданий был возведен дом Меншикова — двухэтажный, с высокой крышей и шпилем, делавшим его «похожим на кирку*». Согласно описанию, приложенному к плану Петербурга 1706—1707 годов, снаружи дом был «обит медью и позолочен». Это здание иностранцы называли посольским дворцом, поскольку в нем Петр I принимал послов[46], давал торжественные обеды и пиры. Так, уже в первый год существования Петербурга «Ведомости» сообщали об устроенном в доме Меншикова приеме в честь голландского шкипера Яна Гилбрандта, в ноябре приведшего в петербургский порт торговый корабль с вином и солью[47].

Даже в то время, когда хозяин дома находился на театре военных действий в Польше и на Украине, его петербургский особняк не пустовал. 24 мая 1706 года Петр I сообщал в письме Меншикову: «Сегодни по обедни первое были в вашем дому и разговелись, и паки при скончании сего дня паки окончали веселие в вашем дому», а 23 ноября 1707-го извещал своего любимца о праздновании его именин: «В сей день Святого Александра, князя Россиского, вашего тезоимянитого, здесь в дому вашем, по благодарении Богу, веселимся». При этом царь вежливо подчеркивал, что компании гостей недостава-

*Кирка, кирха (нем. *Kirche*) — лютеранская церковь.

ло самого хозяина дома: «Воистинно, слава богу, веселы, но наше веселие без вас или от вас, яко брашно (еда. — *В. Н.*) без соли»[48]...

В отсутствие Меншикова царь распоряжался его особняком по своему усмотрению: в нем иногда жили члены царской семьи и высокопоставленные иностранцы. Так, в 1708 году по распоряжению Петра I здесь на полгода поселилась вдова его брата Ивана Алексеевича, Прасковья Федоровна, с дочерьми, а в октябре 1710-го в доме на непродолжительное время расположился герцог Фридрих Вильгельм Курляндский, жених царевны Анны Иоанновны.

Дома других сподвижников Петра Великого в первые годы существования Петербурга были значительно скромнее и, по сути, представляли собой большие избы или мазанки-времянки. В таких «хоромцах» на берегу Большой Невки жили Г. И. Головкин, Я. В. Брюс, П. П. Шафиров, А. М. Черкасский и другие вельможи, которым не хватало денег на деревянные особняки.

Меншиков же не испытывал недостатка в средствах, что позволило ему в июне 1704 года приступить к строительству своей главной резиденции на Васильевском острове. Работа продвигалась быстро, но Александр Данилович требовал еще ускорить ее . 25 сентября в ожидании скорого прибытия в Петербург своей супруги Дарьи Михайловны он приказал управляющему «как мочно деревянные хоромы потрудизя к приезду ее изготовить и как мочно извольте поспешить»[49].

Характеристика дома светлейшего князя на Васильевском острове впервые встречается в описании Петербурга 1710—1711 годов, составленном немецким путешественником Геркенсом: «Это приятный дом в итальянском стиле в два этажа с крыльями, построенный с немалыми расходами, однако жаль, что он не каменный, а целиком бревенчатый». В 1717 году тот же автор уточнил некоторые детали: «Дом, правда, деревянный, в два высоких этажа, но построен добротно на итальянский манер, в нем прекрасные покои. Но он не сухой, так как крыша никуда не годится». Дом на Васильевском острове, в отличие от «посольского» дворца на Троицкой площади, строился для самого светлейшего

князя и его семьи. Правда, в нем также время от времени проводились публичные мероприятия. Так, в 1710 году в особняке состоялись свадьбы: 31 октября — царской племянницы Анны Иоанновны, 14 ноября — придворного карлика Екима Волкова; 26 мая 1716-го здесь проходил прием австрийского посланника графа О. А. Плейера[50].

Деревянные дома и дворцы сподвижников Петра Великого продолжали строиться до ноября 1709 года, когда был издан царский указ об обязательном возведении в городе каменных зданий. В следующем мае на Городовом острове был заложен первый в Петербурге каменный дом, принадлежавший канцлеру Г. И. Головкину, а 18 августа «почали бить сваи» под Летний дворец Петра на левом берегу Невы между Безымянным ериком (Фонтанкой) и речкой Мьей (Мойкой)[51]. В его проектировании, строительстве и отделке принимали участие Доменико Трезини, Жан Батист Александр Леблон, Андреас Шлютер, Михаил Земцов. Двухэтажное прямоугольное кирпичное здание с четырехскатной крышей, оштукатуренное и окрашенное в охристый цвет, не имеет главного, отличающегося по декору фасада.

Внизу располагался Петр, а вверху — Екатерина с детьми. Во дворце имелось 14 жилых комнат (включая денщицкую на первом этаже и фрейлинскую на втором) с высотой потолков 3,3 метра, две кухни (поварни) и два коридора, поэтому прислуга могла перемещаться по служебным помещениям, минуя парадные покои. Помещения имели все необходимые удобства вплоть до водопровода в кухне и проточно-промывной канализации. Напор, создаваемый фонтанными насосами Летнего сада, позволял закачивать воду в свинцовый бак на чердаке, откуда она по трубам шла в поварню и шесть дворцовых нужников. Изобретателем этого устройства был Ж. Б. А. Леблон[52].

Историки архитектуры сравнивают Летний дворец с кораблем: он расположен на полуострове в непосредственной близости от воды, его северо-восточный угол напоминает корабельный нос и имеет «гальюнную фигуру» — железного крылатого дракона, служившего водостоком. Сходство усиливали фасадные барельефы

между первым и вторым этажами, соответствующие по расположению щитам пушечных портов, и две внутренние лестницы — «трапы» (служебная винтовая и парадная пристенная), ступени которых располагались на расстоянии восьми дюймов — «корабельного шага»[53].

Неизвестный автор в 1720 году оставил описание интерьеров летней резиденции: «Его царская милость забрал его милость господина посла с собой в свой дворец, очень красиво убранный различной китайской обивкой. В трех комнатах стояли бархатные кровати с широким позументом, соответствующим всему убранству. Было много зеркал, много украшений, пол мраморный. При комнатах кухня, стены которой обтянуты обивкой, как комнаты в других дворцах. В ней находились насосы, подсобки, шкафы для серебряной и оловянной посуды. Одна из комнат напротив была заполнена токарными и слесарными инструментами — валами, тисками, большими и малыми»[54]. Вся деревянная отделка дворца была выполнена из дуба, за исключением Зеленого кабинета на втором этаже (там стены покрывали расписные панели с зеркалами по парижской моде) и кабинета Петра I, отделанного орехом.

Дворец, имевший тонкие стены и одинарные оконные рамы, строили как летнюю царскую резиденцию. Петр очень любил ее и жил там с семьей с весны до поздней осени. Предметом его особых забот являлся входивший в дворцовый ансамбль знаменитый Летний сад с экзотическими деревьями, зверинцем и античными скульптурами.

Первый Зимний дом Петра I представлял собой маленький деревянный домик голландской архитектуры, который был построен к весне 1708 года на Адмиралтейском острове. В апреле 1711-го на Петровском острове по проекту Д. Трезини началось строительство каменного Зимнего дворца. К зиме того же года отделка здания была завершена. Планировка дворца представляла собой симметричную композицию: к сеням, расположенным по центру, примыкали с каждой стороны по две анфилады парадных и жилых покоев. Во флигелях были размещены хозяйственные и подсобные службы: поварня, мыльня и т. п. Всего в центральном корпу-

се насчитывалось около сорока помещений, а венчал его мезонин в три окна, где располагался рабочий кабинет («модель-камора») Петра. На гравюре А. Ф. Зубова «Свадьба Петра I» видно, что стены одной из больших палат, где проходил свадебный пир, были сплошь увешаны шпалерами, подоконное пространство покрыто голландскими расписными плитками, а плоский потолок украшен живописью. Освещался зал при помощи стенников со свечами, подвешивавшихся на цветных лентах.

Третий Зимний дворец Петра, расположенный на Адмиралтейском острове, начал строиться в августе 1716 года. К концу следующего года каменные работы были закончены, а отделка помещений продолжалась еще в течение нескольких лет, уже после новоселья в 1718 году. Свои личные комнаты, шесть низких маленьких «камор», в том числе столовую, прихожую, кабинет и спальню, Петр решил отделать «галанскими плитками хорошею работою»[55].

На Петровском острове у царя были два увеселительных домика. По свидетельству Вебера, один из них «находился на самом краю берега, состоял из шести тесных покоев, ничем особенно не убранных, кроме мебели из нескольких стульев, столов и множества павлиньих перьев». На острове жили два финских крестьянина, присматривавшие за двадцатью коровами и дюжиной павлинов, а также семеро «самоедов»* с четырьмя оленями[56].

Петербургский генерал-губернатор А. Д. Меншиков не пожелал отстать от своего державного друга и в августе 1710 года на Васильевском острове рядом с деревянным домом, ближе к Неве, начал строительство каменного. Уже 1 октября 1711 года в нем праздновалось новоселье. Его первое описание сделано упомянутым выше Геркенсом и относится к 1716—1717 годам: «Построен он из кирпича в три высоких этажа, в итальянском стиле и покрыт железными листами, которые

* Самоеды — название, первоначально употреблявшееся применительно к саамам (лопарям, лапландцам), финно-угорскому народу Кольского полуострова, а в ходе освоения Европейского Севера перенесенное русскими на ненцев, нганасан, селькупов и другие родственные им народы уральской языковой семьи.

окрашены в розовый цвет. Спереди и сзади расположены флигеля, внизу имеется подвал со сводами, в котором есть всё, что нужно для хорошего дома. Особенно много внутри дома покоев и все богато обставлены, и прежде всего серебряной посудой и другими ценностями, которые у этого господина имеются в изобилии. В среднем этаже большой зал, в котором обычно проводятся большие празднества»[57].

Французский путешественник О. де ла Мотрэ описывает дворец Меншикова следующим образом: «...Фасад, вход и двойные марши лестниц величественны. Архитектурные украшения и роспись выполнены с утонченным вкусом и чрезвычайно радуют глаз. Залы между апартаментами, передние, комнаты и галереи расположены превосходно, всё здесь просторно и пропорционально; обстановка исключительно изысканная... Зал, где князь устраивал приемы, праздники, давал балы и т. п., необыкновенно длинный, широкий и высокий, там по обеим сторонам висели различные картины, вызывающие восхищение знатоков... Всё соответствовало великолепию этого дворца; были во множестве серебряные сервизы всевозможных видов и форм»[58].

На первом этаже дворца были расположены «поварня», а также «покой для дежурных матросов и гребцов», готовых в любое время дня и ночи отвезти петербургского генерал-губернатора на ялике по неотложным делам. Рядом с помещением для матросов Меншиков по примеру Петра I оборудовал токарную мастерскую. На втором этаже находились приемная, столовая, «предспальня», спальня, «кабинет с живописью», а также «портретная», «ореховая» и «плитковая» палаты, служившие для отдыха и приема гостей.

Интерьеры домов Меншикова заполняла как изготовленная русскими мастерами, так и купленная за границей мебель. Например, в 1716 году в Париже по его поручению были приобретены черный поставец с зеркалом и настольное зеркало. Позже посол во Франции Б. И. Куракин отправил светлейшему князю из Парижа через Амстердам десять ящиков с мебелью и спальными принадлежностями. Александр Данилович даже вел переговоры о приобретении лакового кабинета Людови-

ка XIV, выставленного на продажу после смерти короля и оцененного в пять тысяч экю. Бережливый Петр I отказался от этой покупки по причине дороговизны, но «полудержавный властелин», по всей видимости, мог себе позволить даже такие расходы[59].

В домах Меншикова в многочисленных поставцах и застекленных шкафах стояла хрустальная, фарфоровая и серебряная посуда работы венецианских, английских, французских и голландских мастеров. В 1716 году для него был куплен за 160 рублей у дочери адмирала Л. Ланга ореховый шкаф с китайской посудой[60]. Меншиков часто заказывал сервизы за границей по баснословно высоким ценам. Де ла Мотрэ свидетельствует, что Александр Данилович «получил из Англии новый сервиз ценой в шесть тысяч фунтов стерлингов», однако «то, что князь уже имел, стоило значительно больше как по весу, так и по действительной ценности...»[61].

Семья Меншикова попеременно жила в деревянном и каменном домах на Васильевском острове. По всей видимости, первый служил главным образом летней резиденцией, а второй — зимней[62]. Это подтверждается пометой в «Повседневных записках» Меншикова от 1 сентября 1716 года: «...Его светлость отъехал в дом свой на Васильевский остров. И по прибытии в палаты изволил приказать дражайших своих детей принесть, которые пребывали в деревянных хоромах...»[63]

Вокруг василеостровских домов Меншикова вскоре вырос целый квартал из хозяйственных построек, помещений для прислуги, обособленных флигелей для гостей, а также домов, сдаваемых внаем. Князь возвел даже собственную каменную церковь Воскресения Христова с колокольней и курантами. Рядом он построил трехэтажный особняк для своего гофмаршала Ф. А. Соловьева, превосходивший по размеру дворец канцлера Г. И. Головкина.

Петр I восхищался «маленьким городом» Меншикова, придававшим блеск столице. Он решил расширить его, застроив аналогичным образом весь Васильевский остров. Для осуществления этой задачи царь, по своему обыкновению, прибегнул к насилию, издав серию указов о принудительном переселении на берега Невы не-

скольких тысяч дворянских семей. По свидетельству де ла Мотрэ, «в соответствии со своим решением Петр I приказал многим боярам, которые, как он знал или слышал от князя Меншикова, были достаточно богаты, не только построить там кирпичные дома, но и приехать жить там со своими семьями в одном или нескольких домах, или чтобы по крайней мере некоторые из их женатых детей заселили дома своими семьями. Под страхом сурового наказания он предписал боярам не только число домов, которые они должны были построить, но также их материалы и форму, участки для строительства, предписал ширину и длину улиц, род камней для мощения, глубину и ширину каналов, которые надлежало прорыть посредине большинства улиц по голландскому образцу».

Француз беседовал с некоторыми невольными переселенцами, которые говорили ему, что имели «прекрасные дома в окрестностях Москвы с плодоносными садами и землями, доходы от которых были достаточны для удобной жизни в удовольствиях вместе с семьями, но они были вынуждены приехать сюда и жить в этом нездоровом и неприятном климате, где не могут иметь ничего, кроме чрезмерно больших расходов, средства на покрытие которых им приходится получать издалека». Царь разрешал им возвращаться в свои подмосковные поместья «только на краткий срок по важному и неотложному делу», причем такое позволение «им приходилось выпрашивать на протяжении целых месяцев». Неудивительна ненависть представителей московской знати к новой столице: они признавались в том, что «часто желали, чтобы Петербург ушел под воду»[64]. Тем не менее боярам пришлось осваиваться на берегах Невы и Васильевский остров интенсивно застраивался в соответствии с планом приглашенного в Россию французского архитектора Жана Батиста Леблона.

Помимо василеостровского «маленького города», к 1711 году сложились еще два аристократических района, которые, по большинству их населения, именовались Русской и Немецкой слободами. Первая из них располагалась на Городовом острове, неподалеку от кронверка Петропавловской крепости. Здесь находи-

лись дворцы вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны, канцлера Гавриила Ивановича Головкина, вице-канцлера Петра Павловича Шафирова, обер-сарваера* Ивана Михайловича Головина и других высокопоставленных лиц. Немецкая слобода вытянулась вдоль берега Невы на Адмиралтейском острове. В 1714—1715 годах здесь, неподалеку от Литейного двора, был построен каменный дом генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Немецкий путешественник отметил, что «дом не слишком велик, но сделан хорошо»[65]. Примерно в то же время был возведен каменный дом генерала Адама Адамовича Вейде, выделявшийся среди окружающих зданий своей красотой. Рядом проживала большая часть петербургских немцев и других иностранцев, в том числе царский кухмейстер Иоганн Фельген и лейб-медик Роберт Арескин[66].

Немного ниже по течению Невы был построен дом вице-адмирала Корнелия Ивановича Крюйса. Неизвестный иностранец подчеркнул, что у того «прекрасный двор и здание; во дворе поставлена лютеранская реформистская церковь, которую посещают преимущественно занятые при флоте и некоторые другие живущие там и временно пребывающие немцы»[67]. Ю. Юль добавил: «...вице-адмирал Крюйс построил в Петербурге лютеранскую церковь из одних бревен, как строятся дома в Норвегии и почти во всей России. В ней проповедует по-голландски священник магистр Толле»[68].

Рядом поселился дипломат, финансовый агент и купец, надворный советник Савва Лукич Владиславич-Рагузинский — один из богатейших людей в Петербурге. По словам того же автора, «у него красивый, однако деревянный дом, выстроенный в итальянском стиле»[69]. Дом этот был возведен после переезда Владиславича из Москвы в Петербург в 1709 году, но не позднее начала 1711-го, когда Петр I отправил его за границу с дипломатическим поручением.

---

*Сарваер (англ. *surveyor* — инспектор) — должность на русском флоте в XVIII веке, предусматривавшая наблюдение за строительством кораблей, состоянием верфей и судов действующего флота; соответствовала чину VI класса по Табели о рангах, равнявшемуся чину капитана 1-го ранга на флоте и полковника в армии. Обер-сарваер — главный инспектор кораблестроения; чин V класса, соответствовал генерал-майорскому.

Далее вниз по течению Невы стояли хоромы генерал-адмирала графа Федора Матвеевича Апраксина. Автор «Известия о городе Санкт-Петербург» сообщил, что у него «добрый и большой хорошо построенный дом и двор, хотя целиком деревянный, в немецком стиле». По соседству жил адмиралтейств-советник Александр Васильевич Кикин, также имевший просторный двор. Этот предприимчивый делец, будучи до момента изобличения его в служебных злоупотреблениях в 1715 году одним из любимцев Петра I, сумел разными способами сколотить изрядное состояние, большую часть которого вложил в свои петербургские владения. Помимо упомянутого выше дома, Кикин имел еще четыре, из них два каменных, в том числе сохранившиеся до сих пор Кикины палаты.

Шведский пленный офицер Ларс Эренмальм при описании Немецкой слободы также назвал дома Апраксина, Крюйса, Владиславича-Рагузинского и Кикина, добавив, что в этом же районе живут все морские офицеры, большинство придворных служителей царя, иностранные министры, немецкие купцы и ремесленники, шлюпочные матросы и маринеры (морские пехотинцы)[70].

Для характеристики обыденной жизни петербуржцев в первые десять лет существования города важно отметить, что в нем в то время не было больших улиц: хорошие дома ставились главным образом вдоль берегов рек и каналов, а мазанки, избы, хижины и прочие строения с садами и огородами располагались живописными группами, без какого-либо плана (исключение составлял Васильевский остров — первый район регулярной застройки). Маленькие улицы и проулки между зданиями и дворами шли как придется. Немецкий путешественник в 1711 году удивлялся: «...ни одна улочка во всем Петербурге не имеет названия. При справках один другому описывает место, о котором спрашивает, называя того или иного, кто живет в этой местности, пока не нападет на того, кого знает, тогда можно продолжать расспросы»[71].

Новая столица далеко не сразу приняла подобающие ей очертания. Прибывший на берега Невы в феврале

1714 года брауншвейг-люнебургский резидент Христиан Фридрих Вебер отметил в своих записках: «...вместо воображаемого мною порядочного города я нашел тогда кучу сдвинутых друг к другу селений, похожих на селения Американских колоний»[72].

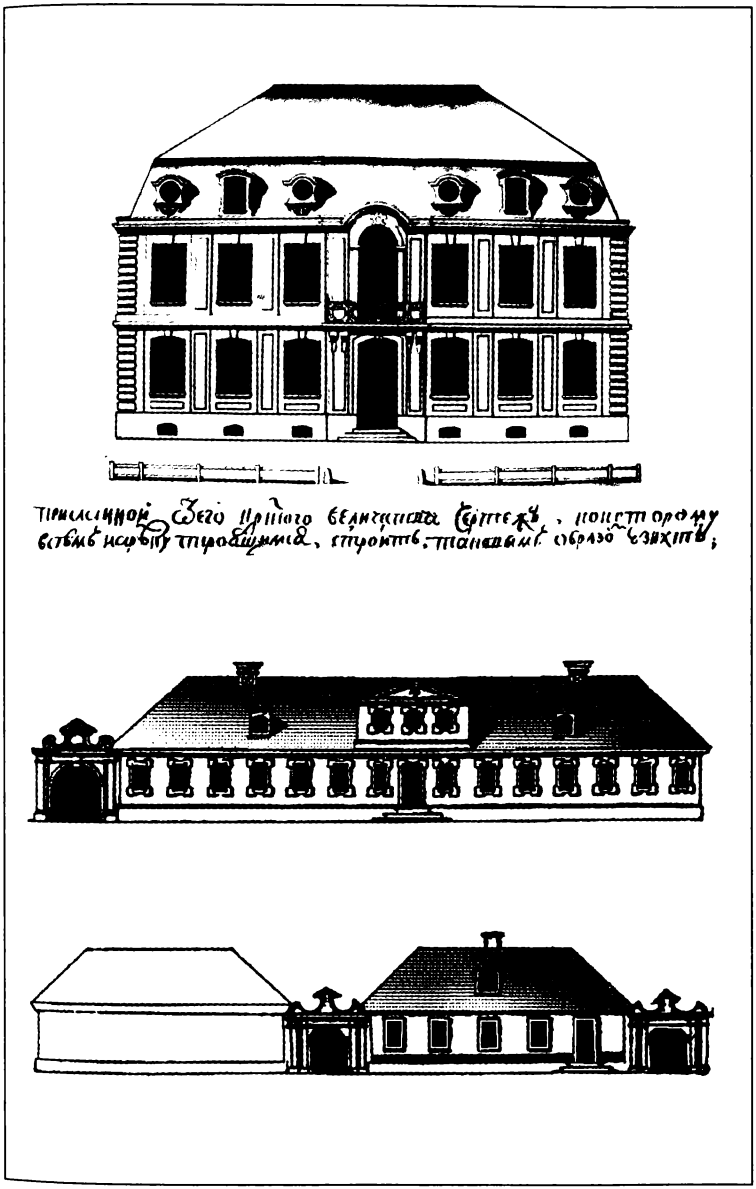
Жители Петербурга не спешили строить каменные дома, опасаясь их возможного сноса при перепланировке города. В 1717 году неизвестный иностранный наблюдатель отметил: «...только два года назад были размечены колышками направления улиц, которые вкривь и вкось прошли через участки, и пока неизвестно, какая улица и какой дом должны быть полностью или наполовину снесенными. Поэтому все откладывают работу, ожидая решения, чтобы не иметь двойные расходы...»[73] Действительно, Петр I активно вмешивался в планировку улиц и приказывал ломать строения, которые препятствовали прокладке новых «першпектив». При этом он не обращал внимания ни на знатность, ни на служебное положение их владельцев. Так, указ от 16 сентября 1715 года повелевал на вновь образованной большой улице за Зимним дворцом снести мазанки кабинет-секретаря А. В. Макарова, вице-адмирала К. И. Крюйса, генерал-майора Г. П. Чернышева[74].

Мероприятия по перепланировке города дорого обходились петербуржцам, не исключая и близких к царю лиц. По свидетельству прусского дипломата Густава Мардефельда, одной из жертв градостроительных нововведений стал генерал-адъютант Петра I барон Карл Густав Левенвольде. Ему «сначала приказали мостить улицу вокруг своего дома, потом взяли с него 20 руб. на деревья, которые следовало посадить около него, три дня спустя, наконец, после уплаты им всего требуемого, приказали ему совсем снести дом, так как царь хочет выстроить здесь квартал для своих преображенцев, который должен быть построен этим летом». Судя по всему, обреченный на снос дом был достаточно большим и удобным, поскольку часть его Левенвольде «сдавал внаем иностранным министрам и имел от этого годовой доход в 400 руб.», однако, замечал Мардефельд, «ему за это не возвратят ни гроша, это прямо следует из основных законов этой страны, в которой всё принадлежит Богу и царю»[75].

Новая столица строилась совсем не так, как города допетровской Московии. «Петербуржцы, — подчеркивал историк В. В. Мавродин, — не сидели, как медведи в своих берлогах, отгородившись от всего мира высокими заборами усадеб, как отсиживались "древле" их деды и прадеды. Петр запретил ставить дома внутри усадеб и отгораживаться от улицы заборами. Дома в Петербурге должны были выходить фасадом на улицу»[76].

Трудности жизни в петровском «парадизе» нашли отражение в поговорке того времени: «С одной стороны — море, с другой — горе, с третьей — мох, а с четвертой — ох!»[77] Северный климат, дикая природа и другие неблагоприятные естественные условия сказывались ежедневно и ежечасно. В августе 1703 года князь А. И. Репнин сообщал царю: «Зело, государь, у нас жестокая погода с моря, и набивает в нашем месте, где я стою с полками, воды аж до самого моего станишку, и ночесь в Преображенском полку в полночь и у харчевников многих сонных людей и их рухлядь помочило. А жители здешние сказывают, что в нынешнем времени всегда то место заливает»[78]. Впоследствии наводнения происходили почти ежегодно. В письме от 11 сентября 1706 года Петр I писал Екатерине, что вода у него в хоромах была выше уровня пола на 21 дюйм (то есть более полуметра), а по городу обыватели свободно «ездили» на лодках: «И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям будто во время потопа сидели... не точею мужики, но и бабы»[79]. Самым сильным было наводнение 1715 года, когда, по словам очевидца, «были снесены почти все мосты и фольварки и можно было на судах ездить по улицам и вокруг домов»[80].

Дневник голштинского камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца, ставшего в 1721 году свидетелем наводнений 5, 10, 11 и 12 ноября, донес до нас яркие картины стихийного бедствия: «вода вдруг с необыкновенною силою стала проникать в улицы и дома»; барку в канале «совершенно затопило»; другие суда были сорваны с якорей и унесены бурными волнами в море. Слуга царского генерал-адъютанта Александра Ивановича Румянцева утонул, пытаясь спасти принадлежавшее хозяину судно. Погреба в домах были полностью



Образцовые проекты каменных домов для «именитых» и «подлых» людей архитекторов Д. Трезини и Ж. Б. Леблона. *1717 г.*

залиты водой, что неизбежно вело к порче основной части продовольственных припасов и другого имущества; в полуподвальных этажах вода подняла полы; на самом низком Петербургском острове дома были затоплены по окна. Вдобавок ко всему «ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш».

В первый день наводнения императрица была обеспокоена долгим отсутствием супруга и послала на его поиски трех курьеров, один из которых утонул на Длинной аллее (нынешнем Невском проспекте). К счастью, государь через несколько часов вернулся во дворец невредимым; зная его энергичную натуру, можно не сомневаться, что всё это время он руководил спасательными работами.

По городу ходили слухи, что «от первого наводнения князь Меншиков понес убытку с лишком на 20 000 рублей». Эта цифра, разумеется, завышенная, но, тем не менее, она весьма показательна. «Легко поэтому вообразить себе, сколько бед наделали повсюду последствия наводнения, если князь один пострадал так много», — заключает свидетель происшествия[81].

Последствия разгула стихии перечислены в донесении французского посланника Жака Кампредона министру иностранных дел Франции кардиналу Гийому Дюбуа от 21 ноября 1721 года: «Страшным наводнением истреблено одних жизненных припасов более чем на 15 миллионов ливров. Все галеры выброшены на берег, а два корабля попали даже в царский сад, который весь попорчен. Множество людей погибло в волнах». Тремя днями позже о том же более подробно рассказал французский консул Анри Лави: «В воскресенье, 5/16 числа тек<ущего> мес<яца>, была у нас буря, продолжавшаяся с утра до трех часов пополудни, с такою страшной силою, что, продлись она еще часа два, весь город был бы окончательно разрушен. Бед она наделала неисчислимых: нет ни одного дома, который не пострадал бы более или менее. И у меня также было в комнатах почти на три фута воды. По моим наблюдениям, на этот раз вода поднималась на три фута два дюйма выше, чем в 1715 году, когда у нас в эту же пору было наводнение».

«Невозможно, — продолжает консул, — определить с

точностью, как велики убытки, но несомненно, что они превышают цифру двух и даже трех мил<лионов> руб., ибо дома, погреба и магазины, наполненные товарами, всё попорчено; строевой лес и прочие строительные материалы, которые были запасены в огромных количествах, тоже испорчены и разнесены бог знает куда. На воде бурею причинено такое крушение, что, говорят, все галеры, числом 126, унесены водой в леса, где они и до сих пор лежат на суше»[82].

Строители и жители новой столицы периодически страдали не только от наводнений, но и от болезней. Сырой климат и низкая болотистая местность вокруг города способствовали ежегодным вспышкам болотной лихорадки (малярии), которая уносила тысячи жизней солдат и работных людей. Не щадила она и офицеров армии и флота, и представителей высшего общества. Тучи комаров и ныне являются напастью для пригородов Петербурга. Можно представить, какова была ситуация тремястами годами ранее, когда осушение болот только начиналось, а в черте города еще сохранялись большие лесные массивы. Хотя люди начала XVIII века относились к кровососущим насекомым с гораздо большим стоицизмом, чем их изнеженные потомки, жалобы на «машкару» часто встречаются в письмах сподвижников Петра, отправленных с берегов Невы.

Из окрестных лесов на улицы Петербурга нередко являлись «гости» покрупнее и пострашнее. 18 декабря 1704 года на часового у ворот Петропавловской крепости напали волки, «и он из мушкета стрелял, и тревога в гарнизоне учинилась». В марте 1708-го волк загрыз дворового человека вице-адмирала Крюйса, а в начале апреля «стаю волков от двора бригадира Кропотова отогнали». Х. Ф. Вебер отметил, что в 1714 году волки загрызли перед Литейным двором двух часовых, а вскоре после этого «утром средь бела дня неподалеку от княжеского дома сожрали женщину»[83]. Серые хищники тревожили жителей Петербурга и в последние годы петровского царствования.

Сущим бедствием в те времена являлись пожары. Самый первый крупный пожар в истории города случился 18 июля 1706 года в Санкт-Петербургской крепости.

В этот день в «Походном журнале» Петра I сделана краткая запись: «...в Санктпитербурхе в городе был немалой пожар, и много снаряду пропало и пороху 7 бочек взорвало, также и людей сгорело. Начался тот пожар пополуночи в 10-ть часов и было того пожару 4 часа».

В первом доме А. Д. Меншикова, так называемом посольском дворце, где в это время разместилась прибывшая из Москвы царица Прасковья Федоровна с дочерьми Екатериной, Анной и Прасковьей, пожар произошел 26 апреля 1708 года. Как отмечено в «Походном журнале», «оный дом загорелся в 10-м часу дня, и большая половина верхних житий сгорела»[84].

Восьмого августа 1710 года в 10 часов вечера начался сильный пожар в слободе за Невой; тамошний базар и свыше семидесяти суконных лавок были обращены в пепел, на площади не осталось ни одного дома; лишь находящееся рядом болото остановило дальнейшее распространение огня. Через двадцать дней были уничтожены пламенем «все постройки, служившие складочным местом жизненных припасов и провианта», что привело к резкому повышению цен на продукты питания и другие предметы первой необходимости[85].

Семнадцатого мая 1711 года в Петербурге произошло сразу два пожара: сгорели «кузница да двор Глебова». 11 октября 1713-го запылал дом генерал-майора А. И. Волконского. В 1714 году на невских берегах произошло пять пожаров. Один из них, случившийся в конце декабря, описан в донесении английского резидента при российском дворе Джорджа Макензи британскому статс-секретарю лорду Таунсгенду: «Во вторник вечером на этом острове, на котором стоит и царский дворец, в одном доме вспыхнул пожар. Менее чем в два часа дом сгорел дотла; в нем погибло двое детей, забытых в кровати. Когда о них вспомнили, спасти их уже не было возможности»[86].

Несколько раз горела губернская канцелярия. Историк П. Н. Петров полагал, что в 1715 году ее здание подожгли, «чтобы уничтожить дела, сильно затрагивавшие многих важных лиц и частию князя Меншикова»[87].

В 1716 году горели «двор дворового человека Ушакова», дом гвардии капитана Я. Х. Бахмеотова на Адми-

ралтейской стороне и загородный дворец Саввы Рагузинского. Петербургский губернатор А. Д. Меншиков, услышав набат, сел в легкие сани и поехал было на пожар, но «за дальностию не доехав, возвратился»[88].

Несколько пожаров, произошедших в 1717 году, были потушены при деятельном участии петербургского губернатора. 15 января 1718 года в третьем часу ночи загорелось недостроенное двухэтажное правительственное здание на Троицкой площади, серьезно пострадали помещения, предназначенные для Сената и Военной канцелярии. Через пять дней в доме самого Меншикова «ввечеру загорелось было в верхних его светлости наугольных полатах, в которых домовая канцелярия, однако с помощию Божиею оной уняли, и токмо одну кровлю розломали и потолок верхней»[89].

Два пожара случились во время ноябрьских наводнений 1721 года: 11-го числа запылала какая-то постройка возле двора австрийского посланника графа Стефана Кинского, а вечером 16-го недалеко от крепости на реке «загорелся от неосторожности корабль»[90].

Петр I принимал в борьбе с огнем самое активное участие. «Мне нередко приходилось видеть, — рассказывал Юст Юль, — как он первым являлся на пожар, привозя в своих санях маленькую пожарную трубу. Он сам принимает участие во всех действиях, прилагая руку ко всему, и так как относительно всего обладает необыкновенным пониманием, то видит сразу, как надо взяться за дело, отдает сообразные приказания, сам лезет на самые опасные места, на крыши домов, побуждает как знатных, так и простолюдинов тушить огонь и сам не отступится, пока пожар не будет прекращен. Этим царь часто предупреждает большие бедствия»[91].

В ночь на 13 января 1724 года Петр I тушил объятый пламенем двор в Морской слободе, а 28 октября — дом на Васильевском острове. Берхгольц отметил в своем дневнике: «28-го, вечером, когда император был у генерал-лейтенанта Ягужинского, на Васильевском острове произошел пожар. Его величество тотчас отправился туда и потом, когда огонь потушили, воротился опять к Ягужинскому»[92].

В Петербурге разрушение строений происходило

не только вследствие наводнений или пожаров. Наспех построенные из непросушенного кирпича дома, ставившиеся порой на неустойчивом болотистом грунте, нередко оседали, трескались и перекашивались, а иногда и разваливались.

Значительной проблемой для жителей Петербурга в первые годы его существования являлись продовольственные трудности и связанная с ними дороговизна продуктов питания. Доставка грузов на берега Невы была сопряжена с большими сложностями, поскольку дорог в окрестностях Петербурга до середины 1710-х годов практически не существовало. К 1717 году власти многое сделали для улучшения подъездных путей к столице, но и тогда иностранные путешественники не переставали удивляться их состоянию. Как отметил Геркенс в «Описании Петербурга», «не только сам город, но также и вся местность вокруг так низка и болотиста, что сюда можно приехать и отсюда выехать только по одной дороге, которая недалеко за городом делится на две. И эти две дороги в таком плохом состоянии, что в весеннее и осеннее время можно насчитать дюжинами мертвых лошадей, которые в упряжке задохлись в болоте... дальше от города дорога еще больше ухудшается...». Летом хватало даже короткого дождя, чтобы дороги стали непроезжими: «...всюду можно завязнуть в грязи, как за городом, так и в городе»[93].

С апреля по ноябрь для снабжения города продовольствием использовались главным образом водные пути. Грузы везли по Волге в Тверь, оттуда по системе рек на Ладожское озеро и по Неве в Петербург. В зимнее время грузы доставлялись санным путем. Однако неровный климат северо-запада нередко вызывал оттепели, из-за которых санные обозы могли надолго застрять в пути, что приводило к порче продовольствия и перебоям в снабжении городских рынков[94]. 8 декабря 1719 года Лави сообщил в Париж своему начальнику Дюбуа: «У нас река еще не замерзла. Глядя на мягкую погоду, Царь заметил, что 10 лет тому назад река стала лишь перед Рождеством и что то же самое может случиться и ныне. Это было бы очень худо для здоровья и для пропитания народа, ибо без снега московские обозы запоздают,

а следовательно, и вздорожают хлеб и всякая провизия, которые обыкновенно доставляются сюда в санях из Москвы и даже из Архангельска»[95].

Значительными продовольственными трудностями был отмечен 1710 год. В мае Юль на страницах своих записок сетовал: «В Петербурге всё было дорого, а съестных припасов порою и вовсе нельзя было достать, ибо весь край с обеих сторон, как Ингерманландия, так и Карелия, откуда припасы эти подвозятся, был вконец опустошен русскими и казаками. Большого труда и издержек стоило мне добывать необходимое на каждый день продовольствие»[96].

Основное место в рационе представителей высшего сословия занимали продукты питания, доставленные в Петербург из поместий. Например, астраханский губернатор Артемий Волынский во время своего пребывания в столице требовал привозить ему с каждых пяти крестьянских дворов «по одному гусю, по одной утке, по одной русской курице (были еще «индейские курицы», то есть индейки. — *В. Н.*), по одному поросенку и по двадцати яиц». Кроме того, в декабре каждые пять дворов обязаны были поставить пуд свиного мяса, три фунта масла «коровья», а в июне —молодого барана. Волынский требовал также присылать ему сушеные грибы и ягоды, гречневую, ячневую, овсяную и просяную крупу, «крупчатую муку, масла льняного по 5 ведер, масла конопляного по 10 ведер, семени конопляного по 3 четверти, маку по четверти, отваривать грибы в соленой воде и, залив коровьим маслом, присылать»[97]. Этих припасов должно было хватить как для нужд семьи Волынского, так и для многочисленной дворни.

Таков был относительно скромный рацион питания среднего помещика. Можно представить себе уровень потребления А. Д. Меншикова, в распоряжении которого имелось свыше 400 тысяч крепостных. Необходимо еще учесть, что в доме светлейшего князя не менее трех раз в неделю обедали его друзья и сослуживцы числом от пяти до двадцати человек. Не менее чем раз в две недели Александр Данилович потчевал государя. Известно, что Петр I любил бывать в гостях у своего фавори-

та. К середине 1710-х годов их отношения испортились из-за бесчисленных служебных злоупотреблений светлейшего князя, но после 1718-го начали вновь налаживаться. Столы ломились от изысканных кушаний, на десерт подавались ананасы, арбузы, «смоковицы» и другие редкие для северного климата угощения. Инжир, конечно, был привозной, но прочее вполне могло оказаться собственной тепличной продукцией. При ораниенбаумском и василеостровских дворцах Меншикова имелись обширные огороды и большие оранжереи, в которых, по всей видимости, произрастали экзотические фрукты и овощи. Во всяком случае известно, что ананасы и арбузы с успехом выращивались в Петербурге иностранными «торгующими садовниками»[98].

Немалые трудности петербуржцы испытывали при заготовке дров, поскольку «его царское величество под страхом смертной казни запретил срубать в С.-Петербурге и особенно на острове Ретусари* хотя бы ветку, не говоря уж о дереве». Дрова, преимущественно тонкие и мелкие, приходилось доставлять издалека водным путем[99].

Петр I насаждал в новой столице культ воды. Он мечтал превратить свой «парадиз» в северную Венецию или Амстердам, изрезав его каналами, которые бы заменяли улицы. Жители должны были перемещаться по городу на судах под парусами, пользоваться веслами разрешалось только в безветренную погоду. Нарушители этого правила, согласно царскому указу от 18 июня 1710 года, облагались большим штрафом — в 20—30 рублей. В марте 1714 года последовал новый указ: «чтобы, как только сойдет лед, никто, под опасением тяжкого денежного и телесного наказания, не смел плавать по Неве на веслах, но чтоб постоянно употребляли паруса». Брауншвейгский резидент Х. Ф. Вебер по этому случаю отметил: «...хотя с людьми случались ежедневные несчастья», царь «ничего не слушал и хотел силою принудить своих русских к изучению маневров на парусах; принуждение это образовало уже немало искусных людей»[100].

---

*Ретусари (фин. *Retusaari*) — Котлин, остров в Финском заливе Балтийского моря в 30 километрах западнее Петербурга, на котором находится город Кронштадт.

Мостов через Неву при Петре I еще не существовало, так что волей-неволей приходилось плавать. Впрочем, большинство состоятельных петербуржцев охотно пользовались водным способом передвижения, так как после частых дождей немощеные улицы совершенно раскисали и проехать по ним в карете было невозможно, а идти пешком не позволяли амбиции.

Сам царь с его страстной любовью к мореходству едва мог дождаться, когда откроется вода. По словам Юля, «когда еще вследствие сильного ледохода не представлялось почти возможности плыть по реке, царь не без опасности перешел чрез нее первый на своем голландском буере, как всегда это делает, если при вскрытии Невы находится в Петербурге. Царь и назад прошел благополучно. Судном управлял он сам, делая на нем все необходимые распоряжения». В «Походном журнале» подобные случаи отмечались неоднократно: «...река Нева прошла, и того же часу господин контр-адмирал (то есть царь. — *В. Н.*) ездил по реке в шлюпке»[101].

Что же касается плаваний по Балтике, то они занимали весьма значительное место в повседневной жизни Петра. По подсчетам современного исследователя Г. А. Богуславского, в 1718 году он выходил в море 27 раз, в 1719-м — 92 раза (то есть почти ежедневно в летнее время), в 1720-м — 31 раз, в 1723-м — 48 раз[102]. Петербург и море были для Петра неразделимы.

Реалии повседневной жизни первых петербуржцев определялись многочисленными, преимущественно неблагоприятными факторами, влияние которых с течением времени ослабевало. Постепенное складывание инфраструктуры города, интенсивное развитие торговли через Петербургский порт, устранение военной угрозы со стороны шведов, освоение жизненного пространства, осушение болот, мощение улиц, создание петербургской полиции, зорко следившей за поддержанием порядка и чистоты, — всё это к середине второго десятилетия XVIII века обеспечило достаточно сносное существование обитателей петровского «парадиза». Разумеется, трудности быта сказывались на монархе и его приближенных в меньшей мере, чем на рядовых сподвижниках преобразователя. Но общим для всех являлся

напряженный трудовой ритм новой столицы с немногими часами отдыха, строго регламентированного указами самодержца.

Москвичи на время и навсегда

Петр I не любил старую столицу. С Кремлем у него были связаны тяжелые воспоминания детства. Во время пребывания в Москве он главным образом жил в селе Преображенском, как отметил Юст Юль, «на небольшом неказистом, плохом подворье, построенном исключительно из леса». Этот деревянный домик стоял на маленьком холме в окружении солдатских казарм и офицерских домов для личного состава гвардейского Преображенского полка. Ворота царского подворья всегда были заперты, и к ним приставлена стража, не пускающая никаких посетителей. Датский посланник подчеркнул, что «сюда царь удаляется с двумя-тремя приближенными не столько для занятий, сколько во избежание всяких посещений»[103].

Однако государю случалось останавливаться и в Кремле — вероятно, в ожидании каких-либо торжеств, аудиенций иностранных посланников или иных государственных мероприятий. Секретарь австрийского посольства И. Г. Корб, побывавший в царских апартаментах, отметил: «...в залах и комнатах, составляющих жилье государя, великолепная пышность драгоценнейших обоев и занавес нисколько не уступает роскоши и изящности украшений этого рода в лучших дворцах европейских»[104].

В летнее время Петр и члены его семьи нередко отдыхали в селе Измайлове. Поэтическое описание тамошней царской резиденции оставил тот же австрийский дипломат, побывавший в ней в конце июня 1699 года. «Измайловский замок, — пишет он, — служит летним пребыванием царя, чтобы он мог в нем наслаждаться прекраснейшим временем года. Замок окружает роща, замечательная тем, что в ней растут хотя и редко, но весьма высокие деревья; свежесть тенистых кустарников умеряет там палящий жар солнца». Посол императора Леопольда I Игнатий Христофор Гвариент отпра-

вился в Измайлово со своей свитой, «желая насладиться видом этих волшебных мест»; за ними «следовали музыканты, чтобы гармоническую мелодию своих инструментов соединить с приятным звуком тихого шелеста ветра, который медленно стекает с вершин деревьев». В то время в резиденции отдыхали царевич Алексей Петрович, вдовствующие царицы Прасковья Федоровна с юными дочерьми Екатериной, Анной и Прасковьей и Марфа Матвеевна. Корб поведал: «...желая немного оживить свою спокойную жизнь, которую ведут они в сем волшебном убежище... часто выходят на прогулку в рощу и любят гулять по тропинкам, где терновник распустил свои коварные ветви. Случилось так, что августейшие особы гуляли, когда вдруг долетели до их слуха приятные звуки труб и флейт; они остановились, хотя и возвращались уже в замок. Музыканты, видя, что их слушают и что их игра нравится, старались играть еще приятнее, соперничая между собой в том, что игра заставит всепресветлейших слушателей долее оставаться на месте. Князья царской крови, с четверть часа слушая симфонию музыкальных инструментов, похвалили искусство всех артистов»[105].

После перенесения в 1712 году столицы в Петербург Петр и его окружение наезжали в Москву только по необходимости, основную часть времени проводя в неблагоустроенной, с нездоровым климатом Северной Пальмире или в служебных поездках по стране и за границей. Пожалуй, единственным деятелем государственного масштаба, явно предпочитавшим насиженные места, был Федор Юрьевич Ромодановский.

Дом князя-кесаря Ромодановского находился на Моховой улице, около Большого Каменного моста. Столбы его ограды украшали геральдические черные драконы на золотом поле. Федор Юрьевич предпочитал в быту придерживаться старины. Хлебосольный хозяин щедро потчевал гостей, но требовал от всех особого почтения. Никто не смел въезжать к нему во двор, даже сам Петр оставлял свою повозку у ворот.

В 1690-х годах царь часто посещал Франца Лефорта в его отделанном на французский лад небольшом доме на берегу Яузы, в Немецкой слободе. В конце 1692 го-

да решено было расширить дом Лефорта, сделав к нему большую деревянную пристройку, где могла бы собираться многочисленная пестрая компания, состоявшая из людей разных национальностей, образования и общественного положения. Дальний родственник Лефорта Сенебье писал на родину 22 сентября 1693 года: «Его превосходительство выстроил весьма красивую и обширную залу для приема 1500 человек. Она обита великолепными обоями, украшена дорогою скульптурною работою, везде вызолочена и, действительно, может быть названа прекраснейшею императорскою залою. Наш государь пожаловал ему 15 больших кусков шелковых тканей, с богатою золотою вышивкою. Помещение так велико и во всех частях исполнено так превосходно, что представляет нечто удивительное. Издержки простираются, говорят, до 14 000 талеров. Меблировка роскошная; много серебряной посуды, оружия, картин, зеркал, ковров, разных украшений — все вещи в высшей степени интересные и многоценные... У генерала большое число прислуги; на конюшне 20 кровных лошадей; у ворот дома постоянно караул из двенадцати человек». Сам Лефорт 9 марта 1694 года писал старшему брату: «В саду есть пруды, каких нелегко найти здесь, изобилующие рыбою. За садом, на другой стороне реки, имею я парк, где содержатся различные дикие звери... Словом мой дом красивейший и приятнейший в целом околотке. Русские приезжают осматривать его как диковинку». У Лефорта Петр чувствовал себя свободным от условностей старого московского уклада, здесь он не только веселился, но и решал дела.

В 1697—1699 годах «постельный истопник, каменных дел мастер» Д. В. Аксамитов на средства казны возвел каменный дворцовый корпус, включив в общую композицию уже построенный зал. Эта огромная «столовая палата» была двусветной, то есть освещалась двумя рядами окон, расположенными один над другим. Здание состояло из отдельных палат с собственными шатровыми или коньковыми перекрытиями, соединенных переходами, типичных для традиционной русской архитектуры, но его симметрия, впервые возведенный портик над главной въездной аркой и пилястры коринфско-

го ордера, а также внутреннее украшение помещений произведениями живописи и скульптуры приближали его к европейским постройкам.

Новоселье было торжественно отпраздновано 12 февраля 1699 года. Гостям было запрещено покидать дворец в течение трех суток. Они спали по очереди, сменяя тех, кто «водил хороводы и прочие танцы». Однако Лефорту суждено было прожить в своем дворце всего месяц. После его смерти здание было передано в ведение Посольского приказа, а зимой 1706/07 года пожаловано А. Д. Меншикову вместе со значительной суммой на достройку.

Один из работавших тогда в Москве итальянских архитекторов (возможно, им был Д. М. Фонтана) возвел несколько корпусов и парадный въезд, образовав обширный прямоугольный внутренний двор и объединив помещения дворца под единой крышей. Александр Данилович во время пребывания в Москве жил на этом большом великолепном подворье[106].

Но светлейший князь имел в старой столице еще один дом, расположенный на Мясницкой улице (сейчас на его месте находится Почтамт). Вероятно, жил он здесь не особенно часто, поскольку обстановка внутренних помещений была довольно скромной. В «крестовой палате», помимо образов, висели «пять картин в рамах черных заморских», «зеркало в рамах деревянных», «зеркало рамы золоченые», стоял «стол аспидной на деревянных подношках». Обстановка других помещений также не отличалась роскошью: «В средней полате верху в паникадиле кампас за стеклом. Образ Премудрости Божии... Персона... е<го> и<мператорского> в<еличества> написана на пергаменте в рамах деревянных золоченых. Персона князя Меншикова за стеклом в черных деревянных рамах. Три картины разных манеров... Пять стулов ветхих деревянных обиты кожею золоченою. В спальне образ Благовещения Пресвятые Богородицы... Зеркало стеное ветхое в рамах черных... Кровать английской работы дубовая ветхая. Подзоры и завесы камчатные двоякие по малиновой земле с бахромою шелковою разных цветов, подбита тафтою белою. Подзоры ж тафтяные белые с фалбары и з бахромою

ветхие. Перина пуховая, на ней наволока атласная брусничная. Одеяло отласное песочное стегано на бумаге. С одного края опушено отласом красным. Оная спальня обита разных цветов шпалерами китайскими ветхими. В той же спальне шпалер шерстеной заморской работы тканой. В сенях образ Алексея Митрополита... В других сенях образ преподобного Данила Чудотворца»[107].

Неподалеку, на берегу Яузы, в уединенном месте перед Немецкой слободой было расположено имение канцлера Головкина, именовавшееся Бахартовым двором по имени датского купца Давида Бахарта, у которого Гавриил Иванович приобрел его в первые годы XVIII века. Живописный пейзаж в этой части реки радовал глаз зелеными и водными партерами. Все строения усадьбы были деревянными, но, как отметил Юст Юль, имение «по своему уединенному загородному положению не подвергается опасности от пожаров»[108].

Дом князя Матвея Петровича Гагарина находился в центре старой столицы, на Царской (Тверской) улице вблизи Камергерского переулка. Это было роскошное четырехэтажное каменное здание в стиле венецианских дворцов; оно выходило фасадом на улицу, образуя портал с двумя павильонами; в уступах между ними на арках была устроена открытая терраса с балюстрадой. В бельэтаже у портала и в павильонах висели балконы из белого камня, украшенные вычурной резьбой.

Внешнему великолепию дворца соответствовала его внутренняя обстановка. Апартаменты были отделаны деревом дорогих пород, мрамором и бронзой; повсюду были украшения из золота, серебра и хрусталя. Зеркальные потолки отражали блеск множества люстр и канделябров, разноцветные наборные полы казались узорчатыми коврами. В больших хрустальных сосудах плавали живые рыбы. Вся эта роскошь демонстрировала несметные богатства Гагарина. Одни только усыпанные бриллиантами оклады образов в его спальне стоили, по оценке тогдашних ювелиров, более 130 тысяч рублей[109].

В петровское царствование Москва оставалась главным образом деревянным городом. И. Г. Корб замечал, что «дома частных лиц по большей части деревянные,

некоторые только кирпичные; одни лишь знатные особы и богатые купцы живут в каменных домах; оттого в Москве столь часты пожары, уничтожающие тысячи домов»[110].

Десятого августа 1709 года английский посланник Ч. Уитворт писал из Москвы в Лондон статс-секретарю Ч. Бойлю: «Здесь на днях были ужасные пожары. 4 августа сгорели новый дворец князя Гагарина и около пяти тысяч других домов, из которых многие принадлежали знатнейшим лицам. На следующую же ночь та же судьба постигла около ста других домов, а 8-го загорелся собор. Самый храм успели отстоять, но ризница и прилегающие лавки уничтожены огнем»[111].

Страшный пожар произошел в Москве 13 мая 1712 года. Тот же Уитворт сообщал новому британскому статс-секретарю Генри Сен-Джону: «13-го выгорела почти третья часть Москвы (около пятнадцати тысяч домов, не считая надворных строений и служб), причем пострадала и большая часть... знати: дома князя Гагарина, графа Головкина, адмирала Апраксина разрушены, хотя они каменные; Литейный двор и пороховой магазин взорваны»[112].

Впрочем, не всегда причиной разрушения строений были пожары. 10 августа 1710 года секретарь английского посольства в Москве Людвиг Христофор Вейсброд сообщил Ч. Бойлю: «Шесть дней тому назад здесь во время пира у одного князя Масальского обрушился дом, при чем убито десять или двенадцать слуг и пять знатных лиц; между ними второй сын старого князя Бориса Алексеевича Голицына с женою и некто Бутурлин, заведовавший Земским приказом»[113].

Частые возгорания домов и весьма распространенные ночные кражи определили одну особенность московского быта, отмеченную Ю. Юлем: «Так как при здешней обычной деревянной стройке домов и при неосторожности простолюдинов всегда следует опасаться пожаров, с другой же стороны приходится остерегаться воров и разбойников, вламывающихся ночью в жилье, чтобы грабить и воровать, то всякий, кому позволяют средства, содержит особого человека для ночного дозора и охраны двора от воров и огня. По прошествии

каждого часа сторож этот должен производить тревогу стуком в ворота и затем указывать медленными ударами, сколько пробило часов, дабы живущие в доме слышали, что он не спит, и знали, который час, а воры опасались бы пускаться на разбой и кражи, слыша, что во дворе бодрствуют люди»[114].

Двенадцатого марта 1708 года в Москву пришло царское предписание: двору, боярству, сановникам и богатейшим жителям старой столицы ехать в Петербург, чтобы встретить там государя, возвращающегося с театра военных действий. В их отсутствие все дела по управлению Москвой были поручены царевичу-наследнику Алексею Петровичу, московскому военному коменданту князю Матвею Петровичу Гагарину и главному судье Монастырского приказа боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину[115]. После переноса столицы России в Петербург управление Москвой было возложено на Тихона Никитича Стрешнева и князя Гагарина: первый заведовал гражданскими делами, а второй — военными[116].

В самый напряженный момент Северной войны старая столица спешно укреплялась, поскольку Петр не исключал возможности нападения на нее шведов. 24 сентября 1707 года Ч. Уитворт сообщил статс-секретарю Р. Гарлею: «Возведение укреплений вокруг Москвы настойчиво продолжается: первый бастион внутреннего городского вала окончен, по этому случаю один из знатнейших сановников, Гагарин, дал большой обед 21 сентября... после обеда он провел всех своих гостей на бастион и там провозгласил тост за здоровье и благоденствие царя при трех залпах из тридцати двух пушек, нарочно поставленных на бастион для этого торжества. Несколько тысяч рабочих, участников постройки бастиона, тоже щедро угощали при этом пивом и вином». 12 ноября последовало новое донесение: «...московские укрепления возводятся безостановочно, несмотря на жестокие морозы: для построек вода и дерн нагреваются с помощью больших костров»[117].

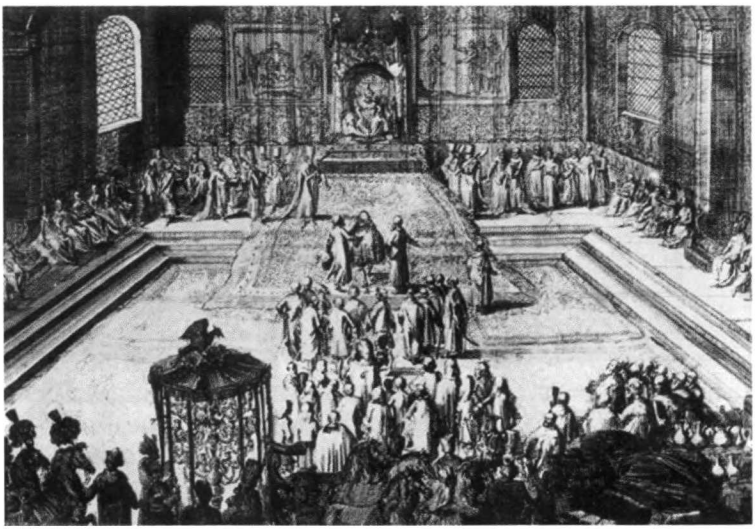
Значительным событием в жизни Москвы стал торжественный въезд победителей в Полтавской битве, состоявшийся 21 декабря 1709 года. Петр спешил

Петр I.
К. М. Натье. 1717 г.

Франц Лефорт.
Гравюра Д. Сорника. До 1756 г.

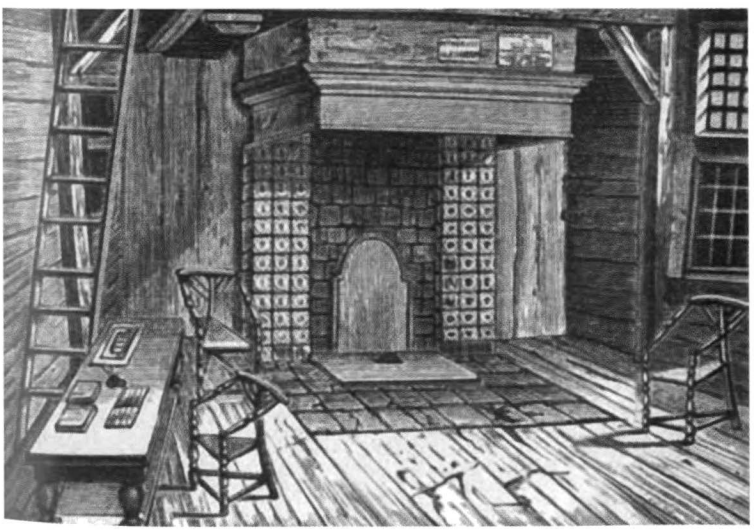
Федор Головин.
Неизвестный художник. До 1706 г.

Русские послы в Гааге в 1697 году. *С. ван Бест*



Домик в Саардаме, в котором Петр I останавливался в 1697 году.
Гравюра начала XVIII в.

Интерьер саардамского домика Петра.
Гравюра С. Лютера. Начало XVIII в.



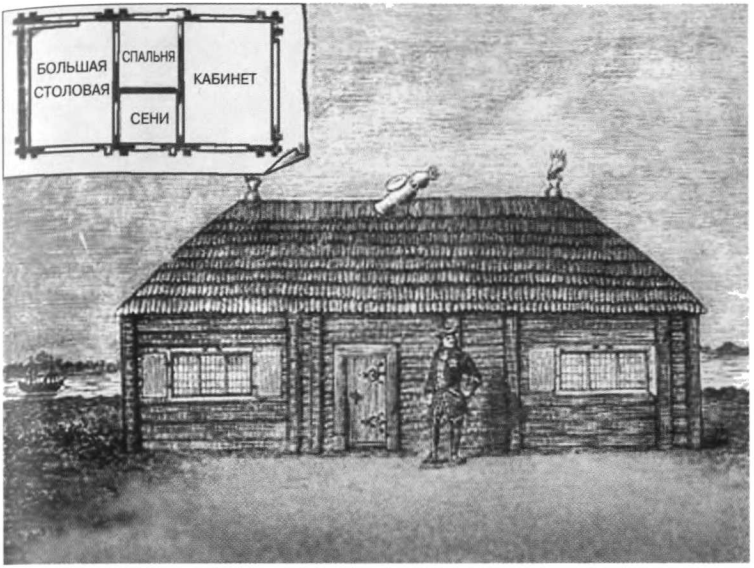
Праздник на канале в Амстердаме
в честь прибытия Великого посольства. *Гравюра 1697 г.*

Петр I в Голландии.
Неизвестный голландский художник. Конец XVII в.

Петр I осматривает ценности в Лейпциге 31 мая 1698 года.
Гравюра П. Шенка. Конец XVII в.

Проводы Бориса Петровича Шереметева на Мальте после посвящения его в рыцари 9 мая 1698 года. *Гравюра конца XVII в.*

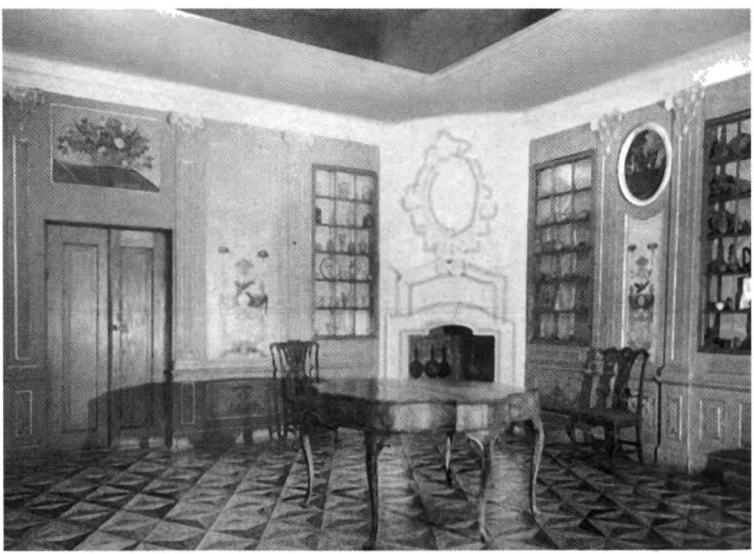
Петр I и Людовик XV в Версале. *Л. Эрсан. Первая половина XIX в.*

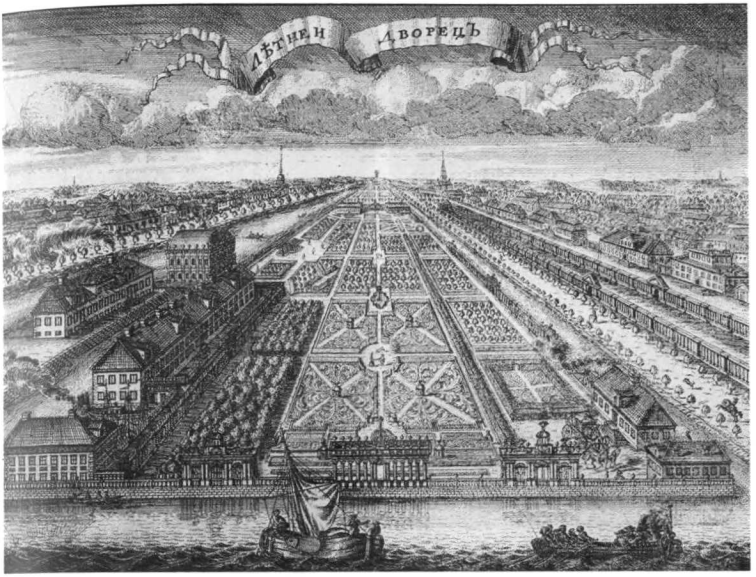


Внешний вид и интерьер
домика Петра I в Петербурге,
построенного в 1703 году

Летний дворец Петра I

Зеленый кабинет в Летнем дворце

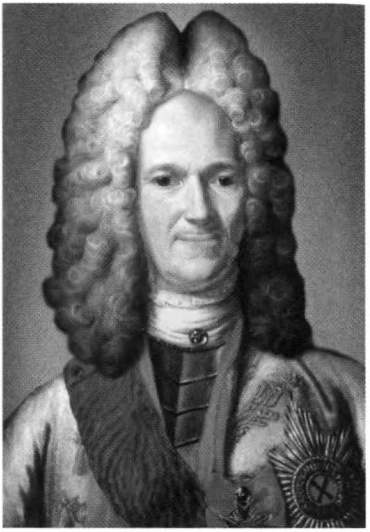




Летний дворец и Летний сад в Петербурге. *Гравюра А. Ф. Зубова. 1716 г.*

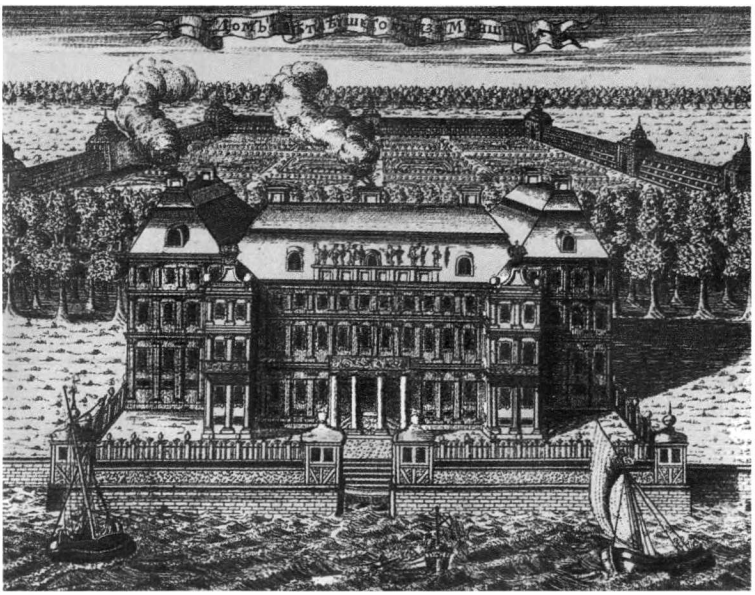
Скульптуры Летнего сада

Дарья Михайловна Меншикова.
Неизвестный художник. 1720-е гг.



Александр Данилович Меншиков.
Неизвестный художник. 1720-е гг.

Дворец Меншикова в Петербурге на Васильевском острове.
Гравюра А. И. Ростовцева. Начало XVIII в.



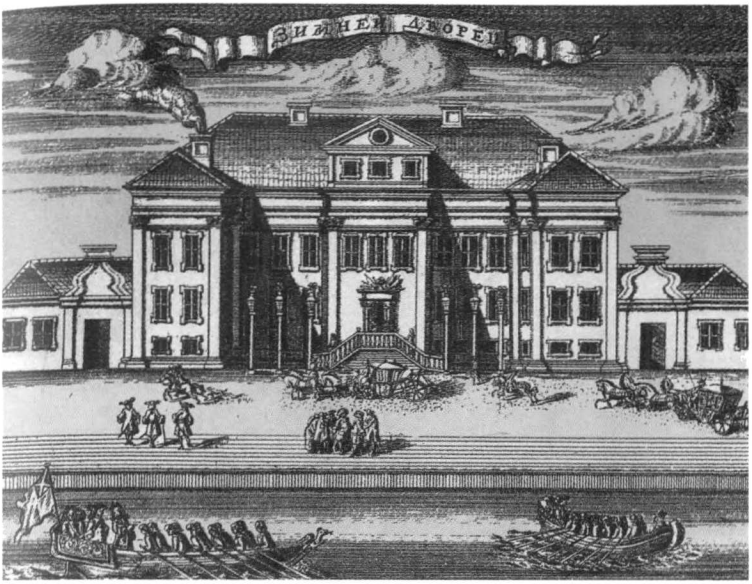
Александра Меншикова.
И. Г. Таннауэр. Середина 1720-х гг.

Мария Меншикова.
И. Г. Таннауэр. Середина 1720-х гг.

Большой зал дворца Меншикова

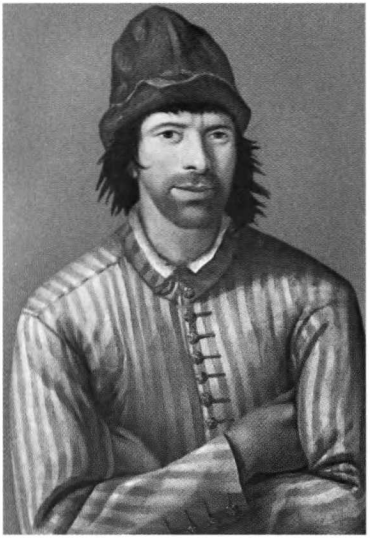
Комната свояченицы Меншикова Варвары Михайловны Арсеньевой во дворце на Васильевском острове

Кухонная утварь и зеркало из дворца Меншикова



Зимний дворец Петра I

Токарная мастерская в Зимнем дворце



Петр I в костюме корабела
в Дептфорде в 1698 году.
Неизвестный английский художник

Домашняя
одежда Петра I

Костюм Петра I.
Германия, 1720-е гг.

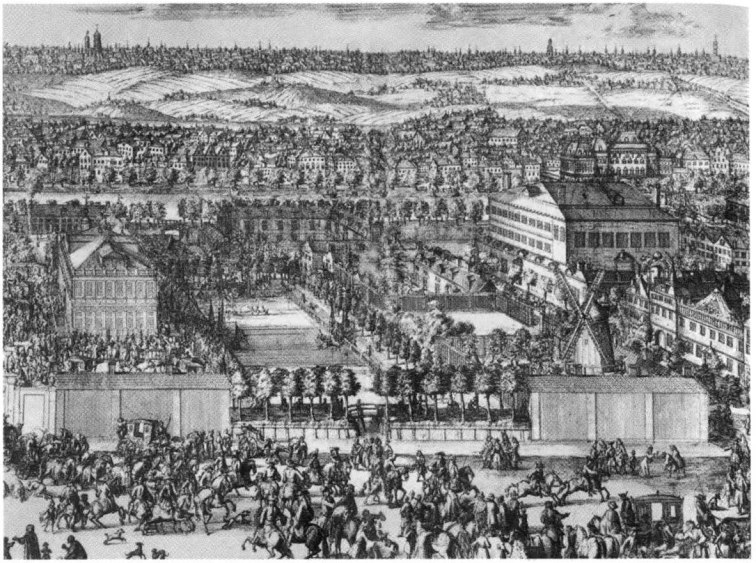
Домашний
шелковый халат Петра I

Костюм Преображенского полка, в котором Петр I участвовал в Полтавской битве

Матросский костюм Петра I. *Голландия, рубеж XVII—XVIII вв.*

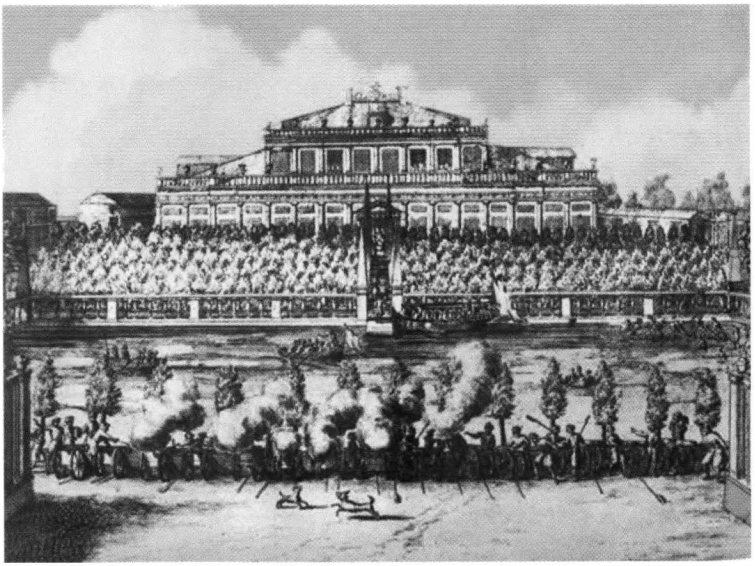
Коронационное платье Екатерины Алексеевны. *1724 г.*

Парадный костюм Петра I, сшитый для коронации Екатерины. *1724 г.*



Немецкая слобода в Москве. *Гравюра А. Шхонебека. 1705 г.*

Дом Лефорта в Немецкой слободе



провести это мероприятие, несмотря на то, что, по свидетельству Ч. Уитворта, «триумфальные арки и прочие приспособления» еще не были вполне готовы.

Процессию открывал Семеновский полк, за ним следовали артиллеристы с пушками. Потом шли шведские офицеры, взятые в плен под Лесной. Эта часть шествия замыкалась ротой Преображенского полка. «Затем, — пишет Уитворт, — шли остатки шведской армии, погибшей под Полтавой и близ Переволочны, в следующем порядке: 1) унтер-офицеры; 2) прапорщики и подпоручики; 3) поручики; 4) штабс-капитаны и капитаны пехотные и кавалерийские; 5) артиллерийские офицеры и рядовые; 6) артиллерия; 7) барабаны и знамена; 8) майоры, подполковники, полковники и генерал-адъютанты; 9) приближенные короля шведского и штаб его с носилками, на которых он был в день битвы; 10) отдельные старшие офицеры: гвардии полковник Поссе, генерал-майоры: Гамильтон, Штакельберг, Розе, Крузе, Крейц и Шлиппенбах; генерал Левенгаупт, фельдмаршал Реншильд и первый министр граф Пипер».

Далее во главе Преображенского полка следовал Петр I; по правую руку от него был князь А. Д. Меншиков, а по левую — князь Г. Ф. Долгорукий. Уитворт подчеркнул, что «шведские офицеры все шли пешком, а Его Величество ехал верхом на прекрасной английской лошади, подаренной ему королем Августом, и с обнаженной шпагой, которую некогда король Август подарил королю шведскому», — она досталась Петру в качестве военного трофея.

Процессия прошла через семь триумфальных ворот. У первых из них царь был встречен сановниками, у вторых — московским комендантом князем М. П. Гагариным, у третьих — дворянством, у четвертых — именитыми русскими купцами, у пятых — духовенством, у шестых — вдовствующими царицами и царевнами, у седьмых — московскими обывателями. Петр рассчитывал произвести особый эффект на находившихся в Москве иностранных дипломатов: тем «для созерцания торжества отведены были особые дома, перед которыми его величество несколько приостанавливал шествие»[118].

Другим важнейшим событием в жизни старой столицы стало грандиозное празднование зимой 1722 года подписания Ништадтского мира. В середине января французский посланник Жак Кампредон писал из Москвы министру иностранных дел Гийому Дюбуа: «Вступление царя в город уже совершилось. Он вошел пешком, во главе своей гвардии и шествовал по городу, протяжение коего громадно, под приготовленными для встречи триумфальными арками, от семи часов утра до шести вечера. Монарх поместился в селе, называемом Преображенским... вместе со своей и царицыной свитой, очень многочисленной, потому что царь приказал сопровождать его в Москву всем сухопутным и морским офицерам и всем главнейшим членам Сената и прочих коллегий»[119].

В феврале того же года в Москве проходил грандиозный маскарад, ставший частью торжеств по случаю заключения мира. На санях было сооружено 64 модели морских судов. Кампредон рассказывает:

«...царское судно представляло 36-пушечный корабль, идущий на всех парусах. За ним следовал кит громаднейших размеров. На этом ките находились карикатурные маски во всевозможных национальных костюмах, а на хвосте помещались наряженные разными животными. Адмирал Апраксин ехал на галере. Царица и придворные дамы — в крытых, очень чистых барках, остальные участвующие — в беспалубных шлюпках. Во главе процессии ехал офицер, указывавший путь. За ним следовали двое саней или шлюпок, наполненных одни — кавалерами, другие — дамами, а за ними — князь-папа, изображающий патриарха. Он сидел на большой, высоко поднятой раковине, за которой следовали так называемые кардиналы, верхом на волах. После них ехали сани, запряженные свиньями, потом другие, запряженные медведями, и третьи, запряженные собаками. Затем кн. Меншиков, на очень роскошном судне. Он был распорядителем празднества, и у него на палубе находились цимбалы и трубы. За ним следовала барка княгини Меншиковой, затем царский корабль, кит, царица, потом герцог Голштинский, а непосредственно за ним — наше (французской миссии. — *В. Н.*) судно. Все

суда были нумерованы, так что в шествии не произошло ни беспорядка, ни путаницы».

В первый день праздника маскарадная процессия направилась в имение царицы Милитинской (Имеретинской), находящееся в шести верстах от Москвы. Там гости провели ночь, хотя самой хозяйки дома не оказалось. На следующий день участники маскарада вновь собрались в прежнем составе, объехали часть города и остановились на площади. С корабля и галеры было произведено несколько выстрелов из маленьких пушек. На третий день был сбор у триумфальных ворот, после чего процессия вновь направилась за город. Там маскарад четыре раза проехался кругом. «При этом, — рассказывает Кампредон, — все участвующие могли, так сказать, сделать общий смотр, и представившееся зрелище было очень красиво, как вследствие господствовавшего порядка, так и по роскоши и по красоте дам. Было очень холодно, и все разъехались в восемь часов вечера, получив приказание собраться на другой день. Обе принцессы (Анна и Елизавета Петровны. — *В. Н.*) не участвовали в маскараде, но в этот и во все прочие дни смотрели на него из кареты».

На четвертый день участники маскарада два часа прождали царя и царицу на месте сбора. Началась страшная метель, поэтому катание отменили. Некоторые его участники поехали в гости к князю Меншикову, а царь, царица и их свита отправились к герцогу Гольштейн-Готторпскому, устроившему у своего дома большую иллюминацию. Наутро Екатерина Алексеевна послала в подарок герцогу пять шуб: «две из рысьего меха, одну соболью и две из превосходного горностая».

«В этот день, — пишет далее Кампредон, — маскарад собрался, как и в предыдущие. Царя прождали до пяти часов вечера. Он не приехал, но прислал распоряжение насчет катанья, которое и совершилось при факелах в так называемой Немецкой слободе, а потом за городом. Ездили в село Преображенское, где живет царь, а оттуда за полмили далее, в дом покойной царицы Натальи, где, по повелению царя, приготовлены были, по случаю именин старшей принцессы (Анны Петровны. — *В. Н.*), большой ужин и фейерверк. Мы прибыли туда около

восьми часов вечера. Корабль остановился на небольшой возвышенности, на расстоянии выстрела от дома, и сделал три выстрела, чтобы дать знать о приезде. Сели за стол. Во время ужина царь показывал нам большой кусок полотна, сотканного из камня (горного льна, или амианта. — *В. Н.*), который он сам держал над свечкой, чтобы показать его несгораемость...»

По окончании ужина был устроен фейерверк, а затем начались танцы. Петр танцевал с Екатериной; затем она пригласила герцога Гольштейн-Готторпского, а после Карл Фридрих ангажировал на танец обеих цесаревен по очереди.

В последний день маскарада катание длилось до семи часов вечера. «К счастью, — подводит итог Кампредон, — мы отделались только усталостью да холодом; всё остальное, т. е. главным образом выпивка, обошлось довольно прилично»[120].

Еще более значительным событием в жизни Москвы петровского времени стала коронация царицы Екатерины Алексеевны, состоявшаяся 7 мая 1724 года в Успенском соборе. В старую столицу прибыли сенаторы, президенты коллегий, генералы, церковные иерархи во главе с Синодом, губернаторы, придворные, иноземные послы, наконец, царствующая чета. По улицам разъезжали роскошные кареты, блистали золотом и серебром мундиры военных и гражданских чинов, дамы красовались в дорогих парчовых платьях, сшитых по последней версальской моде. В Грановитой палате, где решено было устроить торжественный обед, спешно обновляли обстановку. Улицы Москвы были украшены триумфальными арками, на площадях заканчивались приготовления к грандиозному фейерверку[121].

В день коронации императорская чета прибыла в Успенский собор в 11 часов утра под звон всех московских колоколов и звуки полковых оркестров, расположившихся вместе с гвардией на дворцовой площади Кремля. Весь путь их величеств от дворца до собора был устлан красным сукном. Шествие торжественной процессии открывали 68 офицеров лейб-гвардии (первая половина ее личного состава) в сапогах со шпорами, с карабинами в руках. За ними шествовали 12 пажей им-

ператрицы в зеленых бархатных кафтанах и парчовых камзолах; на их головах были белокурые парики и шляпы с белыми перьями. Потом шли четыре денщика императора, а за ними — церемониймейстер во главе депутатов от провинций, бригадиров и генералитета. Далее следовали высшие придворные чины и другие должностные лица, которые несли императорские регалии. За ними выступал государь в летнем кафтане небесно-голубого цвета с роскошной вышивкой серебром, красных шелковых чулках и шляпе с белым пером. Рядом с Петром шли генерал-фельдмаршал князь А. Д. Меншиков и князь А. И. Репнин, который в этот день был также произведен в фельдмаршалы.

«Вслед за государем, — рассказывает Ф. В. Берхгольц, — шествовала ее величество императрица в богатейшей робе, сделанной по испанской моде, и в головном уборе, осыпанном драгоценными камнями и жемчугом. Платье на ней было из пурпуровой штофной материи с богатым и великолепным золотым шитьем, и шлейф его несли пять статс-дам, а именно княгиня Меншикова, супруга великого канцлера Головкина, супруга генерал-фельдцейхмейстера* Брюса, генеральша Бутурлина и княгиня Трубецкая». Герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский вел государыню за руку; возле них шли генерал-адмирал Ф. М. Апраксин и канцлер Г. И. Головкин, а немного позади — генерал-прокурор П. И. Ягужинский и генерал-майор И. И. Дмитриев-Мамонов. За ними следовали еще шесть статс-дам Екатерины Алексеевны, а затем попарно — прочие дамы из свиты императрицы. Шествие замыкали придворные кавалеры, а в самом конце процессии шла другая половина лейб-гвардии.

У входа в Успенский собор императора и императрицу приветствовали иерархи Русской церкви в богатых облачениях. Затем Петр I ввел супругу на многоступенчатый огромный трон, где они остались в окружении высших сановников, придворных дам, поручиков и вахтмистров** лейб-гвардии. Новгородский

---

* Генерал-фельдцейхмейстер (от нем. *Feldzeug* — орудие) — главный начальник артиллерии.

** Вахмистр (от нем. *Wachtmeister* — начальник караула) — сержант, высший унтер-офицерский чин.

архиепископ Феодосий Яновский обратился к Екатерине Алексеевне с благословением, которое она выслушала, преклонив колени на положенную перед ней подушку. Затем архиепископ взял императорскую корону и передал государю, который сам возложил ее на голову коленопреклоненной супруги. Когда она поднялась на ноги с короной на голове, три первые статс-дамы надели на нее большую императорскую мантию, причем Петр усердно им помогал. Во время обряда не умолкал звон колоколов собора, а в момент возложения короны государыни раздался сигнальный выстрел из пушки, стоявшей у дверей; по этому знаку раздался залп из всех орудий, находившихся в Москве[122].

Все эти торжественные мероприятия лишь на время будоражили старую столицу, продолжавшую жить своей тихой патриархальной жизнью, столь не похожей на напряженную жизнь молодого Петербурга.

Глава шестая

В военных походах

Хлебосольный фельдмаршал

Широкая натура генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева одинаково проявлялась как во время мирных занятий, так и на войне. Он никогда ни в чем себе не отказывал; внешний блеск, максимальный комфорт, хорошие обеды в присутствии многочисленных гостей являлись неотъемлемой частью его повседневного быта. Исторические предания, записанные в середине XIX века, создают образ гостеприимного военачальника: «...за стол его, на котором не ставилось менее 50 приборов даже в походное время, садился всякий званый и незваный, знакомый и незнакомый, только с условием, чтобы не чиниться перед хозяином»[123]. Его хлебосольство в походных условиях наиболее ярко проявилось при переезде в 1714 году из главной квартиры под Киевом в Борисов. Шереметев решил собрать офицерскую компанию на новоселье и по этому случаю приказал заготовить муку разных сортов, яблочную и

грушевую воду, орехи, капусту, огурцы. Дело происходило в пост, поэтому хозяин особенно постарался украсить стол деликатесными рыбными блюдами. Два борисовских обывателя были отправлены им за 480 верст в Изюм и Рыбное для закупки «рыбы соленой, белужьих больших тёш* и бочешной белужины, осетрины, икры и стерлядей свежепросольных, и тарани про людей (для слуг. — *В.Н.*), и сомов вялых». «Паче же, — наказывал Борис Петрович, — икры купить, если попадетца свежепросольная или попадутца спинки вялыя добрые»[124].

Во время бесконечных переездов на театре военных действий, в походной палатке или на случайной квартире Шереметев редко садился за стол один. К нему почти ежедневно по утрам и вечерам являлись посетители, в основном его боевые сподвижники. Иногда они приходили «для дела» или «для советов», но чаще — отдохнуть и расслабиться в компании радушного хозяина. Во время пребывания в Сумах в январе 1709 года Петр I, Г. И. Головкин и Ф. М. Апраксин неоднократно гостили у Шереметева. 12-го числа они «были у господина генерал-фельтмаршала для совета с 2 часа», а на следующий день «царское величество и господа министры и генералы были по утру на квартире у господина генерал-фельтмаршала Шереметева и кушали вотку и разъехались... Ввечеру, во 2 часу ночи, царское величество своею особою изволил быть у фельтмаршала и, кушав вотку и вино венгерское, соизволил отъехать на свою квартиру».

Шереметев передвигался обычно с огромным обозом и собственной дворней, не считая положенных по воинскому штату ординарцев и денщиков. Кроме того, в походах он, по образцу польских магнатов, содержал за собственный счет составленную из дворян роту личной гвардии[125].

Подготавливая осаду Риги, Шереметев в конце марта 1710 года остановился сначала в курляндской Митаве. Здесь он сразу же устроил пир на своей квартире, «а на том банкете были и кушали господин генерал Рен да нововыезжей генерал Лизберн и при нем полковни-

*Тёша — вяленая или копченая брюшная часть крупной жирной рыбы, в основном осетровых пород.

ки и афицеры, кои с ним выехали, да курлянские жители з женами». По прибытии под Ригу в середине апреля Борис Петрович не отказался от дружеского общения с боевыми соратниками: 17-го числа «в Юнфоргофе поутру в хоромах у генерала-фельтмаршала Шереметева был светлейший князь генерал-фельдмаршал Меншиков и господа генералы: князь Репнин, Рен, Рендель, Айгустов, брегадир Чириков и кушали вотку, а пополудни светлейший князь с княгинею и с протчими персонами были у фельтмаршала». На следующий день картина повторилась: «поутру генерал-фельтмаршал Шереметев из своих хором ходил в хоромы к светлейшему князю генералу-фельтмаршалу Меншикову и, побыв с полчаса, светлейший князь с своею княгинею кушал у фельтмаршала Шереметева, при том генералы: князь Репнин, Рен, генерал-маеор Боур, брегадир Чириков и протчие были генералы-отъютанты и офицеры». Иногда гости являлись к Борису Петровичу уже после обеда, чтобы скоротать вечер. Например, 20 апреля 1710 года «генерал-фельтмаршал господин Шереметев кушал в Юнфоргофе у себя на квартире; при нем были: брегадир Чириков и протчие. А после обеда пришел светлейший князь генерал-фельтмаршал Меншиков, сиятельный князь генерал Репнин, генерал-лейтенант Фанвердин, генералы-маеоры Айгустов, Келин и иные афицеры и забавились до самого вечера»[126].

После взятия Риги фельдмаршалу всё же пришлось испытать на себе все трудности военного похода по осеннему бездорожью. В это время он потерял всех своих любимых лошадей, о чем с горечью писал Якову Вилимовичу Брюсу: «Где мои цуги*, где мои лучшие лошади: чубарые и чалые и гнедые цуги? Всех марш истратил: лучший мерин, светло-серый, пал»[127].

Занимаемые русскими войсками прибалтийские города ожидала горькая участь: многие здания были разорены и сожжены, «все ратные люди удовольствовались как в харчах, так и в конских кормах» за счет грабежа местного населения. После взятия Ракобора (сейчас город Раквере в Эстонии) Шереметев шутливо жаловался

* Цуг (нем. *Zug* — движение) — упряжка, при которой лошади идут одна за другой по одной или попарно.

в письме Петру I: «...только мне учинили великую обиду: где я стоял в королевском доме, всё ренское и шпанское вино выпустили за посмех. Такой негодный народ! Только довольствовался аптекарьскими водками»[128].

Пятидесятилетний Шереметев, подобно другим генералам и офицерам, удовлетворял естественные мужские потребности посредством пленных женщин — об этом наглядно свидетельствует пример Марты Скавронской, будущей царицы Екатерины Алексеевны. В силу необычной судьбы ливонской пленницы этот факт был отражен в источниках. Она была подарена капитаном Бауером Шереметеву и прожила у него не менее полугода, числясь в прачках, но фактически выполняя роль наложницы[129]. Разумеется, миловидная Марта была не единственной живой добычей победителей.

В конце 1715 года Шереметев во главе русских войск был отправлен в Польшу для оказания помощи союзнику России королю Августу II. Фельдмаршал двинулся в поход с огромным обозом, для которого требовалось около трехсот лошадей. Для обеспечения себя всем необходимым ему пришлось прибегнуть к сборам с населения. Он сообщал Петру I, что «для своего собственного пропитания и всего дома своего на кухню и на всякие нужды... собрал чрез всю бытность в Польше с квартир по доброй воле и согласно с обывателями, а не иными какими своими нападками 8600 курант-талеров»*. Кроме того, он принял в подарок от познанского воеводы цуг лошадей и коляску, а от его брата — лошадь с седлом[130]. Разумеется, наличие «доброй воли» населения в этом случае вызывает немалые сомнения. Впрочем, запросы Шереметева все же были гораздо скромнее, чем аппетиты Меншикова, который в период совместных военных действий России и Дании требовал от датс-

* Как правило, термин «курант» применялся к деньгам, находящимся в обращении, то есть имеющим хождение внутри государства, чтобы отличить их от международных (торговых) денег. С XVII века так стали называть полноценные серебряные монеты, стоимость которых соответствовала номинальной, гарантированной государством, в отличие от разменной мелочи. Зарубежные талеры принимали также участие в денежном обращении Речи Посполитой. С 1580 года стали выпускаться талеры польской чеканки. Тяжелые (имперские) талеры, которые чеканились по образцу немецких, весили 28,8 грамма (25,2 грамма чистого серебра).

кого короля Фредерика IV 300 риксдалеров ежедневно только для нужд собственной кухни[131].

В военных походах Шереметев старался окружать себя максимальным комфортом, расходуя с этой целью и собственные немалые средства. Это было порой весьма накладно, зато тяготы военного времени были для фельдмаршала почти неощутимы.

Ученый на войне

Генерал-фельдцейхмейстер (начальник русской артиллерии) Яков Вилимович Брюс являлся одним из образованнейших людей своего времени, талантливым разносторонним ученым. Петр I безоговорочно верил в его обширные познания и постоянно давал ему самые разнообразные поручения. Брюс занимался научной работой даже на фронте, в перерывах между боевыми действиями.

Яков Вилимович пребывал в походах с 1704 по 1713 год, а позже участия в войне не принимал. Он жил гораздо скромнее, чем богач-фельдмаршал Б. П. Шереметев, хотя также стремился обеспечить себе возможно более комфортные условия. Известно, например, что в походах Брюса сопровождал собственный повар, так что при наличии необходимого запаса продуктов хороший стол был ему обеспечен. Однако порой приходилось довольствоваться скудным пайком. Например, возвращаясь в августе 1713 года из похода в Померанию, Брюс вынужден был по сенатскому указу выдержать многодневный карантин в Лифляндии, охваченной эпидемией чумы. «В каком я пустом местечке стою, что ничего к пропитанию себя и людей, которых при мне довольно имею, достать невозможно», — жаловался он в письме Меншикову. На помощь пришел нарвский комендант Кирилл Нарышкин: по его распоряжению были привезены из Нарвы и оставлены в условленном месте продукты — из рук в руки ничего передавать было нельзя, даже письма окуривались дымом можжевельника, чтобы не допустить распространения заразы. Яков Вилимович получил две «куры индейских», 20 «куриц русских», гуся, трех уток, пять баранов, 30 калачей,

столько же «хлебов ситных», два ведра «меду вареного»*, десять ведер пива и пять десятков яиц[132].

В походных условиях жить приходилось, конечно, не во дворцах. Не всегда попадался даже достаточно приличный обывательский дом. В начале октября 1707 года Брюс с подчиненными ему войсковыми частями направлялся на зимние квартиры в местечко Борисов на берегу реки Березины. В письме А. И. Репнину он иронически оценивал «оное место, которое не лутчей деревни московской». А в письме князю В. В. Долгорукому Борисов характеризуется с ехидством: «Сказывают — оное второй Париж и гораздо еще лучшей нашего славного города Клина». Условия размещения генеральского состава на квартирах были более чем скромными: Брюсу достались горница с комнатой, небольшая светелка и «черная изба» на улице, вероятно, отведенная для денщиков. «Дворы те таковы плохи, что никогда не пожелаешь тут стоять», — констатировал начальник артиллерии.

Частые переезды и необходимость вести переписку в походных условиях заставляли Брюса позаботиться хотя бы о некоторых дорожных удобствах. Он увидел у князя Меншикова походную шкатулку для письменных принадлежностей и попросил своего родственника, ивангородского коменданта А. Ю. Инглиса, заказать для него такую же. Яков Вилимович хотел получить более дорогую, чем у Меншикова, ореховую шкатулку, однако, будучи человеком экономным, просил сторговаться не за 40 рублей, а за 30. Он дал подробные инструкции с описанием деталей отделки: «...сделать оковку и кольца к ящикам, положив против того ж образца, как встроено у князя Александра Даниловича, буде там положены кольцы серебряные, и у того тако ж учинить, чтоб были кольца серебряные ж; и всё учинить против того образца».

В походах Брюс передвигался верхом или в походной карете. В завоеванной русскими Нарве ему в числе

*Мед вареный — алкогольный напиток, производившийся по той же технологии, что и пиво: в процеженный мед добавляли хмель и варили, в отличие от меда ставленого, который после естественного брожения выдерживался в герметичной посуде длительный срок (не менее пяти, а иногда до сорока лет).

реквизированных вещей достались коляска и карета. Он просил Инглиса поскорее доставить их: «Пожалуй, государь братец, коляску и карету, которые есть в Нарве, прикажи их отвезти в Новгород на подводах, которые из Новагорода станут привозить палубы, и изволишь послать за ними проводить солдата добра, чтоб чего не испортили дорогою». Соответствующее распоряжение о доставке кареты и походной палатки получили также новгородские служители Брюса. Однако нарвская карета Якову Вилимовичу всё же не досталась — ее забрал его старший брат. Новгородский служитель Якова Брюса сообщил своему господину, что «тое карету Роман Вилимович изволил взять в Питербурх».

Впрочем, начальник артиллерии вскоре сумел обзавестись гораздо более удобной каретой, которую подробно описал в мемуарах его дальний родственник, капитан артиллерии Питер Генри Брюс, недавно перешедший на русскую службу. «Эта "махина" — настоящая колесница во всех отношениях, только ее дно достаточно широко, чтобы можно было бы лечь во всю длину на кровати. Как я потом узнал, у каждого офицера русской армии есть такая повозка, которая необходима во время долгих походов по плохо устроенным странам»[133].

Начальник артиллерии одевался со вкусом и старался даже в походных условиях следовать моде. Служители просили его сообщить, из какого сукна «строить» генеральский мундир и чем его расшивать — золотом или серебром. На мундиры Якова Вилимовича нашивались кавалерские звезды — он был награжден орденом Святого Андрея Первозванного, а также польским орденом Белого орла.

Александр Гаврилович Головкин, сын канцлера, по просьбе Брюса заказал для него в Берлине роскошный бархатный кафтан, расшитый серебром, а также штаны, на общую сумму 130 талеров. В Вильно Яков Вилимович попросил приобрести для него два отреза шерстяного штофа* разного цвета «с шелком и с золотцем

* Штоф (нем. *Stoff* — ткань) — гладкокрашеная ткань со сложным крупным тканым рисунком.

или серебром». Для подбивки шлафрока Брюс поручил дьяку Н. П. Павлову купить беличий мех высокого качества. А из Москвы по его заказу прислали белый парик, пистолеты, китайские занавески и девять аршин красного («понцового») сукна. Кроме того, ему были доставлены чулки «отделкою нарочиты».

Иногда в трудных условиях походной жизни необходимо было хорошенько расслабиться. Для этой цели Брюс попросил прислать ему из Москвы «ренского две бочки ис пряных, только чтоб было не кисло, ценою не свыше 30 рублев за бочку»[134].

В походах Яков Вилимович не прерывал своих научных занятий. Он разрабатывал конструкции зарядных камор* для гаубиц и мортир, рассчитывая наиболее рациональный вес порохового заряда, занимался по распоряжению Петра I переводом на русский язык австрийской книги «Приемы циркуля и линейки или избраннейшое начало во математических искусствах», вносил исправления и дополнения в проект герба генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Не забывал Брюс и о своих астрономических занятиях. Он просил одного из своих служителей прислать ему «трубу зрительную, буде не сыщешь большую, малую б хотя». «Труба» английского производства была приобретена по его просьбе за 1 рубль 1 алтын и 5 копеек.

Через Приказ артиллерии Яков Вилимович получал редкие весточки из дома от своей супруги Марфы Андреевны (урожденной Маргариты Цеге фон Мантейфель), проявлявшей трогательную заботу о муже. Известно, например, что однажды она послала ему «бутылию с воткою» и «ведерко с калачами»[135].

При вполне естественном желании обеспечить себе в походных условиях необходимый комфорт Брюс в целом отличался скромностью и непритязательностью. Он избегал шумных застолий высшего офицерства, был умерен в еде и не интересовался пленными женщинами, посвящая весь свой досуг научным занятиям.

---

*Зарядная камора — углубление на дне пушечного дула, куда помещается пороховой заряд.

Глава седьмая

В местах государственных

Приказный быт

Важнейшими государственными учреждениями допетровской Руси являлись приказы — центральные органы управления, сформированные преимущественно по отраслевому принципу. В начале петровского царствования семь приказов (Посольский, Разрядный, Большой казны, Поместный, Новгородский, Казанского дворца и Стрелецкий) по-прежнему размещались в Кремле в двухэтажном здании «покоем» (оно напоминало своей формой букву «П»). Строение находилось между Архангельским собором и Спасскими воротами и было возведено в 1680 году на месте старого здания приказов, существовавшего со времен Бориса Годунова[136]. В 1699 году И. Г. Корб отмечал: «Внутри Кремля находятся разные приказы; важнейший из них приказ Посольский или Посольская канцелярия: в нем решаются все государственные дела царства и производятся совещания с посланниками иностранных государей»[137].

С начала самостоятельного правления Петра I во второй половине 1690-х годов произошли перемены в приказном устройстве, которые стали особенно заметны на грани XVII—XVIII веков. В это время были ликвидированы приказы: Стрелецкий, Каменный, Сыскной, Сбора стрелецких денег; Военный, Иноземный и Рейтарский приказы слились в единое учреждение. Реорганизация не миновала и приказы патриаршего ведомства: все они были подчинены образованному в 1701 году Монастырскому приказу. Одновременно возник целый ряд новых приказов: Преображенский, Семеновский, Адмиралтейский, Военный морской, Провиантский, Приказ сбора печатных пошлин, Приказ крепостных дел, Ратуша[138].

В допетровскую эпоху приказы возникали как конкретные поручения служилым людям (отсюда и само название этих учреждений). Эта практика долгое время сохранялась и при Петре I. Например, Адмиралтейский приказ возник на основании указа царя: «Адмиралтей-

ские и корабельные дела ведать стольнику комнатному Федору Матвеевичу Апраксину, а писать его во всех письмах адмиралтейцем». Указ об образовании Военного приказа от 18 февраля 1700 года гласил: «Велено генералов, полковников, подполковников и иных нижних чинов начальных людей... и всяких чинов ратных людей сухова пути, которые ведомы были в Иноземском и в Рейтарском приказах, судом и росправою ведать боярину князю Якову Федоровичу Долгорукову и учинить ему тем людям особый приказ... и всякие дела, и с теми делами дьяков и подьячих, которые ему понадобятся, из Иноземского и из Рейтарского взять в тот особый приказ». Новое учреждение в течение полутора лет не имело названия, именуясь лишь «Приказом при генерал-комиссаре», и только летом 1701 года стало называться Приказом военных дел[139].

Современники и соратники Петра также рассматривали приказы как конкретные поручения. Т. Н. Стрешнев 25 февраля 1700 года писал царю: «По писму твоему, государь, сказано, кому в каких чинех и у каких дел быть: князь Яков Долгорукой — генерал-комисар, Семен Языков — генерал-провиант, другой адмиралтеец Федор Апраксин, и оне свои дела стали управлять». Точно таким же образом одиннадцатью годами ранее самому Стрешневу было поручено расследование дела Федора Шакловитого и тем самым был создан Приказ розыскных дел[140].

Стоявшему во главе каждого приказа судье подчинялись дьяки — письмоводители высокого ранга. Служители более низкой категории именовались подьячими, которые делились на старших, средних и младших. Приказы состояли из двух частей: передней и задней палат. В передней палате (канцелярии) сидели со своими бумагами подьячие. Канцелярия делилась на несколько «столов», позднее — отделов, которые отделялись от посетителей и друг от друга барьерами или перегородками, первоначально дощатыми, а позже — сооруженными из шкафов. В задней палате, более благоустроенной и удобной, располагались дьяки и приказные судьи. Там размещался «судейский стол» («присутствие») — особые покои, где судья и дьяки, сидя за большим столом, слу-

шали и решали дела. В некоторых случаях судьи имели собственные рабочие кабинеты — выгороженные части помещений. В таком случае «присутствие» делилось на два «стола» — судейский и дьяческий[141].

Служебный быт первых десятилетий петровского царствования можно проследить на примере Посольского приказа — места работы боярина Федора Алексеевича Головина, важнейшего государственного учреждения, ведавшего внешними сношениями России. Он по-прежнему располагался на двух этажах в здании приказов в Кремле, занимая три комнаты с каменной «казёнкой» (чуланом) для хранения денег. Большой стол в задней палате, за которым сидели дьяки, отделялся от остальной части комнаты деревянной решеткой с двумя дверьми. Впоследствии дьякам из-за тесноты пришлось переместиться в «казёнку», получившую название «дьячьей».

Стены приказных помещений были обиты тесом и покрыты сверху красным или зеленым сукном. Наружные двери для сохранения тепла обивались войлоком и сукном ярких расцветок. В холодное время года палаты отапливались несколькими изразцовыми печами, первая из которых была установлена еще в 1627 году.

Немногочисленная мебель состояла из столов, лавок, скамей, а также используемых для хранения документов шкафов, сундуков, ящиков, коробов и рундуков — ящиков под скамьей с откидной крышкой-сиденьем. Столы, рундуки и ящики обивались сукном, преимущественно ярко-красным. Все служащие, включая бояр, сидели на скамьях и лавках, прибитых к стенам. Эти места для сидения в зависимости от ранга служащих покрывались войлоком или кожаными тюфяками ярких цветов, набитыми шерстью[142].

В приказных помещениях большую часть времени царил полумрак, поскольку маленькие слюдяные окна, закрытые зимой вторыми рамами, едва пропускали свет. Для освещения использовались свечи. Дорогие восковые свечи стояли только перед иконами и на столах у начальства; более широкое распространение имели свечи сальные, сильно чадившие, нередко изготавливавшиеся в самих приказах; они вставлялись в

слюдяные фонари или шандалы — подсвечники на одну свечу, настольные или вислые.

Обязательными принадлежностями каждого стола являлись чернильницы, которые нередко помещались в одном станке с песочницами. На столах думных дьяков и других высших чинов стояли оловянные и серебряные чернильницы, у других служащих они были из глины и дерева. Рядовые чиновники писали гусиными перьями, а начальники — лебяжьими, являвшимися большой роскошью.

Записи в приходно-расходных книгах приказов нередко фиксируют приобретение столовой посуды: сковородок, противней, ложек и т. п. Это позволяет предположить, что приказные люди, не получавшие кормовых окладов, в связи с продолжительным рабочим днем готовили пищу тут же[143].

«Первейшее место державы»

Высшим государственным учреждением в начале царствования Петра I являлась Боярская дума, состоявшая из служилых людей высокого ранга, редких выдвиженцев из дворянских низов и одаренных приказных людей, а также царских родственников. Среди бояр было немало талантливых людей. В последнем «призыве» Думы состояли Ф. А. Головин, князь Я. Ф. Долгорукий, Т. Н. Стрешнев, П. М. Апраксин, окольничий А. А. Матвеев, постельничий Г. И. Головкин. Впоследствии они вошли в число ближайших сподвижников Петра I. В Думе обсуждались важнейшие государственные дела, и далеко не всегда ее члены просто утверждали переданные им бумаги стандартной резолюцией «Государь указал, а бояре приговорили». На заседаниях подчас разгорались нешуточные споры, и в таком случае делалась запись «бояре поговорили»[144].

В 1699 году при Боярской думе была учреждена Ближняя канцелярия, первоначально ведавшая контролем за приходом и расходом денежных средств всех приказов. Вскоре ее компетенция возросла: она стала местом заседаний членов Боярской думы. С 1704 года здесь стали собираться начальники приказов и их регулярно про-

водимые совещания получили название Консилии министров. Этот новый государственный орган обсуждал различные вопросы управления, а в отсутствие царя руководил государством. Заседания Консилии проводились в Кремле или на Генеральном дворе — в съезжей избе в селе Преображенском[145].

Частые отъезды Петра I побудили его создать высший государственный орган с более широкими полномочиями, чем Ближняя канцелярия и Консилия министров. 22 февраля 1711 года, накануне отправления в Прутский поход, государь подписал указ об учреждении Правительствующего сената, который, по-видимому, первоначально виделся временным («для отлучек наших»), но вскоре превратился в постоянно действующее высшее правительственное учреждение. Это был коллегиальный орган, члены которого назначались царем. Из девяти участников первого состава Сената только трое были представителями старинной титулованной знати: князья М. В. Долгорукий, Г. И. Волконский, П. А. Голицын. Т. Н. Стрешнев и И. А. Мусин-Пушкин принадлежали к малознатным родам, возвысившимся лишь в XVII веке. М. В. Самарин, В. Г. Апухтин и Н. П. Мельницкий происходили из ничем не примечательных дворянских родов. Г. А. Племянников относился к числу приказных служителей и возвысился благодаря собственным выдающимся способностям. Лишь трое сенаторов — Мусин-Пушкин, Стрешнев и Племянников — в прошлом являлись членами Боярской думы[146]. В конце 1711 года учреждение пополнилось еще одним членом — в него вошел и был поставлен на первое место в иерархии сенаторов бежавший из шведского плена князь Я. Ф. Долгорукий.

Примечательно, что в составе Сената первоначально не было таких крупных деятелей из числа соратников Петра, как А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин и Ф. М. Апраксин, — вероятно, потому, что они были заняты другими неотложными делами: ведением военных действий, руководством внешней политикой страны, строительством флота и новой столицы. В Сенате оказались люди из «второго эшелона» сподвижников великого реформатора.

Царский указ от 4 апреля 1714 года установил детальный порядок работы Сената. Вначале дело зачитывалось сенатским секретарем или дьяком, затем начинали «спрашивать снизу по одному и записывать всякого мнение... А когда подпишут все мнение, тогда диспуту иметь. И с той диспуты куда более голосов явитца, так и вершить. И подписывать всем общую сентенцию, кто и спорить будет, понеже более его голосов туды стало». Обсуждение открывал «нижний» сенатор Н. П. Мельницкий, а последним брал слово князь Я. Ф. Долгорукий[147].

До переезда Сената в Петербург его заседания проводились в «присутствии» в Кремле. Канцелярия Сената находилась там же, для нее были отведены палаты бывшего Казенного приказа, расположенные около Благовещенского собора. По указу от 16 апреля 1711 года архитектору Григорию Устинову было велено эти помещения «очистить и очистя починить, и устроить что надлежит, где быть канцелярии Правительствующего Сената»[148].

Как канцелярские служители, так и сами сенаторы должны были являться на работу неукоснительно, за прогул грозил весьма значительный по тем временам штраф в 50 рублей. Указ от 20 января 1716 года установил три присутственных дня в неделю: понедельник, среду и пятницу. Кроме того, один из сенаторов в течение месяца нес дежурство, находясь в Сенате ежедневно[149].

Двенадцатого января 1722 года Петр I подписал указ, направленный на улучшение деятельности всех органов государства. Он предписывал «быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору». Спустя шесть дней царь назначил на должность генерал-прокурора Павла Ивановича Ягужинского, а в обер-прокуроры произвел Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева[150]. Представляя сенаторам первого генерал-прокурора, государь сказал: «Вот мое око, коим я буду всё видеть. Он знает мои намерения и желания; что он заблагорассудит, то вы делайте; а хотя бы вам показалось, что он поступает противно моим и государственным выгодам, вы, однако ж, выполняйте и, уведомив меня о том, ожидайте моего повеления».

Жак Кампредон в донесении от 30 января также отметил, что Ягужинский «возведен в должность генерал-прокурора в Сенате... он будет исполнять обязанности фискала около сенаторов, будет следить за тем, исполняют ли они свой долг, и назначать дела, которые они должны рассматривать в каждом заседании»[151].

Положение Ягужинского оказалось достаточно сложным. Царь, будучи человеком исключительно энергичным, сам нередко выполнял прокурорские обязанности: постоянно ездил в Сенат и строго следил за принимаемыми там решениями. Однако в отсутствие государя господа сенаторы порой забывали о правилах приличия. Коллегиальные решения были еще чужды сознанию самолюбивых сановников. Они не привыкли считаться с чужим мнением и уважать его, поэтому в сенатском собрании зачастую возникали споры, крики и брань, а иногда и драки. В связи с этим 16 октября 1722 года Ягужинский написал особое «предложение», в котором просил сенаторов воздерживаться от ссор и споров, «ибо прежде всего это неприлично для такого учреждения как Сенат»[152]. Государь всячески поддерживал стремление Ягужинского навести порядок в работе «первого места государства». Известен его строгий приказ: «А ежели кто из сенаторов станет браниться или невежливо поступать, то такого арестовать и отвесть в крепость»[153].

Первый пункт первого раздела указа Петра I от 27 апреля 1722 года «О должности Сената» гласил: «Сенату надлежит состоять из тайных действительных и тайных советников, кому от нас ныне повелено и впредь повелено будет, и сидеть по рангам». Следующие два пункта определяли круг лиц, имевших право присутствовать на сенатских заседаниях: «И кроме их, также и генерала- и обер-прокуроров и обор-секретаря и секретарей и протоколиста, никакой незванной персоне не входить в то время, когда советы отправляются... А когда кто впущен будет из высоких персон, то сенаторы велят подать стул, но и то такому, который бы ранг имел между первейшими чинами, а имянно, до бригадира, и почтут ево сесть»[154].

В девятом разделе указа определялся порядок обсуж-

дения дел: «...когда какое дело будет слушать, тогда между собою не говорить и, выслушав, буде дело не важное, в то время приговаривать с нижних голосов и решить». Но при решении более сложных вопросов сенаторы могли вставать из-за стола и совещаться «кто с кем за благо рассудит, о том деле толковать надлежащее время», которое им отводил генерал-прокурор, отмеряя его по нескольким песочным часам, рассчитанным на разные интервалы — от получаса до трех часов. «И, как встанут и будут толковать, тогда, объявя им песочные часы, обратя, поставить на стол такие, сколько к тому толкованию время надлежит. А как то время пройдет, тогда сесть всем по своим местам и по вышеозначенному голосы свои давать снизу, один по другом. И, дав голосы, решить, а больше показанного времени в решении продолжения не чинить». В десятом разделе подчеркивалось: «Никому в Сенате позволяется разговоры иметь о посторонних делах, которые не касаются к службе нашей, меньше же кому дерзновение иметь безделными разговорами или шутками являтися»[155].

Сенат петровского времени не был свободен от противостояния враждебных группировок, определяемого личными интересами и взаимной неприязнью сенаторов. Наиболее ярко эта ситуация выразилась в знаменитом деле вице-канцлера П. П. Шафирова и обер-прокурора Г. Г. Скорнякова-Писарева. Конфликт между ними разгорелся в отсутствие царя, находившегося в Каспийском походе. Подлинными виновниками скандала являлись вельможи более крупного ранга: Шафиров опирался на сенаторов-аристократов — князей Д. М. Голицына и Г. Ф. Долгорукого, а Скорняков-Писарев делал ставку на влиятельных выдвиженцев петровского царствования — князя А. Д. Меншикова и графа Г. И. Головкина. Первоначальным предметом спора стало решение вопроса о выдаче жалованья брату вице-канцлера, советнику Берг-коллегии Михаилу Павловичу Шафирову. Тот несколько месяцев находился не у дел, тем не менее брат добился приговора Сената о выплате ему жалованья за этот период. Приговор в отсутствие обер-прокурора подписали сам П. П. Шафиров и его приятели Д. М. Голицын и Г. Ф. Долгорукий. Однако обер-секре-

тарь Сената Поздняков счел его необоснованным, не стал исполнять и доложил о случившемся Скорнякову-Писареву, а тот опротестовал приговор. Начиная с 2 октября 1722 года ни одно заседание Сената не происходило без обсуждения взаимных обвинений споривших сторон, причем каждый раз сенаторы вели «многие разговоры».

Между тем нашелся еще один повод для эскалации конфликта. Меншиков и его сторонники спровоцировали доношение Ямского приказа о неблагополучном состоянии российской почты, которой заведовал Шафиров. 31 октября сенаторы обсуждали проект приговора по данному вопросу. Шафиров как заинтересованное лицо должен был в соответствии с указом Петра I покинуть место заседания, однако не пожелал этого делать.

— Выйди вон, понеже по указу тебе быть не надлежит, — потребовал Скорняков-Писарев.

— Вон я не выйду, — решительно ответил Шафиров, — и тебе высылать меня не надлежит.

Тогда обер-прокурор зачитал вслух указ, согласно которому должностные лица не имели права участвовать в заседаниях, где слушались дела о них самих или об их родственниках. Однако Шафиров продолжал настаивать на своем:

— Ты меня, яко сенатора, вон не вышлешь, и тот указ о выходе сродникам, а к моему делу не следует.

Вскоре спор вышел за рамки приличий; сенаторы разделились на враждебные партии и подняли невообразимый гвалт, ведя себя, как сказано в одном из царских указов, подобно «бабам-торговкам». Шафиров кричал громче всех.

— Ты мой главный неприятель, и ты вор! — выпалил он в адрес Скорнякова-Писарева.

Посоветовавшись, А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин и Я. В. Брюс заявили:

— Когда в Сенате обер-прокурор вор, то как нам при том дела отправлять?

— И мне за тем быть невозможно, — констатировал Скорняков-Писарев.

После дальнейшей перепалки с взаимными оскорб-

лениями Меншиков потребовал занести слова Шафирова в сенатский протокол и в знак протеста направился к выходу вместе с Головкиным и Брюсом. Шафиров спохватился и закричал им вслед:

— Надобно править дела государственные, а партикулярные оставить до возвращения его величества. Вам не для чего выходить вон!

Противники не пожелали его слушать, и заседание Сената практически было сорвано. Оставшиеся Г. Ф. Долгорукий, Д. М. Голицын, А. А. Матвеев и П. П. Шафиров обсуждали лишь дела второстепенной важности.

Злопамятный Меншиков пошел на углубление конфликта и предложил 2 ноября Шафирова «от Сената отстранить». Это предложение было занесено в сенатский протокол, чтобы потом доложить о нем государю. Одновременно светлейший князь высказал мнение о необходимости потребовать от Шафирова объяснений относительно «досадных разговоров» и поступков, «противных регламенту и присяге». 13 ноября Сенат приступил к обсуждению этого вопроса, при этом Меншиков и Шафиров как заинтересованные лица покинули зал заседаний. Однако сенаторы, разделенные на две враждебные партии, не смогли прийти к согласованному решению. На последующих заседаниях Сената перепалки между противниками не прекращались, что, по сути, парализовало работу высшего органа государственного управления. Шафиров дошел уже до открытых оскорблений в адрес Меншикова. «Я в подряде не бывал, и шпага с меня снята не была», — заявил он, намекая на наказание Александра Даниловича за подрядные махинации.

Тем временем Петр возвратился из похода; Скорняков-Писарев и Шафиров поспешили отправить ему доношения с взаимными обвинениями. Меншиков также послал государю письмо, в котором осуждал поведение «буйного сенатора». Сразу же по прибытии в Москву 9 января 1723 года Петр I повелел создать Вышний суд для расследования вышеописанного эпизода.

Шафиров тешил себя надеждой выиграть процесс и пытался направить суд на путь расследования упущений в работе Сената и злоупотреблений обер-прокуро-

ра, однако государь проявил интерес лишь к инциденту, произошедшему 31 октября. «В скасках писать, — напутствовал он судей, — только то, как Писарев Шафирову говорил, чтоб вышел и чел ли указ, а Шафиров против того что говорил и для чего не вышел, а не другие слова, что, бранясь, говорили».

Любопытны показания сенаторов по данному делу. Меншиков всячески хвалил деятельность Скорнякова-Писарева и обвинял Шафирова в том, что он кричал на обер-прокурора и грозился не позволить тому вмешиваться в дела сенаторов. Головкин и Матвеев также отмечали хорошую работу обер-прокурора и утверждали, что споры, крики и «помешки» исходили только от Шафирова. Совершенно иначе картину событий описали Голицын и Долгорукий, заявившие, что Скорняков-Писарев вторгался в сенатские приговоры, навязывал сенаторам свое мнение и не давал им «порядочно голосами, ни советами дел оговаривать». Мусин-Пушкин уклонился от прямого ответа, сославшись на то, что из-за дряхлости и болезни он не всегда присутствовал на заседаниях Сената. Брюс усмотрел в действиях обер-прокурора лишь одно упущение: тот иногда нарушал процедуру обсуждения. Однако события 31 октября все свидетели описали примерно одинаково, подтвердив отказ Шафирова подчиниться обер-прокурору, предложившему ему покинуть заседание Сената[156]. Вышний суд приговорил Шафирова к смертной казни — отсечению головы.

Пятнадцатого февраля 1723 года Петр Павлович был привезен на простых санях из Преображенского приказа в Кремль, где его ожидали плаха и палач. Его возвели на эшафот, предварительно сняв парик и старую шубу. Осужденный несколько раз перекрестился и положил голову на плаху. Палач взмахнул огромным топором, но ударил им возле головы Шафирова. После этого кабинет-секретарь А. В. Макаров от имени императора объявил, что «преступнику, во уважение его заслуг, даруется жизнь». Он был лишен имущества и вместе с семьей отправлен в ссылку в Новгород, где жил в нищете почти два года — до смерти Петра. Екатерина I объявила бывшему вице-канцлеру амнистию и вернула его ко двору.

Сенаторы князья Голицын и Долгорукий, поддерживавшие Шафирова, были подвергнуты денежному штрафу. Не избежал наказания и Скорняков-Писарев, который был разжалован в солдаты и лишен всех поместий. Но в связи с коронацией Екатерины Алексеевны 7 мая 1724 года он получил чин полковника и половину конфискованного имущества.

В ноябре 1723 года Петр I в назидание издал строгий указ: «Ежели кто из чинов сенатских такое упрямство учинит против указов, как Шафиров учинил в Сенате 31 октября 1722 года, такого, объявя в Сенате, арестовать»[157]. Вся вышеописанная история послужила сенаторам хорошим уроком: с этого времени споры и брань на заседаниях высшего органа государственного управления уже не возникали.

Коллежские президенты

С 1710-х годов Петр I начал подготавливать грандиозную реформу центральных государственных учреждений, предполагавшую замену многочисленных приказов коллегиями по европейскому образцу. 12 февраля 1712 года царь издал указ об учреждении в Москве Коллегии для управления торговлей, в связи с чем началось формирование ее канцелярии в Петербурге. В том же году Петр предполагал основать еще несколько коллегий, аналогичных шведским[158].

Подготовительный этап коллежской реформы затянулся и закончился лишь в конце 1717 года, когда государь вернулся из длительной заграничной поездки в свой «парадиз» на Неве. 11 декабря он подписал указ: «Начать надлежит всем президентам с Новава года сочинить свои колегии и ведомости отвсюды брать, а в дела не вступатца до 1719 году, а з будущего году, конечно, зачать свои калеги управлять. А понеже новым образом еще не управились, того ради 1719 год управлять старым маниром в тех калегиях, а с 1720 — новым»[159].

Вскоре Петр отправился в Москву в связи с делом царевича Алексея, а в его отсутствие коллежская реформа фактически не проводилась. Вернувшись в Петербург летом 1718 года, государь не без раздражения написал

в указе Сенату, что нашел в некоторых коллегиях «немного, а в иных ничего». Петр подтвердил президентам, чтобы они «коллегии свои с ревностью производили»[160]. С этого времени коллежская реформа начала, наконец, осуществляться с должной скоростью.

В указе от 12 декабря 1718 года царь перечислил новообразованные коллегии и установил их функции. Коллегия иностранных дел должна была контролировать «всякие иностранные и посольские дела»; Камер-коллегия — «всякое расположение и ведение доходов всего государства»; Юстиц-коллегия — «расправу гражданских дел, судные и розыскные дела»; Ревизион-коллегия — «счет всех государственных приходов и расходов»; Военная коллегия — «армии и гарнизоны и все воинские дела»; Адмиралтейств-коллегия — «флот со всеми морскими воинскими служители»; Коммерц-коллегии надлежало «смотреть над всеми торгами и торговыми действии»; Штатс-контор-коллегия должна была ведать государственными расходами; Берг- и Мануфактур-коллегии были подведомственны «рудокопные заводы и все прочие ремесла и рукоделия». В начале следующего года образовалась особая Юстиц-коллегия лифляндских, эстляндских и финляндских дел, ведавшая судебными делами на завоеванных территориях. Указом от 18 января 1721 года была создана Вотчинная коллегия, занимавшаяся вопросами поместного землевладения. Особое положение заняла возникшая в феврале 1721 года Духовная коллегия — Святейший Правительствующий синод. С 1722 года действовала Малороссийская коллегия, осуществлявшая контроль за гетманской администрацией[161]. В первом составе президентов коллегий были ближайшие петровские сподвижники: А. Д. Меншиков руководил Военной коллегией, Ф. М. Апраксин — Адмиралтейств-коллегией, Г. И. Головкин — Коллегией иностранных дел, Д. М. Голицын — Камер-коллегией, И. А. Мусин-Пушкин — Штатс-контор-коллегией, Я. Ф. Долгорукий — Ревизион-коллегией, Я. В. Брюс — Берг- и Мануфактур-коллегиями, П. А. Толстой — Коммерц-коллегией, А. А. Матвеев —Юстиц-коллегией.

Первое правительственное здание в Петербурге на

Троицкой площади, где при Петре располагались Сенат и коллежские канцелярии, представляло собой длинное мазанковое сооружение, повторявшее схему размещения приказов в Кремле. Новые помещения пристраивались по мере необходимости к торцевой стене здания. По такому же плану в 1722—1742 годах было построено и здание Двенадцати коллегий. В Москве с 1722 года действовали конторы (филиалы) Сената и коллегий, которые заняли помещения старых приказов[162].

Коллегии вели обширную переписку с местными и другими подчиненными учреждениями, рапортовали в Сенат и получали из него указы, приводящие в действие весь механизм центрального управления. Объем переписки был колоссален: за год через канцелярию коллегии проходило почти 4,5 тысячи документов. Вместе с тем численность коллежских чиновников была относительно невелика. Например, в 1723 году в руководимой А. Д. Меншиковым Военной коллегии служили 353 человека, в Адмиралтейств-коллегии под началом Ф. М. Апраксина находились 233, в Камер-коллегии у А. Л. Плещеева — 228, в Коммерц-коллегии — у И. Ф. Бутурлина — 131. В общей сложности в коллегиях состояли 1,5 тысячи чиновников, которые за год обрабатывали как минимум 207 тысяч бумаг. Соответственно, за первые пять лет существования коллегий число входящих и исходящих документов должно было перевалить за миллион (при десятимиллионном населении)[163].

Коллегии, в отличие от приказов, имели коллегиальный совет. Решения по каждому делу принимались после обсуждения на заседании членов коллегии; любой вопрос решался большинством голосов. Мнения высказывались в строгой очередности от чиновников низших рангов к высшим. Если количество голосов в пользу разных предложений оказывалось равным, решающее слово предоставлялось президенту коллегии.

Президенты являлись центральными фигурами как советов, так и коллегий в целом. Они имели собственные кабинеты и личных секретарей, обладали исключительным правом сношений с Сенатом, а также с самим государем. Только они могли распечатывать конверты с царскими или сенатскими указами. Согласно приня-

тому в 1720 году Генеральному регламенту, президенты «вышние главы суть и в лице Его Царского Величества (то есть от имени царя. — *В. Н.*) сидят ради управления всех дел в коллегии». Президенты должны были «смотрить, чтоб служители при коллегиях, канцеляриях до последняго должность свою знали». Члены коллегии обязаны были вставать при появлении их руководителя, проявлять к нему «достойное почтение или респект и послушание чинить», и в то же время не имели права оказывать ему особые знаки внимания: провожать его, заседать в его доме, приходить туда с делами, за исключением экстренных случаев. Руководители коллегий обязаны были пользоваться своей властью разумно: «...не надлежит президентам данную им от Его Царского Величества власть презирать и членов того коллегия ничем не отягощать, чего они против чину и должности своей исполнять не должны; толь наименьшее — жестокими и чувственными словами укорять». Наказывать коллежского служащего за «погрешения» мог только коллегиальный совет «по благоизобретению всего коллегия».

Президенты обязаны были наблюдать за служащими — не только в том смысле, чтобы каждый «свое дело знал и верно и прилежно исправлял», но заботиться о моральном облике подчиненных, побуждая «каждого к добродетели и достохвальному любочестию». Однако и сам президент находился под постоянным контролем членов коллегии: если он «что-либо по службе забывал», то подчиненные «с надлежащим почтением» должны были ему «припамятовать и изъяснить». За нарушение норм Генерального регламента президент мог быть оштрафован и даже попасть под арест. В случае его попытки утаить поданные ему доношения или челобитные должно было последовать «извержение яко коварника, а не правителя», то есть лишение должности.

Тридцатого января 1722 года Кампредон сообщил французскому министру Дюбуа: «Царь отставил от должности почти всех президентов коллегий или советов, именно: Коммерц-коллегии — Толстого, Камер-коллегии — Голицына, Штатс-конторы — Пушкина, Юстиц-коллегии — Матвеева. Все эти господа — сена-

торы, и отныне они будут просто заседать в Сенате, перед которым прежде поддерживали свои мнения. На их место назначат других президентов, не сенаторов. Остались на своих президентских постах только кн. Меншиков — Военной коллегии, Апраксин — Морской и Головкин — Иностранных дел»[164].

По царскому указу от 29 января 1724 года все служащие обязаны были «быть в послушании у своих командиров», однако в случае нарушения начальниками законодательных норм подчиняться им было нельзя под страхом наказания. Чтобы не подрывать авторитет начальника, член коллегии обязан был известить его о факте нарушения закона тайно. Если же тот продолжал упрямиться, то подчиненный должен был «протестовать и доносить» уже в более высокую инстанцию[165]. Таким образом, если речь шла о нарушениях законов руководителями коллегий, протесты положено было подавать в Сенат или даже на имя царя, поскольку для президентов коллегий Иностранных дел, Военной и Адмиралтейской высшей инстанцией являлся государь.

Согласно Генеральному регламенту 1720 года, членам коллегий полагалось «сидение свое иметь во всякой неделе, кроме воскресных дней, и господских праздников, и государских ангелов, в понедельник, во вторник, в среду, в пятницу, а в четверток обыкновенно президентам в сенатскую палату съезжатся, в самые кратчайшие дни в 6 часу, а в долгие в 8 часу, и быть по 5 часов». В случае же важных неотложных дел все сотрудники или их часть должны были работать «несмотря на помянутое время и часы... и те дела отправлять». Служащие второстепенных рангов могли уходить с работы только после отъезда президента и членов коллегиального совета, а канцеляристы должны были присутствовать на службе ежедневно, кроме воскресений и праздников, приходя на работу часом ранее начальства. Нарушитель за однодневное «небытие» (прогул) лишался месячного жалованья, а за час «недосидения» — недельного.

Обстановка коллежских помещений отчасти напоминала интерьер приказов. В центре «судейской камеры», то есть главной комнаты для заседаний членов коллегии, стояли большие столы, обитые красным или

зеленым сукном. На них находились чернильницы и зерцала*. Вдоль стен тянулись обитые сукном лавки, у столов стояли стулья для президента и секретаря коллегии; на стульях лежали кожаные или суконные тюфяки[166].

Руководивший учреждением президент ничего не мог решить самостоятельно, без согласия присутствия. «Для того коллегии и устроены, — провозглашалось в указе Петра, — дабы каждая с совету и приговору всех дела своей коллегии делала». Помощником президента являлся вице-президент коллегии. Исключение составляли Военная коллегия, в которой было два президента, Меншиков и генерал Адам Адамович Вейде, а также Коллегия иностранных дел, руководимая канцлером Головкиным и подканцлером Шафировым.

Разногласия между президентами Военной коллегии не возникали: Меншиков был слишком крупной и влиятельной фигурой, поэтому Вейде не решался ему противоречить. Но руководители Коллегии иностранных дел постоянно конфликтовали между собой. В протоколе заседания коллегии от 19 мая 1719 года была зафиксирована одна из первых их ссор. Канцлер предложил «согласно с именным его величества указом дела слушать, решать и подписывать всем членам коллегии». Однако Шафиров заявил, что «он с находящимися теперь налицо членами дел подписывать не будет и в том протестует». Одного из членов коллегии, Петра Курбатова, он назвал «канцлеровой креатурой» и добавил, что «ему с членами, которые из подьячих, и сидеть-то стыдно». Головкин возразил:

— Хотя Петр Курбатов и Василий Степанов действительно из подьячих, но теперь они коллегии советники и полноправные ее члены, и мнение каждого члена коллегии положено записывать в протокол и крепить приговоры всем.

— Я с наушниками и бездельниками делать дело не хочу! — сказал в сердцах Шафиров, встал и направился

---

* Зерцало — здесь: трехгранная призма, которую венчал двуглавый орел, а на грани были прикреплены три указа Петра I о «ведении законов» и порядке работы государственных учреждений (от 17 апреля 1722 года, 21 и 22 января 1724-го).

к выходу. В дверях он остановился и закричал, обращаясь к канцлеру:

— Чего ты дорожишься и ставишь себя высоко? Я и сам такой же!

— Как ты моей старости не устыдишься такими словами мне досаждать и кричать? — ответил Головкин.

Шафиров хлопнул дверью, вышел в переднюю и в присутствии посторонних просителей заявил служителям канцелярии:

— Канцлер хочет коллежские дела делать со своими креатурами и хочет их заставлять с собой подписывать[167].

Головкин и члены коллегии зафиксировали это происшествие в протоколе и подали его государю за своими подписями. Решения Петра I по данному поводу не последовало, и на сей раз Шафиров не поплатился за свою неуживчивость и спесь.

Глава восьмая

«Без денег жить зело тяжко»

Государево жалованье

Петр Великий своими реформами дал мощный толчок развитию экономики. На смену замкнутости натуральных хозяйств боярских вотчин пришли денежные отношения. Активизация торговли с западными странами привела к широкому приобщению представителей верхушки российского общества к европейским продуктам питания, одежде, предметам роскоши, заморским винам, табаку и другим новым для повседневной русской жизни вещам. В результате деньги стали необходимой и неотъемлемой частью быта русского дворянства и состоятельных представителей других социальных групп. Их зарабатывали усердной службой, получали в виде денежного оброка с крепостных крестьян, добывали путем предпринимательства, финансовых махинаций и взяточничества или же просто крали разными способами, испокон веков распространенными на Руси.

Развитию денежных отношений немало способствовали меры Петра I по облегчению и упорядочению монетного обращения в России.

Во время совместного правления Петра и Ивана на единственном в стране Московском денежном дворе чеканились в основном серебряные копейки, а более мелкая монета — деньги (в полкопейки) и полушки (в четверть копейки) — почти не выпускалась, потому что казна не желала нести двойные и четверные расходы на ее изготовление. По свидетельству датского дипломата Юста Юля, копейки до первых годов XVIII века чеканились так небрежно, что имели разный вес[168]. Копейки и их части до начала Петровских реформ являлись единственными денежными знаками в России. В то время как в Европе начиная с XVI века ходила крупная серебряная монета — талер, в России рубль, полтина (50 копеек), полуполтина (25 копеек), гривна (10 копеек) и алтын (3 копейки) существовали только как счетные понятия, суммы набирались копейками или более мелкой монетой.

Петр I построил в Москве еще четыре денежных двора. На одном из них, расположенном в Кадашевской слободе Замоскворечья, с 1701 года начали чеканиться первые серии серебряных монет: полтины, полуполтины, гривенники, пятаки и алтыны, а с 1704-го — и первые серебряные рубли, по весу равные талеру. В конце 1701 года здесь же начали чеканку золотых монет (червонцев), по пробе и весу равных дукату* — золотой международной монете. Первоначальная стоимость червонца составляла 1 рубль 20 копеек, но позднее стала двухрублевой.

Но самым заметным финансовым мероприятием Петра I стало широкое распространение медной монеты. Она чеканилась на Набережном медном денежном дворе, открытом в 1699 году на территории Кремля, недалеко от Боровицких ворот. Здесь изготавливались медные денежки и полушки, а с 1704 года — и копей-

* Золотой дукат впервые появился в Венеции в 1284 году, весил 3,5 грамма, чеканился из почти чистого золота (986-й пробы). Эта монета сохраняла неизменными вес и качество металла около семи веков.

ки. Петр вводил в обращение медную монету медленно и постепенно. В памяти его старших советников еще сохранялись события знаменитого Медного бунта 1662 года, вызванного широким выпуском резко обесценивавшихся медных денег в правление царя Алексея Михайловича. После этой катастрофы медная монета не выпускалась до 1699 года, когда Петр и его правительство пришли к мысли о необходимости изыскивать средства для предстоящей войны со Швецией за счет осуществления монопольного права государства на чеканку монеты. В крупных размерах выпуск медных денег начал осуществляться с 1705 года, и уже в течение следующих пяти лет объем чеканки медной монеты вырос более чем в 12 раз и достиг в среднем почти 100 тысяч рублей в год. Однако при этом вплоть до 1718 года одновременно продолжали выпускаться серебряные копейки, что должно было в определенной степени нейтрализовать возможное недовольство широким распространением мелкой медной монеты[169].

В XVII и XVIII веках понятие «жалованье» не было тождественно современной заработной плате. Жалуемое принадлежало государю, а жалованье рассматривалось как его милость в отношении подданного. Как верно заметила современная исследовательница О. Е. Кошелева, «жалованье не предназначалось для эквивалентной расплаты за труд, это был дар, его жаловали за верную службу, фактически — за преданность, одновременно оно являлось и "милостыней", выданной для поддержания существования. Поэтому, чтобы получить даже положенное по указу жалованье, его следовало просить, подавая челобитную на царское имя»[170].

Это наблюдение точно отражает ситуацию первой четверти XVIII века. Документы петровского времени изобилуют случаями задержки жалованья на полгода, на год и даже более, в то время как по тогдашним правилам оно должно было выплачиваться «по третям», то есть каждые четыре месяца. Это касалось не только бесправных низших канцелярских служителей, но и виднейших сподвижников Петра I. Например, Б. П. Шереметев в 1704 году перед походом в Польшу писал царю: «Умилосерьди нада мьной, вели мне дать, чем ехать и чем там жить:

ей, оськудаль». С еще большей откровенностью он изобразил свои затруднения и обиду в письме А. Д. Меншикову, в лице которого рассчитывал найти радетеля о своих денежных делах: «Прошу, братец, твоего жалованья: умилосердися надо мной, подай мне руку помощи! За что я опечален? Что мне обещано, до сего времени удержано, а жалованья мне против моего чину нет. Всем его, государева, милость — жалованье, а мне нет! Ей, государь мой братец, в нищету прихожу. Тебе известно, что ни откуля ни копейки мне не придет... Умилосердися, батька и брат Александр Данилович!.. Если уже вотчин обещанных мне не дадут, чтоб мне учинили оклад по чину моему. А если не буду пожалован, пришло к тому, что странствовать: ужели я все прослужил, а не выслужил»[171].

Жалованье чиновникам петровского времени полагалось в двух формах — денежной и продуктовой.

Продуктовая (хлебная) часть жалованья выдавалась мукой и овсом и измерялась четвертями*. В Петербурге, Ревеле, Выборге и Шлиссельбурге как денежное, так и хлебное жалованье было вдвое выше, чем в других городах. Например, петербургский губернатор А. Д. Меншиков получал 2400 рублей и 1200 четвертей хлеба в год, в то время как другим губернаторам причиталось по 1200 рублей и 600 четвертей хлеба. Денежное жалованье в столице по сравнению с продуктовым было малозначительным, поскольку в новом городе с еще не налаженной хозяйственной жизнью немногое можно было купить за деньги. Бедственное положение петербургского служащего тех лет видно на примере активного сподвижника Петра I дьяка Федора Дмитриевича Воронова, работавшего в розыскных канцеляриях и занимавшегося расследованием крупных государственных хищений. В челобитной царю он писал: «...хлебного жалованья на прошлой 716 и на нынешний 717 год, кроме денежного, не дано, от чего одолжал и впредь откуды буду денежное и хлебное жалованье получать, не знаю. А без выдачи Вашего Величества жалованья мне, у дел будучи, пропитатца нечем, человек я небогатой. Да я ж строю,

*Четверть — здесь: основная мера объема сыпучих тел, составлявшая около 210 литров. *(Прим. авт.)*

по указу Вашего Величества, на берегу каменное полатное строение, от которого в долгах остаюсь». Воронов особо подчеркнул при этом, что его трудами в казну было возвращено более 200 тысяч рублей расхищенных денег[172].

Денежные оклады служащих петровских учреждений были различны даже при одинаковых должностях. Например, в 1704 году в четырнадцати существовавших в то время приказах состояли 33 дьяка — чиновники высшего ранга в рамках тогдашней системы управления. Десять из них получали по 100 рублей в год, а остальные — по 120, 130, 300 рублей. Еще сильнее различались оклады подьячих. Старым подьячим выплачивали от 10 до 156 рублей в год (это крайние цифры, в основном преобладали ставки от 30 до 50 рублей). Подьячие средней статьи получали от 6 до 77 рублей, младшие — от 2 до 37 рублей[173].

Для понимания реального значения этих сумм необходимо коснуться вопроса о покупательной способности русских денег. По подсчетам Л. В. Милова, во второй половине XVII века прожиточный минимум (только питание) составлял 2—2,5 рубля в год на человека[174]. Однако еще до начала широкого выпуска медных денег иностранные наблюдатели заметили признаки инфляции, обусловленные снижением пробы и уменьшением веса серебряных копеек. 31 января 1707 года английский посланник Ч. Уитворт в донесении статс-секретарю Роберту Гарлею отмечал: «...копейки прежде охотно принимались к размену, причем обыкновенно приравнивались к десяти шиллингам; и хотя правительство постепенно уменьшало их действительную стоимость, государственный кредит не колебался до начала настоящей (Северной. — *В. Н.*) войны, когда вследствие необдуманного проекта об умножении денежных знаков достоинство копейки сразу понизилось наполовину...» Впоследствии размеры инфляции еще более увеличились в связи с широким выпуском медной монеты. Но другого выхода у правительства Петра не было, так как приходилось изыскивать средства на ведение войны. В целом в первой четверти XVIII века в ходе денежных реформ Петра I рубль обесце-

нился почти в два раза, что привело к заметному росту цен. Например, во второй половине XVII века четверть овса стоила в среднем 33 копейки, а в начале XVIII века за нее платили в Москве 56 копеек, а в Новгороде — 1 рубль 45 копеек[175].

С конца 1704 года в связи с нехваткой денег в казне приказные служители стали получать лишь половинное жалованье. Первоначально Петр намеревался пойти еще дальше: 9 марта 1703 года был издан царский указ об отмене казенного жалованья, «чтобы вместо его, великого государя, жалованья тех из дьяков и подьяческих и приказных людей окладов за их приказную работу имать с приказных и со всяких челобитчиковых дел, с чего пристойно»[176]. Таким образом, монарх в открытую ориентировал чиновников на поборы с частных лиц. Примечательно, что по понятиям того времени это не считалось взяточничеством. Служебная практика первой половины XVIII века различала взятку и «посул»; если первая давалась в качестве подкупа для «неправедного» решения дела, то второй являлся выражением благодарности за решенный в интересах просителя вопрос. Разумеется, при несовершенстве законодательства в России XVIII столетия граница между справедливым и «неправедным» постановлением была весьма зыбкой, что, по сути, провоцировало служебные злоупотребления.

Не вызывает сомнений тот факт, что подношения от челобитчиков составляли большую часть доходов многих чиновников петровского времени. Например, подьячий Артиллерийского приказа П. Трофимов получил в 1708 году около тысячи рублей от частных лиц, в то время как от государя ему полагалось в год 30-рублевое жалованье[177]. Можно представить масштабы взяточничества всесильных сподвижников Петра I, высших должностных лиц, если чиновник средней руки получал такие суммы.

Царь-реформатор продолжал ориентировать чиновников на «кормление» за счет челобитчиков и впоследствии. В 1713 году подьячие Секретного стола канцелярии Сената жаловались государю, что им назначено жалованье «с убавкой» и прокормиться «с домаш-

ними невозможно, отчего пришли в великое оскудение и нищету». При этом они особо подчеркнули, что, в отличие от подьячих других учреждений, у них не бывает «челобитчиковых дел». На этой жалобе Петр I написал резолюцию: «Вместо прибавочного жалованья ведать в секретном столе все иноземческие и Строгановы* дела, кроме городских товаров». Таким образом, в условиях недостатка государственных средств царь вынужден был признать право чиновников на «кормление от дел», передав в их ведение прибыльные, «взяткоемкие» отрасли управления[178].

Наиболее упорядоченными являлись выплаты жалованья военным, поскольку в условиях длительной войны со Швецией и других войн Петровской эпохи государь не хотел давать армейским кадрам повод для недовольства. В отличие от гражданских чиновников, офицерам платили жалованье ежемесячно. По данным иностранных наблюдателей, капитаны российской армии до 1720 года получали девять рублей в месяц, затем их оклад был увеличен до 11 рублей. С целью привлечения иностранных военных специалистов в Россию Петр I установил для них двойные денежные оклады; соответственно, месячное жалованье армейских капитанов иностранного происхождения составляло 18 рублей[179].

Наиболее высокопоставленным чиновником России по сумме занимаемых им должностей являлся светлейший князь А. Д. Меншиков. Уже отмечалось, что его оклад как губернатора Санкт-Петербургской губернии составлял 2400 рублей денежного и 1200 четвертей хлебного жалованья в год[180]. При этом Меншикову причиталось еще военное жалованье по чину генерал-фельдмаршала (семь тысяч рублей в год), а с 1718 года ему сверх перечисленного был установлен денежный оклад по должности президента Военной коллегии. Однако государево жалованье составляло лишь относительно небольшую часть доходов светлейшего князя, который умел добывать деньги разными способами.

* Г. Д. Строганов владел на Урале несколькими железоделательными и медеплавильными заводами, выполнявшими казенные заказы.

Забота о пополнении капитала являлась важнейшей частью повседневной жизни князя А. Д. Меншикова. Его обширным хозяйством управляли петербургская и московская домовые канцелярии, которым подчинялись приказчики и управители отдельных вотчин и сел. Несмотря на постоянную занятость государственными делами, Александр Данилович ежедневно проверял работу своей вотчинной администрации, о чем свидетельствуют его многочисленные пометы и резолюции на документах, приказы, инструкции, а также письма управляющим, чиновникам, торговым агентам, русским и иностранным купцам, банкирам. Во время военных походов и поездок по России и за границу Меншиков брал с собой специально подготовленных служителей, образовывавших его «походную домовых дел канцелярию», которая осуществляла оперативный надзор за управлением вотчинами. Для делопроизводства домовой канцелярии светлейшего князя было характерно ведение особенно подробного учета поступлений натурой и деньгами, а также расходования денежных средств и припасов. Подобная тщательность объяснялась тем, что Меншиков был до крайности скуп в мелочах: если он подавал нищему копейку или алтын, то это обязательно учитывалось в расходных книгах[181].

Позиция светлейшего князя в вопросах бережливости особенно четко выразилась в письме князю А. А. Черкасскому, женатому на его племяннице Наталье. Будучи азартным игроком, Черкасский вынужден был продать деревню жены, полученную им в качестве приданого. В письме от 29 июля 1720 года Александр Данилович принялся его поучать: «Ежели б вы жили так, как шляхтичу надлежит, — честно и постоянно, то б своего... было довольно. Старая есть пословица, что по одежке протягай и ножки, а не на постоянное житье и на карты или на кости никто денег не напасется... Впредь будете во всём от нас считаны, а не худо, чтоб у вас кушанье держали русские повара, ибо дед и отец ваш, как сами знаете, кухмистра-иноземца не держали, а жили честно и постоянно и со всяким довольством, а особливо что без долгу, а деревни, всегда покупая, прибавляли». Не удов-

летворившись этим выговором, светлейший князь еще попросил Ф. М. Апраксина на словах пригрозить Черкасскому[182]. Впрочем, подобные сентенции и мелочное скопидомство не мешали самому Меншикову устраивать пышные балы и дорогостоящие обеды, содержать роскошно убранные дворцы, поражавшие своим великолепием иностранных дипломатов. Меншиков был крупнейшим после царя землевладельцем России. В его собственности находилось свыше трех тысяч сел и деревень, ему принадлежало семь городов: Батурин, Копорье, Короп, Почеп, Раненбург, Ямбург и Ямполь. Его имения находились в Европейской России, Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Кроме того, прусский король Фридрих Вильгельм I пожаловал ему местечко Амт в Бранденбурге[183].

Обширные владения Меншикова начали складываться в самом начале XVIII века и продолжали пополняться вплоть до опалы светлейшего князя в 1727 году. В основе богатства Александра Даниловича лежали царские пожалования, составившие около 70 процентов всех его вотчин. Свою первую вотчину — деревню Лукину в Московском уезде — он получил от Петра I в 1700 году. А в дальнейшем царские земельные пожалования другу и главному соратнику не прекращались до самой смерти государя-реформатора. Помимо этого, Меншиков активно покупал земли и крестьян, приобретая целые вотчины, отдельные села и деревни, пустоши, угодья, сенокосы[184].

Во владениях Александра Даниловича имелись разнообразные промышленные производства: кожевенное, салотопенное, винокуренное, парусное, кирпичное, стекольное и поташное, рыбные и солеваренные промыслы, железоделательные «рудни», лесопилки. Эти предприятия не только обслуживали потребности огромного княжеского двора, но и поставляли товары в казну и на рынок. Вскоре огромные поступления натуральной и промышленной продукции из владений Меншикова позволили ему активно участвовать во внешнеторговых операциях. Через архангельский порт он отпускал в Голландию, Германию и Англию зерно, пеньку, рыбу, доски, воск, сало и ворвань (тюлений жир), а

взамен ввозил из-за границы ткани, посуду, вино, предметы роскоши[185].

Особое пристрастие светлейший князь питал к строительству. «Он вечно что-нибудь строит, — отмечал историк А. А. Голомбиевский, — то обстраивает усадьбы в своих многочисленных вотчинах, то строит церкви с башнями и курантами, то оранжереи, фабрики и заводы, то, наконец, какие-то особенные со стеклянными куполами бани, до которых был охотник, и всюду сам лично следит за рабочими, ночует на стройках»[186].

Меншиков также активно занимался коммерческими операциями в Москве. Первоначальную основу его московского хозяйства составили три двора, лавки, харчевни, мельницы и бани в Садовниках и за Сретенскими воротами, конфискованные царем у стрельцов после разгрома мятежа 1698 года и пожалованные Меншикову в 1700 и 1701 годах. Впоследствии удачливый фаворит постоянно расширял свои владения в Москве, методично скупая землю, дома и постоялые места. Покупку недвижимости он сопровождал раздачей денег в долг под залог на кабальных условиях, в результате чего к нему часто отходила собственность несостоятельных должников. Купленные в Москве лавки, бани, харчевни, мельницы и погреба Меншиков сдавал в аренду и ежегодно получал с арендаторов более тысячи рублей. А в Петербурге светлейший князь купил у генерал-майора Г. П. Чернышева большой дом на Адмиралтейской стороне и стал сдавать его помещения внаем[187].

Интересный пример превращения чиновника, сына посадского человека, в помещика являет собой кабинет-секретарь Петра I А. В. Макаров. По справедливому замечанию историка Н. И. Павленко, эта трансформация явилась плодом собственных усилий и предприимчивости Макарова: «В нем чиновник, знавший себе цену на бюрократическом поприще, бок о бок уживался с расчетливым дельцом, умевшим округлить свои богатства». Начав с нуля, к концу жизни он стал довольно крупным земельным собственником: за его сыном Петром Алексеевичем числились 1223 крепостные души мужского пола. Кроме того, часть своих деревень Алек-

сей Васильевич отдал в качестве приданого за своими дочерьми Анной и Елизаветой.

Хозяйство Макарова было многоотраслевым и опиралось не только на традиционное земледелие, но и на ростовщичество, торговлю и промышленное предпринимательство.

Несмотря на близость к государю, кабинет-секретарь удостоился земельных пожалований лишь дважды, причем достаточно скромных размеров: в 1709 году он получил в Брянском уезде 17 дворов и 260 четвертей земли, а в 1723-м ему было пожаловано 110 дворов в Переславль-Залесском и Юрьевском уездах, что должно было составить около 440 крепостных душ мужского пола. Кроме того, сколько-то земли и крестьян Макаров наверняка получил в качестве приданого за своей второй женой, вдовой княгиней Анастасией Ивановной Одоевской.

Но главным источником формирования земельного богатства кабинет-секретаря была скупка крепостных и земли. Дважды он совершил довольно крупные сделки: в 1708 году купил за 1600 рублей у адмирала Ф. М. Апраксина село Богословское в Юрьевском уезде, где жили более ста душ мужского пола; а в 1717-м им было приобретено за три тысячи рублей у жены стольника П. М. Долгорукого село Петровское Переславль-Залесского уезда. Все прочие сделки на приобретение земель и крепостных были мелкими; можно сказать, что Алексей Васильевич собирал свое хозяйство буквально по крупицам.

Н. И. Павленко приводит любопытный факт: Макаров скупал беглых крестьян, извлекая из этой операции немалую выгоду. Дело в том, что законодательство предусматривало взыскание с помещика, приютившего беглого, так называемых пожилых денег в пользу законного владельца. Возвращать беглых на место и взыскивать компенсацию должна была местная администрация, но зачастую правды добиться было невозможно даже в том случае, если помещик точно знал, где скрывается его крепостной: новый хозяин мог оказаться влиятельным человеком, и местные власти не желали вступать с ним в конфликт. В такой ситуации помещику не остава-

лось ничего другого, как продать своего беглого вместе с правом взимания денежной компенсации за его незаконное держание. Этим и пользовался Макаров, приобретая беглых за бесценок: в одном случае за две семьи он уплатил всего 15 рублей. А отобрать крестьян у незаконного владельца и взыскать с него пожилые деньги Алексею Васильевичу, при его положении, труда не составляло[188].

Помещичьи хозяйства являлись основным источником доходов современников Петра I. Представление о типичной усадьбе начала XVIII века можно получить на примере села Ясенево Московского уезда, которое принадлежало семье Лопухиных, а затем было конфисковано после привлечения его владельцев к суду в связи с делом царевича Алексея. Сделанная в связи с конфискацией опись недвижимого имения содержит точные детали усадебного быта. Двухэтажный барский дом был построен из сосновых и еловых бревен и покрыт тесом на четыре ската. В нем, кроме сеней и чуланов, находилось семь комнат (светлиц), две из которых располагались на втором этаже. Стены в некоторых светлицах были обтянуты выбеленным полотном, окна — в основном стеклянные, но имелись и слюдяные. Меблировка состояла из обычных лавок по стенам, липовых и дубовых столов, шкафов, двенадцати простых стульев и шести витых, обитых кожей. По стенам висели иконы, однако было и более трех десятков итальянских гравюр («листы печатные фряжские»). При хоромах имелась мыльня.

Барский двор занимал пространство почти в десятину*. Он был огорожен забором с воротами, затейливо украшенными точеными балясинами. Помимо помещичьего дома, во дворе располагались особый господский флигель из двух светлиц, а также целый ряд хозяйственных построек: поварня с двумя вспомогательными помещениями («приспешными избами»), изба приказчика, пивоварня с соответствующей посудой и оборудованием, погреб и ледник с напогребицей, конюшня с девятью стойлами, изба конюха, две житницы. К главно-

*Десятина — здесь: единица земельной площади, равная 1,0925 гектара.

му двору примыкали два вспомогательных: скотный — с сараями, хлевами, птичниками и избами для скотников, а также «остоженный», то есть сенной — с двумя амбарами.

С двух сторон за забором усадьбы обширный фруктовый сад, занимавший три с половиной десятины. В нем росло свыше 1800 яблонь, много сотен слив и вишен, был разбит небольшой цветник, обсаженный с четырех сторон красной смородиной, имелись также пруды и деревянная шатровая беседка[189].

В царствование Петра I дворянские усадьбы подолгу не видели своих хозяев. Если в XVI—XVII веках дворяне проводили в своих имениях свободное время между военными походами, то при Петре поголовные роспуски служилых людей прекратились, будучи заменены кратковременными отпусками конкретных лиц. Дворянину приходилось надолго расставаться с родными полями и рощами, среди которых прошло его детство и о которых к тому времени, когда он по старости получал отставку, он мог сохранить только смутные воспоминания. В 1727 году бригадир Гавриил Семенович Кропотов доносил Сенату, что в своем поместье он не был с 1700 года, то есть целых 27 лет[190].

Как отметил М. М. Богословский, в дворянских имениях существовал «очень дифференцированный социальный строй»: «В самом барском доме — многочисленный придворный штат прислуги; в отдельных дворах тут же на усадьбе помещаются деловые люди, заведующие отдельными статьями помещичьего хозяйства, а также всё более разветвляющийся класс специалистов-ремесленников, удовлетворяющих разные потребности барского домашнего обихода... наконец, село и раскиданные вокруг него деревни с крестьянским населением на оброке или на барщине. Всё это население управляется сложною администрацией, во главе которой стоит приказчик или главный приказчик с бурмистрами, старостами и "выборными"»[191]. Введение в России подушной подати стерло границы между крепостными крестьянами и холопами, поскольку те и другие были одинаково обложены податью и оказались в одинаковой зависимости от хозяина. Возложив на него ответственность

за исправные платежи подати, государство расширило его права над крепостными. Недаром законодательство Петра I именует их «подданными» помещика.

Развитие товарно-денежных отношений при Петре I в немалой степени способствовало повышению деловой активности соратников царя-реформатора. Способы приращения капитала были весьма разнообразными, но основным источником доходов оставались помещичьи хозяйства.

«Мы все воруем»

Петровское царствование заключает в себе весьма заметное противоречие: государь-реформатор вел подчеркнуто скромную жизнь и старался личным примером воспитывать подданных, но размах коррупции и воровства в высших эшелонах власти в первой четверти XVIII века достиг невиданных прежде масштабов. Современный исследователь Д. О. Серов посвятил данной проблеме специальную работу историко-правового направления. «Это было время, — отмечает он, — когда огромные российские капиталы оседали в лондонских и амстердамских банках (разумеется, на частных счетах. — *В. Н.*), а опасность быть захваченной бандитскими шайками угрожала городу Твери. Время, когда за торговлю русской одеждой ссылали на каторгу, а в центре Санкт-Петербурга раскачивалось на железных цепях тело казненного за лихоимство сибирского губернатора. Это было время благих намерений и их неожиданно печальных последствий»[192]. Историк с профессиональной точностью обозначил проблему и привел массу конкретных примеров злоупотреблений соратников Петра Великого, а также рассмотрел способы борьбы царя-реформатора с этим безусловным злом.

Другая современная исследовательница, Л. Ф. Писарькова, рассуждая о причинах взяточничества, казнокрадства и прочих злоупотреблений сподвижников Петра I, приходит к морализаторскому выводу: «Видимо, здесь на первый план выходят такие отрицательные свойства природы человека, как жадность, честолюбие,

отсутствие нравственных начал и чувства собственного достоинства. Именно такие люди, обладая при этом умом, практической хваткой, трудолюбием и способностью быстро приспосабливаться к любым условиям, оказываются востребованными и достигают невиданных высот в те периоды истории, когда резко меняется привычный уклад жизни государства и общества и зыбкой становится грань между добром и злом»[193].

Ах, как это напоминает современную российскую действительность — да только ровным счетом ничего не объясняет. Между тем причина размаха коррупции и воровства и в петровское царствование, и в нынешнее время с исторической точки зрения проста: в связи со сменой общественных условий идет ускоренный процесс первоначального накопления, а деньги из-за резкого развития товарно-денежных отношений стали единственным мерилом ценности. Каждый хотел жить не хуже других, причем по высоким западным стандартам, используя для этого все средства и прежде всего — власть, если был к ней допущен.

К взяточникам и лихоимцам Петр I был непримирим, обрушив на их головы целую серию указов, один суровее другого. Например, в апреле 1722 года появился законодательный акт, внушительно именовавшийся «О хранении прав гражданских». Его текст, наклеенный на особые поставцы-зерцала, в обязательном порядке должен был находиться на столах «пред очми» начальников всех государственных учреждений России. Чиновникам, кои «зело тщатся всякие мины чинить под фортецию правды», указ угрожал «смертию, без всякие пощады»[194].

Первым шагом Петра Великого на пути создания мощного контрольно-карательного аппарата явилось создание в 1711 году Приказа фискальских дел. В обязанности этого правительственного учреждения входило «тайно надсматривать» и сообщать в Сенат или непосредственно монарху о любых непорядках в государственной жизни. Центральное место среди функций фискалов занимала борьба с коррупцией и казнокрадством; в первую очередь они должны были «проведовать» «всякие взятки и кражу казны, и протчее, что ко вреду

государственному интересу быть может»[195]. Во главе нового учреждения был поставлен государственный фискал Никита Моисеевич Зотов — бывший учитель Петра I и его надежный соратник по Всешутейшему собору, безусловно преданный государю и делу преобразований. Он должен был следить, «чтобы никто от службы не ухоронился и прочего худа не чинил»[196].

Фискалы за короткий срок выявили множество случаев «повреждений государственного интереса» — от заключения подкупленными чиновниками заведомо невыгодных для казны контрактов до укрывательства ими дезертиров. Однако в условиях массового казнокрадства и коррупции в петровское время этих усилий оказалось явно недостаточно. Кроме того, сами фискалы не могли удержаться от соблазна погреть руки, благо должность открывала широкие возможности для взяток. Ярким примером тому является Алексей Яковлевич Нестеров, занявший в 1715 году должность обер-фискала. Будучи прежде человеком в высшей степени честным и неподкупным, он разоблачил большое количество казнокрадов. По свидетельству голштинского камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, «он имел большое значение и был очень в милости у императора», который «отдал ему справедливость и отзывался о нем как об одном из лучших своих стариков — докладчиков и дельцов. Давая ему место обер-фискала, государь в то же время наградил его большим числом крестьян, чтоб он мог прилично жить и не имел надобности прибегать к воровству». Эта мера не помогла: Нестеров, наделенный большой властью, очень скоро вошел во вкус своего положения. По данным хорошо осведомленных голштинских наблюдателей, «он неимоверно обворовывал его величество и страшно обманывал подданных, так что сделал казне ущербу всего по крайней мере до 300 000 рублей»[197]. В конце концов его махинации были разоблачены, он был арестован и после длительного следствия подвергнут в январе 1724 года ужасной казни: «его заживо колесовали и именно так, что сперва раздробили ему одну руку и одну ногу, а потом другую руку и другую ногу», оставив медленно умирать на высоко поднятом колесе. Любопытно, что даже накануне

казни Нестеров не забывал о своих служебных обязанностях и горел желанием дальше раскрывать должностные преступления. Берхгольц сообщает: «...арестованный обер-фискал признался императору, что заслужил смертную казнь, но будто бы при этом просил, чтоб ему дали время для обнаружения других, еще больших обманщиков; говорят, он уже и приступил к тому, начав с Преображенского или собственного его величества Приказа, где многих обвинил»[198].

Ни фискалы, ни добровольные доносители не могли ничего поделать: казнокрадство нарастало как снежный ком. В феврале 1715 года неизвестный доброжелатель сообщил Петру I из Голландии: «Губернаторы радеют токмо о своих карманах: Киевская губерния истощена до конца, также Казанская; слышно, киевский губернатор (в то время эту должность исполнял Д. М. Голицын. — *В. Н.*) высылает в свой московский дом деньги не мешками, но уже возами... Иностранные купцы высылают серебро и золото из России, что запрещено в чужих землях. Вельможи кладут деньги в чужестранные банки...» Были названы даже конкретные фамилии этих вельмож, в числе которых фигурировали А. Д. Меншиков и российский посол в Англии и Голландии Б. И. Куракин[199].

Воровство, финансовые махинации и другие злоупотребления Александра Даниловича Меншикова приняли фантастические размеры. Сохранились счета, согласно которым с конца 1709-го по 1711 год он истратил лично на себя 45 тысяч рублей. Его состояние современники определяли в 150 тысяч рублей поземельного дохода, не считая драгоценных камней на полтора миллиона рублей и многомиллионных вкладов в заграничных банках[200]. Впрочем, эти цифры, приведенные В. О. Ключевским, не вполне корректны в плане изучаемой проблемы: как отмечалось выше, значительную часть своего капитала Меншиков сколотил не за счет воровства и финансовых махинаций, а путем вполне легальной коммерческой деятельности. Для него, как и для нынешних олигархов, одно было неотделимо от другого.

Петр поначалу был снисходителен к своему любим-

цу. По поводу его мелких хищений в Польше государь писал ему: «Зело прошу, чтобы вы такими малыми прибытками не потеряли своей славы и кредита». Светлейший князь не внял высочайшему предупреждению, и через несколько лет следственная комиссия по делу о его злоупотреблениях сделала на него начет более чем в миллион рублей. Петр списал значительную часть этого начета. Пытаясь образумить своего неуемного друга, государь говорил ему: «Не забывай, кто ты был и из чего сделал я тебя тем, каков ты теперь». Однако Меншиков не унимался, порой доводя Петра до ярости и отчаяния. В последние годы жизни император в раздражении говорил своей супруге, всегдашней защитнице Александра Даниловича: «Меншиков в беззаконии зачат, во гресех родила его мать, и в плутовстве скончает живот свой; если не исправится, быть ему без головы»[201].

Андрей Андреевич Нартов, сын известного токарного мастера, денщика и личного друга Петра I Андрея Константиновича Нартова, передает рассказ своего отца о Меншикове, не называя того по фамилии: «Когда о преступлении одного любимца-вельможи представляемо было его величеству докладом, домогаясь всячески при таком удобном случае привесть его в совершенную немилость и в несчастие, то сказал государь: "Вина немалая, да заслуги его прежния велики". Правда, вина была уголовная, однако государь публично наказал его только взысканием денежным, а в токарной тайно при мне одном выколотил его дубиною»[202].

Разуверившись в действенности фискалитета, Петр в борьбе с должностными преступлениями сделал ставку на так называемые майорские розыскные канцелярии — оперативные судебно-следственные органы под руководством майоров гвардии, лично известных государю боевых офицеров, абсолютно независимых ни от местной, ни от центральной администрации. Первая такая канцелярия, возглавляемая князем М. И. Волконским, была создана в июле 1713 года. К исходу десятилетия их насчитывалось уже 13. Среди руководителей канцелярий оказались незаурядные по своим моральным и деловым качествам люди. Например, одну из них возглавлял капитан гвардии Герасим Иванович Коше-

лев, обладавший феноменальной честностью. Позже он был поставлен во главе Подрядной канцелярии, через которую проходили все заключаемые с казной контракты. Возможности получения взяток на такой работе были безграничны, но Кошелев ни разу не поступил против совести и государственных интересов. Так же он вел себя и на посту президента Камер-коллегии — важнейшего финансового ведомства России. Герасим Иванович скончался в августе 1722 года, оставив после себя два рубля семь алтын наличных денег при 864 рублях долга. Хоронить этого бессребреника пришлось на 100 рублей, пожертвованных генерал-прокурором П. И. Ягужинским[203].

Однако майорские канцелярии не сумели противостоять размаху коррупции. Это были временные учреждения во главе с офицерами, которых никто не освобождал от их прямых служебных обязанностей. Канцелярии работали нестабильно, с большими перебоями. Грозные майоры, капитаны и поручики, чередовавшие следственные действия с участием в войне против Швеции, оказались не в состоянии распутать многие хищения «губителей казенного интереса»[204].

В 1715 году Петр I учредил более весомую следственную комиссию под председательством генерала князя Василия Владимировича Долгорукого специально для расследования злоупотреблений русских вельмож. В числе главных обвиняемых находились князь А. Д. Меншиков, генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, начальник Адмиралтейства А. В. Кикин, главный комиссар Адмиралтейства И. А. Синявин, начальник артиллерии Я. В. Брюс и сенатор князь Г. И. Волконский. Меншиков, Апраксин и Брюс отделались выплатой весьма крупных штрафов и были помилованы царем с учетом их больших государственных и военных заслуг; «прочие виновные подверглись строгим карам: их казнили огнем, железом или сослали». Французский дипломат Жак Кампредон отметил, что «благодаря этому злоупотребление и взяточничество хотя и не уничтожены совершенно, но по крайней мере значительно поуменьшились на время хоть вблизи Петербурга»[205].

Шестого февраля 1719 года перед отъездом на во-

ды в Олонец Петр I произнес речь, обращенную к русскому дворянству. «Пора принять меры, — сказал он, — к прекращению дерзости тех, кто осмелились злоупотребить властию, данною мною им как моим наместникам, по управлению областями моей империи, из коих многие, нарушив свои клятвы, попирали ногами мой бедный народ и обогащались на счет его достояния и его крови. А так как несчастный народ этот и без того уже много страдает от того, что вынужден доставлять рекрут, лошадей, деньги и съестные припасы для поддержания моего праведного дела против врага, с которым я уже 18 лет веду войну, и для удовлетворения прочих настоятельных нужд моих, то я и не могу не поспешить к нему на помощь. Поэтому, — продолжал Петр, — я решился учредить суд, в коем мой генерал от инфантерии, Адам Адамович Вейде, который ни разу еще ни в чем не провинился передо мной, будет председателем, а членами — генерал-лейтенанты Бутурлин и Шлиппенбах, генерал-майоры Голицын и Ягужинский и бригадиры Волков и Ушаков. Этот суд произведет точное расследование поступков подозреваемых лиц, список коих я ему вручу, и произнесет приговор над теми, кои окажутся виновными. Я надеюсь, — сказал в заключение царь, — что учреждение этого судилища удержит на будущее время моих слуг в границах их долга и побудит их верно исполнять возложенные на них поручения»[206].

Тем не менее повсеместные служебные злоупотребления продолжались. Кампредон считал сущим бедствием для России мздоимство чиновников, ведающих взиманием казенных податей. «Это настоящие хищные птицы, — образно выразился дипломат, — они только о том и думают, как бы разорить подданных. И они так хорошо достигают этой цели, что какой-нибудь мелкий чиновник, получающий всего 12 р. жалованья и едва имевший носильное платье при поступлении на службу, в какие-нибудь четыре-пять лет успевает выстроить себе каменные палаты в Петербурге, тогда как разоренные его грабительством крестьяне вынуждены бывают покидать свои жилища. Мелкие чиновники находят при этом поддержку в людях с весом, которые делят с ними их беззаконные барыши».

«Могут, конечно, найти странным, — подчеркивал французский дипломат, — что царь, вообще такой заботливый и проницательный, не положит предела подобным злоупотреблениям; но это удивление пройдет, когда узнают, что источники злоупотреблений бесконечно разнообразны и глубину их так же трудно исследовать, как воды океана»[207].

В 1723 году тот же иностранный наблюдатель отмечал, что в Казанской губернии «совершается много мошенничеств, за которые, в 1717 году, бывший тогда казанским губернатором кн. Кольцов-Масальский поплатился головой, несмотря на протекцию участвовавшего в воровстве адмирала Апраксина». А бывший сибирский губернатор князь Матвей Гагарин, казненный в 1721 году, по сведениям Кампредона, «награбил такое огромное количество богатств, что с тех пор и поныне продают одни лишь <его> недвижимые имущества», а непроданных сибирских и китайских товаров остается еще столько, что «ими полны несколько домов. Драгоценных же камней, золота и серебра отобрано, говорят, более чем на три миллиона рублей»[208].

В середине января 1722 года Кампредон сообщил министру иностранных дел Франции Дюбуа: «Все ожидают какого-нибудь трагического события и многие поговаривают втихомолку о кн. Меншикове и гр. Апраксине, злоупотребления коих продолжаются, несмотря на полученные ими выговоры и на грозящую им опасность, по меньшей мере, конфискации их имущества». В конце месяца он писал, что вельможи «продолжают грабить везде, где только могут, несмотря на опасность, которой они подвергаются вследствие этого, ибо им достоверно известно, что государь знает все их проделки»[209].

Услышав в Сенате разбор дел о воровстве, Петр в гневе приказал генерал-прокурору П. И. Ягужинскому:

— Напиши указ, что всякий вор, который украдет на столько, чего веревка стоит, без замедления должен быть повешен!

Прямой и честный Ягужинский осмелился возразить царю:

— Разве ваше величество хотите царствовать один, без слуг и подданных? Мы все воруем, только один больше и приметнее другого[210].

Это подлинная эпитафия попыткам Петра Великого бороться со служебными злоупотреблениями своих приближенных.

Глава девятая

«Без чего жить не можно»

Пиршества и трапезы

Русские пиры начинались с того, что хозяева дома приветствовали прибывших «угощением в почесть», то есть лично подносили им выпивку. «Прежде чем сесть за стол, — отмечал брауншвейгский резидент Х. Ф. Вебер, — сам хозяин или хозяйка, не исключая царя, царицы и всех вельмож, подают на подносе приглашенным чарку водки, а между короткими друзьями хозяйка дарит гостя и поцелуем»[211].

Обеды в доме Меншикова проходили в пышной обстановке, соответствующей характеру светлейшего князя, который, по всей видимости, стремился к психологической компенсации своего низкого происхождения. Предметы сервировки соответствовали требованиям лучших домов Европы. О страсти Александра Даниловича к дорогим сервизам уже говорилось. Помимо них на столах стояли серебряные шандалы на одну свечу, хрустальные и стеклянные кубки, рюмки, штофики, делфтские и китайские фарфоровые тарелки, сухарницы, бульонницы, соусники. Основная часть посуды была приобретена за границей, но некоторые из указанных предметов изготавливались на ямбургских стекольных заводах, принадлежавших самому Меншикову[212].

На обеды в доме князя иногда приглашались иностранные дипломаты. Датский посол Ю. Юль отметил: «Всё у него пышнее, чем у других сановников и бояр, а кушанье приготовлено лучше. Гости сидели за прекрасным серебряным столом. Тем не менее старинные русские обычаи проглядывали во многом». Голштинский камер-юнкер Ф. В. Берхгольц также утверждал, что «нигде в Петербурге так хорошо не обедают, как у князя»[213].

В отличие от своего «сердешного друга Алексашки», Петр I в быту не любил излишеств. Только в торжественных случаях на столе, покрытом камчатной* скатертью, появлялись серебряные блюда, вазы, ножи и вилки. В обычные дни за царским столом пользовались оловянной посудой. «Государь, — считал Петр, — должен отличаться от подданных не щегольством и пышностью, а менее еще роскошью; но неусыпным ношением на себе бремени государственного и попечением о их пользе и облегчении; к тому же таковые убранства только что вяжут меня и отнимают руки»[214]. Умеренность Петра, возведенная в жизненный принцип, могла, как он полагал, оказывать моральное воздействие на окружающих: «Самый способнейший способ к уменьшению пороков есть уменьшение надобностей, то и должен я в том быть примером подданным своим»[215].

Государь не любил присутствия большого количества слуг; когда он обедал дома с Екатериной Алексеевной, ему обычно прислуживали только один из юных пажей и служанка. Если приглашались послы и генералы, подавали и убирали блюда личный повар царя, денщик и два пажа, которые отсылались из столовой, когда очередь доходила до вин и десерта. В беседе с прусским послом Густавом Мардефельдом Петр объяснил: «Наемники, лакеи, при столе смотрят только всякому в рот, подслушивают всё, что за столом говорится, понимают криво и после так же криво пересказывают»[216].

Х. Ф. Вебер ярко описал свои посещения домов русской знати в Петербурге, во время которых он имел случай познакомиться с порядком русского угощения: «...прежде всего подают холодные кушанья: ветчину, колбасы, студень и всякого рода мяса, изготовленные с деревянным (прованским) маслом, луком и чесноком; все эти кушанья остаются на столе с час времени и долее, затем идут супы, жаркое и другие горячие блюда, а уже в третьих подают конфекты»[217].

Наглядное представление о застолье высокопоставленного чиновника дает описание обеда в доме нарв-

* Камка — шелковая одноцветная ткань с текстильными узорами, сочетающая атласное и другие типы переплетений; камчатными тканями называли также лен, хлопок или шерсть с аналогичным эффектом.

ского коменданта К. Н. Зотова — сына знаменитого «князя-папы». Побывавший у него в гостях Юст Юль сообщает в своих записках: «Обед проходил по русскому обычаю следующим образом. Прежде чем мы сели за стол, русские много раз перекрестились и поклонились на образа, висевшие на стене. Стол, накрытый человек на 12, был уставлен кругом блюдами; но блюда стояли возле самых тарелок, так что середина стола оставалась свободною; на этом свободном месте находились уксус, соль, перец и большой стакан с крепким пивом. На блюдах находились лишь холодные соленые яства: ветчина, копченые языки, солонина, селедка, соленья; всё это было очень солоно и сильно приправлено перцем и чесноком. За сею первою переменою последовала другая — из различных жарких. Третья перемена состояла исключительно из супов». Берхгольц также обратил внимание на то, что «холодные кушанья и жаркие по старому русскому обычаю подавались на стол прежде супов». Весьма любопытно описание десерта на обеде у Зотова, состоявшего «из фиников, имбирного варенья, каких-то персидских плодов, соленых огурцов, сырого зеленого гороха в стручках и сырой моркови»[218]. Сладости, которыми лакомились гости у Меншикова, были несравненно более изысканными: «на сахаре тертые лимоны», «конфекты венециянския», мускатный сахар, «смоковицы», финики, изюм[219].

Обед в постные дни состоял главным образом из рыбных блюд. Побывавший в гостях у Ф. М. Апраксина датский посланник отметил: «...на столе ничего не было, кроме рыбы: осетрины, стерляди и других неизвестных в Дании пород, воняющих ворванью. Вдобавок все яства были присыпаны перцем и крошеным луком. В числе других кушаний был суп, сваренный из пива, уксуса, мелко накрошенного лука и перца» Несомненно, «суп» был не чем иным, как окрошкой, и конечно же не на пиве, в пост не употреблявшемся, а на квасе. Не привыкший к рыбным деликатесам датчанин обронил удивительное для современного читателя замечание: «Такого плохого обеда мне еще не доводилось есть». Но другие иностранцы оценивали рыбные блюда по достоинству: «...так как стерлядь, белуга и другая вкусная привозимая

с Волги рыба очень ценна, то русские на своих пирах подают рыбу как роскошнейшее блюдо. Но всякую рыбу готовят они, во время постов, с ореховым маслом»[220].

В постные дни на стол подавались также пироги с горохом, кислая капуста, свекла с постным маслом, гречневая и овсяная каши, лапша из гороховой муки, оладьи, отварные и жареные грибы, хрен, редька, овсяный кисель, овощи. Петр I всем кашам предпочитал перловую, из крупных зерен ячменя, и стремился увеличить потребление перловой крупы среди жителей Петербурга; однако из-за высокой продажной цены она не пользовалась спросом[221].

Грибы как важная часть рациона столичных жителей привлекали особое внимание иностранных наблюдателей. Вебер отмечал: «...в Петербурге много видов различнейших грибов, и они, имеясь любого желаемого сорта, почитаются за изысканный деликатес. Их поедают многими тысячами... Это очень грубая и неудобоваримая еда, однако, поскольку строгие посты запрещают наиболее здоровую и приятную пищу, то русским приходится удовлетворяться такой, помогая пищеварению водкой в качестве обычной для них желудочной эссенции»[222].

Описание обеда в Адмиралтействе, где 14 июня 1720 года угощали членов польского посольства, дает представление о трапезах русских адмиралов и других командиров флота в служебное время. Анонимный автор из числа посольской свиты рассказывал, что «адмирал Апраксин... подчивал нас одними корабельными блюдами, т. е. копченой говядиной, сосисками, окороками, языками, морскими рыбами, а также маслом, сыром, селедками, вареньем, солеными устрицами, лимонами, сладкими апельсинами, осетрами; было несколько блюд раков, но мелкие. Давали пиво и полпиво холодное, так как здесь всюду много льда; на башне в это время играла музыка»[223].

Манеры приглашенных на званые обеды в дома вельмож долгое время поражали иностранцев. Датский дипломат отметил, что гости во дворце Меншикова «напились как свиньи» и, «предвидя это, князь, по весьма распространенному на русских пирах обычаю,

велел устлать полы во всех горницах и залах толстым слоем сена, дабы по уходе пьяных гостей можно было с большим удобством убрать их нечистоты, блевотину и мочу»[224].

Петр I в сопровождении денщиков и слуг нередко посещал дома состоятельных петербуржцев без предупреждения, и на этот случай следовало всегда иметь в запасе немалое количество продовольствия и крепких напитков. Ю. Юль отмечал, что «будучи приглашен к кому-либо или приходя по собственному побуждению, царь обыкновенно сидит до позднего вечера». Расходы петербургских жителей в подобных случаях бывали порой весьма значительны: в апреле 1706 года П. П. Шафиров сообщал в письме Ф. А. Головину, что на два угощения государя и его свиты «изошло ведра четыре» рейнского вина, поскольку «весьма то угодно было». Петр мог явиться не только к ужину, но и к обеду; в таком случае после трапезы он на какое-то время ложился спать, как у себя дома. Например, в «Повседневных записках» Меншикова отмечено, что 5 января 1716 года «после кушанья его величество отчасти изволил покоитца у коменданта Чемесова»[225].

Местом обедов и ужинов царя и его окружения нередко служила гостиница «Австерия» («Остерия»)*, получившая впоследствии название «Австерия четырех фрегатов». Она была построена летом 1703 года в самом центре города — на Троицкой площади у Петровского моста. Это первое в Петербурге предприятие общественного питания завел датчанин из Гамбурга Иоганн Фельтен, ставший вскоре царским кухмейстером. «Австерия» не предназначалась для обслуживания представителей низших сословий; солдаты, матросы, работные люди питались в харчевнях. А на огонек к Фельтену заглядывали чиновники, офицеры, корабельные и парусные мастера, купцы. Многочисленных посетителей привлекали приемлемые цены, широкий выбор приготавливаемых на заказ блюд, высокий уровень обслуживания[226]. Здесь продавали вино, водку, пиво, мед, табак и карты. Царь и вельможи часто заходили сюда среди дня выпить рюмку водки и закусить, а по вечерам порой ус-

*Остерия (ит. *Osteria*) — трактир, харчевня.

траивались шумные застолья. Например, 5 ноября 1704 года после закладки Адмиралтейства Петр и его приближенные, как записано в «Походном журнале», «были в Овстерии и веселились»[227]. После назначения Фельтена в конце 1704 года царским кухмейстером его заведение стало пользоваться еще большей популярностью. В нем «каждую пятницу при желании сходились знатнейшие господа и офицеры, русские и немцы». За угощение они платили Фельтену по дукату, и «порой в день набиралось 30, 40 и более дукатов»[228].

В этом заведении Петр I часто отмечал новогодние и другие праздники. Так, 2 января 1716 года государь и Меншиков в шесть часов пополудни «отъехали в австерию, где были господа генералы, сенаторы и министры и другие знатные особы и чюжестранных дворов резиденты и посланники. И отчасти веселясь, в 7-м часу зажгли феэрверк, на котором написано было "виктория", в середине ветвь и другие фигуры. По созжении оного пускали довольно ракет и бомб; по окончании оного, паки быв мало в австерии, разъехались по домам»[229]. Еженедельные собрания в заведении Фельтена явились в какой-то мере предтечей знаменитых ассамблей, которые начали проводиться в Петербурге с 27 ноября 1718 года.

Испокон веков и до наших дней пиры на Руси не ограничивались простым употреблением пищи. Их важное значение в русской жизни отметил наблюдательный и практичный Юст Юль: «В России пиры и обеды — самые удобные случаи для улаживания дел: тут, за стаканом вина, обсуждаются и решаются все вопросы»[230].

Следует особо остановиться на окружении Петра I, присутствовавшем при его трапезах и пирах. И. Г. Корб уже в 1699 году отметил стремление молодого царя отказаться от старомосковских обычаев русских государей обедать в гордом одиночестве. «Прежние цари, — подчеркивает австрийский дипломат, — строже наблюдали дворские обычаи: они, никого не допуская к своему столу, одни обедали и только для изъявления особенной милости некоторым боярам обыкновенно посылали им некоторые кушанья со своего стола. Но нынешний царь считает немалой обидой для царей ли-

шать их приятности общества с частными людьми. Он говорит: "С какой стати одних только царей подчинять варварскому, бесчеловечному закону: ни с кем не быть в сношениях!" Поэтому, часто отступая от правил гордости, царь обедает не один, но кушает и беседует со своими советниками, с немецкими офицерами, с купцами и даже с посланниками иностранных государей. Это весьма не нравится московитянам, но и они, хотя их лбы частенько-таки невольно морщатся, подражают царю и с умилением в лице беседуют со своими сотоварищами, так как они должны повиноваться царю»[231].

Дороги, экипажи, кони

Главными транспортными магистралями России в петровское время (как, впрочем, и раньше) являлись реки. Их общая протяженность составляла более ста тысяч верст, и почти треть из них были судоходными. При Петре I было начато строительство первых каналов в России, однако при жизни царя-реформатора удалось завершить лишь один его замысел — устройство Вышневолоцкого водного пути, связывавшего Балтийское побережье с бассейном Волги[232].

Петр I предпочитал, насколько возможно, передвигаться по воде. Из Петербурга он доплывал по Финскому заливу на яхтах или шнявах до Нарвы и Дерпта, из Дерпта по Чудскому озеру добирался до Олонецкой верфи. В июне 1705 года государь спустился по Западной Двине от Витебска до Полоцка, в мае 1706-го прошел по реке Великой «от Гдова до Пскова водяным путем на шхутах*», а затем проплыл вниз по Днепру от Смоленска до Орши. В конце того же месяца и в начале следующего он добрался по Десне от Чернигова до Киева[233]. С 19 по 22 октября 1707 года Петр проделал путь от Великих Лук через Новгород до Старой Ладоги «рекою Ловотью (Ловатью. — *В.Н.*), водяным путем»[234]. От Воронежа царь многократно совершал плавания до Азова. Перемеще-

* Шхута (шкута, шкут, шхоут, шкоут, голл. *shoot*, нем. *Shute*, фин. *kuutti*, англ. *schuyte*, дат. *skude*) — небольшое двухмачтовое военное, грузовое или рыболовецкое судно, применялось преимущественно для каботажных плаваний.

ние по водным путям осуществлялось гораздо быстрее, чем посуху, по привычному российскому бездорожью. Кроме того, такие путешествия соответствовали пристрастию государя к воде.

Да и сухопутные дороги были связаны с водными путями. В зимнее время передвижение на санях зачастую осуществлялось по руслу замерзших рек.

Транспортным центром была Москва, из которой начиналось несколько больших трактов: на Ярославль, Вологду и Холмогоры к Архангельску (ее ответвление шло от Ярославля на восток через Соль Вычегодскую на Урал и в Сибирь); на Владимир и Нижний Новгород вдоль Волги к Астрахани; на Коломну к Рязани; на Серпухов, Тулу и Курск, далее на юг; на Калугу к Киеву; на Волоколамск и Ржев; на Можайск и Вязьму к Смоленску; на Тверь к Новгороду; на Дмитров и Кашин к Устюжне[235].

С первого десятилетия XVIII века особое значение приобрела дорога из Москвы через Тверь и Новгород в Петербург. В петровское царствование она интенсивно строилась и постоянно ремонтировалась. Прямого пути от Новгорода к Петербургу не было, поэтому в конце 1705 года Петр I направил для геодезических измерений и проектирования дороги преподавателей Навигацкой школы шотландских математиков А. Д. Фарварсона и С. Гвина. Через несколько лет они проложили на карте совершенно прямую трассу между старой и новой столицами. По замыслу Петра I Московско-Петербургская дорога должна была иметь твердое покрытие в виде сплошного бревенчатого настила, на который укладывалась глина. Однако от частых дождей дорожный грунт то и дело превращался в непролазную грязь[236].

На дальние расстояния обычно ездили на ямских лошадях. Х. Ф. Вебер описал свои впечатления от ямщиков: «Возящие проезжих почтальоны или извозчики носят... крестьянскую одежду и вместо почтового рожка очень звонко свищут губами; этим же свистом подгоняют они лошадей и поворачивают с дороги встречных проезжих. Приезжая на следующую станцию, они поднимают громкий крик перед станционным домом и кричат: "давай!", т. е. давай лошадей, до тех пор, пока не запрягут новых лошадей и не поедут далее. Они гонят

лошадей всегда в галоп, чуть только позволяет дорога, хотя седоки и не требуют этого»[237].

По данным Юста Юля, в конце 1709 года на дороге от Петербурга до Москвы при расстоянии в 742 версты было девять ямских станций. Наибольшее расстояние (170 верст) составлял путь от столицы до Новгорода, самым коротким (20 верст) был перегон от Новгорода до Бронницы[238]. Шестью годами позже Вебер насчитал на этой дороге уже 24 почтовые станции на расстоянии четырех-пяти миль друг от друга (немецкая миля была равна семи верстам). Дипломат отметил: «...на каждой станции стоят 20 и более почтовых лошадей, содержимых особыми, приставленными для того крестьянами, кои, получая ничтожные почтовые деньги с проезжающих, освобождаются от всех других повинностей и служат только для провоза проезжающих. Такое удобство и дешевизна езды очень облегчают двор и купцов в их путешествиях между Петербургом, Москвою и Архангельском, которые иначе совершались бы с великими трудностями»[239].

В официальных документах петровского времени упоминаются ямские и почтовые лошади. Голштинский камер-юнкер Берхгольц поясняет разницу: «...с первыми нужно ехать три и четыре станции, тогда как последние меняются на каждой станции». Он же приводит расценки за услуги ямщиков: от Петербурга до Новгорода положено было платить «по полкопейки за каждую лошадь и каждую версту, от Новгорода же до Москвы только по три копейки за каждые 10 верст, следовательно почти вдвое менее». При переезде двора герцога Карла Фридриха из Петербурга в Москву расходы на прогоны составили 75 рублей. За день Берхгольц и его спутники, обремененные обозом, проезжали по 35—40 верст и потратили на дорогу 19 дней; в то же время герцог, ехавший налегке, добрался до Москвы за четыре дня[240].

Петр I передвигался с невероятной быстротой, зачастую продолжая путь ночью, поэтому мог добраться от Петербурга до Москвы за трое суток. Таким же образом он преодолевал и гораздо большие расстояния. В конце декабря 1705 года английский посланник Ч. Уитворт отметил, что Петр проделал путь от Гродно до Москвы

за пять дней, проехав не менее 800 миль. Дипломат поясняет: «...он день и ночь ехал в санях, лежа (по здешнему обычаю), менял лошадей через каждые пять миль, без малейшей потери времени, и затем гнал от станции до станции с возможной скоростью»[241]. Уитворт всё же несколько преувеличил скорость передвижения царя; согласно Походному журналу, тот ехал от Гродно до Москвы 12 дней[242].

Петр любил безостановочную езду, но в то же время имел все условия для отдыха в случае остановок. Юль отмечает, что «по всей России на ямах и между ямами, где по дальности расстояния приходится кормить лошадей, царь выстроил для себя особенные дома. В каждом он содержит дворецкого, обязанного смотреть за порядком в доме, а также иметь в погребе пиво и небольшое количество съестных припасов, чтобы царю во время быстрых переездов его по России, предпринимаемых для неожиданной ревизии губернаторов и комендантов, было что есть и что пить и где приютиться»[243].

Датский посланник обратил внимание на примечательный факт, касающийся передвижений Петра I по стране. «Любопытно, — пишет он, — что, путешествуя по России, царь ввиду малочисленности своей свиты ездит не в качестве царя, а в качестве генерал-лейтенанта и на этот конец берет у князя Меншикова особую подорожную. Так как по всей России приказания князя исполняются наравне с царскими, то с этою подорожной царь едет и день и ночь без малейшей задержки»[244].

Основными средствами передвижения в зимнее время являлись сани и возки. У выездных саней (пошевней)* полозья загибались спереди так, что представляли собой полукруг. Кузов имел высокие заднюю и переднюю части и пониженную среднюю, в нем устанавливались две скамейки — на одной размещались пассажиры, на другой — ездовой. Для дальних поездок использовались небольшие сани с полузакрытой задней частью кузова; пассажир в них лежал, прикрываясь сверху меховой или войлочной полостью[245]. Голландский путешественник Корнелий де Бруин описывает русское средс-

* Пошевни (ошевни, обшевни) — широкие сани с кузовом, обшитым лубом или тесом.

тво передвижения: «Сани эти делаются так, что один человек может удобно улечься в них. Нужно иметь также свою постель, шубы и добрые одеяла, чтобы защититься от сильного холода. Задок саней покрывают рогожей, а всё остальное обивают сукном или кожею. Сверху сани покрываются мехом или кожей, подбитой сукном, или одной кожей для защиты себя от дождя и снега». Юст Юль на себе испытал комфорт этого транспортного средства: «...в санях, несмотря ни на какой холод и мороз, мне лежалось так хорошо и тепло, что когда по моему приказанию их закрывали со всех сторон, я скорее мог пожаловаться на жару, чем на холод. У каждого из моих людей были тоже свои отдельные сани, снабженные, как следует, покрывалами и полостями, так что нельзя было путешествовать удобнее»[246].

Датский дипломат приводит короткую зарисовку отбытия царя из Нарвы в Петербург 21 ноября (2 декабря) 1709 года: «В 10 часов вечера царь выехал из Нарвы при орудийном салюте с вала... Лица царской свиты, все пьяные, улеглись каждый в свои сани. За городом, при громе орудий, лошади их помчались по разным направлениям, одни туда, другие сюда»[247].

Для переездов на большие расстояния в зимнее время использовался возок, представлявший собой стоящую на полозьях «комнатку» с маленькими окошечками и широкими дверями, обогревавшуюся жаровнями. Внутри возков размещались стол и лавки[248]. 8 декабря 1721 года императрица Екатерина Алексеевна подарила такой экипаж герцогу Карлу Фридриху. Берхгольц отмечает, что это были «большие двухместные, превосходно сделанные дорожные сани, очень удобные для путешествия и устроенные как карета (с окнами по обеим сторонам), так что могут вместить в себя и хороший запас съестного. Но здешних маленьких почтовых лошадей для них нужно не менее шести или восьми»[249].

Летом в России, как и на Западе, представители высшего сословия ездили в основном в каретах. Разновидностью этого типа экипажей являлись колымаги — большие двух- и четырехместные кареты с кузовом прямоугольной формы. У карет первой четверти XVIII века кузов обычно суживался книзу, передняя и задняя

стенки были изогнуты в нижней части. В верхней части передней и боковых стенок и дверей были окна с зеркальными стеклами. Задние колеса были больше передних. Так выглядела, например, четырехместная карета, принадлежавшая герцогу Гольштейн-Готторпскому[250]. В петровское время существовали также полукаретья — экипажи с раздвижным кузовом, что было удобно для путешествий в летнюю жару.

У Петра I имелась коляска облегченной конструкции с откидным верхом. Подвеска кузова в ней была осуществлена с помощью широких и толстых ремней, заменявших рессоры[251]. В начале XVIII века коленчатые рессоры (пружины) появились в конструкции западноевропейских и отечественных карет, однако для такого легкого экипажа они не требовались. Но любимым средством передвижения Петра в летнее время являлся легкий двухколесный экипаж. Г. Ф. Бассевич отмечал, что царь обычно «ездил по городу в одноколке, имея одного денщика рядом с собою, другого следовавшего позади верхом»[252]. Я. Я. Штелин также утверждал, что Петр «никогда не ездил в карете или в коляске, но всегда в одноколке, в которой по нужде могли сидеть двое. Во время его царствования находились в придворной конюшне только две четвероместные кареты для императрицы и императорской фамилии да еще у князя Меншикова две старинные парадные кареты»[253]. Ф. В. Берхгольц писал: «...бедный император не имеет своего собственного цуга; он всегда ездит на плохой паре и в кабриолете под стать лошадям, в каком даже не всякий из здешних граждан решился бы ехать». Однако современная исследовательница О. Г. Агеева утверждает, что у Петра имелся собственный выезд, которым еще с 1690-х годов ведал глава его конюшни С. Алабердеев[254].

Действительно, в источниках отмечено несколько торжественных случаев, когда государь выезжал в роскошных экипажах. Например, во время свадьбы Ивана Федоровича Головина и Анны Борисовны Шереметевой 16(28) декабря 1702 года Петр ехал «в отличной голландской карете, с шестернею лошадей, серых с яблоками»[255]. Однако подобные эпизоды происходили крайне редко, обычно же царь предпочитал легкие

и простые средства передвижения. Этим он отличался от своих соратников и других представителей знати, для которых великолепие выезда являлось вопросом престижа. Юль отмечал, что «в Москве люди, которым дозволяет состояние, всегда ездят шестериком: впереди едут верхом 4—6 человек прислуги». По его словам, то же происходило и в Петербурге: «всякий, кому позволяют средства, ездит здесь шестериком. Ездит так не только генерал-адмирал (Ф. М. Апраксин. — *В. Н.*), но и генерал-майор Брюс, и обер- и унтер-коменданты, притом по самому городу, когда иной раз им не приходится проехать и ста шагов»[256].

Барон Генрих фон Гюйссен составил описание торжественного въезда в Москву Б. П. Шереметева в ноябре 1708 года после взятия Яма и Копорья: «Вначале генерал-фельдмаршал Шереметев в санях пространных с дышлом о шти (шести. — *В. Н.*) возниках (то есть упряжных лошадях. — *В. Н.*) в бронях немецких, на которых шоры зело пребогатыя и изрядныя были. Перед ним ехали в убранстве французском дворовые его походные люди 30 человек и конюшей его верхами. И прежде тех дворовых людей ведены его ж, фельдмаршала, три лошади простыя (без всадников. — *В. Н.*) во всём конском немецком изрядном наряде, а за теми простыми лошадьми его ж, фельдмаршала, сани походныя везены шестернею»[257].

Каждый петровский вельможа имел несколько экипажей на все случаи жизни. Так, в 1718 году в «анбаре» адмиралтейского советника А. В. Кикина на Коростынском погосте Новгородского уезда стояли «каляска отметная на дрогах, обита кожею, с покрышкою, гвозди железные, а в ней подбито стамедом васильковым; другая каляска на дрогах отметная, крыта кожею, в ней подбито пестрою крашениною, бес калес, назади кожа прошибина; третья каляска на дрогах лубеная, верх холстиной черной, в ней подбито крашениною пестрою; четвертая каляска на дрогах лубеная, верх парусной черной, в ней подбито пестрою крашениною». На дворе барона П. П. Шафирова в Ломовской слободе Пензенского уезда в 1723 году имелись «4 коляски с крышками, кожи черные, волчки крыты кожами, что ез-

дят зимою; однаколка, обита сукном на ремнях; 7 телег, ящиков с колесы»[258].

Разумеется, для выездов использовались самые красивые кони. Выше речь уже шла о том, как гордился своими чубарыми, чалыми и гнедыми фельдмаршал Б. П. Шереметев. Секретарь австрийского посольства И. Г. Корб отмечал: «...у московитян в цене лошади большие и видные. Они охотники до арабских и альтенбургских лошадей*; но и Московия производит лошадей особенно замечательных по их быстроте; лошадей этих называют бахматами**»[259].

Однако в то время даже знатным людям приходилось много ездить верхом, особенно на войне. По свидетельству Берхгольца, Петр I предпочитал ездить на маленьких верховых лошадях, на которых было удобнее садиться[260]. Но любимая лошадь государя по кличке Лизетт*** была персидской породы, высоко ценившейся в России. Петр увидел ее в военном лагере под Ригой в ноябре 1709 года и тут же приобрел, отдав за нее 100 голландских червонцев и свою прежнюю лошадь. С той поры он редко расставался с Лизетт, которая оказалась на редкость выносливой — могла пробежать в день до полутораста верст «без всякого при том себе вреда и надсады». Лошадь носила своего венценосного всадника во время Полтавской битвы (1709) и в Прутском походе (1711). Лизетт, преданно любившая его, иногда, соскучившись, убегала из стойла и сама разыскивала своего хозяина. Если же откладывалась намеченная поездка и лошадь, уже оседланную, уводили обратно в конюшню, она, «как бы будучи тем обижена, потупляла вниз голову и казалась печальною до такой степени, что слезы из глаз ея выкатывались».

Государь приказал поставить любимицу на пожиз-

* Альтенбург — район в Тюрингии, ничем не примечательный с точки зрения коневодства. Возможно, автор имел в виду породу, выведенную в XVII веке в нижнесаксонском Ольденбурге. Крупные (высотой 1,68 —1,78 метра) ольденбургские лошади чаще всего использовались как упряжные, в том числе для торжественных церемоний.

** Согласно словарю В. И. Даля, бахмат (*ст.-мат.*) — малорослая, крепкая лошаденка.

*** Петру I явно нравилось это имя. Свою дочь, родившуюся спустя месяц после приобретения лошади, он назвал Елизаветой; одна из его собак носила кличку Лизетта.

ненное довольствие, а после ее смерти сделать из нее чучело, которое выставлялось в Кунсткамере в полном убранстве: под седлом и чепраком из темно-зеленого бархата с золотой вышивкой и бахромой, с низко висящими, приспособленными к росту венценосного всадника, стременами. Ныне чучело Лизетт находится в Санкт-Петербургском зоологическом музее Российской академии наук.

Глава десятая

«Смехом искореняя пороки»

Юмор Петра I

Шутки царя, особенно в его молодом возрасте, отличались грубостью и содержали издевательства над достоинством близких ему людей. В октябре 1698 года на обеде в австрийском посольстве государь предпринял нападение на Федора Алексеевича Головина, который испытывал «врожденное отвращение к салату и уксусу». По свидетельству секретаря австрийского посольства И. Г. Корба, полковник Иван Чемберс «по царскому повелению схватил сего боярина и крепко держал, а царь наполнял в это время ноздри и рот Головина салатом и уксусом, пока тот не закашлялся так, что у него бросилась из носу кровь»[261].

Своеобразным проявлением юмора Петра I были так называемые потешные пожары. Обычно их устраивали по инициативе царя «веселия ради» в первый и последний дни апреля. 30 апреля 1718 года был организован «обманный пожар» на Конюшенном дворе[262]. Ровно пятью годами позже свидетелем подобного развлечения стал голштинский камер-юнкер Ф. В. Берхгольц, отметивший в своем дневнике: «После полуночи мы увидели позади императорского сада большое пламя и в то же время услышали колокольный звон, бой барабанов и усердную трескотню, производимую на улицах трещотками ночных сторожей. Почти весь город пришел в движение, и вдруг оказалось, что огонь этот развели нарочно, чтоб подшутить над многими тысячами жи-

телей по случаю последнего дня апреля. Когда они сбежались на мнимый пожар, вокруг огня уже расставлены были часовые, которым велено было говорить всем, что это последнее апреля. Но так как никто не хотел показать другим, что попался на удочку, то толпы спешили за толпами, желая взглянуть на опустошительное действие огня. Всё это немало потешало императора. Он, говорят, ежегодно об эту пору придумывает что-нибудь подобное»[263].

Забавы государя зачастую были сопряжены с риском для здоровья и жизни окружавших его лиц. Так, в январе 1710 года Петр устроил катания по Немецкой слободе, ярко описанные Юстом Юлем: «Он велел привязать друг к другу 50 с лишком не запряженных саней и лишь в передние, в которых сидел сам, приказал запрячь десять лошадей; в остальных санях разместились важнейшие русские сановники. Забавно было видеть, как, огибая угловые дома, сани раскатывались и то тот, то другой седок опрокидывался. Едва успеют подобрать упавших, как у следующего углового дома опять вывалятся человек десять, двенадцать, а то и больше»[264].

Царь веселился, наблюдая свары приближенных. 31 августа 1710 года во время большого обеда в доме князя Меншикова глава Всешутейшего собора Никита Моисеевич Зотов, сидевший на почетном месте, попросил Петра подарить ему в Ингерманландии маленькое поместье, на что тот изъявил согласие. Но Меншиков резко спросил у Зотова, как ему пришло в голову выпрашивать у государя поместье в герцогстве, принадлежащем ему, светлейшему князю. Свидетель происшествия Юст Юль рассказывает: «...в ответ на это патриарх, рассердившись, крупно выругал князя, сказав, что он обкрадывает своего господина, как вор, пользуется своею долею во всех его доходах и все же остается обманщиком; что он завидует лицам, которым царь оказывает какую-либо милость, хотя нередко лица эти являются более старыми и верными слугами царя, чем он сам». Разошедшийся старик начал приводить примеры двоедушия, мошенничества, высокомерия, алчности и других пороков светлейшего. Петр делал вид, что желает помирить ссорящихся и прекратить их перебранку,

но в действительности ситуация явно забавляла его и доставляла удовольствие. На следующий день во время плавания по Неве из Шлиссельбурга в Петербург опомнившийся Зотов выразил царю свои опасения, как бы всесильный Меншиков не отомстил ему. Петр ответил: «Не бойся!»

Через несколько дней злопамятный Меншиков явился к царю и с плачем стал жаловаться на Зотова, который осрамил его в присутствии многих генералов и министров. Он настойчиво требовал удовлетворения. Петр отвечал, что не стоит обращать внимания на речи пьяного старика; однако светлейший князь не отставал. Тогда царь решил довести эту ситуацию до абсурда и отправился к Зотову, чтобы его напугать. «Ты нехорошо сделал, — сказал ему Петр, — что так выругал князя. Теперь князь просит над тобой суда и наказания и настаивает на том, чтобы тебя повесили». Старик оторопел. Тогда царь предложил свое посредничество между участниками ссоры и обещал примирить их на следующих условиях: Никита Моисеевич напишет Меншикову письмо, в котором попросит у него прощения и удостоверит, что князь — честный, верный и добрый слуга своему государю, а сам он, Зотов, — мошенник, вор и обманщик. Светлейший был удовлетворен, расцеловался со своим обидчиком, и они снова стали добрыми приятелями[265].

Петр I часто смешивал забавы и серьезные дела. Он сделал предметом насмешки даже самодержавную власть, назначив князя Федора Юрьевича Ромодановского князем-кесарем, то есть шутовским императором. При этом сам царь выказывал ему всяческое почтение и изображал перед ним верного подданного, целуя ему руки и оказывая другие знаки внимания. Порой трудно было понять, где кончаются шутки и начинаются государственные дела. Например, князь-кесарь производил Петра в военные и военно-морские чины за победы, одержанные над шведами, и в этом не было ничего смешного: царь демонстрировал своим подданным, что он служит отечеству точно так же, как они.

В то же время такое вполне серьезное мероприятие, как возвращение из-за границы великих послов, со-

стоявшееся 19 октября 1698 года, было обставлено с большой долей юмора. Этот эпизод красочно описан в дневнике Корба: «Двое царских полномочных, генерал Лефорт и боярин Головин, ездившие в последнее время послами к императорскому двору, въехали сегодня в Москву с той же самой церемонией, с какой въезжали они в Вену. Собрано столько карет, запряженных шестериками, сколько можно было лишь найти, чтобы увеличить великолепие поезда. Сам царь не считал для себя унизительным присоединиться к сопровождавшим послов. Вся процессия направилась к городскому дворцу князя Федора Юрьевича Ромодановского, на время сей церемонии назначенного царским наместником. Младший Лефорт (Пьер, племянник Франца Лефорта, кавалер в составе Великого посольства. — *В. Н.*) в должности секретаря посольства нес какую-то верительную грамоту, которую и вручил князю Ромодановскому с насмешливой и мнимой важностью; та грамота, вероятно, была от короля Утопии, так как вся эта комедия заключилась насмешкой, когда вместо подарка поднесли князю обезьяну»[266].

Солдатский юмор Петра I с нередким обыгрыванием неприличных слов и выражений отчетливо выражен в его переписке. В качестве примера приведем письмо княгине Анастасии Петровне Голицыной, отправленное 9 апреля 1711 года с дороги во время Прутского похода: «Вселюбезнейшая моя дщерь княгиня светлейшая Настасья Петровна. Здравствуй на многия лета. А мы здесь здоровы. О здешних ведомостях объявляю, что турки конечно на войну идут и везирь знак свой именуемый туй а по русски х... выставил, что конечной походу их знак, чего для к осени и ты против оного х... с щитом своим готовься во сретение противным. *Piter*»[267].

Надо заметить, что при всем том государю не был чужд и тонкий политический юмор. Например, французский консул Анри Лави сообщил 20 января 1719 года министру иностранных дел Франции Гийому Дюбуа: «Несколько времени тому назад царь пил за здоровье шведского короля. Один из его любимцев спросил его, зачем он пьет за здоровье своего врага, на что Его Ве-

личество ответил, что тут его собственный интерес, так как покуда король жив, он постоянно будет ссориться со всеми»[268].

Придворные шуты

Петр с детства привык к шутам и карликам, являвшимся неотъемлемой частью придворного быта. Шутами зачастую становились выходцы из верхушки русского общества. Разумеется, это были отнюдь не самые умные, даровитые и трудолюбивые представители боярства. В выборе шутовской должности ими руководило стремление получать жалованье за дурачества, обжорство, пьянство и другие приятные для многих людей занятия. А работы, по существу, никакой — только изобретай побольше глупостей и старайся выглядеть посмешнее. Но среди царских шутов были и люди умные, образованные, мало в чем уступающие известному персонажу романов Александра Дюма «Графиня де Монсоро» и «Сорок пять» Шико — типичному порождению западноевропейского придворного быта. Такие шуты славились умением под видом скоморошества говорить монархам не всегда приятную правду. Вероятно, подобные «дураки» новой генерации впервые появились при русском дворе со времен царя Алексея Михайловича, не чуждого европейским веяниям. Такие шуты были и у Петра Великого.

Один из них — князь Юрий Федорович Шаховской. Он не был штатным шутом, занимал достаточно важные государственные посты. Будучи царским стольником, он исполнял поручения в сфере ведения Монастырского приказа под началом боярина И. А. Мусина-Пушкина. А в штате ингерманландского (с 1710 года — санкт-петербургского) губернатора А. Д. Меншикова он носил высокий титул ближнего боярина[269]. Но на частых пирах, маскарадах и кутежах Петра он играл роль шута. По отзыву князя Б. И. Куракина, Шаховской «был ума немалого и читатель книг, токмо самый злой сосуд и пьяный, и всем злодейство делал с первого до последнего. И то делал, что проведовал за всеми министры их дел и потом за столом при Его Величестве явно

из них каждого лаевал и попрекал всеми теми их делами, чрез который канал Его Величество всё ведал»[270].

Заметной фигурой в шутовском окружении Петра I являлся Вимени или, как его еще называли, Выменка. Настоящее имя этого выходца из Франции осталось неизвестным. Он был зачислен в придворный штат специально на должность шута и получил от государя шутовской титул «кардинала и принца де Вимене, короля Самоедского». Его прозвище возникло из выражения «вы меня» — любимого присловья потешного «принца», искаженного иностранным акцентом[271]. Вимени происходил из знатного французского рода и за резкие суждения много лет провел в Бастилии, отчего на него временами находило помешательство. По словам иностранных послов, он много путешествовал, обладал обширнейшими познаниями и порой разговаривал так разумно, что его речь, демонстрировавшая тонкую наблюдательность, по занимательности не уступала беседе самого умного человека. Царю он нравился своими идеями, то сумасбродными, то благоразумными[272]. Петр ценил его очень высоко, о чем свидетельствует одно происшествие. В 1709 году во время пребывания в Польше царь вызвал к себе Вимени, но шут куда-то пропал по дороге. Тогда Петр велел взять под караул бургомистров и иезуитов в том городе, где исчез его любимец, и пригрозил, что сожжет католический монастырь и дома бургомистров, если те не отдадут шута[273]. К счастью для поляков, Вимени вскоре нашелся сам.

По сведениям брауншвейгского резидента Х. Ф. Вебера, Вимени «ежемесячно получал по десяти рублей жалованья, вместе с готовым столом и напитками и жил постоянно в Петербурге, потому что он в то же время был устроителем разных увеселений». «Самоедский король» Вимени был коронован в Москве, и «ему присягали 24 самоеда, нарочно для того выписанные из их земли, вместе с таким же числом оленей»[274].

Вимени умер от перепоя во время святочного славления в январе 1710 года. Его похороны были великолепны и в то же время не лишены шутовского оттенка. Петр I, князь А. Д. Меншиков, генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, его брат казанский генерал-губернатор

П. М. Апраксин, канцлер граф Г. И. Головкин, вице-канцлер П. П. Шафиров и другие важные лица, одетые в черные плащи, провожали покойного, сидя на самоедских санях, запряженных северными оленями и с самоедами на запятках. Покойник был отвезен в католический храм в Немецкой слободе, где его отпевал иезуит. «Трудно описать, — отметил Юст Юль, — до чего смешон был этот похоронный поезд как на пути в церковь, так и по дороге обратно»[275].

К числу любимых шутов Петра I относился португалец Ян Д'Акоста, который в источниках чаще именуется Лакоста. По мнению большинства современников, он происходил из семьи португальских крещеных евреев. Французский консул Анри Лави пишет, что он «родился в Сале в Берберии от родителей-испанцев»[276]. Сале, находящийся ныне на территории Марокко, в то время был большим западноафриканским портом. Неудивительно, что молодость Лакосты прошла на морском берегу. С морем связан один из анекдотов о жизни шута. Когда Лакоста отправлялся на судне в Россию, кто-то из провожающих спросил его:

— Как не боишься ты садиться на корабль, зная, что твой отец, дед и прадед погибли в море?

— А твои предки каким образом умерли? — задал встречный вопрос Лакоста.

— Преставились блаженною кончиною в постелях.

— Так как же ты, друг мой, не боишься еженощно ложиться в постель? — изобразил удивление Лакоста[277].

Лави сообщает, что Лакоста был привезен в Россию в 1717 году гамбургским резидентом Петра I. В ту пору будущему шуту было уже около пятидесяти лет. Французский консул отметил, что он «говорит на нескольких европейских языках», «пользуется большою милостию и сопровождает царя повсюду; он большой говорун и часто острит, чтобы позабавить царя»[278].

Петр I выделял Лакосту из свиты своих шутов и, как полагают исследователи, назначил его главным в ней. С ним царь мог даже вести юмористические дискуссии, в том числе на богословские темы. Один такой случай отражен в дневнике голштинского камер-юнкера Берхгольца: «Я услышал спор между монархом и его шутом

Ла-Костой, который обыкновенно оживляет общество... Дело было вот в чем. Ла-Коста говорил, что в Св. Писании сказано, что "многие приидут от Востока и Запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом"; царь опровергал его и спрашивал, где это сказано. Тот отвечал: в Библии. Государь сам тотчас побежал за Библиею и вскоре возвратился с огромною книгою, которую приказал взять у духовных, требуя, чтобы Ла-Коста отыскал ему то место; шут отзывался, что не знает, где именно находятся эти слова, но что может уверить его величество, что они написаны в Библии. "Всё вздор, там нет этого", — отвечал Петр по-голландски». Продолжения дискуссии Берхгольц не слышал, поскольку отвлекся на проходивших мимо царицу и царевен. Но он все-таки поинтересовался этим вопросом у знатоков Священного Писания. «Меня уверяли, — писал камер-юнкер, — что Ла-Коста прав, что приведенные им слова действительно находятся в Библии, именно у Матфея, гл. 8, ст. 11 и 12»[279].

Народные предания превратили в любимого шута Петра Великого Ивана Алексеевича Балакирева, однако это не совсем соответствует истине. Официально шутом он стал намного позже, в царствование Анны Иоанновны. Иван Алексеевич принадлежал к костромской ветви старинного дворянского рода Балакиревых. В 1715 году, шестнадцати лет от роду, он был представлен в Петербурге Петру I, зачислившему его солдатом в Преображенский полк и велевшему начать обучение инженерному делу. Через четыре года Балакирев был взят во дворец для домашних «послуг» и служил при государыне Екатерине Алексеевне в числе «ездовых гренадеров», исполнявших роль царского эскорта[280]. Этот придворный служитель отличался остроумием и веселым нравом, поэтому вполне мог время от времени забавлять Петра своими выходками, зная, что государь относится к подобным вещам с большим одобрением. Множество шуток Балакирева сохранилось в исторических преданиях. Разумеется, по большей части это анекдоты более позднего происхождения, но не исключено, что часть рассказов имеет под собой какую-то реальную основу. Некоторые его шутки были направлены даже на всесильного Меншикова.

Однажды Петр I по своему обыкновению «поучил» Александра Даниловича дубинкой. Вскоре в собрании при дворе Балакирев подошел к светлейшему князю с вопросом:

— Ты, Данилыч, да я, так много ли нас стало?

— Разумеется, дурак, двое.

— Ан вот и ошибся. Вспомни пословицу: за одного битого двух небитых дают. Тебя Алексеич поколотил — ан ты и стал за двоих, да я, дурак, третий!

Меншиков замахнулся и хотел ударить Балакирева, но тот успел убежать.

В другой раз Балакирев под видом шутки раскрыл Петру I какие-то злоупотребления светлейшего, в результате чего тому досталось. Он при встрече начал ругать острослова.

— Что ж ты, князь Данилыч, сердишься? — смело парировал Балакирев. — Ведь я сказал царю правду.

— Я отомщу тебе, негодный! — в ярости вскричал Меншиков. — Если бы ты даже умер, то костей твоих не оставлю в покое!

Балакирев немедля написал прошение царю, умоляя его подарить ему известную государеву дубинку, которая нередко прохаживалась по спине Александра Даниловича. Это прошение было подано в собрании множества вельмож, среди которых был и Меншиков.

— На что тебе моя палка? — спросил Петр.

— Велю, Алексеич, положить ее с собою в гроб.

— Для чего же это?

— А вот грозится Данилыч не оставить и костей моих в покое. Так авось тогда уймется!

Больше Меншиков не угрожал Балакиреву, опасаясь гнева государя[281].

Шаховской, Вимени, Лакоста и Балакирев являлись, судя по всему, исключениями в шутовском окружении Петра. Основная масса штатных «дураков», скорее всего, в самом деле не отличалась развитым интеллектом. Ю. Юль замечает: «Было при нем несколько бояр и князей, которых он держит в качестве шутов. Они орали, кричали, дудели, свистали, пели и курили в той самой комнате, где находился царь. Он оставлял без внимания их крики и шум, хотя нередко они обращались прямо к

нему и кричали ему в уши»[282]. Позже датский посланник записал в своем дневнике, что в окружении царя «попойка шла под оранье, крик, свист и пение шутов, которых называли на смех патриархами. В числе их были и два шута-заики, которых царь возил с собою для развлечения; они были весьма забавны, когда в разговоре друг с другом заикались, запинались и никак не могли высказать друг другу свои мысли»[283]. Упоминание о «патриархах» свидетельствует о том, что речь шла о членах Всешутейшего и всепьянейшего собора — интереснейшей организации петровского царствования, достойной отдельного рассказа.

Во время неожиданных визитов Петра I в дома вельмож шуты неотступно его сопровождали. Юль свидетельствует: «...так называемые князья вели себя без стыда и совести: кричали, галдели, гоготали, блевали, плевали, бранились и даже осмеливались плевать в лицо порядочным людям»[284]. Даже такое важное мероприятие, как поднятие форштевня на пятидесятипушечном военном корабле, не обошлось без пьяного разгула и шутовского куража. Датский дипломат приводит в своих записках зарисовку с натуры: «...бывшие на верфи офицеры и другие лица ежеминутно пили и кричали. В боярах, обращенных в шутов, недостатка не было, напротив, их собралось здесь большое множество»[285].

Пристрастие Петра I к шутовскому юмору сохранилось до последних лет его царствования. 26 ноября 1721 года голштинский камер-юнкер Ф. В. Берхгольц отметил: «...его величество всё еще охотно слушает шутов, чтобы рассеяться после серьезных занятий»[286].

Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор

Первое упоминание о Всепьянейшем соборе встречается в дневниковой записи Патрика Гордона, относящейся к осени 1691 года. Это было своеобразное питейное общество, пародировавшее церковные и государственные власти. Первым «патриархом» собора являлся боярин Матвей Филимонович Нарышкин, умерший на рубеже 1691—1692 годов. В январе 1692

года царь с товарищами избрали его преемником старого учителя Петра, думного дьяка Никиту Моисеевича Зотова, чей титул в конце концов преобразился в князь-папу. Членами Всепьянейшего собора стали Франц Лефорт, Тихон Стрешнев, князь Федор Ромодановский, Александр Меншиков, Федор Апраксин, Гавриил Головкин, Иван Мусин-Пушкин, князь Михаил Львов, Александр Протасьев и обрусевший голландец Андрей Виниус. В этом обществе царских любимцев аристократы были смешаны с выходцами из «никакой породы». К аристократии принадлежали Ромодановский, Стрешнев, Головкин, Апраксин и Львов. Мусин-Пушкин и Протасьев были новичками среди правящей элиты, первыми членами своих семейств, попавшими в Боярскую думу в чине окольничих. Еще ниже на социальной лестнице стояли Меншиков и Виниус[287]. Вскоре состав собора значительно расширился: Петр включил в него всех своих придворных шутов, а также множество самых отъявленных пьяниц и обжор Москвы.

В январе 1699 года секретарь австрийского посольства И. Г. Корб отметил в своем дневнике, что «театральный патриарх» Зотов «в сопровождении мнимых своих митрополитов и прочих лиц, числом всего 200 человек, прокатился в восьмидесяти санях через весь город в Немецкую слободу, с посохом, в митре и с другими знаками присвоенного ему достоинства». Вся эта пьяная компания вламывалась в дома богатых москвичей и немецких офицеров, распевая рождественские псалмы[288].

В следующем месяце тот же дипломат описал очередное мероприятие Всешутейшего собора: «Особа, играющая роль патриарха, со всей труппой своего комического духовенства праздновала торжественное посвящение Вакху дворца, построенного царем и обыкновенно называемого дворцом Лефорта. Шествие, назначенное по случаю этого обряда, выступило из дома полковника Лимы. Патриарха весьма приличное облачение возводило в сан первосвященника: митра его была украшена Вакхом, возбуждавшим своей наготой страстные желания. Амур с Венерой украшали посох, чтобы показать, какой паствы был этот пастырь. За ним следовала толпа прочих лиц, отправлявших вакха-

налии: одни несли большие кружки, наполненные вином, другие — сосуды с медом, иные — фляги с пивом и водкой...» Вся эта толпа непрестанно курила. Князь-папа Зотов благословлял свою «паству» двумя сложенными крест-накрест чубуками длинных трубок[289].

Сохранились довольно остроумные письма Зотова Петру I, который именуется в них протодьяконом — титулом, присвоенным ему в иерархии Всешутейшего собора. 23 февраля 1697 года Никита Моисеевич писал: «Нашего смирения сослужителю геру протодиакону П. А. со всею компаниею о Господе здравствовати! Благодарствую вашей любви за возвещение путешествия вашего (за границей) при добром здравии (о чем уведомлен от азовского владыки), и впредь о сем нам ведомо чините. Зело удивляемся вашей дерзости, что изгнанную нашу рабыню, т. е. масляницу, за товарища приняли, не взяв у нас о том свободы; только ведайте: есть при ней иные товарищи Ивашка (т. е. пьянство) и Еремка (распутство), и вы от них опаситесь, чтоб они вас от дела не отволокли; а мы их дружбу знаем больше вашего. Сего числа поехали к вам иподиаконы Готовцев и Бехтеев, с которыми наказано от нас подати вам словесно мир и благословение; а масляницу и товарищев ея отлучати: понеже при трудех такие товарищи непотребны; а к сим посланным нашим иподиаконам будьте благоприятны. При сем мир Божий да будет с вами, а нашего смирения благословение с вами есть и будет. *Smirenni Anikit* власною рукою»[290]. Официальный же титул Зотова звучал следующим образом: «Всешутейший и всесвятейший патриарх кир-ети Никита Прешбургский (по названию «потешной фортеции», построенной в 1686 году. — *В. Н.*), Заяузский, от великих Мытищ и до мудищ».

Царь собственноручно писал инструкции и уставы для Всепьянейшего собора. По справедливому замечанию В. О. Ключевского, «Петр старался облечь свой разгул с сотрудниками в канцелярские формы, сделать его постоянным учреждением». В собор, или «коллегию пьянства», входил конклав из двенадцати «кардиналов», отъявленных пьяниц и обжор, с огромным штатом таких же «епископов», «архимандритов» и других «духовных чинов». Первейшей заповедью членов собора было

ежедневно напиваться и не ложиться спать трезвыми. У собора, целью которого было «славить Бахуса питием непомерным», были свой порядок «пьянодействия», «служения Бахусу и честнаго обхождения с крепкими напитками», свои облачения, молитвы и песнопения. Трезвых «грешников» отлучали от всех кабаков в государстве[291].

Мнения историков о Всешутейшем соборе разнятся. В. О. Ключевский полагал, что «это была неприличнейшая пародия церковной иерархии и церковного богослужения, казавшаяся набожным людям пагубой души, как бы вероотступлением», но в то же время замечал, что Петр и его собутыльники «в пародии церковных обрядов глумились не над церковью, даже не над церковной иерархией как учреждением: просто срывали досаду на класс, среди которого видели много досадных людей»[292]. Современная исследовательница Елена Уханова склонна считать собор аналогом европейского карнавала, «праздника глупцов» и «пасхального смеха», принесенным в Россию из Европы вместе с серьезными преобразованиями[293].

На Масленицу 1699 года после пышного придворного обеда Петр I устроил «служение Бахусу». Князь-папа Никита Зотов невероятно много пил и благословлял преклонявших перед ним колена гостей, осеняя их крестом из двух сложенных трубок. А потом «владыка» с посохом в руке пустился в пляс[294]. На Святках веселая компания человек в двести в Москве или Петербурге на нескольких десятках саней на всю ночь до утра пускалась по городу «славить». Во главе процессии ехал шутовской патриарх в полном облачении, с жезлом и в жестяной митре; за ним мчались сани, битком набитые его сослуживцами; из каждых саней разносились пьяные песни и свист. Хозяева домов, которые были удостоены посещением таких гостей, обязаны были их поить, кормить да еще и платить за славление.

На первой неделе Великого поста «его всешутейшество» с соборянами иногда устраивали покаянную процессию. Ее участники надевали полушубки, вывернутые мехом наружу, ехали верхом на ослах и волах или же в санях, запряженных свиньями, медведями и козлами[295].

Члены собора с их безобразными выходками участвовали и в других праздниках. По свидетельству Юста Юля, в День святого Андрея 30 ноября 1709 года «многочисленные шуты, сидя рядом с царем, кричали, свистели, курили и пели. Патриарх Зотов так напился, что всюду спал за столом и в присутствии царя, державшего ему свечу, мочился... прямо под стол»[296].

После смерти Никиты Моисеевича Зотова необходимо было избрать нового князь-папу. Это мероприятие было обставлено Петром I чуть ли не как важнейшее государственное событие: он лично разработал два основополагающих документа — «чин избрания» и «чин поставления». Кандидаты на должность князь-папы должны были восседать «в особой каморе на прорезанных стульях». Архидьякон, ключарь и протодьякон Всешутейшего собора должны были «свидетельствовать их крепким осязанием», то есть, просунув руки в прорези на сиденьях стульев, ощупывать половые органы кандидатов, провозглашая: «Габет, габет!» или «Нон габет!»* (Эта процедура являлась пародией на обряд избрания римского папы, который аналогичным образом подвергался освидетельствованию на мраморном стуле с отверстием в сиденье. Обряд возник после известного казуса, когда в IX веке на папском престоле оказалась женщина, скрывшая свой пол. Она правила под именем папы Иоанна VIII больше года, пока не забеременела от одного кардинала и не умерла при родах[297].)

После такого освидетельствования кандидатов князь-игуменья Дарья Гавриловна Ржевская, разбитная веселая старуха, раздавала членам собора «балы», а они целовали ее «в перси». «Балами» являлись два яйца: «натуральное», то есть куриное, служило белым шаром при баллотировке, а деревянное, обшитое материей — черным. Члены собора должны были голосовать, опуская яйца в ящик; после окончания процедуры производился подсчет голосов.

Избранный таким тайным голосованием князь-папа обряжался «папиною мантиею». «Потом, — законотворчествовал Петр I, — целуют его все в руку, держащую ор-

* *Habet* (лат.) — имеет. *(Прим. авт.)*

ла (то есть знаменитый кубок Большого орла, вмещавший более литра спиртного. — *В. Н.*); и в ж...у, под лоном. И пиют из десницы в знак присяги верности закона... И тако сотворившуся, посаждают новоизбранного в ковш (громадных размеров). И провождают всем собором к дому его. И опускают в чан, как и прежде бывало, наполненный пивом и вином. И пив из онаго расходятся».

Для избрания нового князь-папы Петр I 15 декабря 1717 года выехал со свитой из Петербурга в Москву. На другой день вслед за ним отправилась царица Екатерина Алексеевна со своим двором. 23-го числа государь с супругой прибыл в старую столицу, а 28-го состоялись выборы князь-папы с точным выполнением всех разработанных царем предписаний. Им стал престарелый боярин Петр Иванович Бутурлин, «жаркий поклонник Бахуса», прежде занимавший во Всешутейшем соборе должность петербургского «митрополита».

Десятого января 1718 года в селе Преображенском был совершен обряд поставления нового главы собора. При этом опять же с точностью соблюдались все разработанные Петром I предписания. Старший архижрец собора благословил Бутурлина: «Пьянство Бахусово да будет с тобою, затмевающее, и дрожащее, и валяющее, и безумствующее тя во вся дни жизни твоея!»

Голову князь-папы помазали «крепким вином»; потом тем же «елеем» обвели ему круги «около очей» со словами:

— Тако да будет кружитися ум твой, и такие круги, разными виды, да предстанут очесам твоим во вся дни живота твоего!

Архижрец провозгласил:

— Рукополагаю аз старый пьяный сего нетрезвого!

Прочие жрецы запели:

Во имя всех пьяниц,
Во имя всех скляниц,
Во имя всех зернщиков*,
Во имя всех дураков,
Во имя всех шутов,
Во имя всех сумасбродов,
Во имя всех литров,
Во имя всех водок,

*Зернщик — игрок в зернь (кости).

Во имя всех вин,
Во имя всех пив,
Во имя всех медов и т. д.[298]

Новый князь-папа произнес торжественный обет:

— Обещаюсь вяще и вяще закон Бахусов не точию исполнять, но и врученное мне стадо денно и нощно тому поучать, еже да поможет мне честнейший отец наш Бахус!

Всешутейший собор участвовал во всех праздниках и маскарадах петровского времени. А в промежутках между этими торжественными мероприятиями его члены в полном составе посещали дома петербургских или московских вельмож, заблаговременно предупреждая хозяев о предстоящем набеге. Те, разумеется, старались приготовить для гостей лучшие блюда, ведь в составе пьяной компании ожидался «протодьякон» Петр Алексеевич. Однако порой верные служители Бахуса заранее напивались так, что не были в состоянии нанести запланированный визит. В связи с этим князь-папа Бутурлин под диктовку Петра I написал следующий указ: «Объявляет наша немерность, что мы иногда так утруждены бываем, что с места двинуться не можем; отчего случается, что не все домы посетить можем, которые того дня обещали; а хозяева оттого в убыток входят, ради другова приуготавливания. Того ради, сим объявляем и накрепко заповедуем, под наказанием великого орла: дабы ядей никаких никто не готовил; но точию следующее по сем...» Далее приводился список продуктов, которые необходимо было иметь под рукой каждому хозяину для угощения членов собора: «Хлеб, соль, калачи, икра, сельди, окорока, сухие куры и зайцы, ежели случится; сыр, масло, колбасы, языки, огурцы, капуста, яйцы и шабаш. Над всеми же сими превозлюбленные наши вины, пиво и меды, сего что вяще, то нам угоднейше будет, ибо в том живем, и не движемся, и есть ли или нет, не ведаем»[299].

Архиереи Всешутейшего собора носили забавные и не всегда приличные клички. У самого Петра I было нецензурное прозвище Пахом Пихайхуй*. К августу 1723

* Прозвища соборян, как и монашеские имена на Руси до XVIII века, начинались на те же буквы, что и мирские: Иван Бутурлин звался

года насчитывалось восемь «митрополитов»: Ианикадр, Морай, Тарай, Ияков Прыткой, Гнил, Бибабр, Мудак, Феофан Краснойхуй, а также «архидьакон» Идинахуй.

Деятельность Всешутейшего собора являлась для Петра I и его соратников одним из способов расслабиться, отдохнуть и позабавиться после тяжелого напряженного труда. Излишне упрекать царя-реформатора за отразившуюся в приведенных выше документах грубость нравов: таков был стиль эпохи и таковы были отнюдь не безупречные вкусы государя.

Придворные великаны, карлики и арапы

У Петра I была удивительная страсть к людям необычной внешности, очень большого или очень маленького роста. По-видимому, в этом выражалось свойство его натуры, стремящейся ко всему выходящему за рамки обыденности. Впрочем, обычай держать среди челяди людей экзотической наружности бытовал тогда при всех европейских дворах. Петр отправил в подарок флорентийскому герцогу несколько самоедов (ненцев) «подурнее рожищем».

В петровское время мода на чернокожих слуг докатилась до России. Знаменитый «арап Петра Великого» Абрам Ганнибал был не единственным. Его вместе с еще двумя мальчиками привез из Стамбула Андрей Васильев, «челядник» российского торгового агента С. Рагузинского в ноябре 1704 года. В Посольском приказе он рассказал: «И из тех арапов два человека, один крещеной Аврам, а другой некрещеной Абдул, оба они братья родные, отосланы на двор к боярину Федору Алексеевичу (Головину. — *В. Н.*), а третий арап по письму посла Петра Толстого отдан в дом его посольский»[300]. Сам Рагузинский писал Головину: «Я чаю, что они вам приятны будут, для того что они зело черны и хороши суть»[301]. Возможно, Петр I увидел своего будущего крестника в мае 1705 года, когда из-за болезни три недели провел в загородном доме Головина. Вероятно, после смерти Федора Алексеевича в 1706 году государь решил взять чер-

---

Иоиль Попирайхуй (варианты: Петрохуй, Петропизд), Иван Мусин-Пушкин — Изымайхуй, Никита Репнин — Неоманхуй и т. п.

нокожих мальчиков к своему двору, где уже служили несколько арапов.

Астраханский губернатор Артемий Волынский получил заказ от царицы Екатерины Алексеевны на доставку в Петербург нескольких арапов. Поручение он выполнил; правда, с отправкой вышла заминка, последствия которой сказались несколько неожиданным образом. К одному из писем 1721 года, адресованных Екатерине, Артемий Петрович сделал постскриптум: «При сем верноподданнейше доношу: арапка вашего величества родила сына, от которого уж не отрекусь, что я ему отец, ибо восприемником ему был, и тако хотя он и мой сын, однако ж не в меня родился, в мать, таков бел, как сажею выпачкан, и зело смешон»[302].

В документах упоминается, что весной 1722 года Петр I «указал сделать: ...арапу Петру Сундукову кафтан и камзол и штаны суконные красные с позументом — до 28 руб.». Составленная уже в правление его внука «Ведомость обретающимся при дворе его императорского величества служителям, которым надлежит выдаче быть на 728-й год годового жалования из Дворцовой канцелярии» содержит запись: «Арапы: Иозиф Мартынов, Аджи Семенов, Канбар Иванов, Абрам Петров, Петр Петров, каждому по 30 руб.»[303].

Карлики окружали государя постоянно, сопровождали его и в заграничных поездках, и в военных походах. А великаны всегда привлекали его внимание, где бы он их ни встречал. Выше уже рассказывалось о женщине исполинского роста, которая побывала в гостях у Петра во время его пребывания в Англии в 1697 году. Десятью годами позже, путешествуя по Франции, он встретил великана Николя Бурже (Буржуа), рост которого составлял два метра 27 сантиметров. Царь не мог упустить такое чудо природы и немедленно пригласил француза к себе на службу с довольно большим жалованьем, на что тот охотно согласился. О характере занятий Николя при дворе русского царя не сохранилось никаких достоверных сведений. Вероятно, он выполнял чисто декоративную роль, участвуя в праздничных шествиях в окружении придворных карликов или украшая своим присутствием царские апартаменты. Петр

надеялся вывести новую породу огромных людей, женив французского великана на рослой девице финке Василисе. Однако из этой затеи ничего не получилось — детей они не родили. Когда Николя в 1724 году умер от какой-то скоротечной болезни, Петр поручил иноземному мастеру Еншау сделать из него чучело, которое должно было стать экспонатом Кунсткамеры[304], а также заспиртовать его сердце и огромный детородный орган. Не будем оценивать явную аморальность царской причуды. Во всяком случае, она свидетельствует о том, что Петру трудно было навсегда расстаться с любимым великаном.

Большим любимцем государя являлся придворный карлик Яким Волков, с которым он никогда не расставался на долгий срок. Тот даже был с Петром в сражении под Полтавой. Заметным событием в общественной жизни Петербурга стала свадьба этого царского фаворита, состоявшаяся 13 ноября 1710 года, вскоре после бракосочетания герцога Курляндского и царевны Анны Иоанновны. Многие были склонны видеть в этом издевательский намек на размер Курляндского государства.

Для участия в свадьбе Якима Волкова Петр приказал собрать карликов и карлиц по всей России. Они прибыли в столицу 19 ноября. По свидетельству Юста Юля, «их заперли, как скотов, в большую залу на кружале (так в то время называли кабаки и таким же образом в источниках нередко именовалась гостиница «Австерия» на Троицкой площади. — *В. Н.*); там они пробыли несколько дней, страдая от холода и голода, так как для них ничего не приготовили; питались они только подаянием, которое посылали им из жалости частные лица». Петр не был виноват в этом недосмотре, поскольку находился тогда в отсутствии. Вернувшись в Петербург, он немедленно осмотрел карликов и распределил их всех между А. Д. Меншиковым, Г. И. Головкиным, Ф. М. Апраксиным, П. П. Шафировым и другими вельможами; «лицам этим он приказал содержать карликов до дня свадьбы карлика и карлицы, которые служили при царском дворе... Царь приказал боярам роскошно нарядить доставшихся им карликов — бывших до того в лохмотьях и полуголыми — в галунные платья, золотые кафтаны и т. п.».

Датский дипломат со свойственной ему дотошностью произвел классификацию участников этого удивительного мероприятия, разделив их на три группы: «Одни напоминали двухлетних детей, были красивы и имели соразмерные члены; к их числу принадлежал жених. Других можно было сравнить с четырехлетними детьми. Если не принимать в расчет их голову, по большей части огромную и безобразную, то и они сложены хорошо; к числу их принадлежала невеста. Наконец, третьи похожи лицом на дряхлых стариков и старух, и если смотреть на одно их туловище от головы и примерно до пояса, то можно с первого взгляда принять их за обыкновенных стариков нормального роста; но когда взглянешь на их руки и ноги, то видишь, что они так коротки, кривы и косы, что иные карлики едва могут ходить»[305].

Другой свидетель этого события, брауншвейгский резидент Х. Ф. Вебер, расширил портретные зарисовки маленьких гостей Якима Волкова: «Одни были с высокими горбами и маленькими ножками, другие с толстыми брюхами, третьи с искривленными ногами, как у барсучьих собак, иные с огромными широкими головами, криворотые и длинноухие, другие с маленькими глазками, раздутыми щеками и множество других уморительных образин»[306].

В день свадьбы гости собрались у царского дома рано утром. Князья и бояре разрядили подопечных карликов и привезли их с собой. На Неве было приготовлено множество малых и больших шлюпок, на которых всё общество переехало в крепость, где в соборе должно было произойти венчание. От пристани до церкви крохотный жених шел впереди свадебной процессии рука об руку с царем; за ними выступал карлик с маленьким маршальским жезлом в руке; далее следовали попарно восемь карликов-шаферов, потом шла невеста в сопровождении еще двух шаферов-малюток, а позади нее — семь пар карлиц «и, наконец, чета за четою, еще 35 карликов». Шествие замыкали самые старшие по возрасту, некрасивые и крупные карлики. Юль насчитал в общей сложности 62 маленьких гостя Якима Волкова, но, возможно, их было еще больше. По данным Вебе-

ра, в торжествах принимали участие 72 маленьких человека. Все лилипуты «были одеты в прекрасные платья французского покроя, но большая часть, преимущественно из крестьянского сословия и с мужицкими приемами, не умела себя вести, вследствие чего шествие это и казалось особенно смешным». Свадебная процессия вошла в Санкт-Петербургскую крепость, где ее встретил «поставленный в ружье полк с музыкою и распущенными знаменами».

В Петропавловском соборе состоялось венчание по православному обряду. Петр I держал венец над головой невесты. По словам Юля, во время этой церемонии «кругом слышался подавленный смех и хохот, вследствие чего таинство более напоминало балаганную комедию, чем венчание или вообще богослужение. Сам священник вследствие душившего его смеха насилу мог выговаривать слова во время службы». Когда он спросил Якима Волкова, «желает ли он иметь в браке за собой свою невесту», тот звонким голосом произнес:

— Хочу ее и никого другую.

Невеста на аналогичный вопрос ответила:

— Это хорошее дело, и я согласна.

Из собора карлики в том же порядке направились к лодкам и шлюпкам, и весь свадебный поезд поплыл к каменному дому А. Д. Меншикова, где состоялся пир. В большой зале было накрыто шесть маленьких овальных столов с миниатюрными тарелками, ложками, ножами и прочими столовыми принадлежностями. Однако все карлики не смогли тут разместиться, поэтому был накрыт еще один круглый стол, за который посадили самых старых и безобразных. Вдоль стен были поставлены четыре больших стола для остальных гостей. За первым из них поместились женщины, в том числе новоиспеченная курляндская герцогиня Анна Иоанновна и ее младшая сестра Прасковья; за тремя остальными сидели мужчины: Петр I, герцог Фридрих Вильгельм Курляндский, А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин, Г. И. Головкин и прочие вельможи.

После свадебного пира семь столов, за которыми обедали карлики, были вынесены, чтобы расчистить место для танцев. «Тут, собственно, и началась настоя-

щая потеха, — рассказывает Юль, — карлики, даже те, которые не только не могли танцевать, но и едва могли ходить, всё же должны были танцевать во что бы то ни стало; они то и дело падали и так как по большей части были пьяны, то, упав, сами уже не могли встать и в напрасных усилиях подняться долго ползали по полу, пока, наконец, их не поднимали другие карлики. Так как часть карликов напилась, то происходило и много других смехотворных приключений: так, например, танцуя, они давали карлицам пощечины, если те танцевали не по их вкусу, хватали друг друга за волосы, бранились и ругались и т. п., так что трудно описать смех и шум, происходивший на этой свадьбе». Праздник был омрачен известием, что в тот же вечер от детской болезни скончался маленький сын А. Д. Меншикова, Лука Петр. В связи с этим был отменен фейерверк, составленный самим женихом, который был обучен искусству пиротехники. Поздним вечером молодожены были отвезены в царский дворец, где для них была приготовлена постель в спальне государя. Прочие карлики вернулись в дома петербургских вельмож, где квартировали до свадьбы[307]. Дальнейшая судьба их неизвестна, но можно с большой долей уверенности предположить, что многие соратники Петра в угоду государю оставили их у себя в качестве домашних шутов. Желание самих маленьких людей при этом вряд ли учитывалось.

Глава одиннадцатая

«Праздник есть дело заботное»

Новый год, Святки, Масленица

Год на Руси до 1700 года начинался с 1 сентября. Новогодние праздники, отмечавшиеся еще до смены календаря, в 1698 году, описаны в дневнике секретаря австрийского посольства Иоганна Георга Корба: «11, а по летосчислению старого календаря 1 сентября русские начинают новый год, так как они ведут свое счисление от сотворения мира. Этот день московитяне, по старинному обычаю, праздновали самым торжествен-

ным образом. Так, на самой большой Кремлевской площади устраивали два престола, весьма богато украшенных: один для царя, другой для патриарха, который являлся туда в епископском облачении, а государь в царском, для внушения большего уважения к верховному достоинству; народ смотрит на него, как на божество, редко показывавшееся ему. После торжественного патриаршего благословения сейчас же вельможи и прочие именитые лица спешили к царю с поздравлениями, и он наклонением головы и движением руки отвечал поздравляющим и желал им со своей стороны всякого благополучия. Эти обряды по причине отсутствия царя уже несколько лет не совершались...» Действительно, Петр в течение продолжительного времени во время новогодних праздников оказывался за пределами столицы: строил корабли в Переславле и Воронеже, руководил Азовскими походами, а потом совершал заграничную поездку в составе Великого посольства.

Корб справедливо предположил, что эти устаревшие обычаи уже отживают свой век: «...дух времени, стремящийся к преобразованиям, должен будет упростить древние обряды». «Впрочем, — пишет австрийский дипломат, — первый день нового года проведен был весело в пиршестве, устроенном с царской пышностью воеводой Шеиным, куда собралось невероятное почти множество бояр, гражданских и военных чиновников, а также явилось большое число матросов; к ним чаще всего подходил царь, оделял яблоками и, сверх того, каждого из них называл "братом". Каждый заздравный кубок сопровождался выстрелом из 25 орудий»[308].

Через три дня праздники продолжились. «Его царское величество, — рассказывает Корб, — велел пригласить всех представителей иноземных держав, а также бояр и разных лиц чиновных или пользующихся его расположением, на большой пир, устроенный на его счет генералом Лефортом». Во время этого обеда случился инцидент между датским и польским послами, затеявшими «несносный спор о преимуществах, и так как ни один из них не хотел уступить другому, то царь вышел из терпения и назвал обоих *дураками*, весьма употребительным у русских словом, означающим недостаток ума».

Когда гости сели за стол, Петр I отпустил шутку по поводу разоренной Речи Посполитой:

— В Вене я от хорошего корму потолстел было, но всё взяла назад бедная Польша.

— Дивлюсь этому, ваше царское величество, — возразил ему толстый польский посол, — я родился там, воспитался и приехал сюда, как видите, жиряком.

— Ты растолстел не там, но в Москве, — парировал Петр, намекая на большое содержание, отпускаемое из казны на нужды иностранных дипломатов[309].

Далее произошел неприятный эпизод, когда царь в приступе ярости едва не убил первого русского генералиссимуса Алексея Семеновича Шеина, о котором стало известно, что он за взятки производил своих подчиненных в полковники и другие высшие офицерские чины. Ближайшие соратники Петра сумели потушить его гнев и спасти Шеина от верной смерти. «За этой страшной грозой, — продолжает Корб, — наступила прекрасная погода: царь с веселым видом присутствовал при пляске». Петр при этом продемонстрировал свое расположение к австрийскому двору: «в доказательство особенной любезности приказал музыкантам играть те самые пьесы, под какие он плясал у своего, как он выразился, "любезнейшего господина брата"»; тем самым он дал понять, что помнит о бале, устроенном в его честь императором Леопольдом I.

Затем Корб отметил занятный эпизод: две горничные девушки пробрались было тихонько посмотреть на пляску царя и гостей, но Петр приказал солдатам их вывести. Пирушка продолжалась до половины шестого часа утра[310].

Одновременно с изменением летосчисления новогодние праздники сливаются с рождественскими. В начале января 1708 года английский посланник Уитворт сообщил Гарлею, что Петр I «занят обычными в России на святках развлечениями: пением рождественских молитв и празднествами то в одном доме, то в другом в сообществе с знатью и вообще с приближенными лицами. Он обошел все дома Москвы, которые обыкновенно удостаивает своим посещением, а в день Нового года сам угощал знатнейших особ, причем празднест-

во закончилось блистательным фейерверком». 2 января царь обедал во дворце Меншикова в Немецкой слободе. В это время явился курьер с известием о начале наступления шведских войск. Его постарались сохранить в тайне, слух всё же распространился и заметно испортил настроение гостей. Однако царь «оставался на празднике до вечера, а затем посетил все дома, которые полагал посетить на святках, но с некоторою поспешностью, выиграв день или два, чтобы затем немедленно отправиться к армии».

Новогодние праздники 1710 года снова прошли в Москве. Уитворт сообщал статс-секретарю Бойлю 5 января: «1-го числа текущего месяца Его Величество угощал всех знатнейших особ и иностранных министров торжественным обедом. Вечером приготовлен был прекрасный фейерверк и сожжен с полным успехом. Тут было несколько изображений и надписей; особенно выдавались: Фаэтон, пораженный молнией, и намек на медаль, недавно выбитую в Швеции, на обратной стороне которой изображены две колонны; из них одна сломана у самого пьедестала, на другую кидается лев, готовясь опрокинуть ее. При фейерверке сначала засветились колонны, увенчанные императорскими коронами и украшенные множеством разнообразных огоньков, синих, зеленых палевых. Когда они погорели некоторое время, выдвинулся лев; при его приближении к первой колонне она вдруг сломалась у пьедестала, но когда лев подошел ко второй, — орел с распростертыми крыльями (изображавший царский герб) выпустил ракету, которая сорвала голову и шею льва; колонна же продолжала стоять непоколебимо. Его Величество пояснил мне эту часть потехи». Этого объяснения Уитворт не приводит, но можно понять, что первая колонна символизирует поражение русских войск под Нарвой в 1700 году, а лев с оторванной головой означает крушение шведской армии под Полтавой в 1709-м.

За обедом был провозглашен тост за здоровье всех монархов, состоящих в дружбе с русским царем. Петр при этом заявил Уитворту, что здравица относится преимущественно к английской королеве Анне, «так как он уверен, что может считать ее в ряду своих друзей»[311].

Во время утренней службы на новый, 1710 год «царь стоял посреди церкви вместе с прочею паствой... На царе был орден Св. Андрея, надеваемый им лишь в редких случаях. Он громко пел наизусть так же уверенно, как священники, монахи и псаломщики, имевшие перед собою книги; ибо все часы и обедню царь знает, как "Отче наш"»[312].

Вслед за церковной службой состоялись светские торжества. Юст Юль описывает их следующим образом: «Царь поехал со всем своим придворным штатом к тому месту, где вечером должен быть сожжен фейерверк. Там для него и для его двора была приготовлена большая зала, во всю длину которой по сторонам стояло два накрытых для пира стола. В зале возвышались также два больших поставца с серебряными позолоченными кубками и чашами; на каждом было по 26 серебряных позолоченных блюд, украшенных искусной резьбой на старинный лад; не говорю (уже) о серебре на столах и о больших серебряных подсвечниках выбивной работы». Петр I снял с себя орден Святого Андрея Первозванного и сел за стол. «Тотчас после него, — продолжает датский посланник, — сели прочие где попало, без чинов, в том числе и офицеры его гвардии до поручиков включительно. Как Преображенская гвардия, так и Семеновская стояли в ружье снаружи». В общей сложности за праздничным столом сидели 182 человека. Пир, начавшись в 10 утра, продолжался целый день и закончился через два часа после наступления темноты. Юль заметил, что за это время царь дважды вставал из-за стола и подолгу отсутствовал. При каждом тосте раздавался выстрел из поставленных перед домом орудий. Датчанин не преминул подчеркнуть экзотические черты этого празднования: «...забавно было видеть, как один русский толстяк ездил взад и вперед по зале на маленькой лошади и как раз возле царя стрелял из пистолета, чтобы при чашах подавать сигнал к пушечной пальбе. По зале лошадку толстяка водил под уздцы калмык. Пол залы на русский лад был устлан сеном по колено»[313].

Вечером 1 января был открыт сезон праздничной иллюминации. «...по всему городу, — свидетельствует датский посланник, — у домов знатных лиц были зажжены

иллюминации, изображавшие разного рода аллегории. Потом они зажигались в течение всей зимы, пока вечера были долгие, и горели чуть не ночи напролет»[314].

В 1721 году французский консул Лави был свидетелем череды зимних торжеств. Он рассказывал своему начальнику Дюбуа: «Вот уже несколько недель, как их царские величества и весь двор предаются масляничным развлечениям: устраивают пиршества, катанье в санях и кавалькады самые смешные. Крещенье праздновалось по старинному обычаю, состоящему в том, что святят воду в реке, для чего во льду прорубается дыра, в которую несколько человек русских окунулись и потом выкатались в снегу»[315].

«Обыкновенно от Рождества и до Крещения, — пишет Юль, — царь со знатнейшими своими сановниками, офицерами, боярами, дьяками, шутами, конюхами и слугами разъезжает по Москве и славит у важнейших лиц, т. е. поет различные песни, сначала духовные, а потом шутовские и застольные. Огромным роем налетает компания из нескольких сот человек в дома купцов, князей и прочих важных лиц, где по-скотски обжирается и через меру пьет, причем многие допиваются до болезней и даже до смерти. В нынешнем (1710-м. — *В. Н.*) году царь и его свита "славили" между прочим и у князя Меншикова, где по всем помещениям расставлены были открытые бочки с пивом и водкою, так что всякий мог пить сколько ему угодно. Никто себя не заставил просить...»[316]

Эта традиция заинтересовала Юста Юля, который в своих записках уделил ей особое внимание: «В каждом доме, где собрание "славит", царь и важнейшие лица его свиты получают подарки. Во все время, пока длится "слава", в той части города, которая находится поблизости от домов, где предполагается "славить", для "славящих", как для целых рот пехоты, отводятся квартиры, дабы каждое утро все они находились под рукою для новых подвигов. Когда они "выславят" один край города, квартиры их переносятся в другой, в котором они намерены продолжать "славить"». Датскому посланнику рассказывали, что «слава» ведет свое начало от обычая православной церкви собираться вместе на Рождес-

тво и, отдаваясь веселью, петь «Слава в вышних Богу» в ознаменование того, как рождению Христа радовались пастухи. «Обычай этот, — пишет датчанин, — перешел в русскую и другие греческие церкви, но впоследствии выродился подобно большей части божественных обычаев и обрядов, в суетное и кощунственное пение вперемешку духовных и застольных песен, в кутеж, пьянство и всякие оргии». Это время, с точки зрения дипломата, было бесполезным для дел: «Пока продолжается "слава", сколько ни хлопочи, никак не добьешься свидания ни с царем, ни с кем- либо из его сановников. Они не любят, чтоб к ним в это время приходили иностранцы и были свидетелями подобного их времяпрепровождения»[317]. В донесении английского резидента при российском дворе Джорджа Макензи статс-секретарю лорду Таунсгенду от 11 января 1715 года (31 декабря 1714-го по принятому в России юлианскому календарю) отмечено: «Царь в сопровождении самых приближенных особ своего двора ежедневно выезжает в санях, посещая сановников, бояр»[318].

Празднование Крещения с водосвятием в январе 1719 года описано в донесении английского посланника Джеймса Джеффриса лорду Стэнгопу: «Торжество это в известной степени рисует характер русского народа... На определенном месте реки прорубают лед; сюда приходит знатнейшее духовенство и благословляет воду. Как только благословение совершилось, — все желающие омыть грехи свои или желающие исцелиться от недуга подходят к освещенному месту. Знатные особы довольствуются тем, что омывают лицо, простолюдины же раздеваются и окунаются в прорубь с головой с таким убеждением в пользе, приносимой этим душе или телу их — смотря по потребности, — что мне оставалось только изумляться вере и здоровому телосложению принимавших участие в купании вопреки трескучему морозу. Благочестивые родители приносят сюда новорожденных детей для крещения. Уходя, богомольцы обязательно наполняют принесенные с собою сосуды святою водой и несут ее домой и хранят как ограждение от всяких бед в предстоящем году. Это один из древнейших русских обычаев, которому подчиняется и

Его Царское Величество, дабы показать, что в делах веры он неразлучен с последним из своих подданных»[319].

Масленица — последняя неделя перед Великим постом — в ярких красках описывалась иностранными современниками. Они отмечали, что тогда можно употреблять в пищу молоко, масло, сыр, рыбу, но есть мясо уже запрещено. «Я бы скорее назвал это время вакханалиями, — писал в феврале 1699 года И. Г. Корб, — потому что русские в эти дни заняты только гульбой и в ней проводят всё время. Нет никакого стыда, никакого уважения к высшим, везде самое вредное самовольство, как будто бы ни один судья и никакой справедливый закон не вправе взыскивать за преступления, в это время совершаемые... Правда, что в некоторых местах стоят часовые для предупреждения этих бесчинств, но от них мало пользы, так как и они постоянно пьяны и запятнаны общими пороками, потому никто их и не опасается, а смотреть за ними некому». Десятью годами позже Ю. Юль нарисовал похожую картину: «Всю масленицу русские пьют, катаются и разъезжают человек по десяти, по двенадцати в одних санях, мужчины и женщины вперемежку, гонят лошадей, гикают, кричат, орут, шумят, поют песни, и всё это среди улицы, так что ввиду разбойников и пьяных опасно выйти за ворота. На масленицу русские ездят также к своим друзьям и знакомым и грустно прощаются с ними, словно перед смертью». Датчанин считал, что эта печаль происходит «ввиду прекращения на всё время поста всяких удовольствий и сношений, что представляет немалое огорчение для людей, столь преданных пьянству, как русские»[320].

Викториальные торжества

Новым явлением в общественной жизни России со времени царствования Петра Великого стали праздники по случаю побед русской армии над шведами. Впервые эта разновидность празднеств появилась в 1709—1710 годах после побед у деревни Лесной и под Полтавой, а к 1720-м годам в Петербурге и других городах России отмечалось семь «дней воспоминаний викторий», которые были посвящены основным событиям Северной войны:

взятию Шлиссельбурга и Нарвы, Калишской битве, сражениям у Лесной и под Полтавой, морским победам при Гангуте и Гренгаме. В 1721 году было введено ежегодное «воспоминание» Ништадтского мира.

Дни памяти Полтавы и Ништадтского мира отмечались церковью по всей стране, другие — в зависимости от местонахождения Петра I и царского двора: в различных городах страны от Риги до Астрахани, а также за границей. В источниках зафиксировано празднование викториальных дней царем и его соратниками в Польше, Германии, Франции, Дании. Но основным центром новых торжеств являлся Петербург[321].

Празднование первой годовщины полтавской победы подробно описано датским посланником Юстом Юлем. Петр I вышел к Преображенскому полку, построившемуся за Санкт-Петербургской крепостью, и сделал различные распоряжения относительно расположения гвардейских полков на площади. Затем он пошел в собор, встал по обыкновению среди певчих и звучно и отчетливо пел в церковном хоре. После этого царь с Библией в руках громким голосом прочел перед всей паствой главу из послания апостола Павла к римлянам, а потом снова присоединился к певчим. По окончании обедни государь со своей свитой вышел на площадь к гвардейским полкам, которые стояли кольцом. Архимандрит Феофилакт Лопатинский под открытым небом произнес проповедь, которая закончилась молебном. Затем раздался пушечный выстрел, послуживший сигналом к началу пальбы с крепостного вала, Адмиралтейской верфи и четырех фрегатов, которые накануне праздника были специально расставлены на Неве. По знаку царя солдаты Преображенского полка завершили салют залпом из мушкетов. Петр потребовал чару водки и выпил ее за здоровье воинства. С площади государь и сопровождавшие его лица отправились в кружало, где начался пир с основательной попойкой под пушечные выстрелы. После праздничного обеда царь катался по Неве на своем кипарисовом буере. За ним следовали царевны-племянницы на английской шлюпке; дюжина ее гребцов была одеты в кафтаны, капюшоны и штаны из алого бархата, а на груди у каждого висела серебряная

бляха размером с тарелку, с выпуклым изображением русского герба. Русские вельможи и иностранные дипломаты также сопровождали царя на шлюпках.

Затем Петр со всей компанией вернулся в кружало, где все оставались до двух часов утра; расставленные по всем углам караулы не позволяли гостям выйти за дверь. В этот день государь надел старую шляпу-треуголку, пробитую пулей в Полтавском бою[322].

Свидетельство о праздновании двенадцатой годовщины великого сражения оставил голштинский камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц. Торжественная литургия совершалась на большой площади, перед церковью Святой Троицы, где «стояла обширная палатка с алтарем внутри, перед которым собралось все знатнейшее духовенство». Петр I находился шагах в пятидесяти от алтаря, «в том самом одеянии, которое было на нем в день Полтавского сражения, то есть в зеленом кафтане с небольшими красными отворотами, поверх которых была надета простая черная кожаная портупея. На ногах у него были зеленые чулки и старые изношенные башмаки. В правой руке он держал пику, как полковник гвардии, а левою придерживал под мышкой старую, очень простую шляпу. Позади его стояли подполковники гвардии: по правую сторону князь Меншиков, по левую — генерал Бутурлин, а за ними, в три или четыре ряда, большое число обер-офицеров, все с пиками в руках и шляпами под мышкой». Поодаль стояли в строю полки гвардии в полном сборе. Царица Екатерина Алексеевна, вдовствующая царица Прасковья Федоровна и придворные дамы наблюдали за богослужением с небольшого балкона, устроенного перед входом в церковь.

После молебственного пения «один из духовных начал читать из книги в золотом переплете, которую другой держал перед ним на бархатной подушке. В продолжение этого чтения царь и все присутствовавшие (исключая иностранцев) стояли на коленях, и когда была пущена ракета, с крепости последовало три залпа изо всех пушек, которым отвечали орудия, стоявшие за палаткою, и вся гвардия — троекратным беглым огнем из ружей, исполненным со всевозможною точностью;

наконец, стреляли также с галер, расположенных у берега».

По окончании литургии духовенство вернулось в церковь, а гвардия под предводительством своего полковника-царя направилась к Неве; там были причалены галеры, перевезшие солдат и офицеров на другой берег, где полки стояли лагерем. Берхгольц отметил также, что «на реке, перед царским садом, стоял красиво вызолоченный фрегат, украшенный сотнею или более флагов и вымпелов, с которого палили из пушек во весь этот день».

После обеда состоялось гулянье в Летнем саду, в котором принимали участие Петр I, Екатерина Алексеевна, царевны Анна и Елизавета, маленький великий князь Петр Алексеевич и его старшая сестра Наталья, вдовствующая царица Прасковья Федоровна с младшей дочерью Прасковьей, а также «все здешние знатные дамы и множество кавалеров». Берхгольц отметил: «Все были в самых парадных костюмах, делавших собрание особенно блестящим, и я никогда не видал вдруг столько драгоценных камней...» Прогулки по аллеям завершились небольшим застольем царя с избранными лицами, в числе которых был герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский, его будущий зять. Вопреки обыкновению, Петр на этот раз не принуждал гостей к чрезмерной выпивке: «его величество провозгласил тост, который его высочество должен был принять, но затем получил свободу пить столько вина или воды, сколько ему было угодно».

Около девяти часов вечера из галереи вынесли уставленные сластями столы. Начался бал, который был открыт немецким танцем: Петр I танцевал с Екатериной Алексеевной, герцог Карл Фридрих — с Анной Петровной, Меншиков — с Елизаветой Петровной. Потом герцог танцевал с Анной менуэт*, а после этого царевны попеременно находились в парах с ним и генера-

* Менуэт (от фр. *menu* — маленький) — старинный французский грациозный танец с мелкими па, вначале народный, с середины XVII века — бальный, тогда же распространившийся по всей Европе; исполнялся парами, включал торжественные проходы вперед, вбок и назад, изящные шаги и легкое скольжение, церемонные поклоны и реверансы.

лом Павлом Ягужинским, считавшимся одним из лучших танцоров в Петербурге. Танцы продолжались до двенадцатого часа ночи.

В полночь на нескольких стоявших на Неве больших барках был зажжен фейерверк. «Между прочим, — отметил Берхгольц, — горело изображение человека с бороною на голове для защиты от дождя и с русскою надписью наверху: *Дурное прикрытие*. Некоторые думали, что это намек на английскую эскадру, высланную для прикрытия Швеции. Покамест горел этот девиз, было пущено множество ракет, водяных шаров и маленьких бомб... Царица с дамами оставалась в саду до конца фейерверка, но принцесс, по причине вечерней прохлады, давно уже не было. Так кончилось празднование Полтавского сражения, и мы разошлись по домам»[323].

Торжества по случаю полтавской победы в 1723 году описаны тем же автором. Петр I перед обедом снова обрядился в старый мундир, который был на нем в памятные часы великой битвы. Меншиков также носил весь день кафтан и шпагу, «служившие ему в том же сражении». Гулянье в Летнем саду долго не начиналось из-за отсутствия Петра I, который лег отдыхать. Наконец пушечный выстрел возвестил, что государь проснулся. К моменту прихода в сад герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского в сопровождении камер-юнкера Берхгольца и прочей свиты там уже были императрица Екатерина Алексеевна, герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна, восьмилетний великий князь Петр Алексеевич* со своей старшей сестрой, девятилетней Натальей, и множество знатных дам. Вскоре явились цесаревны, пятнадцатилетняя Анна и тринадцатилетняя Елизавета, которые вели за руки свою пятилетнюю сестру Наталью. Младшую дочь Петра I посадили вместе с великой княжной Натальей Алексеевной на небольшую тележку, «в которую была запряжена хорошенькая лошадка», и они долго катались по саду. Императорская семья в полном составе некоторое время постояла у фонтана, в бассейне которого лежал живой тюлень. За-

---

* *Петр Алексеевич* (1715—1730) — внук Петра I, сын царевича Алексея и принцессы Шарлотты Кристины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, будущий император Петр II (1727—1730).

тем начались праздничные гулянья, гостям подносили вино. В десять часов вечера начались танцы, но закончились еще до полуночи[324].

В царствование Петра I ежегодно праздновалась годовщина победы русских войск над шведами под Лесной. В октябре 1719 года Лави известил Дюбуа о некоторых деталях этого мероприятия. Царь, сообщал консул, уселся за маленький столик с английскими судостроителями, «имеющими честь состоять у него в большой милости», и завел с ними разговор «по обыкновению о разных разностях».

«Я не беспокоюсь, — заявил царь англичанам, — о союзах, которые заключают или могут заключить против меня; они существуют, лишь покуда интересы всех сторон сходятся. Император, — добавил он, — старается овладеть Сицилией и достиг там успеха благодаря помощи английских кораблей, но, не имея флота, не может сохранить ее за собой без поддержки Англии или какого иного монарха».

Мораль этой сентенции ясна: Петр I давал понять, что Россия как морская держава неуязвима и не может потерять свои завоевания в Прибалтике. Свои рассуждения царь завершил решительным утверждением: «Мы здесь в безопасности и нам нечего бояться, разве только нас выгонят отсюда голодом»[325], — намекая, таким образом, что опасается только морской блокады со стороны английского флота.

Четвертая годовщина победы русско-саксонских войск над шведами под Калишем 15(26) октября 1706 года отмечалась 17(28) октября 1710-го. А. Д. Меншиков задал пир, поскольку празднование совпало с днем рождения его сына. При каждом заздравном тосте производилось по 11 залпов из больших орудий. «Пьянство... тут шло чудовищное», — записал Юст Юль[326].

Особое значение в числе викториальных праздников приобрел день победы русских галер над шведскими кораблями у мыса Гангут (полуостров Ханко в современной Финляндии). Сразу же после «сей преславной виктории», 27 июля 1714 года, Петр поручил Меншикову установить на Троицкой площади «хотя малые какие триумфальные ворота из дерев и протчаго». Губернатор

развернул бурную деятельность. 24 августа он распорядился, чтобы все петербургские обыватели «перед своим двором по силе своей, как кто возможет, триумфальные ворота из дерев и протчего и иные подобные знаки поставили». В день вступления в город царя все обязаны были к ночи зажечь перед воротами огни и устроить в окнах «обыкновенные иллюминации». Пять дней спустя Меншиков приказал адмиралтейскому советнику А. В. Кикину объявить всем жителям Адмиралтейской стороны, чтобы «к пришествию его царского величества все улицы были вычищены и, кто какие имеет картины или шпалеры, выставливали б на улицу перед своими домами и прочие всякие пристойные украшенья чинили».

На Троицкой площади по проекту зодчего Доменико Трезини поспешно воздвигались трехпролетные триумфальные ворота с богатым скульптурным убранством. Другую арку для встречи победителей, именовавшуюся морскими триумфальными воротами, Меншиков возвел прямо перед своим дворцом на самом берегу Невы.

Тем временем Петр I с русскими галерами и пленными шведскими кораблями уже подошел по Финскому заливу к Петербургу и в течение 7 и 8 сентября стоял в устье Большой Невы на взморье у Екатерингофского дворца, ожидая окончания приготовлений к торжествам. Когда утром 9-го числа задул благоприятный северо-западный ветер, выделенные для триумфального вступления в город суда двинулись вверх по Неве. Вначале следовали три российские скампавеи*, за ними трофейные шхерботы**, потом шесть шведских галер и фрегат «Элефант» с приклоненными книзу шведскими флагами на корме

* Скампавея (от ит. *scampare* — спасаться и *via* — путь) — быстроходное военное судно русского флота в XVIII веке, длиной до 30 метров, шириной до 5,5 метра, с мелкой (до 1 метра) осадкой, как правило, с одной пушкой; приводилось в движение 12—18 парами весел и косыми парусами на одной-двух мачтах и использовалось для разведки, перевозки войск (могло принимать на борт до 150 человек) и высадки десанта.

** Шхербот (букв. лодка для плавания в шхерах) — небольшое (длиной до восьми метров) шведское парусно-гребное судно начала XVIII века с шестью—восемью парами весел и мачтой с косыми парусами, вооруженное четырьмя—шестью легкими пушками, на которой можно было передвигаться по узким проливам между мелкими скалистыми островами.

и высоко поднятыми рядом российскими Андреевскими флагами. Затем шла скампавея русского шаутбенахта — им был не кто иной, как сам Петр I. Замыкали шествие судов несколько скампавей с солдатами на борту. С самых окраин города победителей встречала ружейная и пушечная пальба. На каждый такой салют галера Петра I отвечала залпом из всех пушек.

Суда пришвартовались к причальной стенке у Троицкой площади, которая представляла собой пространство вдоль берега Невы, ограниченное с противоположной стороны длинным двухэтажным зданием Гостиного двора. Русские войска и пленные шведы вышли на берег и построились. Шествие на площади открыла рота преображенцев во главе с генерал-майором И. М. Головиным, за ними шли другие русские солдаты и пленные шведы, везли трофейные пушки и шведские знамена. Четыре российских унтер-офицера несли низко опущенный флаг шведского шаутбенахта Эреншельда, а сзади шел он сам. За ним следовал Петр I в качестве шаутбенахта российского флота и полковника преображенцев Петра Михайлова, а за царем — остальные роты Преображенского полка. Государь был одет в зеленый шитый золотом кафтан.

Когда Петр вступил под арку триумфальных ворот, его окружили сенаторы, знатнейшие лица государства и иностранные дипломаты, спешившие поздравить его с победой. Князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский от имени всей России поблагодарил Петра Михайлова «за его храбрость и оказанные им заслуги отечеству». Он же вручил Петру патент на чин вице-адмирала. После этого царь возвратился к своей шлюпке и поднял на ней вице-адмиральский флаг, а затем поплыл во дворец князя Меншикова на Васильевском острове, где всё было приготовлено для большого пиршества. Оно проходило в великолепном Большом зале, площадью 235 квадратных метров. Застолье продолжалось до девяти часов вечера, в нем участвовали высшие российские сановники, генералы, офицеры, иностранные дипломаты и пленные шведские обер-офицеры. Эреншельд сидел на пиру между Петром I и Меншиковым, на нем была подаренная царем новая одежда, богато расшитая серебром[327].

С этого момента установилась традиция ежегодных празднований победы в Гангутской баталии. В июле 1715 года русский флот отмечал ее у Ревеля, в июле 1716-го — у Копенгагена. В следующем году празднование не состоялось по причине отсутствия Петра I (в это время он был во Франции). В конце июля 1718 года флотское торжество вновь состоялось у Ревеля, где царь с флагманами, министрами и несколькими морскими и сухопутными офицерами пировал на корабле «Ингерманланд». Особым размахом отличалось празднование пятой гангутской годовщины. «Вице-адмирал Петр Михайлов» находился тогда в качестве командующего российским военным флотом у острова Лемланд в Аландском архипелаге у входа в Ботнический залив Балтики. В десятом часу утра на флагманский корабль «Ингерманланд» съехались «все министры, и генералы, и флагманы, и офицеры морские и обоих полков гвардии». После благодарственного молебна «распустили все флаги и вымпели на всех кораблях и галерах для украшения и стреляли из пушек наперед с галер один раз и потом из мелкого ружья також один раз беглым огнем с галер, потом со всего флота корабельнаго и с батареи палили из пушек один раз по пятнадцати выстрелов и потом еще с галер из мелкого ружья выстрелили». На обед у царя остались только флагманы, а прочие гости разъехались, но в шестом часу вечера снова собрались и пировали до одиннадцатого часа[328].

В 1720 году День Гангутской баталии отмечался на флоте близ Котлина. Флагманы и офицеры флота пировали на одном из линейных кораблей, «всё общество было разгорячено вином». Характерно, что в этот раз Петр I присутствовал на празднике не в качестве вице-адмирала, а как глава государства. Чествование морской победы одновременно проходило и в Петербурге.

Седьмую гангутскую годовщину флот праздновал у урочища Гаривалдай к западу от острова Котлин. Но Петр I находился в этот момент в столице, где руководил спуском на невские воды нового 66-пушечного корабля «Пантелеймон-Виктория»[329].

В 1722 году, в условиях Персидского похода, день славной гангутской победы также не был забыт. Русская

флотилия стала на якорь в Аграханском заливе Каспийского моря. Сначала раздались пушечные выстрелы с судна генерал-адмирала Апраксина, затем находившиеся на лодках солдаты палили беглым огнем из ружей. После этого Ф. М. Апраксин, дипломат П. А. Толстой, бывший господарь Молдавии сенатор князь Д. К. Кантемир и высшие военные чины до бригадиров* включительно «кушали на галере его величества». Затем торжество продолжилось на флагманском корабле Апраксина. Праздник завершился насильственным купанием гостей в теплой воде Каспийского моря, куда их побросали прямо в одежде с борта корабля. Одновременно годовщина Гангутского сражения праздновалась на Балтийском флоте.

На следующий год знаменательная дата вновь отмечалась российским флотом близ Ревеля, где сосредоточились 24 линейных корабля и пять фрегатов. Около полудня генерал-адмирал Апраксин вышел на шлюпке из Ревеля к флоту. Во время движения его шлюпки на всех кораблях били в барабаны, а команды стояли в строю вдоль бортов. Когда Апраксин прибыл на свой флагманский девяностопушечный корабль «Гангут», красиво расцвеченный флагами и вымпелами, с него было произведено девять пушечных залпов, а затем все 24 российских корабля одновременно выпалили также девять раз. С крепостных укреплений Ревеля был произведен салют из двадцати одной пушки. В четвертом часу вечера на «Гангут» прибыли приглашенные на торжество флагманы, капитан-командоры**, флотские капитаны и другие чины. Офицеры, участники Гангутской баталии, явились на празднество с золотыми медалями на золотых цепях. На корабле было расставлено множество столов с угощениями. При провозглашении тостов стреляли из пушек, в общей сложности было дано 18 залпов[330].

Одновременно викториальный праздник отмечался в Петербурге. «27-го, поутру, — пишет Ф. В. Берх-

---

* Бригадир — армейский чин V класса по Табели о рангах в 1722—1796 годах между полковником и генерал-майором.

** Капитан-командор — флотский чин по Табели о рангах, соответствующий бригадиру в армии.

гольц, — дан был сигнал для всех лейтенантов и последовало приказание, чтоб все начальствующие флотские офицеры русской веры собрались в церкви, в городе, и чтоб на всех кораблях приготовили по 9 выстрелов и палили, как скоро великий адмирал (Ф. М. Апраксин. — *В. Н.*) даст свои 9 выстрелов... После полудня великий адмирал выехал из города, и так как у него на шлюпке спереди вывешен был его белый адмиральский флаг, то на всех кораблях, мимо которых она проходила, барабаны били марш и люди стояли по бортам. В случае же, если великий адмирал взойдет на какой-нибудь корабль, экипаж должен прокричать трижды "ура!". Когда он прибыл к своему кораблю, который весь очень мило изукрашен был флагами, сперва раздались с него 9 выстрелов, а потом все 24 военных корабля в одно время выпалили свои девять, что произвело страшный шум и, при здешнем прекрасном эхе, походило на раскаты грома». На корабле генерал-адмирала состоялся праздничный обед, на который был приглашен Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский со всей своей свитой. Апраксин подробно рассказывал герцогу о Гангутском сражении и сильно напоил его[331].

Десятилетний юбилей Гангутской баталии 27 июля 1724 года стал последней годовщиной славной победы, отмечавшейся при жизни Петра I. Торжества прошли как в Петербурге, так и на флоте, стоявшем в тот день на якоре в Финском заливе. Государь участвовал в юбилейных торжествах в Северной столице. В этот день на воду был спущен семидесятипушечный корабль «Дербент». Затем три орудийных выстрела из Петропавловской крепости послужили сигналом для гостей, что им пора съезжаться на праздник. По свидетельству Ф. В. Берхгольца, Петр «был в отличном расположении духа, и потому на новом корабле страшно пили. Всё общество оставалось там до 3 часов ночи; но императорские принцессы получили позволение уехать домой еще до 9 часов вечера. Когда они уехали, даже и дамы должны были сильно пить... Между мужчинами, когда вино начало оказывать свое действие, возникли разные ссоры, и дело не обошлось без затрещин»[332].

Торжества на флоте начались около полудня. На

флагманском корабле вице-адмирала Д. Вильстера «Леферм» при орудийном выстреле взмыл желтый флаг с синим прямым крестом — сигнал всем кораблям палить из девяти пушек. Такой же флаг был поднят на втором флагманском корабле эскадры — «Святом Андрее» контр-адмирала Н. А. Сенявина. Корабли расцветились флагами и вымпелами, прозвучал мощный артиллерийский салют[333].

Первое празднование победы русского морского отряда над шведской эскадрой у Гренгама, одного из южных Аландских островов, одержанной шестью годами позже гангутской виктории, день в день, состоялось с опозданием, поскольку в ходе войны не всегда находилось время для торжеств. 4 октября 1720 года французский консул Анри Лави сообщил в донесении Гийому Дюбуа: «На прошлой неделе праздновали морскую победу, одержанную русскими над шведами; пиршества, фейерверки, иллюминации продолжались четыре дня. Чтобы придать блеску этому случаю и этим празднествам, перед зданием Военной коллегии воздвигнута была пирамида, которая окружена была 12 фонарями с русскими и латинскими надписями. Напротив большой площади стояли на якоре четыре фрегата, на которых шведский флаг развевался под царским. В честь его царского величества напечатаны были стихи»[334].

Ежегодно отмечалось взятие Нотебурга — древнерусского города Орешка, захваченного шведами в начале XVII века, а теперь переименованного в Шлиссельбург. 11 октября 1718 года царь писал из Шлиссельбурга супруге Екатерине Алексеевне: «Поздравляю вам сим счасливым днем, в котором русская нога в ваших землях фут взяла, и сим ключом много замков открыто» (в письме содержался намек на то, что Екатерина родилась в шведских владениях)[335].

Важнейшим праздником стал день заключения Ништадтского мира со Швецией. 19 сентября 1721 года Лави сообщил Дюбуа: «В прошлый понедельник царь водою прибыл из Петергофа в столицу. На его барже развевался белый флаг, и она вошла в Неву при звуках труб и литавр. Его величество, сойдя на берег, отправился сначала к московскому вице-царю кн. Ромодановско-

му, а потом в кофейню четырех фрегатов, где принимал приветствия и поздравления, которые вся находящаяся в городе знать приносила ему по случаю заключения мира со Швецией. По тому же случаю с крепости палили из пушек»[336].

В донесении, отправленном через пять дней, французский консул продолжает свой рассказ: «Царь не переставая задает всенародные пиры. Он ездил в Кронштот, сопровождаемый всем двором и иностранными министрами. Все были замаскированы (то есть в масках. — *В. Н.*) и ехали в барках, из коих образовался целый весьма приятный для глаз флот, при звуках барабанов, труб, литавр и прочих инструментов. Ее величество царица в этой поездке не участвовала по причине легкого нездоровья... На другой же день, по возвращении царя в столицу, троекратный пушечный выстрел возвестил приглашенным, что время снова садиться на барки и отправляться в Шлиссельбург. Там пиршества продолжались и праздновалась годовщина взятия этой крепости у шведов. Его величество вернулся оттуда вчера под вечер, когда в здании почты происходил обед по случаю празднования дня рождения великого князя Московского»[337] (маленького Петра Алексеевича, царского внука).

Окончание Северной войны было отпраздновано с невероятным размахом. 8 ноября 1721 года Кампредон сообщил Дюбуа: «Не входя в подробное описание начатых в прошлое воскресенье и имеющих продолжаться целую неделю празднеств, по случаю мира, скажу лишь одно: здесь ничего не пожалели, чтобы сделать их елико возможно блестящими. Храм Януса, великолепный фейерверк и несколько фонтанов из вина и водки представляли зрелище, самое приятное для народа и достойное великого монарха, повелевшего устроить всё это»[338].

Семидневное празднество проходило в виде маскарада. Историк В. О. Ключевский писал: «Петр был вне себя от радости, что кончил бесконечную войну, и, забывая свои годы и недуги, пел песни, плясал по столам... Тысяча масок ходила, толкалась, пила, плясала...»В конце концов публика даже устала веселиться «и все были

рады-радешеньки, когда дотянули служебное веселье до указанного срока»[339].

Некоторые викториальные празднования носили разовый характер и так и не закрепились в традиции. Так, в начале октября 1710 года Петр I устроил трехдневное торжество по случаю необыкновенно удачной летней кампании, во время которой было взято восемь сильнейших шведских крепостей: Эльбинг, Рига, Дюнамюнде, Пернов, Аренсбург, Ревель, Выборг и Кексгольм, благодаря чему русский государь стал хозяином Лифляндии, Эстляндии и Карелии. По большому счету цель войны со Швецией была полностью достигнута, и теперь нужно было лишь сохранить за собой эти завоевания.

Празднование началось 19 октября. Прежде всего отслужили молебен во всех русских церквах. Затем в Санкт-Петербургской крепости и в Адмиралтействе был дан пушечный салют. У входа в Петропавловский собор царь поставил своего обер-кухмейстера Иоганна Фельтена, одетого в черное платье и широкий плащ; голова его была покрыта черной фатой. Датчанин Фельтен являлся великим ненавистником шведов, однако имел несчастье родиться на границе шведских владений в Германии, поэтому Петр постоянно дразнил его и заставлял изображать шведа при всех викториальных торжествах. Теперь страдалец в траурном одеянии по обыкновению стоял у дверей собора и делал вид, что плачет. Когда входящие или выходящие спрашивали о причине его горя, кухмейстер отвечал: «Как мне не горевать, когда враг отнял у меня всю Лифляндию и я лишился там последнего своего города!»

Над Санкт-Петербургской крепостью развевался желтый русский штандарт; стоявший на Неве корабль был сплошь увешан по реям, мачтам и стеньгам разноветными флагами, гюйсами* и вымпелами**. В течение всего дня в городе раздавался колокольный звон. Вечером повсюду была зажжена иллюминация, а ближе к

* Гюйс (голл. *geus* — флаг) — военно-морской флаг, поднимаемый ежедневно с восьми часов утра до захода солнца на носу (на флагштоке на бушприте) корабля во время якорной стоянки.

** Вымпел (голл. *wimpel*) — узкий длинный флаг, раздвоенный на конце.

ночи устроен фейерверк. Ночью на верхней части Петропавловского собора зажглись многочисленные фонари. Корабль на Неве по реям, стеньгам, мачтам и такелажу грот-мачты был украшен великим множеством горящих шкаликов. В окнах домов выставили аллегорические картины, позади которых зажгли большое количество свечей. Многие дома были увешаны снаружи сотнями фонарей. Всеобщее веселье и попойка длились до трех часов утра.

На следующий день торжества продолжались. Санкт-Петербург расцветился множеством флагов и штандартов. Петр I со всем двором и знатные иностранцы были приглашены на обед к генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину. Во время праздничного пира каждый тост приветствовался одиннадцатью пушечными залпами. С наступлением темноты в окнах домов вновь высветились аллегорические картины, а корабли, дома и башни повсеместно украсились фонарями. Однако в этот день вследствие недомогания государя веселье окончилось в девять часов вечера.

На третий день праздника, 21 октября, двор и высшее общество были позваны на обед к одному из богатейших петербуржцев, князю А. М. Черкасскому. Пир продолжался до вечера, а затем царь принялся со всей своей свитой ходить из дома в дом, к вельможам и прочим лицам, причем незваные гости повсюду ели и пили. В девять часов вечера Петр в сопровождении множества министров, князей и бояр явился в дом датского посланника Юста Юля, который в то время был болен. Все гости, за исключением царя, были совершенно пьяны. Можно представить себе состояние несчастного хозяина, вынужденного с трудом встать с постели, чтобы попотчевать такую прорву народа. Петр рассказывал Юлю, что, по подсчетам слуг, выпил в этот день 36 стаканов вина, однако, по словам датского дипломата, этого никак нельзя было заметить. А генерал-адмирал Апраксин хвастался, что в течение трех праздничных дней осилил 180 стаканов спиртного[340].

Четырнадцатого марта 1714 года был дан торжественный пир по случаю победы, одержанной князем М. М. Голицыным над шведами в Финляндии. Первый

заздравный кубок был провозглашен за царя, второй — «за всех храбрых матросов», третий — «за всех верных союзников», четвертый — «за всех храбрых воинов»[341].

Девятого декабря 1715 года Петр I «давал почетный пир» по случаю взятия балтийского острова Рюген. Гостям было роздано двести дынь, «привезенных водою из Астрахани»[342].

Рождение кораблей

Большими праздниками являлись спуски на воду вновь построенных крупных военных кораблей. Так, в воскресенье 5 марта 1721 года со стапелей сошел огромный 86-пушечный корабль «Фридемахер», то есть «Миротворец». Яркое описание состоявшихся по этому случаю торжеств содержится в донесении французского посланника Жака Кампредона министру иностранных дел Франции Гийому Дюбуа от 11(22) марта 1721 года. Петр I лично присутствовал при всех подготовительных работах. Для спуска корабля на Неве был вырублен лед. Как только судно сошло на воду, раздалось 20 пушечных выстрелов, а затем царь отправился за супругой, находившейся со всеми дамами своего двора в санях на льду. Кампредон повествует о последовавшем затем празднике как его очевидец и участник торжественного мероприятия: «Я был приглашен на эту церемонию и должен был вместе со всеми другими взойти на корабль, где были приготовлены столы, уставленные, по случаю поста, всевозможными рыбными блюдами. Царица с придворными и городскими дамами поместилась в первой кормовой каюте. Царь, в качестве вице-адмирала, во второй каюте и за вторым столом».

«Меня, — продолжает Кампредон, — посадили за одним столом с адмиралом Апраксиным, исполнявшим обязанности хозяина праздника. Князь-папа, или патриарх, занимал со своими мнимыми кардиналами верхний конец стола, а посередине помещались сановники в орденских лентах, царские министры и генералы. Как всегда в подобных случаях, пили страшно много, и каюта до того наполнилась наконец дымом и гулом голо-

сов, что невозможно было ни дышать, ни расслышать друг друга. Папа и кардиналы стали петь, а караул никого не выпускал, так что я никогда в жизни не подвергался такому тяжкому испытанию»[343].

Празднование первой годовщины Гренгамского сражения 27 июля 1721 года было ознаменовано спуском на воду нового военного корабля «Пантелеймон-Виктория». Это событие подробно и красочно описано в дневнике Ф. В. Берхгольца. Когда приглашенные собрались в Адмиралтействе, «его величество царь был уже там и прилежно трудился над приготовлением к спуску». Убедившись, что всё готово, он взошел на корабль и приказал начать его освящение. Этот обряд был совершен новгородским епископом Феодосием Яновским в задней каюте. По окончании церемонии Петр расставил почетных гостей по местам, откуда лучше всего можно было видеть спуск, а сам вновь направился к кораблю, поскольку «должен был собственноручно сделать первый удар при отнятии подмостков».

Голштинский камер-юнкер подробно описал технологию спуска корабля со стапелей: «Корабль, назначенный к спуску, был прикреплен большими железными балками к полозьям, намазанным жиром, с которых он съезжает на воду, когда поперечные балки, держащие его с обеих сторон на стапеле, снизу вдруг отнимаются и в то же время отдергиваются веревками. При отнятии задней балки корабль сперва медленно спустился со штапеля, но потом как стрела слетел на воду... Когда он пошел по воде, с него раздались звуки литавр и труб, смешавшиеся с шумными восклицаниями народа... В то же время началась пушечная пальба в крепости и Адмиралтействе. Выплыв на средину реки, корабль повернулся и шел несколько времени по течению воды; потом остановился на якоре. Этот счастливый спуск несказанно радовал царя, который, лишь только корабль сошел на воду, тот час поехал на него в своей шлюпке и стал принимать всех гостей, спешивших туда один за другим».

В корабельных каютах столы были уставлены холодными кушаньями. Екатерина Алексеевна и другие дамы

расположились в верхней каюте, а Петр с мужчинами — в нижней. «При подобных празднествах мало обращают внимания на этикет и все обыкновенно садятся как придется», — отметил Берхгольц. На одном конце стола расположился князь-папа П. И. Бутурлин со своими кардиналами; А. Д. Меншиков и Ф. М. Апраксин сели друг против друга, а справа и слева от них разместились сенаторы и другие вельможи.

На празднованиях в честь спуска на воду кораблей положено было пить крепкое венгерское вино. Для каждого такого случая Петр приказывал «выдавать Адмиралтейству 1000 рублей на вино и кушанье». «...Последнее, — пишет голштинец, — обходится недорого, потому что бывает только холодное и не слишком изысканное, но вино, которого выпивается страшное количество, стоит очень много». Заметив, что некоторые из гостей пили бургундское, рейнвейн или французское белое вино, «его величество сильно рассердился и приказал всем и каждому за столом выпить в наказание в своем присутствии по огромному стакану венгерского». Поскольку стаканы наполнялись по приказу царя из двух разных бутылок и все гости сразу же сильно опьянели, Берхгольц резонно предположил, что в вино подливали водку. Затем Петр ушел в верхнюю каюту к супруге и обратно уже не возвращался; «уходя в неудовольствии к царице, он поставил часовых, чтоб никто и ни под каким видом не мог уехать с корабля до его приказания». В его отсутствие возлияния продолжались; дело доходило до драк или, наоборот, братания. Апраксин плакал, Меншиков упал замертво и был с трудом приведен в чувство своей заботливой супругой. Наконец пришло известие, что царь и царица уже уехали и что выход свободен. По этому случаю «радость была всеобщая»[344].

Спуски на воду кораблей в петровское время происходили часто, но празднования по этому поводу не отличались разнообразием программы. Государь в каждом подобном случае стремился напоить гостей до умопомрачения, поскольку, по его мнению, только в таком состоянии можно было от души веселиться и радоваться успехам российского кораблестроения.

Важное место в череде праздников в окружении Петра Великого занимали именины и дни рождения царя, его родственников и ближайших друзей, а также такие семейные памятные даты, как день второго бракосочетания государя.

Свое 36-летие Петр I отметил 30 мая 1708 года в Нарве, где присутствовал «при обращении лютеранской кирки в православную церковь», а затем вместе с прибывшими из Москвы вдовствующими царицами Марфой Матвеевной и Прасковьей Федоровной и своими сестрами Екатериной, Феодосией и Натальей поехал в Кронштадт, где они «проводили время в осмотре флота, в развлечениях на воде и в праздновании дня рождения Его Величества. Затем они вернулись в Петербург, чтобы месяцем позже «выехать в Нарву, провести там день тезоименитства государева»[345].

В Петербурге Петр обычно отмечал свои дни рождения и именины весело и с размахом. Например, в конце мая 1710 года он устроил в петербургском кружале пир, на котором в числе прочих гостей присутствовали датский посланник Юст Юль и польско-саксонский посланник Фридрих Фицтум. После обеда все гости перебрались в дом князя Меншикова, куда явились также Екатерина Алексеевна и дочери покойного царя Иоанна со свитой. Как отметил Юль, «тут снова весело кутили, пили и танцевали». По свидетельству датского дипломата, вельможи не поскупились: Меншиков подарил царю 100 тысяч рублей и, кроме того, 28 восьмифунтовых пушек, отлитых по распоряжению светлейшего князя в Нарве. Тайный советник Иван Алексеевич Мусин-Пушкин презентовал государю 20 тысяч рублей[346].

В день Петра и Павла в 1710 году большой пир был устроен у князя Меншикова. Юст Юль рассказывает об этом празднике: «...много ели, много пили и много стреляли; и разгула, и шума было здесь столько же, сколько на любом крестьянском пиру. Среди обеда внесли цельного жареного быка; жарили его в течение двух дней. Попойку и кутеж мы выносили до 4 ч. утра». На следующий день в доме светлейшего «было большое собрание, состоявшее как из мужчин, так и из женщин. Тут

все присутствующие без различия пола и состояния вынуждены были прыгнуть в канал, вырытый князем на его счет у его дома, и простоять там два часа кряду, выпивая заздравные чаши. Одни только царевны были пощажены». «Что до меня, — гордо заявляет Юль, — то я от этого мужицкого праздника устранился»[347].

По свидетельству английского посланника Джеймса Джеффриса, день рождения царя в 1719 году «отпразднован был большим пиршеством»: «Его Величеству минуло 47 лет. Он поутру пожаловал орден Св. Андрея Первозванного барону Шафирову, затем около полудня прибыл в церковь. После молебствия с укреплений раздались пушечные выстрелы, государь же отправился в здание почтамта, где приготовлен был стол для дворян и других знатных особ. Были приглашены и иностранные уполномоченные». Радостное настроение виновника торжества усугубилось полученным в этот день известием о победе, одержанной 24 мая ревельской эскадрой над шведами[348].

Празднование именин Петра I 29 июня 1721 года отражено в дневнике Берхгольца: «Было тезоименитство царя, которое здесь почти более празднуется, чем день его рождения». Около одиннадцати часов утра царь вышел к стоявшей в строю гвардии. Гольштинский камер-юнкер отметил: «...после первого залпа из ружей он хотел поспешно удалиться: вероятно, ему или очень хотелось кушать (так как он обыкновенно обедает в 11 часов), или он был занят какими-нибудь мыслями и забыл про обычный порядок, по которому эти залпы повторялись три раза. Но князь Меншиков побежал за ним и спросил, не угодно ли ему будет остаться до окончания стрельбы. Тогда царь воротился, выждал, пока всё кончилось, и ушел... Уходя, он сильно тряс головой и подымал плечи, что было признаком, что мысли его заняты чем-нибудь другим и что он в дурном расположении духа». После обеда высшее общество собралось в Летнем саду. Государь явился туда, когда все уже были в сборе и гуляли по аллеям. С его приходом в галерее начались танцы. По уже заведенному порядку бал открыли Петр с Екатериной, герцог Карл Фридрих — с Анной Петровной и Меншиков — с Елизаветой Петровной. «По окончании

этого веселого танца, — рассказывает Берхгольц, — выбирали некоторых из наших кавалеров, в том числе и меня, — а потом я имел еще честь танцевать с младшею принцессою (Елизаветой. — *В. Н.*) английский танец*. После бала, продолжавшегося довольно долго, все отправились по домам, и мы радовались, что можем отдохнуть после всех этих празднеств»[349] (как мы помним, за два дня до именин Петра I с большим размахом отмечалась годовщина полтавской победы).

Берхгольц описал также празднование именин Петра I 29 июня 1723 года, отметив, что «в этот день вся императорская фамилия была очень весела».

Утро началось с богослужения, на котором присутствовал весь императорский двор. По окончании литургии пушки Санкт-Петербургской крепости и Адмиралтейства отсалютовали одним залпом. Петр I вышел из церкви и на лодке переплыл через Неву к полкам гвардии, которые стояли в строю на лугу перед Летним садом. Гвардейцы приветствовали государя беглым ружейным огнем, а затем в стройном порядке под музыку отправились в свои казармы.

В пять часов вечера пушечный выстрел возвестил, что знатные особы приглашаются на гулянье в Летнем саду. Гости на буерах, торншхоутах и других мелких судах проплыли по Неве и причалили к Адмиралтейству, где император при пушечной пальбе с адмиралтейских валов «окончательно устраивал киль у своего большого вновь строящегося корабля». Всем присутствовавшим поднесли по стакану вина, затем гости на своих судах поплыли к Летнему саду, где уже находились три цесаревны и великий князь Петр Алексеевич с сестрой Натальей. Участники торжества гуляли по аллеям сада или сидели за столами. «В саду, — отметил Берхгольц, — я

---

* Английский танец, англез (фр. *danse anglaise*) — одна из разновидностей контрданса английского происхождения. Контрданс (англ. *country dance* — деревенский танец) впервые упоминается в 1579 году. В XVII веке он появился в Нидерландах и Франции, постепенно вытеснив менуэт. Его доступность, живость, возможность участия любого количества пар, образующих круг или две линии танцующих, сделали его в XVIII—XIX веках очень популярным в Европе, в том числе и в России. Возникли многочисленные разновидности контрданса: кадриль, гросфатер, экосез, тампет, лансье, котильон, предур и др.

с удивлением смотрел на иностранных корабельщиков (которые могут свободно являться на все празднества, назначаемые в саду, где имеют и свой особый стол): они сидели с императором, который поместился между ними, в своих шапках и шляпах на головах, и толковали с ним без всяких церемоний, потому что его величество с такими людьми обходится очень милостиво и с большим удовольствием пускается с ними в разговоры о мореплавании и торговле». После прогулок и легкого ужина начались танцы, продолжавшиеся до полуночи; после чего «начался фейерверк, который устроен был на реке перед садом; но он состоял только из ракет, воздушных шаров, швермеров, огненных колес и тому подобного»[350].

С неменьшим размахом отмечались тезоименитства светлейшего князя Александра Даниловича. Английский посланник Ч. Уитворт сообщил статс-секретарю Р. Гарлею, что 23 ноября 1707 года, в день именин князя Меншикова, в его дворце в Немецкой слободе состоялось большое празднество. Обедом заведовали князь Матвей Петрович Гагарин и царский лейб-медик доктор Роберт Арескин. К столу были приглашены около четырехсот знатнейших гостей. Уитворт рассказывает: «Царевна Наталья, любимая сестра государя, вдовствующая царица (Прасковья Федоровна. — *В. Н.*), три молодые княжны, ее дочери, и все дамы обедали в особом покое. В большой зале приготовлено было несколько столов для мужчин, среди которых первое место занимал царевич-наследник (Алексей Петрович. — *В. Н.*) и находились самые знатные лица. Между прочим удостоился приглашения и я. Князь Гагарин провозгласил первый тост за здоровье его величества, а затем его высочество царевич-наследник пил за ее величество королеву (Анну Английскую. — *В. Н.*). Каждый из этих тостов сопровождался залпом из пятидесяти орудий... Вечером был выход, затем бал; торжество закончилось двумя прекрасными фейерверками»[351].

Через год Уитворт писал из Москвы уже новому статс-секретарю Чарлзу Бойлю: «Вчера день рождения князя Меншикова праздновался здесь с большою торжественностью. Царевич-наследник, вся знать, старшие

сановники, датский и прусский посланники и я — приглашены были во дворец князя на большой обед; при чем пили за здоровье царя, ее величества, королей Датского и Прусского, при залпах из двадцати пушек при каждом тосте. Вдовствующую царицу и царевен угощали в то же время в отдельных покоях. Всё торжество до самого конца прошло при общем удовольствии»[352].

Ни один год не обходился без широкого празднования дня рождения или именин Меншикова. Сразу же по приезде из Нарвы в Петербург 4 декабря 1709 года царь собрал иностранных дипломатов на обед в доме генерал-адмирала Апраксина, устроенный по случаю дня рождения Александра Даниловича. Присутствовавший на нем датский посланник Юст Юль подметил несколько интересных особенностей русских великосветских мероприятий: «...за этим обедом все, даже сам царь, ели деревянными ложками. Несмотря на русский шестинедельный пост, за столом подавали как рыбу, так и мясо. Обедавшие лица, до капитанов включительно, сели за один стол с царем. Стол был длинный, как у нас в застольных... У Апраксина приходилось пить много, и никакие отговорки не помогали; каждая заздравная чаша сопровождалась выстрелами». После обеда Юль попросил у царя разрешение отлучиться домой по важному делу, но это было строжайше запрещено. Несколько человек получили приказание следить за тем, чтобы датский посланник как-нибудь не ускользнул. Тем временем «шла попойка, шуты орали и отпускали много грубых шуток, каковым в других странах не пришлось бы быть свидетелем не только в присутствии самодержавного государя, но даже на самых простонародных собраниях». Датский дипломат всё же сумел незаметно покинуть помещение, выполнил положенные дела и снова вернулся в дом Апраксина. «Затем, — рассказывает он, — мы всю ночь напролет проездили взад и вперед, были в одиннадцати местах и всюду ели и пили в десять раз больше, нежели следовало». Завершение праздника описано Юлем необычайно красочно: «Кутеж, попойка и пьянство длились до 4 ч. утра. Всюду, где <мы> проходили или проезжали, на льду реки и по улицам лежали пьяные; вывалившись из саней, они отсыпа-

лись в снегу, и вся окрестность напоминала поле сражения, сплошь усеянное телами убитых». На другой день все сидели по домам, «никто не знал и не хотел знать, где находится царь, так что после вышеописанного кутежа в течение двух дней нельзя было разыскать царя и говорить с ним»[353].

Однажды празднование тезоименитства жены Петра I переросло в теологический диспут. Анри Лави сообщил Гийому Дюбуа 8 декабря 1719 года: «Во вторник, согласно обычаю, праздновали день Св. Екатерины, именины Ее Величества царицы. Царь сидел за большим столом с архиереем и многими другими высшими духовными лицами и избранными священниками и держал к ним довольно длинную речь насчет постановлений первоначальной церкви. Он сказал им, что, по его убеждению, это огромное количество постов и совершаемых попами церемоний менее приятны Богу, чем сокрушенное и смиренное сердце, и увещевал их превыше всего поучать народ нравственности, потому что тогда суеверие исчезнет мало-помалу в его государстве и подданные его станут Богу служить лучше, а ему вернее»[354].

День именин старшего сына царя, Алексея Петровича, отмечался 17 (29) марта. «По заведенному порядку, — сообщает Юль, — день этот царь отпраздновал (в 1710 году. — *В. Н.*) в Петербургском кружале пиром, на котором было от двухсот до трехсот человек, дудевших, свистевших, певших, кричавших, куривших и дымивших в присутствии царя. Кушанья подавались исключительно рыбные... Праздник в этот день прекратился рано, так как царь, по его словам, чувствовал себя нехорошо»[355].

После рождения великой княжны Натальи Алексеевны, дочери царевича Алексея Петровича (1714), а затем и царевны Натальи Петровны, младшей дочери Петра I (1718), их именины также вошли в число официальных семейных праздников. Одно такое торжество, состоявшееся 26 августа 1724 года, отражено в дневнике Ф. В. Берхгольца. Оно состоялось в Летнем саду. Петр I не присутствовал там по причине болезни, поэтому его супруга и племянницы-герцогини Екатерина Иоаннов-

на и Анна Иоанновна также не приехали. Цесаревны Анна и Елизавета привезли свою маленькую сестру Наталью, а также племянников Наталью и Петра. Обе именинницы принимали поздравления и подавали гостям рюмки с венгерским вином. После этого угощения молодые члены императорской семьи удалились и празднество окончилось без обеда и танцев[356].

День рождения великого князя Петра Алексеевича отмечался 12 октября. Празднование его девятилетия в 1724 году в галерее Летнего сада также описано в дневнике голштинского камер-юнкера Берхгольца. К пяти часам вечера «съехалось большое общество дам и кавалеров и собрались все иностранные министры. Императрица с принцессами, маленьким великим князем и дамами кушала отдельно; кавалеры же сидели за двумя длинными столами». Обед продолжался около полутора часов, затем начались танцы. Их открыл полонезом* герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский в паре с Екатериной Алексеевной; вместе с ними танцевали цесаревны Анна и Елизавета с братом-именинником и принцем Карлом Гессен-Гомбургским. В девять часов вечера праздник был окончен[357].

К числу ежегодных семейных праздников относилась годовщина свадьбы Петра I и Екатерины Алексеевны, состоявшейся 19 февраля 1712 года. В донесении английского резидента при российском дворе Джорджа Макензи статс-секретарю лорду Таунсенду от 21 февраля 1715 года отмечено: «Прошлую субботу царь семейно праздновал день своего бракосочетания с нынешней царицей. День этот совпадает с днем рождения царевича-наследника, но его высочество уехал накануне ночью в одну из ингерманландских деревень, назначенных ему отцом в собственность»[358].

Со временем празднования годовщин бракосочетания царской четы становились всё более пышными. Яркое описание торжеств 1721 года содержится в донесении французского посланника Жака Кампредона министру иностранных дел Франции Гийому Дюбуа от

*Полонез (фр. *polonaise*) — имеющий польское происхождение торжественный танец-шествие, как правило, исполнявшийся в начале бала; танцующие пары двигались по установленным правилами геометрическим траекториям.

3(14) марта. Памятная дата выпала на воскресенье. К этому случаю как раз приспела и аудиенция вновь прибывшего посланника у государыни, назначенная на десять часов утра. «В ее передней, — сообщал Кампредон, — я нашел всех украшенных голубыми орденскими лентами сановников с кн. Меншиковым. Когда, спустя немного времени, царица вышла, со всеми своими придворными дамами, в великолепном наряде, вся покрытая драгоценными каменьями, я сказал ей короткую приветственную речь, которой она осталась, по-видимому, довольна. После этого меня, от имени царя, пригласили на большую ассамблею, долженствовавшую происходить в почтовом доме. Царь с царицей прибыли туда со всем двором в пять часов вечера, по возвращении с катанья в санях, из коих в каждых помещается от 12 до 15 человек. Для царицы и прочих придворных и просто приглашенных дам имелся отдельный покой с довольно изящно накрытым столом, куда не входил ни один мужчина, кроме тех, которые прислуживали царице и ее детям».

«Вдоль стен залы, где собрались мужчины, — продолжает посланник, — расставлены были три длинные стола, каждый в 60 кувертов*, уставленные холодными мясными блюдами. Царь поместился за тем столом, за которым сидели моряки. Распорядителем праздника был кн. Меншиков. Он сидел в конце стола, за которым вперемежку и без всяких чиноотличий разместились сановники в голубых лентах (кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного. — *В. Н.*), прочие московские князья и иностранные министры». За другим столом сидел шутовской «патриарх» с дюжиной «священников» Всешутейшего собора «в одеждах в роде кардинальских и которых единственная обязанность состояла в том, чтобы пить много вина-водки и курить табак». Напротив них находились казацкие депутаты, прибывшие в столицу с подарками царю.

«Кн. Меншиков, — пишет далее французский дипломат, — несколько раз провозгласил тосты, обнося большие стаканы венгерского вина, которые надо бы-

* Куверт (от фр. *couvrir* — накрывать) — полный столовый прибор торжественной сервировки на парадном обеде.

ло пить без милосердия, и самый большой — за здоровье флота, составляющего главную радость Царя. Выходить из-за стола не дозволялось; многие тут же заснули, и я сам не вышел бы живым, если бы не начался великолепный фейерверк, отвлекший внимание провозгласителей тостов. Я воспользовался причиненным им беспорядком и перешел в покой царицы, где происходили танцы». В этом зале Кампредон встретил юных дочерей Петра I Анну и Елизавету, которые, по его мнению, «очень хороши собой и прекрасно сложены, так же как и маленький принц (внук царя Петр Алексеевич. — *В.Н.*), именуемый здесь великим князем».

Государь во время этого праздника пребывал в приподнятом настроении. По словам Кампредона, «во время ужина царь несколько раз вставал, провозглашал сам тосты то за тех, то за других, время от времени входил к царице и подпевал певцам, голоса коих были не из самых приятных. Затем он протанцевал польский с царицей, а принцессы танцевали с гг. канцлером, Толстым, Долгоруким и кн. Голицыным. По окончании этого танца царь совершил церемонию обручения сына канцлера с дочерью князя Ромодановского, вслед за тем он сам обнес вином всех родственников и друзей обрученных; царицу он поцеловал в лоб, после чего все разъехались»[359].

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Глава двенадцатая

Обряды русские и не только

Родины и крестины

Участие Петра I в различных обрядах являлось существенной частью его повседневной жизни. «На крестинах, родинах, свадьбах, похоронах и т. п. царь охотно бывает у своих офицеров, какое бы незначительное положение ни занимал тот, кто его зовет», — отметил датский дипломат Юст Юль[1]. Царю, конечно, приходилось присутствовать на свадьбах и похоронах членов высшего российского общества. К сожалению, лишь некоторые такие случаи нашли отражение в источниках. Тем не менее по ним можно составить наглядную картину обрядов того времени.

По положению монарха Петр I часто выступал в роли крестного отца детей своих подданных или присутствовал на крестинах.

Православный обряд крещения глазами иностранца-католика, секретаря австрийского посольства Иоганна Георга Корба, виделся таким: «Русские не признают истинно крещенными и христианами тех, кто, по римскому обряду, одним только обливанием воды, во имя

Пресвятейшей Троицы, возрождается во Христе. Московитяне, по упрямому суеверию, утверждают, что крещение должно производиться через погружение в воду, так как нужно прежнего человека утопить в воде, а это можно сделать только погружая его в воду, а не обливая оной... И так как в Божестве три лица, то считают необходимым крестить через тройное погружение в воду»[2].

Крестины часто совпадали с родинами — посещением рожениц с подарками. «Ежели жена знатного человека родит, — пишет Корб, — муж немедленно извещает о том должностных и купцов; впрочем, этот знак внимания довольно тягостен тому, кому он оказывается, так как каждый, кто только боится могущества этого лица или старается снискать себе его покровительство, получив известие о новорожденном младенце, заявляет со своей стороны вежливость отцу дитяти посещением и, поцеловав родильницу, подносит какой-либо подарок, в память рождения ребенка. Должно, однако, остерегаться дать менее золотого, так как это сочтено было бы за неуважение; зато предоставлена полная свобода щедрости каждого поднести больший подарок»[3].

Петру I доводилось присутствовать не только на православных, но и на католических и протестантских крестинах. Так, 28 сентября (9 октября) 1698 года Корб записал в своем дневнике, что «царь был восприемником первородного сына датского посла», протестанта Пауля Гейнса. Ребенок был наречен в честь русского государя Петром. При крещении также присутствовали российский генерал Франц Лефорт, его саксонско-польский коллега Георг фон Карловиц, гамбургский купец, датский поверенный в делах Генрих (Андрей Иванович) Бутенант фон Розенбуш, а из женщин — Маргарета Мензис, вдова шотландца, генерал-майора русской службы Пола Мензиса, баронесса Мария Шарлотта Бломберг, супруга полковника Преображенского полка Иоганна Эрнста Бломберга, а также фаворитка царя Анна Маргрета Монс. По словам Корба, «во все время обряда его царское величество был в прекраснейшем расположении духа, целовал ребенка, когда тот, окропленный святой водой, стал было плакать». Датский посол поднес в подарок царю табакерку, которую тот с благо-

дарностью принял и обнял хозяина. Во время крестин произошел эпизод, несколько омрачивший праздник и обнаруживший тяжелый нрав Петра. Подвыпивший Александр Меншиков пустился в пляс, забыв при этом снять, как положено, саблю. Петр «напомнил ему пощечиной, что с саблями не пляшут, отчего у того сильно кровь брызнула из носа» За ту же оплошность царь хотел аналогичным образом наказать и Бломберга; «полковник, однако, выпросил себе прощение, хотя с большим трудом»[4].

Великолепными праздниками становились крестины детей князя А. Д. Меншикова. Английский посланник Ч. Уитворт сообщил статс-секретарю Ч. Бойлю, что 11 февраля 1709 года «княгиня разрешилась сыном, который и окрещен на следующий день». Это произошло в Белгороде, где в то время находились Петр I и Меншиков с супругой и свитой. На крещении «царь был восприемником и нарек новорожденному имя Лука Петр. Имя Луки дано в память калишской победы, одержанной в день Св. Луки (18 октября 1706 года. — *В. Н.*). Государь дал также роскошный обед по этому случаю».

В то время, когда гости сидели за столом, гонец привез радостную весть: войска шведского короля Карла XII, атаковавшие кавалерийский корпус российского генерала барона Карла Эвальда Ренне, после энергичного сопротивления были отброшены: «...шведов преследовали на пространстве целой мили, причем у них отнято четыре знамени»; «...убитых неприятелей насчитано до 500, между прочим 16 драбантов* и несколько человек из офицеров, окружавших короля, под которым убита лошадь». В знак победы Ренне прислал Петру I отнятые у неприятеля литавры. В качестве крестинного подарка царь пожаловал новорожденному Луке Меншикову сто крестьянских дворов и произвел его в поручики лейб-гвардии[5].

Крещение другого сына князя Меншикова, Александра, состоялось 11 (23) марта 1714 года. По этому поводу брауншвейгский резидент Х. Ф. Вебер заметил: «...так

---

*Драбант (нем. *Trabant* — телохранитель) — солдат личной охраны командующего или почетной стражи правителя государства из специально отобранных людей.

как у русских существует обычай, чтобы все родственники и близкие дому люди при крещении навещали родильницу, целовали ее и клали ей на постель подарки, то княгиня Меншикова, одна из вежливейших дам в России, при этом случае также не была забыта»[6].

Вебер описал также крестины царевича Петра Петровича, сына Петра I и Екатерины Алексеевны, родившегося 29 октября (9 ноября) 1715 года. Крещение было совершено через девять дней, «высокими восприемниками» считались короли Дании и Пруссии. «Обряд праздновался с особенным великолепием, — отметил брауншвейгский дипломат. — Самое замечательное на этом празднике составлял пирог, из которого вышла довольно красивая карлица, совершенно нагая и украшенная красными лентами и фонтажем*. Явившись из пирога, она произнесла речь, угощала присутствующих бывшим у нее вином из своего же стакана, сама выпила за здоровье различных особ и затем убрана была со стола. На столе дамском таким же образом являлся карлик. Когда стемнело, всё общество отправилось на остров Иеннессари, где сожжен был превосходный фейерверк в честь новорожденного царевича»[7].

Вечером 3 августа 1724 года императорская чета была на крестинах в доме денщика Петра I Андрея Древника. Его новорожденный сын был наречен Петром в честь государя, ставшего крестным отцом. На церемонии присутствовало множество придворных дам и кавалеров, а также мекленбургская герцогиня Екатерина Иоанновна и ее сестра, курляндская герцогиня Анна Иоанновна. Крещение проводилось по католическому обряду, поскольку отец ребенка принадлежал к этому вероисповеданию. Присутствовавший там же Ф. В. Берхгольц отметил: «...так как католический священник слишком растягивал обряд крещения, то его величество соскучился наконец держать младенца и передал его великому адмиралу»[8].

---

*Фонтаж — прическа в виде туго завитых локонов, протянутых между лентами и кружевами, получившая название по имени фаворитки короля Людовика XIV Марии Анжелики де Фонтаж. Сначала она была мягкой и низкой, потом превратилась в башнеобразную благодаря тому, что материю стали крахмалить и натягивать на проволочный каркас.

Через неделю Петр I с супругой, герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский, герцогини Мекленбургская и Курляндская, а также почти весь двор присутствовали на крестинах в доме Павла Федоровича Балка, камергера императрицы Екатерины Алексеевны. Обряд совершал православный священник, дочь Балка была наречена Екатериной в честь императрицы. На другой день герцог Гольштейн-Готторпский послал Балку крестинный подарок — две шведские золотые медали, каждая стоимостью в 50 червонцев[9]. Вне сомнения, императорская чета одарила новорожденную не менее щедро.

Крестины дочери генерал-прокурора П. И. Ягужинского Анастасии состоялись 25 ноября 1724 года. Петр I на них не присутствовал, зато приехала Екатерина Алексеевна. По словам Ф. В. Берхгольца, «за столом и после стола сильно пили. Все тосты начинал великий канцлер Головкин как тесть хозяина, и при провозглашении здоровья ее величества императрицы все здешние старые вельможи бросились перед нею на колени. После обеда государыня с дамами прошла опять к родильнице, которая лежала на постели разряженная в пух. Ее величество просидела там еще с час, а гости в это время продолжали весело попивать»[10].

Царь нередко отправлялся в гости к простым людям, охотнее всего посещая дома корабелов. Вернувшийся из Италии гардемарин Иван Неплюев, назначенный «смотрителем и командиром над строищимися морскими судами», однажды был удостоен чести сопровождать Петра. «Поедем со мной на родины», — сказал ему государь.

«Я поклонился, — рассказывает Неплюев, — и стал за его одноколкою. Приехали мы к плотнику моей команды и вошли в избу. Государь пожаловал родильнице 5 гривен и с нею поцеловался; а я стоял у дверей; он мне приказал то же сделать, а я дал гривну. Государь спросил бабу-родильницу:

— Что дал поручик?

Она гривну показала, и он засмеялся и сказал:

— Эй, брат, я вижу, ты даришь не по-заморски.

— Нечем мне, царь-государь, дарить много; дворянин я бедный, имею жену и детей, и когда бы не ваше

царское жалованье, то бы, здесь живучи, и есть было нечего.

Государь спросил, что за мною душ, и где испомещен. Я всё рассказал справедливо и без утайки. А потом хозяин поднес на деревянной тарелке в рюмке горячего вина; он изволил выкушать и зael пирогом с морковью. А потом и мне поднес хозяин; но я от роду не пивал горячего, не хотел пить. Государь изволил сказать:

— Откушай, сколько можешь; не обижай хозяина.

Что я и сделал. И из своих рук пожаловал мне, отломя кусок пирога, и сказал:

— Заешь! Это родимая, а не итальянская пища.

Потом изволил поехать, а я домой пошел обедать»[11].

Петр I мог явиться на крестины и без приглашения. Об одном таком случае историку И. И. Голикову рассказал бывший денщик государя Алексей Семенович Полозов. В январе 1710 года по окончании происходивших в Москве празднеств по случаю полтавской победы царь ночью разъезжал в санях по московским улицам, наблюдая «за стражею и тишиною города». С ним был только Полозов. В первом часу ночи царь заметил в одном из домов «великий свет», остановил лошадь и послал денщика «проведать, кому принадлежит дом тот». Полозов выяснил, что это жилище секретаря Поместного приказа, «у которого ныне были крестины сына его, и он пирует с гостьми». Петр тихо въехал во двор, вошел в дом и приветствовал пирующих гостей:

— Бог помочь, господа!

Можно представить себе замешательство собравшихся. Однако Петр поспешил всех успокоить ласковым обхождением и пояснил, обращаясь к хозяину:

— Мне показался необыкновенным свет в доме вашем, и я из любопытства заехал к вам и узнал на крыльце, что у вас крестины новородившемуся сыну вашему и причиною света такого крестинный пир. Так поздравляю тебя с сыном! Как же его зовут? Какова родильница? И можно ли мне ее видеть?

Хозяин проводил царя в спальню. Тот поздравил женщину с рождением сына, поцеловался с ней и положил «на зубок» рубль. Хозяин поднес царственному гос-

тю сладкой водки. Петр отпил из рюмки и спросил, нет ли анисовой.

— Есть, всемилостивейший государь.

Была подана другая рюмка с любимой водкой Петра. Он выпил, осмотрел спальню и комнаты, пожелал всем веселиться и уехал[12].

Свадьбы

Свадебные обычаи русской знати середины XVII века описаны в книге голландского путешественника Яна Стрейса, наполненной замечательными по своей точности этнографическими наблюдениями. Думается, к началу петровского царствования обряды не претерпели каких-либо существенных изменений, так что этот замечательный источник вполне может быть использован для изучения данной стороны быта и нравов высокопоставленных россиян при Петре Великом.

«Во время свадьбы и венчания совершаются странные и непонятные церемонии, — пишет Стрейс. — У князей, бояр и боярских детей существует такой порядок: прежде всего обе стороны, жених и невеста, выбирают женщину, называемую свахой, которая заботится обо всем необходимом. В день свадьбы сваха невесты отправляется в дом жениха, чтобы убрать и приготовить постель и комнату новобрачным; сваху сопровождают 50—60, а то, смотря по состоянию, и сто холопов, все в кафтанах или рубахах, и каждый несет на голове что-либо необходимое для убранства. Сваха стелит постель на сорока ржаных снопах, которые перед тем велел принести жених, вместе с несколькими сно́пами гречихи, ячменя и овса, расставленными по горнице. После этого жених отправляется со своими друзьями и священником, который благословит их, в дом невесты, где, ласково принятый ее друзьями, садится за стол, на котором поставлены три различных блюда, никем не отведанных. У верхнего конца стола ставят стул, на который в то время как жених разговаривает с друзьями невесты, садится дру́жка, и жених выкупает его (стул. — *В. Н.*) подарком. После того как он займет свое место, вводят пышно разодетую невесту с распу-

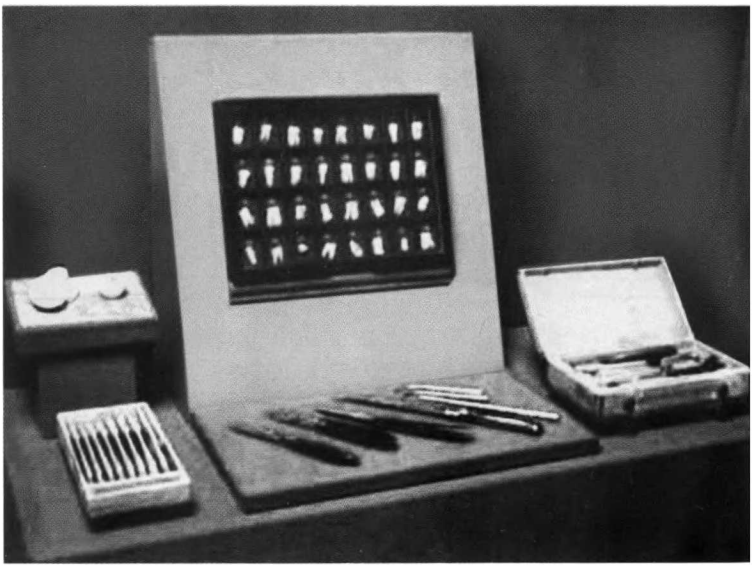
щенными волосами и сажают ее рядом с ним, однако он не видит ее лица, закрытого красной тафтой, концы которой поддерживают два дружки (слуги). Приходит сваха невесты и заплетает ее волосы в две косы, надевает на голову золотую или серебряную, а иногда украшенную драгоценными камнями корону, по бокам которой свешиваются до груди жемчужные нити. Платье ее шелковое, затканное золотом или серебром, с воротом, украшенным драгоценными каменьями и вышивкой. Каблуки ее примерно в четверть локтя высотой, и в такой обуви опасно ходить. После того как невеста убрана и наряжена, сваха жениха причесывает ее, во время чего женщины начинают скакать и плясать. Потом два молодца, обвешанных оружием, подают поднос с огромной головой сыра и хлебом. Эти молодцы из родни невесты называются коробейниками. Сыр и хлеб после освящения их попом относят в церковь. Затем на стол ставят огромную серебряную чашу, наполненную кусками и лоскутами атласа и тафты, слитками серебра, хмелем, ячменем и овсом. Тут подходит сваха, покрывает лицо невесты и разбрасывает среди гостей из упомянутой чаши серебро или что-нибудь другое, и каждый, кто только хочет, может брать это себе. Отец жениха и отец невесты или заступающие их место меняют кольца молодых людей в знак заключения их брака».

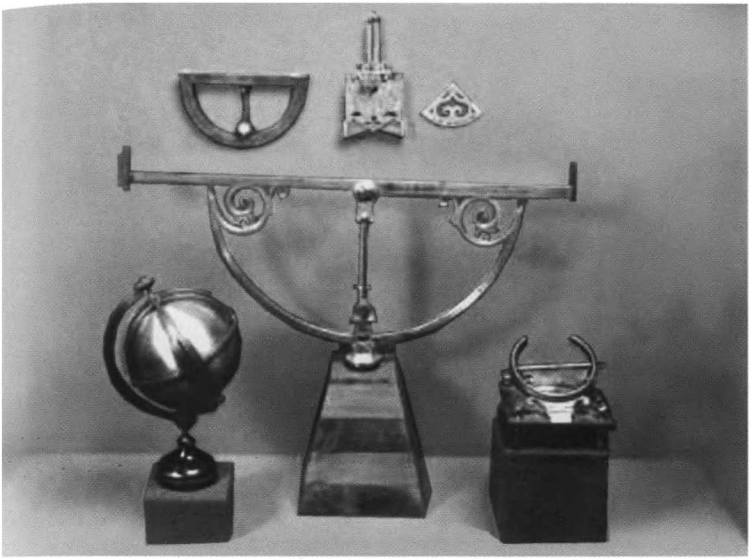
«После перечисленных церемоний, — продолжает Стрейс, — сваха усаживает невесту в сани, в которых она с закрытым лицом отправляется в церковь; сани запряжены лошадью, обвешанной лисьими хвостами. За невестой следует жених с друзьями и близкими родственниками и поп верхом на лошади. Лучшие места в церкви устланы красной тафтой, особенно предназначающиеся жениху и невесте, которые вступают на них, принося в дар священнику жареное мясо, печенья и пироги; во-вторых, они получают благословение от попа, и над их головами держат иконы; в-третьих, поп берет правую руку жениха и левую невесты и спрашивает их трижды: довольны ли они друг другом и будут ли любить друг друга во супружестве? После утвердительного

Петр Великий с арапчонком.
Гравюра А. Шхонебека. 1705 г.

Дорожная аптечка и зубоврачебные инструменты Петра I

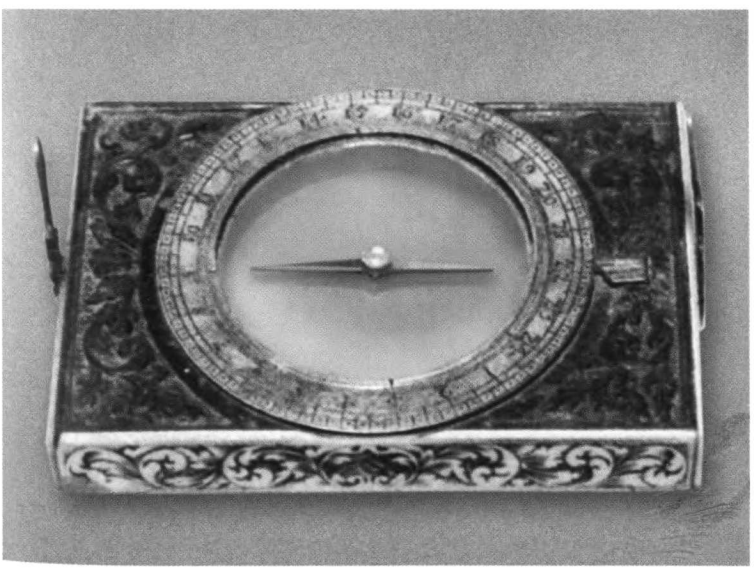
Разборные модели уха и глаза, набор хирургических инструментов Петра I и коллекция удаленных им зубов





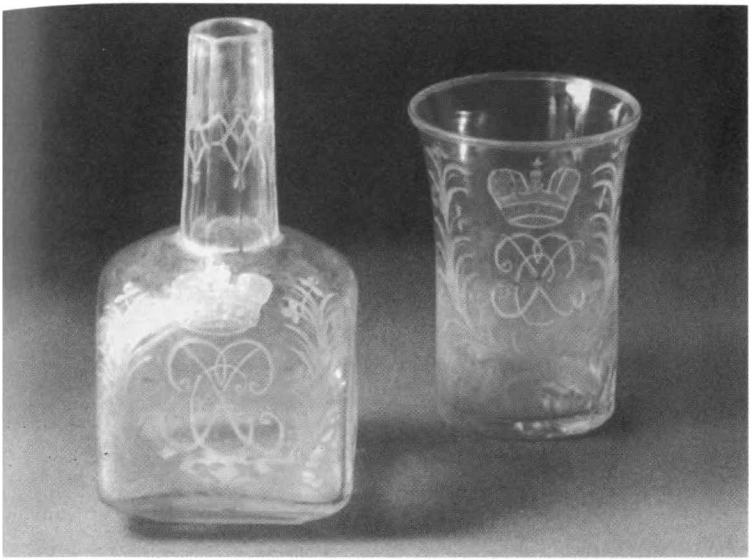
Глобус и измерительные приборы Петра I

Компас, принадлежавший Петру I



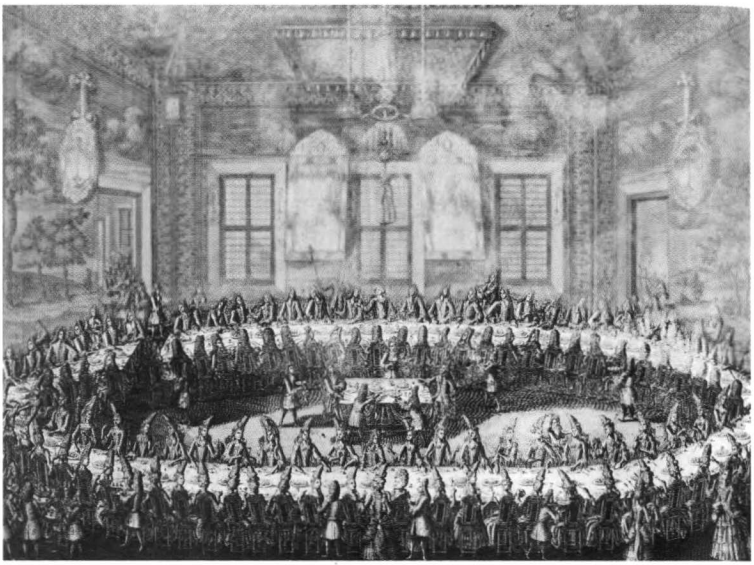
Чернильница Петра I

Курительная трубка из самшитового дерева с агатовыми вставками — подарок А. Д. Меншикова Петру I



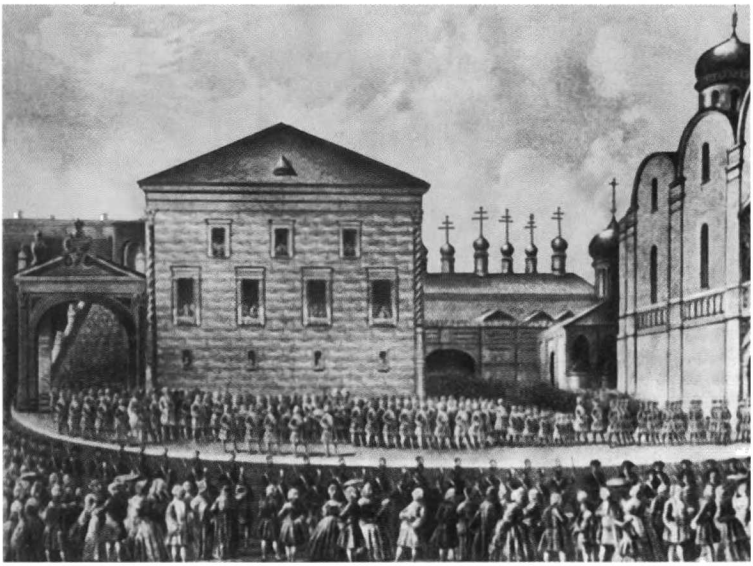
Стеклянные штофик и стаканчик украшены вензелями Петра I. *Первая четверть XVIII в.*

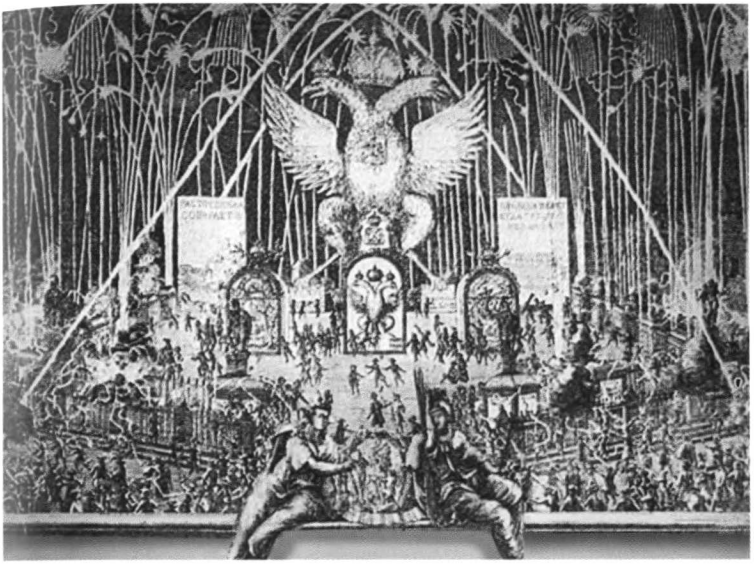
Празднование членами Всешутейшего собора свадьбы князь-папы Н. Зотова. *Лубок конца XVIII в.*



Свадьба Петра I и Екатерины Алексеевны 19 февраля 1712 года.
Гравюра А. Ф. Зубова. 1712 г.

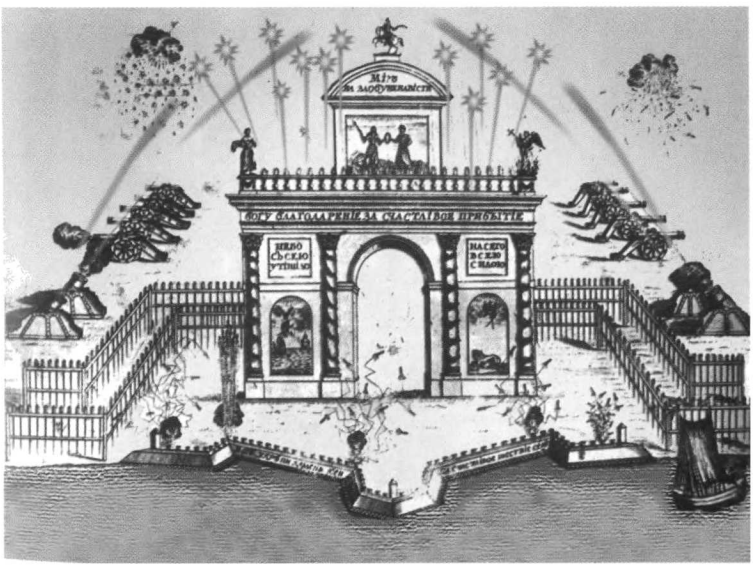
Шествие в Успенский собор Московского Кремля
во время коронационных торжеств 1724 года



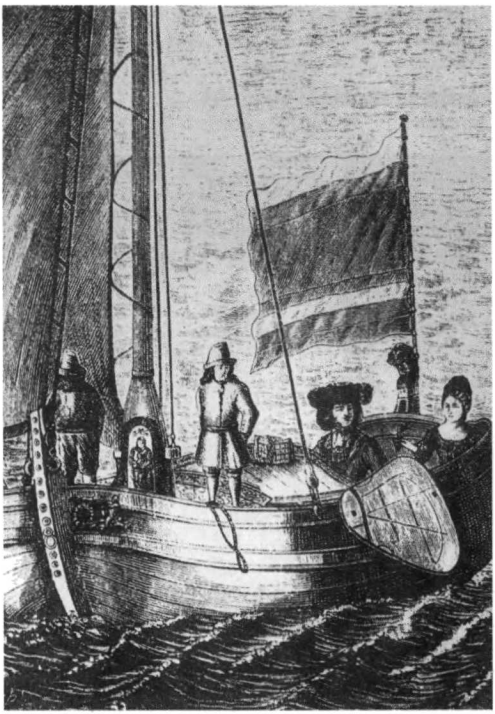


Фейерверк 1 января 1704 года.
Гравюра А. Шхонебека. 1704 г.

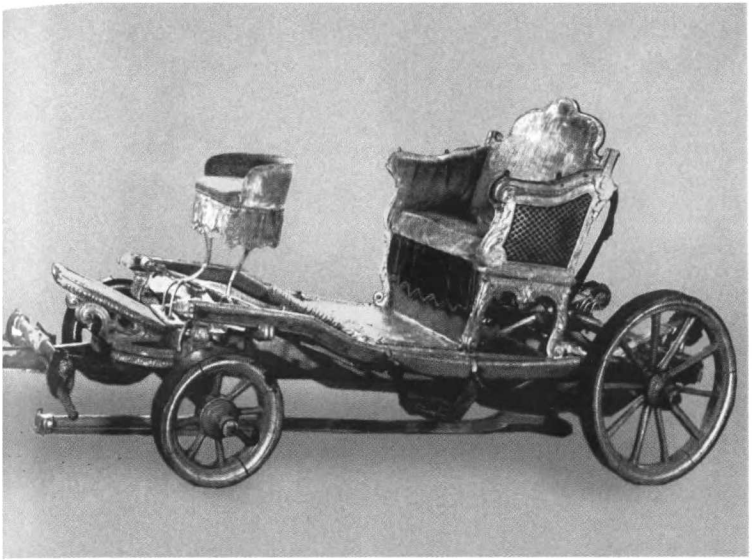
Новогодние торжества 1 января 1712 года.
Гравюра А. Ф. Зубова. 1712 г.



Наводнение
в Петербурге
5 ноября 1721 года.
Гравюра XVIII в.

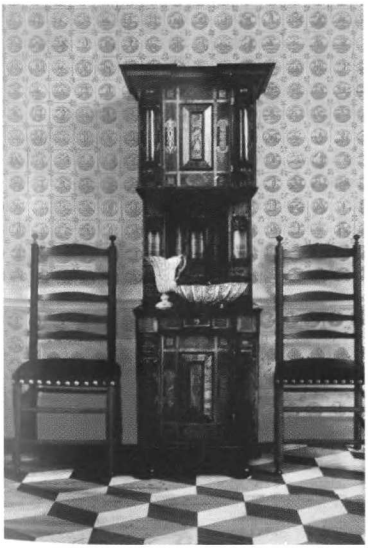


Петр I
и Екатерина Алексеевна
на Неве.
Гравюра XVIII в.

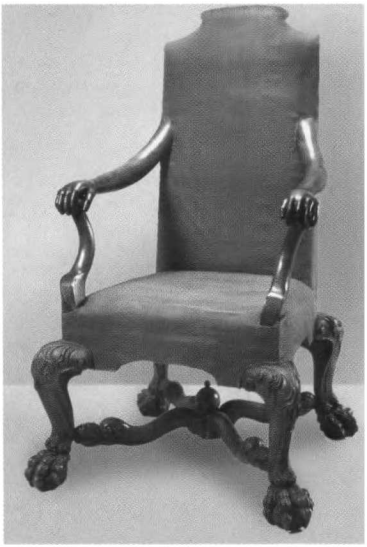


Коляска Петра I

Шкаф с китайским фарфоровым умывальным прибором из дворца Меншикова на Васильевском острове

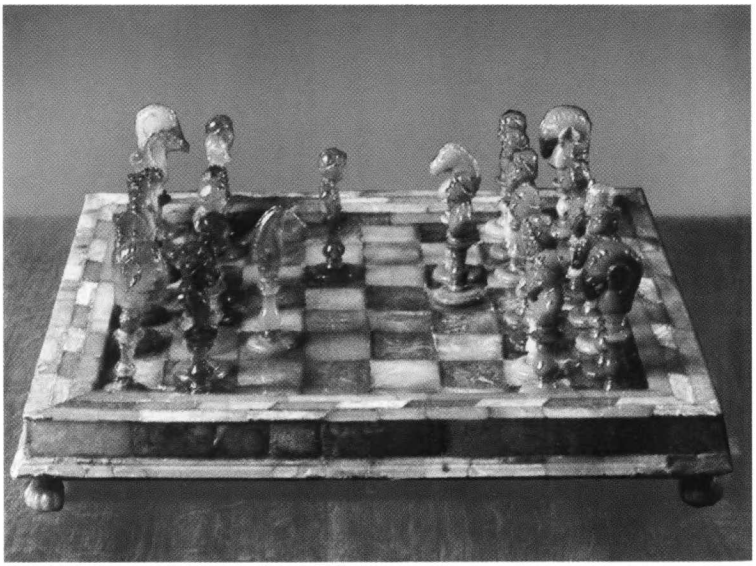


На этом кресле царь сидел во время посещения Адмиралтейств-коллегии



Бильярдный стол из Большого китайского кабинета в Ораниенбауме

Янтарные шахматы, принадлежавшие А. Д. Меншикову

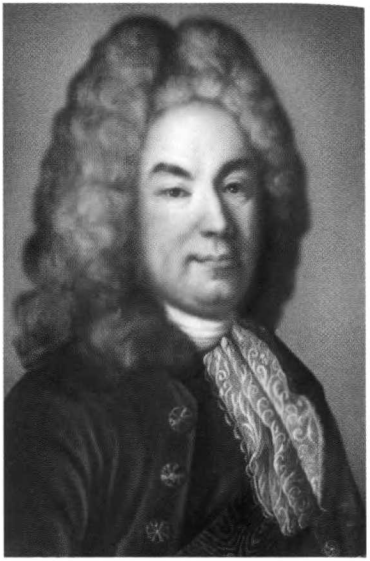


Шут Балакирев

Шут Лакоста

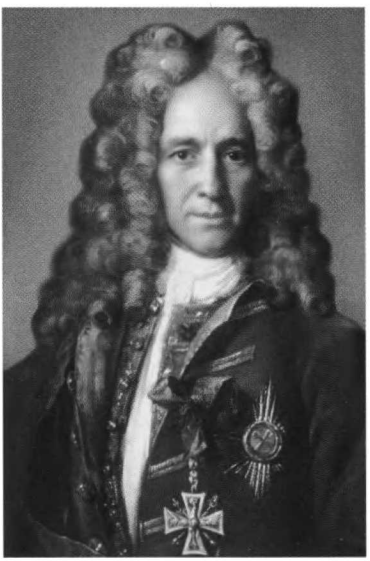
Свадьба карликов в доме князя Меншикова в ноябре 1710 года.
Гравюра Г. Бролинга. Первая половина XVIII в.

Князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский. *XVIII в.*



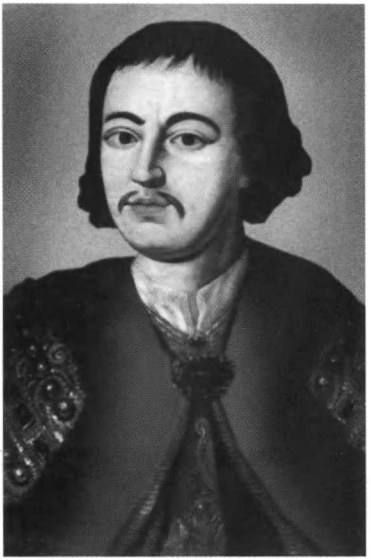
Граф Петр Андреевич Толстой

Канцлер
граф Гавриил Иванович Головкин.
И. Н. Никитин. 1720-е гг.



Генерал-адмирал
граф Федор Матвеевич Апраксин

Евдокия Федоровна Лопухина,
первая жена Петра I.
Начало XVIII в.



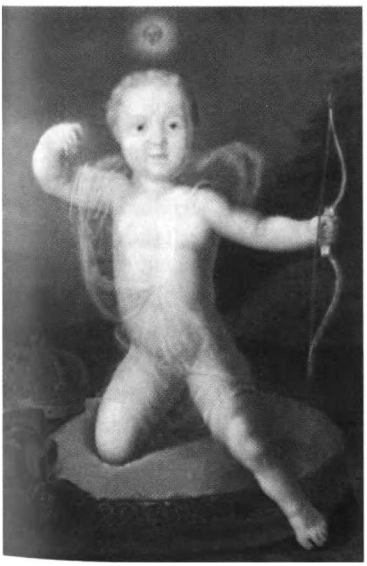
Петр I.
Около 1700 г.

Царевич Алексей Петрович и его жена Шарлотта Христина София.
Копия с гравюры Х. А. Вортмана. Середина XVIII в.

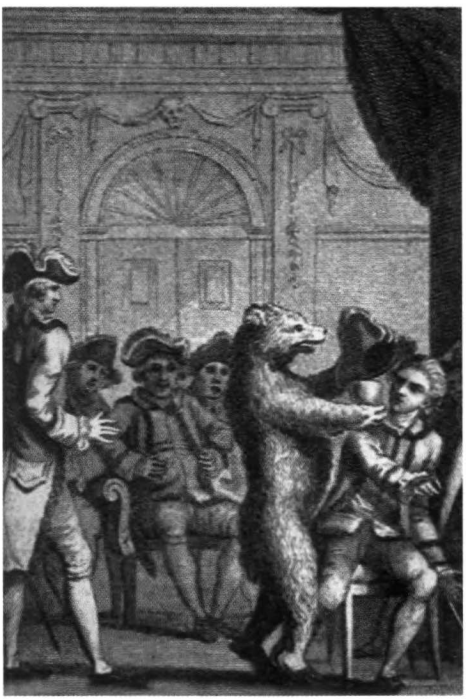
Царская семья:
Петр I, Екатерина Алексеевна, царевич Алексей, Елизавета Петровна, Анна Петровна, Петр Петрович.
Г. С. Мусикийский. 1717 г.

Царевны Анна и Елизавета Петровны. *Л. Каравак. 1717 г.*

Царевич Петр Петрович
в виде Купидона.
Л. Каравак. 1716 г.



Цесаревна
Наталья Петровна.
Л. Каравак. Около 1722 г.



Чучела любимых животных Петра I: лошадь Лизетт, собаки Тиран и Лизетта

Медведь Ф. Ю. Ромодановского

ответа он становится перед ними и поет 28-й псалом*, и они, подпевая ему, следуют за ним, приплясывая по кругу, после чего он надевает на их головы красный венок со словами: "Растите и множьтесь, что Бог соединил — человек не разъединяет".

Присутствующие друзья зажигают маленькие восковые свечи, а попу подают стакан красного вина, который выпивают новобрачные, после чего жених бросает стакан на пол и совместно с невестой растаптывает его, говоря: "Пусть так падут к нашим ногам все наши недруги, которые задумают и попытаются возбудить вражду и ненависть между нами". Затем женщины посыпают их коноплей и льном и желают счастья».

После окончания обряда венчания молодые ехали — новобрачная в санях, а ее муж на лошади — в дом, где справлялась свадьба. Там новоиспеченный супруг с друзьями садился за стол и веселился с гостями; супругу же поспешно отводили в горницу, где раздевали до рубашки и клали в постель, с которой она вставала, получив известие о приходе молодого мужа, надевала платье, подбитое соболем, и приветствовала его, не поднимая головы. Пара шла к свадебному столу, где в числе других блюд подавали жареную курицу, от которой муж отрывал ногу и крыло и бросал через плечо. После пира новобрачные отправлялись в спальню. «Перед дверью, — рассказывает Стрейс, — остается старший дружка, который время от времени справляется, покончили ли они со своим делом, пока наконец жених не закричит "да". В это время раздается оглушительный звук труб и литавр. Немного погодя жениха и невесту отводят в различные бани, где их моют водою, вином и медом, и молодая подносит мужу дорогую сорочку. На свадьбе пируют еще в течение нескольких дней»[13].

Все эти сложные манипуляции, по всей видимости, еще производились, хотя бы частично, на свадьбах соратников Петра Великого и их детей. 16 (28) декабря 1702 года состоялось венчание боярина Ивана Головина, сына первого государственного министра Федора

* 28-й псалом (Псалом Давида) содержит в себе слова: «Глас Господа разрешает от бремени ланей и обнажает леса; и во храме Его всё возвещает о славе Его». *(Прим. авт.)*

Алексеевича Головина, и дочери генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева Анны. Это примечательное событие описано в книге голландского путешественника, этнографа и писателя Корнелиуса де Бруина, находившегося в это время в России. Кажется, в распорядке проведения свадебных торжеств в данном случае впервые появились западные заимствования, выразившиеся во введении должности маршала (распорядителя) свадьбы, причем эту функцию взял на себя сам государь. Впоследствии он неоднократно и с большим удовольствием исполнял эту обязанность на свадьбах близких людей.

Бракосочетание совершилось во дворце Федора Головина, «с нарочным великолепием для того убранным... В отличном порядке там расставлено было множество столов в одном верхнем громадном покое, в котором гремела музыка». Около одиннадцати часов утра жених вышел к гостям в приемный зал и приказал слугам потчевать их очищенной водкой. В полдень он при звуках труб и литавр отправился к месту венчания, в небольшую дворцовую часовню, расположенную вблизи дворца. Затем послали за невестой, которая находилась в доме своего отца в Немецкой слободе. «Все русские и немецкие госпожи, приглашенные на свадьбу, — пишет Бруин, — также отправились для сопутствования невесты, которую приняли следующим образом: первым ехал литаврщик верхом на белой лошади, сопровождаемый пятью трубачами, на таких же лошадях — впереди три, позади два. Затем следовали шестнадцать дворецких, избранных из русских и иностранцев, все на прекраснейших конях. Потом ехал его величество в отличной голландской карете, с шестернею лошадей, серых с яблоками. За ним — пять пустых карет, также <запряженных> шестерней каждая; далее — коляска шестерней для невесты и некоторых других боярынь».

Невеста с ближними девицами явилась во дворец Головиных через полчаса после прибытия жениха в часовню. Ее встретили посаженые отцы — русский боярин, имени которого Бруин не упоминает, и польский посланник Ф. Кёнигсек; «оба они приняли невесту за руку и повели ее в часовню, где она и заняла место под-

ле своего жениха». Большинство гостей расположились у входа в часовню, потому что она «была так мала, что могла вместить в себя лишь от десяти до двенадцати человек». За невестой проследовали только Петр I, царевич Алексей Петрович, посаженые отцы и еще несколько знатных господ.

Примечательно, что описанная Бруином одежда брачующихся соответствовала лучшим западноевропейским стандартам: жених «был одет в великолепное немецкое платье, так же как и его невеста, на которой было белое, шитое золотом платье, а головная прическа вся убрана брильянтами. Назади у нее, под бантом из лент, висела толстая коса, по моде, бывшей долгое время в употреблении в Германии. Кроме того, на маковке головы у нее была маленькая коронка, усеянная тоже брильянтами».

Во время обряда венчания государь расхаживал по часовне с маршальским жезлом в руке. По-видимому, длительная церемония утомила его, поэтому он приказал священнику сократить обряд. «Минуту спустя священник дал брачное благословение, а его величество приказал тут жениху поцеловать невесту. Невеста обнаружила сначала некоторое сопротивление, но по вторичному приказанию царя она повиновалась и поцеловалась с женихом. После этого отправились прежним порядком в свадебный дом».

«Немного спустя, — рассказывает Бруин, — сели кушать: молодой — меж мужчинами, а молодая — меж женщинами, за общим столом в большом покое». Празднование продолжалось три дня, «которые проведены были в пляске и в других всевозможных увеселениях»[14].

Бракосочетание герцога Фридриха Вильгельма Курляндского и царевны Анны Иоанновны, состоявшееся 31 октября (11 ноября) 1710 года, стало заметным политическим событием. Оно положило начало династическим союзам царской семьи с государями европейских стран. Петр I постарался по возможности сократить свадебный обряд, чтобы не утруждать европейского жениха. Впрочем, церемониальных сложностей всё равно было достаточно много.

На свадьбу царской племянницы были приглашены все члены высшего общества и офицеры до флотских лейтенантов включительно. Петр I назначил себя маршалом бракосочетания и в то же время посаженым отцом жениха; на деле вторую должность исполнял вместо царя А. Д. Меншиков, поскольку совместить две функции было физически невозможно. Генерал-адмирал Ф. М. Апраксин являлся посаженым отцом невесты, канцлер Г. И. Головкин — ее нареченным братом, а вице-адмирал К. И. Крюйс стал нареченным братом жениха.

Гости-мужчины оставили своих жен и к девяти часам утра собрались в доме курляндского герцога. В 11 часов прибыл Петр, держа в руке большой маршальский жезл, окованный с обоих концов серебром и имевший сверху большую розетку из золотых парчовых лент и золотого кружева. Впереди царя попарно шли 12 музыкантов; за ними, тоже попарно, следовали 24 шафера: дюжина капитанов и капитан-лейтенантов морского флота, а за ними — столько же капитанов и лейтенантов Преображенского полка. У каждого шафера на левой руке, между локтем и плечом, поверх кружевного банта была прикреплена розетка из золотых парчовых лент.

Герцог встретил царя у дверей, на нижних ступенях лестницы, и проводил наверх, в зал, где собралось мужское общество. Там на столах стояли холодные кушанья, которыми они позавтракали. Затем государь вывел жениха к берегу Невы, посадил в свою шлюпку и направил ее к дому Меншикова на Васильевском острове. Впереди них на веслах шла шлюпка с трубачами, игравшими радостные мелодии; сзади следовал длинный шестнадцативесельный шлюп*, до половины покрытый красным сукном; все его гребцы были одеты в алые бархатные кафтаны, на груди у каждого висела большая серебряная бляха с выбитым на ней российским гербом. В шлюпе под балдахином сидели невеста и приближенные к ней дамы; остальной свадебный поезд следовал за царевной в сорока шлюпках.

---

* Шлюп (от голл. *sluipen* — скользить) — одно-трехмачтовое судно, предназначавшееся для разведывательной, дозорной и посыльной служб.

Меншиков встретил жениха и невесту на пристани и повел их к своему дому. Впереди шли музыканты, за ними — шаферы, потом жених между своим посаженым отцом и нареченным братом, то есть царем и Крюйсом. За женихом шла невеста в белом бархатном платье, с великолепным венцом из драгоценных камней на непокрытой голове; на ее плечах лежала подбитая горностаем бархатная мантия, подол которой несли два офицера. Ф. М. Апраксин вел Анну Иоанновну за правую руку, а Г. И. Головкин — за левую. За невестой беспорядочной толпой двигались дамы. По пути следования свадебной процессии, справа от дороги, были расставлены рядами фейерверочные рабочие, одетые в забавные шутовские наряды, с ракетами в руках.

Вся процессия вошла в часовню, находившуюся во дворе дома Меншикова. Царский духовник, архимандрит Феодосий Яновский, в великолепном облачении начал таинство венчания по православному обряду, на церковнославянском языке. Однако к герцогу он обращался на латыни:

— Во-первых, тебя, Фридриха Вильгельма, высочайшего герцога Курляндии, спрашиваю, имеешь ли добрую и непринужденную волю и твердый рассудок взять в жены эту королевскую принцессу Анну, которую видишь перед собой?

— Да, — ответил жених.

— Во-вторых, спрашиваю тебя, не обручен ли ты с другою?

— Нет, — последовал ответ.

Затем архимандрит задал такие же вопросы по-славянски невесте, и она ответила аналогично. Певчие пропели «Господи помилуй», после чего Феодосий взял в руки два царских венца. Один из них он надел на жениха и произнес на латыни:

— Венчается раб Божий Фридрих Вильгельм, высочайший герцог Курляндии, с рабой Божией Анной, дочерью Иоанна Алексеевича, царя всея Руси, светлейшей, во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Другой венец архимандрит надел на Анну, произнеся соответствующие слова по-славянски. Венец над невестой держал Меншиков, а над женихом — царь. Для

нетерпеливого Петра I было трудно продолжительное время держать руки на весу, поэтому он вскоре переложил свою обязанность на квартирмейстера царской шлюпки, который по случаю оказался рядом. При этом царь приказал Яновскому поскорее заканчивать обряд. Тогда архимандрит немедленно благословил жениха по-латински: «Да возвеличишься как Авраам, да благословен будешь как Исаак и приумножишься как Иаков, во имя Отца и Сына и Святого Духа», после чего с соответствующими словами обратился к невесте, и венчание на этом окончилось. Юст Юль отметил: «...других обычных венчальных обрядов соблюдено не было; так, бракосочетающиеся не пили за здоровье друг друга, не обходили в пляске кругом аналоя и не держали в руке свечей. Быть может, — вполне резонно предположил датский дипломат, — царь нарочно это так устроил, чтобы всеми этими странными, чуждыми обрядами не слишком досадить герцогу, который и без того уже весьма неохотно согласился венчаться по русскому чину»[15].

Из часовни царь в качестве маршала повел молодых в свадебную залу, где посадил за стол под балдахином из алого бархата. Над головами новобрачных висели два венца, украшенные драгоценными камнями. За один стол с ними сели вдовствующая царица Прасковья Федоровна с дочерьми Екатериной и Прасковьей — мать и сестры невесты, а также Екатерина Алексеевна, которая пока что именовалась в записках Юста Юля «любовницей царя», так как брак между ними еще не был заключен. Кроме того, в зале стояло еще три стола: один из них был занят дамами, а другие два — мужчинами. Петр в силу своих обязанностей маршала «сам служил за столом и через посредство своих шаферов всем распоряжался». Возле дома были поставлены пушки, которые при каждом тосте палили 13 раз. «Ложки на столах были деревянные», — не преминул отметить Юль экзотическую для него особенность сервировки этого свадебного торжества.

Пир окончился танцами: «царь и шаферы протанцевали сначала с молодою, потом с молодым и наконец с посаженными отцами и нареченными братьями жениха

и невесты. А затем танцевали как попало кто хотел». Танцы продолжались до одиннадцати часов вечера, после чего новобрачные отправились ко сну в отведенное для них помещение в доме князя Меншикова.

На другой день гости вновь собрались в той же зале в два часа пополудни. «Обедали по-вчерашнему, — отмечает Юль, — с соблюдением того же порядка, при маршале, шаферах и пр. Выпито было 17 заздравных чаш, из коих каждая приветствовалась 13 пушечными выстрелами». Порядок тостов «царь наперед записал на особый лоскуток бумаги, как то здесь в обычае на подобных пирах».

Праздничная трапеза окончилась сюрпризом. «По окончании обеда, — рассказывает Юль, — в залу внесли два пирога; один поставили на стол, за которым сидел я, другой — на стол к новобрачным. Когда пироги взрезали, то оказалось, что в каждом из них лежит по карлице. Обе были затянуты во французское платье и имели самую модную высокую прическу. Та, что была в пироге на столе новобрачных, поднялась на ноги и, стоя в пироге, сказала по-русски речь в стихах так же смело, как на сцене самая привычная и лучшая актриса. Затем, вылезши из пирога, она поздоровалась с новобрачными и с прочими лицами, сидевшими за их столом. Другую карлицу — из пирога на нашем столе — царь сам перенес и поставил на стол к молодым. Тут заиграли менуэт, и карлицы весьма изящно протанцевали этот танец на столе пред новобрачными. Каждая из них была ростом в локоть». После свадебного пира был зажжен фейерверк, установленный на плотах на Неве, а следом начались танцы, продолжавшиеся до полуночи.

Третий день свадьбы праздновался в доме герцога Курляндского, где в гостях «был весь двор и царь-маршал со своими шаферами. На пир этот были также званы все иностранные посланники и знатные иностранцы»[16].

8 (20) июня 1710 года состоялась свадьба бывшего сибирского воеводы князя Михаила Яковлевича Черкасского. Жених тогда серьезно хворал, но Петр I приказал поднять его из постели и привести в церковь для венчания именно в этот день, поскольку накануне была получена радостная весть о взятии русскими войсками

Риги. Юст Юль отмечает, что Черкасский «был так болен и слаб, что без посторонней помощи не мог стоять на ногах и во время венчания два человека должны были его поддерживать, так что можно было скорее подумать, что он не женится, а умирает»[17].

Датский дипломат описал свадьбу, на которую был приглашен в январе 1710 года (к сожалению, он не назвал имена вступавших в брак). По русскому обычаю невесту должны были вести в церковь ее отец и брат, но поскольку они отсутствовали, царь заменил отца, а самому Юсту Юлю поручил заменить брата, что считалось для гостя великой честью. Невеста, препровожденная к месту венчания, встала слева от жениха. Священник дал брачующимся по восковой свече и спросил их, хотят ли они стать мужем и женой. После утвердительного ответа последовал обмен кольцами. Затем были принесены два венца, один из которых был надет на голову жениха, а другой остался без употребления, поскольку невеста была не девушкой, а вдовой. После этого священник и новобрачные выпили несколько маленьких рюмок красного вина. В завершение церемонии «священник осенил молодых крестным знамением и поднес им распятие, которое оба они поцеловали». Юль отметил, что венчание совершалось «без малейшего благоговения и с такими суетными приемами, что, казалось, дело происходит не в храме: кругом все шумели, болтали, смеялись, даже бранились между собою».

По возвращении из церкви новобрачных посадили за стол под балдахином; кроме них, за этот же стол сели все присутствующие на свадьбе женщины. За другим столом, расположенным напротив, разместились мужчины. После угощения начались танцы, преимущественно польские. Как отметил Юль, танцевали «сперва медленно, затем немного веселее и наконец пускались вприскочку». Датский посланник кратко, но детально описал танцы во время свадебного торжества: «Выходили не иначе как по три пары зараз. Танцующая пара начинала с того, что кланялась молодым, всем поезжанам (участникам свадебной процессии-«поезда». — *В. Н.*), взаимно друг другу, затем шла на нижний конец комнаты, кланялась там женщинам, потом опять возвраща-

лась назад, повторяла поклоны и приветы молодым, и проч., и тогда уже начинался стройный танец. Первыми танцевали маршал с молодою и два других друга жениха, так что маршал открывал танцы. За этим танцевали царь и я как посаженые отец и брат молодой»[18].

Свадьба флотского капитана норвежца Генриха Весселя в начале февраля 1710 года праздновалась в Москве в доме А. Д. Меншикова. Маршалом на свадьбе был Петр I, а посаженым отцом жениха назначен был Юст Юль. Царь с маршальским жезлом в руке лично явился за молодыми и повел их венчаться. Юль отметил, что «на свадьбе было весело, танцевали все вперемежку, господа и дамы, девки и слуги». Вечером царь со своей веселой компанией проводил молодоженов домой. Во время этого шествия все пили и плясали под музыку[19].

Петр I и датский дипломат встретились вновь 16 (28) февраля 1710 года на свадьбе одного из петербургских купцов, на которой присутствовали все представители высшего общества, а государь опять был маршалом. Он танцевал польский танец с одной из трех царевен, своих племянниц; князю Меншикову было приказано танцевать с другой, а Ю. Юлю — с третьей. Посланник объяснил причину неприязни Петра к четному количеству пар: «Царь желает, чтобы танцевали не иначе как по три или по пяти пар зараз; если же танцуют в две или в четыре пары, он говорит, что это по-шведски, и те, кто провинились в этом, должны выпивать в наказание большие стаканы вина»[20].

Спустя три года, 19 февраля 1712-го, уже сам Петр I женился на Екатерине Алексеевне. Это было не традиционное царское бракосочетание с долгими и пышными церемониями, а скромная свадьба контр-адмирала — этот чин Петр в то время имел на флоте. В посаженые отцы он пригласил своего непосредственного флотского начальника, вице-адмирала Корнелиуса Крюйса. Среди многочисленных гостей были моряки, кораблестроители и их жены. Венчание состоялось в церкви Святого Исаакия Далматского и, по свидетельству английского посланника Чарлза Уитворта, «свершилось без пышности, в семь часов утра». Молодожены и гости провели некоторое время во дворце А. Д. Меншикова,

после чего отправились в Зимний дворец царя, где состоялось празднование. Свадебному поезду «предшествовали трубы и литавры, ряд слуг в богатых ливреях и несколько саней, запряженных шестернями». До приезда гостей Петр спешил повесить над свадебным столом новую люстру на шесть свечей, из слоновой кости и черного дерева, которую сам выточил на токарном станке. «Общество было блистательным, — завершал свое донесение Уитворт, — вино превосходное, венгерское, и, что особенно приятно, гостей не принуждали пить его в чрезвычайном количестве... Вечер закончился балом и фейерверком»[21].

6 (18) мая 1712 года состоялась свадьба шестидесятилетнего фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева и молодой, знатной и богатой вдовы Анны Петровны Нарышкиной, урожденной Салтыковой. Этот брак породнил Шереметева с царской фамилией, поскольку первым мужем Анны Петровны был дядя Петра I Лев Кириллович Нарышкин. По свидетельству присутствовавшего на свадьбе Уитворта, «брачное празднество продолжалось два дня кряду с большою пышностью. Царь сделал молодым честь, взяв на себя распоряжения празднеством»[22].

20 мая (1 июня) 1712 года князь Яков Федорович Долгорукий женился на княжне Ирине Михайловне Черкасской. «Царь, — рассказывает Уитворт, — распоряжался празднеством, которое продолжалось два дня. В первый день его величество подверг наказанию большую часть гостей, между прочим и царицу за то, что они опоздали к назначенному часу; но на другой день дамы взяли свое: государь пробыл в Сенате долее, чем предполагал, и его, так же как всех его советников, заставили в свою очередь пить из <кубка> Большого орла»[23].

Через два дня состоялась еще одна свадьба лиц из высшего общества, чьи имена не указаны в источниках. Уитворт пишет: «Царь вздумал отпраздновать свадьбу по старинному обычаю. В ней приглашены были принять участие, кроме самого царя, царицы, царевны, дамы, знать, иностранные уполномоченные. Даже пешим приказано было явиться в старинных, странных и неуклюжих костюмах. Иностранцам царь одежды прислал,

а дворяне надели одежды, в которых сами они или их предки ходили около тридцати лет тому назад. Чтобы выдержать характер праздника вполне, он выписал из Москвы стариков-музыкантов своего отца. Побывав в церкви в этих маскарадных костюмах, общество село в какой-то баркас, сделанный на манер старого русского судна, тяжелый, неуклюжий, способный двигаться только по ветру. А так как ветер как раз дул противный, баркас до Петергофа буксировался полугалерой. Петергоф — прелестный загородный дом, построенный его величеством на полпути между Петербургом и Кронштадтом. Все общество прибыло туда около одиннадцати часов вечера (ночей здесь в эту пору года не бывает); ему был приготовлен очень хороший ужин. Царь во весь путь с особенным удовольствием потешался над русской стариной, но очень заметно было, что многие играли свою роль с сожалением и не прочь были бы вернуться к прежним порядкам».

На второй день свадьбы гости явились уже в своей обычной одежде европейского стиля. «После обеда, — продолжает Уитворт, — царь повез остальное общество на двух яхтах в Кронштадт, затем на остров Ричард, у которого стоит его маленький флот». 24 мая (5 июня), в последний день празднования, дан был обед на корабле «Адмирал Апраксин», а вечером публика возвратилась в Петербург[24].

Восьмого апреля 1722 года сын канцлера графа Гавриила Ивановича Головкина Михаил женился на единственной дочери князя-кесаря Ивана Федоровича Ромодановского Екатерине. По материнской линии Екатерина Ивановна была племянницей вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны. Заключение этого брака знаменовало союз богатых и родовитых семей ближайших сподвижников и родственников царя[25].

Свадьба торжественно справлялась в Москве при самом непосредственном участии царской четы, А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, П. А. Толстого и других приближенных Петра. Подробное описание этого события имеется на страницах дневника голштинского камер-юнкера Берхгольца. Гости стали собираться у Красных Ворот, в обычном сборном месте всех торжественных

мероприятий, к девяти часам утра, как было заведено в подобных случаях. Маршалу свадьбы положено было всех встречать, однако эту должность взял на себя царь, не считавший себя обязанным подчиняться подобным правилам. Гости толпились на маленькой площади более двух часов в ожидании начала церемонии. «Все мы дома ничего не ели, — пишет голштинец, — в надежде, что на свадьбе будем обедать рано (здесь обыкновенно обедают в 11 часов); между тем время приближалось к 11 часам, а император всё не ехал; нас стали даже уверять, что он сперва покушает дома, отдохнет и тогда только приедет, чтоб тем ловчее и свободнее исполнять должность маршала».

Наконец государь явился в дом Головкиных со своим большим маршальским жезлом и повез жениха в церковь. В начале свадебной процессии ехали верхом два трубача, за ними, также верхом, 12 шаферов, а потом — царь в запряженном шестью лошадьми открытом кабриолете, который он одолжил по такому случаю у П. И. Ягужинского; за ним в карете, запряженной шестерней, следовал жених, а далее и все прочие, «как кому пришлось». Отвезя жениха в церковь, расположенную неподалеку от дома Ромодановских, Петр отправился за невестой «и скоро возвратился с нею в следующем порядке: впереди опять ехали верхом те же трубачи, но с тою разницею, что в этот раз они трубили; за ними 12 шаферов (которыми были все капитаны гвардии) на прекрасных лошадях в богатых чепраках и сбруях; потом — его величество, также верхом на превосходном гнедом коне, с своим большим маршальским жезлом в правой руке... на его лошади были прекрасный чепрак из зеленого бархата, весь шитый золотом, и в том же роде вышитое седло, чего никто не привык у него видеть. После того ехала карета в шесть красивых лошадей, в которой сидела невеста, имея перед собою двух своих подруг или ближних девиц, именно старшую Нарышкину и младшую Головкину, которые обе также скоро выходят замуж. Вслед за тем ехали некоторые дамы, принадлежавшие к свадебной родне; но императрицы как посаженой матери невесты не было между ними».

Подъехав к церкви, император проворно спрыг-

нул с лошади и отворил дверцу кареты. Жениха и невесту подвели к алтарю. Во время обряда венчания при вопросах священника, желают ли молодые вступить в брак и добровольно ли согласились на него, в церкви раздался громкий смех. Удивленному Берхгольцу потом объяснили: «...жених оба раза отвечал и за себя, и за невесту». Но такой смех слышался не один раз, что немало удивило камер-юнкера голштинского герцога, который никак не думал, что у русских так мало благоговения при венчании: присутствовавшие в церкви, включая жениха, постоянно болтали и смеялись. «В числе прочих венчальных церемоний, — продолжает Берхгольц, — я заметил, что жениху и невесте надевали на голову большие серебряные венцы, в которых они стояли довольно долго. Но так как на голове невесты было столько бриллиантов и жемчуга, что венец не надевался как следует, то один из шаферов всё время держал его над нею».

По окончании обряда венчания свадебная процессия в прежнем порядке отправилась в дом Ромодановских. Царь по должности маршала рассадил гостей по местам; за столом все расположились «так, как обыкновенно принято на здешних свадьбах, то есть дамы с невестою, а мужчины с женихом, отцы, матери, сестры и братья на первых местах, а остальные по чинам». За дамским столом на первом месте сидела новая графиня Екатерина Ивановна Головкина, с правой стороны от нее — посаженая мать, императрица Екатерина Алексеевна, а с левой — княгиня Дарья Михайловна Меншикова. Посаженым отцом жениха был князь Александр Данилович Меншиков, а посаженым отцом невесты — граф Федор Матвеевич Апраксин.

«За обедом, — рассказывает Берхгольц, — провозглашены были обыкновенные на здешних свадьбах заздравные тосты и во всем соблюдался большой порядок. Император, в качестве маршала, во всё время сам всем распоряжался и вообще так превосходно исправлял свою должность, как будто уже сто раз занимал ее, да и был притом в отличном расположении духа. Когда императрица приказала своему камер-юнкеру отнести ему молодого жареного голубя, он отошел к буфету

и начал кушать с большим аппетитом, стоя и прямо из рук».

В этот момент императорский обер-кухмейстер Иоганн Фельтен вошел в зал в сопровождении гренадеров, которые несли горячие кушанья. Это была вторая перемена блюд, тогда как первая, по всегдашнему обыкновению, состояла из одних холодных кушаний. Петр быстро подбежал к Фельтену, ударил его по спине своим маршальским жезлом и закричал: «Кто тебе велел заставлять гренадеров нести кушанья?» Это была забота не о солдатах гвардии, а о престиже свадебного мероприятия. Разносить блюда по столам должны были гвардейские капитаны, выполнявшие роль шаферов. Петр немедленно приказал вынести блюда и «снова принять у дверей шаферам», которые «должны были подносить их к столу и передавать кухмистеру». При тостах император в качестве маршала собственноручно подавал бокалы с вином свадебным чинам, герцогу Карлу Фридриху Гольштейн-Готторпскому и некоторым иностранным дипломатам, а прочим гостям их подносили шаферы.

После свадебного застолья начались танцы. Петр танцевал полонезы сначала с Екатериной, а потом с новобрачной. «Когда протанцевали еще несколько польских, жених начал с невестою менуэт»; далее «танцевали попеременно то польский, то англез, то менуэты. Всё это продолжалось до тех пор, пока совершенно не стемнело и не зажгли фейерверк, устроенный перед домом по приказанию императора». При этом Петр от начала до конца фейерверка был внизу на площадке и, по своему обыкновению, сам всем распоряжался.

«По окончании фейерверка, — завершает Берхгольц рассказ о первом дне свадебного торжества, — начался прощальный танец невесты. Император как маршал весело прыгал впереди с своим большим жезлом и отвел танцевавших в спальню новобрачной, где еще несколько времени пили за столом, который в этом случае всегда ставится там с сластями и за который садятся все свадебные родные, не вставая обыкновенно до тех пор, пока жениха не спят совершенно (по здешнему обычаю, он непременно должен на первую ночь лечь в постель пьяный). Впрочем, на сей раз молодой дешево от-

делался, да и пир в спальне продолжался недолго. Когда провожавшие жениха и невесту простились с ними и вышли из спальни, шаферы пригласили всё общество собраться снова на другой день в три часа пополудни. После того император простился, и часов в одиннадцать гости разъехались».

На следующий день гости собрались в назначенное время, но вынуждены были прождать императорскую чету до половины седьмого. «Вскоре по прибытии государя, — пишет камер-юнкер, — все пошли к столу и сели опять почти в том же порядке, как вчера, с тою лишь разницею, что свадебные чины поменялись местами, т. е. те, которые сидели в первый день по правую сторону невесты, сели теперь по левую, и что жених сел за дамский стол». Молодая хотела уступить главе новой семьи место справа от нее, как было положено по обычаю. Но Петр закричал жениху: «Нет, постой, дочь князя-кесаря должна сидеть на первом месте!» (Берхгольц вел дневник по-немецки, но эта фраза записана по-голландски; следовательно, император прибегнул именно к этому хорошо известному ему языку в расчете на иностранных гостей.) Михаил Головкин послушно сел по левую сторону от невесты.

Дальнейший порядок свадебного застолья ничем не отличался от того, который был в первый день. Но во время танцев императорская чета устроила своеобразное развлечение. В танцах участвовали два старика: 62-летний отец жениха Г. И. Головкин и бывший российский посол в Польше князь Г. Ф. Долгорукий, которому исполнилось 65 лет; по понятиям XVIII века это был весьма почтенный возраст. Императрица сказала герцогу Гольштейн-Готторпскому, что «хочет хорошенько помучить их». Она начала танцевать с герцогом в первой паре, намеренно проделывая неимоверное количество поворотов, которые должны были повторять Головкин и Долгорукий, следовавшие за ними в парах с молодыми партнершами. Оба «устали до крайности и под конец едва тащили ноги, к немалому удовольствию их величеств и всего общества». В не менее плачевном положении находились другие пожилые танцоры: отец невесты И. Ф. Ромодановский, Ф. М. Апраксин,

П. А. Толстой и особенно П. П. Шафиров, которому «досталось больше всех по причине его толстоты». Англез под предводительством императорской четы «до того измучил почтенных господ, что они по окончании его повалились на стулья как полумертвые, потому что прежде, пока танец еще не кончился, никто из них не смел ни присесть, ни отстать. Всё это очень забавляло государя».

Однако Петр этим не ограничился. «Ему, — пишет Берхгольц, — хотелось также в этот вечер напоить допьяна некоторых гостей, и он начал сперва провозглашать разные веселые тосты, а потом являться с штрафными стаканами, которые одних заставлял выпивать за то, что они не довольно усердно танцевали, других за то, что мало оказывали почтения князю-кесарю и въезжали к нему на двор на лошадях и в экипажах», тогда как от ворот следовало идти пешком. В результате «многие довольно сильно опьянели». Танцы и питье продолжались до одиннадцати часов вечера, после чего «незаметно уехали сперва императрица, потом вскоре император, а затем разошлось и всё общество». Берхгольцу довелось до отъезда увидеть постель новобрачных — вероятно, в ходе своеобразной экскурсии, устроенной хозяином дома для герцога Гольштейн-Готторпского и его свиты. Кровать, изготовленную по приказанию отца невесты, камер-юнкер счел «очень красивою и великолепною», лучшей из всех, которые ему доводилось видеть в России: «она была обита красным бархатом и везде обложена широким золотым галуном, а сделана по новейшей французской моде»[26].

Одиннадцатого июля 1723 года состоялась свадьба шведского барона Карла Гастфера (по-видимому, бывшего военнопленного) с девицей Елизаветой Барановой, происходившей из весьма богатой петербургской купеческой семьи. Жениху было около двадцати лет, а невесте — только 13. Бракосочетание проводилось по протестантскому обряду, поэтому состоялось не в церкви, а в доме дворянства. Его начало немного задержалось из-за отсутствия Петра I, который, «насквозь промоченный дождем, переодевался в другой комнате». «По приходе государя тотчас началось бракосочетание, —

рассказывает Ф. В. Берхгольц. — Когда церемония ... кончилась, император сел с его высочеством (герцогом Гольштейн-Готторпским. — *В. Н.*) и другими знатными господами. То же самое должны были сделать дамы, чинно стоявшие по другую сторону, и всё здешнее дворянство. Хотя для государя и был устроен балдахин, под которым стояли кресло и рядом с ним стул для его высочества, однако ж оба они не воспользовались ими, а сели вместе с другими кавалерами. После того ландраты* и свадебные маршалы начали по порядку провозглашать обыкновенные церемониальные тосты».

С восьми часов вечера публика начала танцевать. В первых парах танцевали два маршала, за ними — жених с невестой, потом — герцог Гольштейн-Готторпский с юной графиней Юлией Вахтмейстер, дочерью камергера шведской королевы Ульрики Элеоноры, приехавшего в Петербург хлопотать об утверждении за ним поместий в Лифляндии. Затем герцог «танцевал с невестою так, что выходила смесь польских, менуэтов и английских танцев». На протестантских свадьбах того времени приглашать гостей к трапезе было не принято; «однако ж, — пишет Берхгольц, — на сей раз в одной из комнат для императора был приготовлен стол с холодным кушаньем, за который он и сел, когда было исполнено уже несколько танцев». Тем временем герцог и прочие кавалеры продолжали танцевать. Отужинав, государь вернулся в танцевальную залу и, «будучи в отличном расположении духа... удостоил несколько раз протанцевать англез и польский. Все почти гости признавались, что никогда не видали его величество таким веселым».

Около одиннадцати часов начались последние церемониальные танцы, которые имели весьма необычный и даже забавный вид. «Сначала, — рассказывает Берхгольц, — все холостые попарно протанцевали польский, следуя за женихом, перед которым танцевали два маршала; потом они взялись за руки и образовали круг,

* Ландраты (от нем. *Land* — страна, *Rat* — совет, советник) — существовавшие в России с 1713 года представители губернского дворянства, входившие в состав губернской коллегии и выполнявшие роль советников и чиновников для особых поручений при губернаторе.

в середину которого вошел молодой с одним из танцевавших. Попрыгав с ним и поцеловав его, он схватил другого и повторил то же самое, потом третьего, и так далее, пока не перебрал всех. Затем они подняли его на руки, и он должен был выпить три стакана вина и опорожненную посуду бросить наземь. Тогда молодежь, попрыгав с ним еще несколько времени, поставила его на ноги. После того за него взялись все женатые и возились с ним точно таким же образом. Император, внимательно следивший за всеми этими церемониями, сам участвовал в танце с женихом и делал всё, что следовало. Когда с молодым покончили, все девицы, а за ними все замужние женщины танцевали точно так же с невестою, с тою только разницею, что ее не поднимали как жениха и не заставляли пить... При этих танцах литавры и трубы гремели вместе с музыкою, и когда они кончились, невесте и жениху еще раз приносили поздравления. По окончании всего император удалился, перецеловавшись на прощанье со всеми дамами»[27].

По какой-то причине Петр I не присутствовал на свадьбе своего ближайшего сотрудника, кабинет-секретаря Алексея Васильевича Макарова, который 23 августа 1724 года вступил во второй брак с вдовой княгиней Анастасией Ивановной Одоевской. «Против всякого ожидания, — удивлялся Ф. В. Берхгольц, — ни императора, ни императрицы, ни императорских принцесс там не было». Маршалом свадьбы был генерал-полицеймейстер А. М. Девиер, посаженым отцом жениха — генерал-фельдмаршал А. Д. Меншиков, посаженым братом — генерал-прокурор П. И. Ягужинский; со стороны невесты посаженым отцом выступал генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, посаженым братом — вице-адмирал П. И. Сиверс, посаженой матерью — герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна, посаженой сестрой — М. А. Брюс, жена генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса. Шаферами были 12 капитан-поручиков, поручиков и прапорщиков гвардии. После всех обычных застольных свадебных церемоний залу освободили от столов и вымели пол, после чего начались церемониальные танцы, а затем «маршал свадьбы дал позволение танцевать что угодно». Берхгольц отметил, что «кроме польских и

менуэтов было еще много англезов, так что танцы продлились до 11 часов, когда наконец невесту обычным порядком с церемониею проводили в спальню»[28].

26 ноября (8 декабря) 1719 года французский консул Лави сообщил своему начальнику Дюбуа: «Уже несколько дней, как царь забавляется празднованием свадеб своих придворных, между прочим Татищева с племянницей Строганова, обладательницей 30 тысяч рублей»[29].

Свадьба денщика Петра I Андрея Древника и Анны Фельтен, младшей дочери царского обер-кухмейстера, состоялась «по высочайшему повелению», поскольку невеста была уже на последнем месяце беременности, а ее ухажер всё не решался вступить в брак. Ф. В. Берхгольц отметил в своем дневнике, что «венчали их в присутствии императора, императрицы и многих знатных дам и кавалеров. Их величества, говорят, были на этой свадьбе очень веселы и не уезжали почти до 10 часов. Но когда, после них, невесту повезли в дом жениха, она дорóгою сделалась больна и в 5 часов утра разрешилась от бремени сыном»[30].

Бывали случаи, когда Петр I являлся на свадьбу без приглашения. Так, 5 ноября 1724 года праздновалась свадьба немецкого булочника, жившего неподалеку от царского Зимнего дворца. «Император, — рассказывает Берхгольц, — вероятно, мимоездом, услышав музыку и любопытствуя видеть, как справляются свадьбы у этого класса иностранцев, совершенно неожиданно вошел в дом булочника с некоторыми из своих людей, приказал накрыть там два особых стола, один для себя, другой для своей свиты, и более трех часов смотрел на свадебные церемонии и танцы. Во всё это время он был необыкновенно весел»[31].

Похороны

«Русские хоронят мертвых со многими церемониями, — писал в конце XVII века секретарь австрийского посольства Иоганн Корб, — они нанимают женщин равно суеверных, как и нечестивых, которые с купленными воплями проводят тело покойника. В гроб кла-

дут препоручительное письмо к св. Николаю, которого считают привратником рая; патриарх свидетельствует в этом письме, что покойник вел христианскую жизнь и скончался, сохраняя похвальную верность православной русской вере. Когда тело опустят в землю, поп, сказав краткую речь о неизбежности смерти, первый начинает погребение, бросив на гроб горсть земли; кроме молитв за усопших, когда уже труп предан земле, и перед самым совершением погребения нанятые женщины выражают скорбь пронзительными воплями и с громкими причитаниями, по языческому обычаю, обращаются к умершим: "Зачем они умерли? Зачем так скоро покинули милых жен и любезнейшее потомство? В чем нуждались? В пище ли, в напитках ли?" Потом приносят на гроб разные кушанья, которые и разделяют между нищими, обыкновенно в огромном множестве стоящими около гроба. Таковую раздачу пищи из любви и нежности к усопшим родные их повторяют несколько раз в год»[32].

Первые похороны в окружении Петра Великого совершались по протестантскому обряду, поскольку царь и его соратники прощались с кальвинистом Францем Лефортом. Подробное описание этого печального события, состоявшегося 11 марта 1699 года, приведено в дневнике Корба: «Все представители иностранных держав, приглашенные участвовать в погребении покойного генерала Лефорта, явились в его дом в печальном платье. Вынос назначен был в восемь часов утра, но пока согласились касательно разных обстоятельств и делались нужные приготовления, то солнце уже дошло до полудня и оттуда взирало на готовившуюся печальную процессию. Между тем, по обычаю жителей <Немецкой> слободы, столы были уже накрыты и заставлены кушаньями. Тянулся длинный ряд чашек, стояли кружки, наполненные винами разного рода, желающим подносили горячее вино. Русские, из которых находились там, по приказанию царя, все знатнейшие по званию или должности лица, бросались к столам и с жадностью пожирали яства; все кушанья были холодные. Здесь были разные рыбы, сыр, масло, кушанья из яиц и тому подобное». Только Борис Петрович Шереметев, одетый

в немецкое платье и с Мальтийским крестом на груди, счел, что участвовать в этом безудержном и отчасти кощунственном пиршестве у гроба ниже его достоинства.

Петр I появился с выражением скорби на лице. «Когда пришло время выносить гроб, — продолжает австрийский дипломат, — любовь к покойнику царя и некоторых других явно обнаружилась: царь залился слезами и перед народом, который в большом числе сошелся смотреть на погребальную церемонию, напечатлел последний поцелуй на челе покойника».

Погребальная процессия направилась от дома Лефорта к расположенной неподалеку реформатской церкви. Впереди ехал на лошади полковник Преображенского полка барон Иоганн Эрнст Бломберг, за ним под звуки траурной музыки шел его полк, первую роту которого вел сам царь. Затем двигался Семеновский полк, а после него — полк покойного генерала Лефорта. Следом шли трубачи, барабанщики и знаменосцы; а дальше пять человек несли на шелковых подушках драгоценные знаки отличия покойника: золотые шпоры, инкрустированные пистолеты, обнаженную шпагу с лежавшими рядом с ней ножнами, генеральский жезл и шлем. Далее несли гроб с телом Лефорта, покрытый черной шелковой тканью с золотыми каймами. За гробом шли члены семьи покойного, а также полковник русской службы австриец Алексис де Дюит, австрийский и бранденбургский посланники, боярин Борис Петрович Шереметев, другие бояре, думные дьяки и прочие чиновники.

Гроб с телом был внесен в церковь, где пастор Немецкой слободы Штумпф произнес короткую речь. При выходе из церкви и по пути к кладбищу бояре, за исключением Шереметева, оттеснили иностранных посланников и вместо них пошли непосредственно за гробом. Петр не сразу это заметил. Лишь у самого кладбища он спросил у племянника покойного, полковника Пьера Лефорта:

— Кто нарушил порядок? Почему идут позади те, кто только что шли впереди?

— Русские самовольно нарушили порядок, — вынужден был признать Лефорт.

— Это собаки, а не бояре мои, — с горечью произнес царь.

По дороге на кладбище и на нем самом было расставлено сорок пушек, из которых произведено три залпа. Затем солдаты каждого из трех полков трижды салютовали покойному генералу ружейным огнем. Во время артиллерийского салюта произошел трагический случай: один из пушкарей, закладывавший заряд в дуло орудия, не успел отойти от него, и при выстреле ему оторвало голову ядром.

«По окончании погребения, — рассказывает Корб, — царь с солдатами возвратился в дом Лефорта, а за ним последовали все спутники, сопровождавшие тело покойника. Их уже ожидал готовый обед. Каждый из присутствовавших в печальной одежде при погребении получил золотое кольцо, на котором были вырезаны день кончины генерала и изображение смерти». Некоторое время спустя Петр вышел из зала, где происходила поминальная трапеза. Бояре поспешили за ним, решив, что он уходит совсем. Однако царь вернулся и столкнулся с ними на ступенях у выхода. Их торопливое удаление из зала показалось государю подозрительным. Русские вельможи не любили Лефорта, пользовавшегося особым расположением царя. «Быть может, вы радуетесь его смерти? — гневно спросил бояр Петр. — Его кончина большую принесла вам пользу? Почему расходитесь? Статься может, потому, что от большой радости не в состоянии долее притворно морщить лица и принимать печальный вид?»[33]

Заметным событием в жизни Петербурга в первые десятилетия его существования стали похороны царицы Марфы Матвеевны, урожденной Апраксиной, вдовы царя Федора Алексеевича и сестры генерал-адмирала. С начала 1710 года она жила в Петербурге в собственном дворце. Последний визит Петр нанес невестке за несколько дней до ее смерти, 25 декабря 1715 года. Умерла она 31 декабря во втором часу пополуночи и была похоронена 7 января 1716 года в Петропавловской крепости. Петр активно участвовал в подготовке церемонии, рассылал собственноручные письма архиереям с извещением о кончине царицы и указаниями о долж-

ном поминовении ее души, награждал по воле покойной ее служителей, пожаловал принадлежавшую ей деревню Федору Матвеевичу Апраксину, а графский титул — другому ее брату, Андрею Матвеевичу[34].

В повседневных записках А. Д. Меншикова указано, что в день похорон в третьем часу пополуночи светлейший князь поехал в дом покойной царицы «для отправления тела ее величества к погребению, и быв довольно». «...И убираясь, понесли оное тело под балдахином в город (Петербургский остров, ныне Петроградская сторона. — *В. Н.*), и по дороге от самого города стояли солдаты саженях в десяти и более со свечами, и в городе в ружье. И погребли оное тело в соборной новой церкве близ гроба блаженная памяти крон-принцессы»[35] — покойной супруги царевича Алексея Петровича.

Более подробно похороны Марфы Матвеевны описаны в сочинении ганноверского резидента в России Х. Ф. Вебера. «Хоронили ее в вечерние сумерки с большим великолепием, — сообщает дипломат. — От ее печального дома до церкви было расстояние с небольшую четверть мили, и весь этот путь по льду уставлен был двойным рядом факелов, между которыми совершалась процессия. Богатую корону, всю усыпанную драгоценными камнями, нес тайный советник Толстой, а гроб и провожатых (числом более 500, из которых 200 были в похоронных плащах) везли на санях. Тело, по совершении над ним последнего погребального обряда, погребено в новой царской усыпальнице в крепостной церкви...» Во время похорон Вебер подметил отступление от старых русских традиций: «В подобных случаях у русских искони в обыкновении были громкие рыдания, плач и разные причитания, которые часто казались мне настолько искренними, насколько же и притворными; но царь решительно хочет вывести этот обычай, и на упомянутых похоронах строго приказано было, чтобы никто громко не плакал и не причитывал»[36].

Другие детали этого печального события нашли отражение в письме Ивана Зотова — сына знаменитого «дядьки» и соратника Петра Великого Никиты Моисеевича Зотова. 29 января 1716 года Иван Никитич сообщил в письме одному из иерархов Русской церкви о

том, как хоронили вдовствующую царицу. Тело внесли в церковь, где высшее духовенство совершило обедню и погребальное отпевание, затем гроб поставили в центре и покрыли плащаницей, оставив открытой только левую руку царицы для целования. У гроба дежурили 12 капитанов «в должном оружия уборе». По пути в Петропавловский собор стояли «по обе стороны улицею полки солдацкие», в руках у всех были тонкие свечи, а у каждого пятого — большая свеча; на земле через каждые 50 саженей стояли лампы весом в пять пудов. Траурную процессию возглавлял Меншиков, за ним по двое шли сенаторы, «затем несли корону и скиптр, а потом шли министры, за министрами распятие Господне и певчие и архимандриты с попами, потом архиереи и епископы, а за ними шел генерал ревизор Зотов и нес герб Российский и имя умершей резное златое в зеленостях цветов на высоком жезле, последи же везли тело 12-ю коньми, всё было великой печали исполнено. Певчие пели с початку от церкви Святый Боже, потом стих "Кто нас разлучит от любви Божией", а потом стихиры погребения, и, приходя к церкви в замку (Петропавловской крепости. — *В. Н.*), снову пели Святый Боже». За гробом Марфы Матвеевны шли три ее брата, потом Петр I, царевич Алексей Петрович, а за ними — знатнейшие вельможи. Далее следовали царица Екатерина Алексеевна, вдовствующая царица Прасковья Федоровна и сестры и племянницы Петра. Гроб с телом усопшей опустили в могилу, и участники церемонии прошли мимо нее, отдавая «последний респект», а затем пропели «вечную память» и отправились на поминки в дом брата покойницы Федора Матвеевича Апраксина[37].

Похороны подполковника Семеновского полка князя Петра Михайловича Голицына, состоявшиеся 24 января 1722 года, подробно описаны в дневнике Ф. В. Берхгольца: «Два священника стояли в головах покойника и совершали панихиду, а два других постоянно читали. Когда приехали их величества, розданы были мантии, флер и белые перчатки, и церемония началась. Сперва один из священников сказал маленькую речь, потом вдова, родственники и большая часть присутствовавших подходили отдавать прощальное цело-

вание. Затем гроб закрыли и поставили на колесницу в шесть лошадей, над которою 12 поручиков несли балдахин. Каждую из лошадей вел особый прислужник... В церкви тело было поставлено на приготовленный там катафалк, и крышу с гроба сняли поручики, которые его внесли. В ногах покойника стал епископ и говорил о его рождении, жизни и подвигах; потом прочел свидетельство, что он был добрый христианин, и, по обыкновению, положил эту бумагу в гроб возле него. После того началось последнее прощание, причем вдова в особенности предавалась неутешной горести. Недалеко от гроба стоял священник и держал икону Спасителя; все подходившие прощаться с покойником сперва крестились и наклонялись перед нею, потом уже шли далее и при возвращении повторяли то же самое. Наконец гроб был закрыт, заколочен и опущен в землю, причем гвардия, стоявшая на церковном дворе, дала три залпа. Ее величество императрица, которая с большою свитою дам изволила, по здешнему обычаю, провожать тело до церкви, по окончании всей церемонии уехала домой; но император, его королевское высочество (герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский. — *В. Н.*) и многие другие отправились опять в дом покойного, где братья его великолепно угощали их и где все оставались до 10 часов вечера»[38].

Глава тринадцатая

«Во многождых недугах»

Хвори телесные

Недомогания Петра I и его соратников не могли не оказывать влияния на их повседневную жизнь и деятельность. Напряженный труд, лишения в военных походах, неумеренность в частых кутежах, злоупотребление алкоголем и курением — все эти факторы оказывали отрицательное влияние на здоровье государя и большинства лиц из его окружения. Судить о самочувствии людей прошлого можно лишь с известной долей допущения, на основании фрагментарной и зачастую

весьма неточной информации, имеющейся в источниках, при этом необходимо учитывать, что медицинские представления XVIII века во многом были иными, чем сейчас, что не могло не отразиться на описании недугов. Однако без этой стороны жизни наших персонажей картина повседневности будет неполной и во многом неясной.

Среди соратников Петра I долгожителями были президент Ревизион-коллегии Я. Ф. Долгорукий (умер в 1720 году на 82-м году жизни) и дипломат П. А. Толстой (скончался в возрасте 84 лет в 1729 году в ссылке в Соловецком монастыре, на пять лет пережив государя, которому по возрасту годился в отцы). Князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский дожил до 77 лет, фельдмаршал Б. П. Шереметев — до 67, Я. В. Брюс — до 66, первый кавалер ордена Андрея Первозванного Ф. А. Головин — до 56, Ф. Лефорт — до 53.

Наиболее изучены болезни Франца Лефорта, в недавнее время ставшие предметом специального исследования[39]. До конца жизни этот знаменитый соратник Петра I страдал от трех ран. Первое ранение он получил в день своих именин (День святого Франциска) 4 октября 1694 года при Кожуховских маневрах. Обстоятельства этого происшествия описаны им самим в письме брату в Женеву. «В меня бросили горшок, начиненный более чем четырьмя фунтами пороху; попав мне прямо в плечо и в ухо, он причинил мне ожог, именно обожжена была кожа на шее, правое ухо и волосы, и я более шести дней ходил слепым... Его величество принял в моем злоключении большое участие, и ему было угодно ужинать у меня со всеми главными офицерами и князьями. Я угощал их, несмотря на то, что вся моя голова и лицо обвязаны были пластырями»[40].

Две другие раны — на правом боку около нижнего ребра и на животе — Лефорт получил в октябре 1695 года, упав с лошади во время отступления русской армии из-под Азова и сильно ударившись о большой камень, имевший, вероятно, острые выступы. Повреждения оказались настолько тяжелыми, что он почти не мог двигаться и не выносил передвижения в тряских

колесных экипажах. В Москву по возвращении из похода он въехал, полулежа в санях[41].

Петр I сделал всё возможное, чтобы поскорее поставить своего фаворита на ноги: за его здоровьем наблюдал персонал, численности которого хватило бы на целый госпиталь. В сентябре 1696 года Лефорт писал своему старшему брату Ами: «За мной ухаживают четыре врача и около тридцати хирургов (лекарей-цирюльников. — *В. Н.*), пекущихся о моем выздоровлении»; «доктора и хирурги делают всё возможное». К числу лечебных процедур относились регулярные перевязки и использование различных мазей, а также медикаментозное лечение. Лефорт рассказывал: «Врачи и хирурги прикладывают мне пластыри днем и ночью. Кроме того я принимаю лекарства». Причем лечение проходило под бдительным контролем царя; по сообщению самого Лефорта, Петр «лично несколько раз заставлял делать мне перевязку в его присутствии». В это время больному пришлось изменить свой образ жизни, в частности, расстаться с привычкой к спиртному. 9 октября 1696 года Франц Яковлевич писал брату: «Врачи и хирурги... повсюду, куда я иду, за мной следуют и смотрят, чтобы я ничем не злоупотреблял из того, что вредно моему здоровью. Уже год как я веду умеренную жизнь и вино мне запрещено. Я вооружаюсь терпением. Иногда, несмотря на всё, я выпиваю стаканчик для утоления моих болей, если это возможно»[42].

Весной 1696 года Лефорт из-за плохого самочувствия не смог вовремя выехать в Воронеж, где полным ходом шло строительство флота, и отправился туда лишь 31 марта, когда состояние его здоровья несколько улучшилось. Однако рана на боку никак не заживала, вероятно, из-за попавшей в нее инфекции. 22 января 1697 года Лефорт писал брату: «Рана моя всё еще открыта». В тот же день его племянник Петр писал своему отцу в связи с намерением Франца участвовать в Великом посольстве: «...это — большое путешествие, а особенно для господина дяди моего в его теперешнем положении, так как его рана всё в том же состоянии; из нее беспрестанно сочится, как из фистулы, и нет надежды, что она когда-либо заживет. В остальном он себя чувству-

ет хорошо; отдыхает и обедает с большим аппетитом»[43]. Болезнь Лефорта даже несколько задержала отъезд Великого посольства за границу[44].

Во время заграничной поездки самочувствие Лефорта улучшилось. Возможно, это связано с более квалифицированной медицинской помощью, оказанной ему в Голландии. Кроме того, немаловажно, что зиму 1697/98 года уроженец Женевы провел не в холодной Московии, а в стране с более мягким климатом. Благотворно влияли и психологические факторы: радостное нервное возбуждение авантюриста, любившего путешествия, а также надежды на встречу с матерью. С весны 1697 года по лето 1698-го он опять много пил, что следует из свидетельств встречавшихся с ним иностранцев[45].

По возвращении в Россию Лефорт чувствовал себя значительно лучше, поскольку его рана, наконец, закрылась. Но с начала февраля 1699 года опять обнаружились опасные симптомы. 3 февраля его племянник Петр писал своему отцу: «С огорчением должен вам сообщить, что моего дядю генерала снова начали донимать старые раны, по меньшей мере он начал ощущать тяжесть в этом месте, и мы сильно опасаемся, как бы она (рана. — *В. Н.*) опять не открылась»[46]. Худшие предположения оправдались: вновь начался гнойный процесс, образовались свищи. Однако Лефорт не желал сдаваться болезни и проводил время в пирах. По справедливому замечанию историка Н. И. Павленко, «четыре пиршества подряд — 11, 16, 19 и 22 февраля — не могли не отразиться на здоровье Лефорта и сократили его путь к могиле»[47].

Роковым событием стал ужин, которым Лефорт 22 февраля 1699 года угощал иностранных посланников: датчанина Пауля Гейнса и бранденбуржца Маркварда Людвига фон Принтца. Франц Яковлевич так хорошо попотчевал дипломатов, что им стало жарко во дворце; обманчивая теплота ясного февральского вечера выманила пирующих на чистый воздух, где они продолжили трапезу с обильными возлияниями. Прямо из дома Лефорта его гости отправились в Воронеж к находившемуся там и пригласившему их Петру I, а хозяин на другой день почувствовал сильный озноб и слег в пос-

тель. Простуда оказалась сильной: начались жар и лихорадка с бредом.

По свидетельству секретаря австрийского посольства Иоганна Георга Корба, в последующие пять дней «опасность болезни господина Лефорта беспрестанно увеличивалась. Горячка становилась сильнее, и больной не имел ни отдыха, ни сна; не владея вполне, вследствие болезни, здравым рассудком, он нетерпеливо переносил страдание и впадал в бред. Наконец, музыканты, играя по приказанию врачей в его комнате, усыпили его приятными звуками инструментов».

В четвертом часу ночи 26 февраля Ф. А. Головин написал Петру I в Воронеж: «В четверток на первой неделе так остро заболел огневою (то есть лихорадкой. — *В.Н.*) адмирал наш, и ныне без всякой пользы есть; кровь пускали, а нимало не поможествовала; смотреть, что за помощию Божиею будет после. Сего, государь, часа я посылал к нему при отпуску почты, сказали, что нет нимало пользы».

Корб отметил в дневнике 1(11) марта: «Генерал Лефорт почти совершенно потерял рассудок и своим бредом подает повод к постоянным о том россказням. То он призывает музыкантов, то кричит, чтобы подали вина. Когда напомнили ему, чтобы он пригласил к себе пастора, то он начал еще более бесноваться и никого из духовных лиц к себе не допустил». Лишь позже, вероятно, после уговоров жены, он согласился принять лютеранского пастора Штумпфа, но попросил его: «Много не говорите!»[48] На следующее утро, 2 марта 1699 года, Франц Яковлевич скончался.

А. Д. Меншиков долгое время страдал легочной болезнью. Сведущий в лекарственных средствах Я. В. Брюс посоветовал ему принимать лекарственную водку и даже сам заказал ее в Москве. «При сем письме, — писал он своему служителю Н. П. Павлову, — посланное от меня письмо в Немецкую слободу отвези сам и отдай тетке моей по подписке не умедля. И которую лекарственную вотку по оному письму она тебе отдаст, ежели похощет, заплати ей деньги, положа их в два или в три ящика, и чтоб не раздавилась склянка, сюда в поход... пришли через почту. И чтоб их довесть в целости бы, положь сена,

понеже оные вотки надобны ко употреблению его сиятельству. А что они надобны ему, только отнюдь оного не сказывай»[49].

У Я. В. Брюса была подагра*, которая очень мешала ему во время военных походов. Однажды заболевание не позволило в срок сделать перевод книги, за который ученый сподвижник Петра I взялся по его заданию. Якову Вилимовичу пришлось оправдываться перед государем: «За проклятою подагрою, которою одержим был более четырех недель, а потом припала было горячка, от которой у меня так было повредились глаза, что долгое время не мог оных ко многому читанию и писанию употребить». В письме Б. П. Шереметеву Брюс сетовал на то, что «долгое время из-за болезни не только говорить, но и писать не мог». В марте 1708 года он писал своему брату Роману в Петербург, что вновь «одержим подагрой»[50].

Сам Петр Великий никогда не обладал богатырским здоровьем, а с годами неустанные труды, тяжелые переживания и образ жизни начали заметно сказываться на его самочувствии. Первые значительные случаи ухудшения здоровья царя стали отмечаться в разгар Северной войны, в 1708—1709 годах, когда он по нескольку недель страдал тяжелой лихорадкой.

В «Истории Петра» А. С. Пушкина имеются многократные указания на простудные заболевания, лихорадки, горячки, а также на болезненные состояния «с похмелья». Историк М. И. Семевский, основываясь на изучении писем Петра I Екатерине Алексеевне, пишет: «Как видно из его же цидулок, за пять, за шесть лет до своей смерти Петр редко расставался с лекарствами. В письмах довольно часто встречаются известия о его болезнях: то он страдает "чечюем" (геморроем. — *В. Н.*), то завалами или расстройством желудка, отсутствием аппетита». По совету врачей царь неоднократно прибегал к лечению минеральными водами как в России, так и за рубежом: в Бадене в 1698 и 1708 годах, в Карлсбаде в 1711 и 1712-м и в Бад-Пирмонте в 1716 году.

* Подагра (греч. *podos* — нога, *agra* — захват, дословно «нога в капкане») — заболевание, при котором уменьшается выделение почками мочевой кислоты, вследствие чего повышаются ее концентрация в крови и отложение в тканях организма и происходит воспаление (артрит) суставов.

Сохранился подлинник истории болезни Петра I от 1716 года, написанный лейб-медиком Лаврентием Блюментростом. Из этого подробного документа можно вынести заключение, что государь страдал нарушениями деятельности желудочно-кишечного тракта, напоминающими хронический колит[51].

Летом 1717 года Петр лечился водами на курорте Спа (в современной Бельгии). Его лейб-медик шотландец Роберт Арескин (Эрскин) отметил, что накануне лечения «его величество... страдал потерею аппетита от ослабления желудочных фибр, имел опухоль ног, желчные колики и бледность лица». Минеральные воды Спа оказали на него благотворное влияние, хотя и не могли привести к полному выздоровлению. Петр Великий пожелал увековечить память о своем пребывании в Спа. По его распоряжению там был поставлен памятник работы одного амстердамского скульптора, на котором начертана на латинском языке надпись, сочиненная одним из приближенных царя: «Божией Милостию Петр I, царь всероссийский, благочестивый, благополучно царствующий, непобедимый, устроитель военнаго порядка и первый основатель наук и искусств среди своих подданных, создавший своим гением сильный военный флот, безгранично увеличивший свои войска и через войны даровавший безопасность областям, как наследованным от предков, так и приобретенным военными успехами, ознакомившись с нравами различных европейских народов, посетив Францию, Намюр и Люттих, прибыл к этим водам в Спа, как к источнику спасения; после успешнаго лечения этими целебными водами, главным образом, водами Жеронстерскаго источника, он вновь получил свои прежния силы и здоровье; июля 22 дня 1717 года, отправился в Голландию и, возвратившись в свою империю, повелел воздвигнуть здесь этот памятник в знак своей вечной признательности, в 1718 году».

С января 1719 года царь начал выезжать на недавно открытые Марциальные Воды*. 7 (19) января 1719 года

---

*Марциальные Воды — первый российский бальнеологический и грязевой курорт, основанный 20 марта 1719 года указом Петра I (в современном Кондопожском районе Республики Карелия

английский посланник Джеймс Джеффрис сообщил в Лондон: «Вчера вечером его царское величество выехал отсюда в Олонец, где он, говорят, пробудет месяца два. Его сопровождает Ягужинский... Царь желает, чтобы во время пользования водами его не тревожили никакими делами»[52]. 8 (20) февраля 1719 года французский консул Анри Лави доносил министру иностранных дел Гийому Дюбуа: «Из Олонца сообщают, что царь начал пить воды и что его здоровье лучше, чем предполагали, но что у него всё еще немного болит рука, боль, которую приписывают давнишнему кровопусканию, сделанному неискусным хирургом, повредившим нерв»[53].

25 мая (6 июня) 1719 года Лави впервые сообщил, что у Петра появились проблемы с мочеиспусканием, причем связал это с нервным расстройством: «Отправления природы задерживаются не дающей ему покоя бессонницей; окружающие же его, желая скрыть слишком очевидную действительную причину этого беспокойства, распускают слух, будто бессонница причиняется призраками»[54].

В марте 1720 года государь приехал на Марциальные Воды вторично и пробыл там шестнадцать дней. Лечение оказало благотворное влияние на его организм, но проблемы со здоровьем остались. Летом 1722 года в Астрахани во время Персидского похода у Петра опять появились приступы задержки мочеиспускания, а зимой 1723 года они усилились. Придворным медикам выпадала трудная работа с державным больным, поскольку он не мог подолгу соблюдать предписываемую ему строгую диету — любое воздержание противоречило его порывистой и страстной натуре. Особенно трудно ему было выносить врачебный запрет выходить на свежий воздух. Как только Петру становилось немного лучше, пушка Санкт-Петербургской крепости возвещала, что государь намерен кататься по Неве. Однако эти водные прогулки, сопряженные с приемом сытной пищи и алкогольных напитков, вскоре приводили к возобновлению недуга.

в 54 километрах к северу от Петрозаводска), на базе минеральных источников. Железистая вода получила название в честь бога войны Марса. Сам Петр четырежды приезжал туда на лечение.

В июне 1724 года царь отправился в Подмосковье, на Угодские железные заводы В. В. и П. В. Меллеров, где были открыты новые целебные минеральные источники. В августе того же года была предпринята новая поездка на курорт Марциальные Воды. Регулярное потребление минеральных вод улучшило самочувствие и аппетит государя, исчезло жжение во рту, несколько нормализовались функции почек. Однако вскоре его страдания начали обостряться всё чаще. Летом 1724 года болезнь почек приняла воспалительный характер. Доктора Лаврентий Блюментрост и Николай Бидлоо на врачебном консилиуме пришли к выводу о необходимости вставить катетер. Возможно, это решение было ошибочным. Лейб-медик Александра I Вильгельм Рихтер, автор «Истории медицины в России», писал позже: «...может быть, катетер, с великой болью и почти без всякой пользы поставляемый, произвел сие воспаление».

В сентябре 1724 года камер-юнкер Берхгольц отметил плохое состояние здоровья Петра I. Врачи говорили, что «болезнь его величества давно бы уж прошла, если б он захотел поберечься как следует... щадил себя и соблюдал надлежащую диету в пище»; но, отмечал придворный голштинского герцога, «для него это дело почти невозможное, потому что он решительно не может обойтись без холодного кушанья в особенности и некоторых других вещей». В период обострения болезни медики рекомендовали Петру не выходить из теплого помещения, поэтому, как пишет Берхгольц, «его величество после болезни и от постоянного сидения в очень теплой комнате сделался, говорят, очень зябок, так что теперь не может выносить много холода»[55].

Тем не менее именно в это время императору казалось, что он чувствует себя значительно лучше. Сочтя себя совершенно здоровым, он в ноябре совершил путешествие морем в Шлиссельбург и Лахту. В середине месяца он принял деятельное участие в спасении солдат и матросов с бота, севшего на мель неподалеку от Лахты. Пребывание в холодной воде оказалось для Петра пагубным: он сильно простудился. Блюментрост лечил его втиранием горячего гусиного сала с тертым чесноком в грудную клетку, ставил ему пиявки. Болезнь

на время отступила, и Петр поспешил этим воспользоваться. В сильный мороз 6 января 1725 года он присутствовал на церемонии Крещения и вновь простудился, что на сей раз привело уже к безнадежным результатам. 16-го числа появился сильный озноб, и император слег в постель. Наступила острая задержка мочи, приступ следовал за приступом. Однако врачи не теряли надежды на спасение больного. Действительно, ночь с 20 на 21 января прошла спокойно, лихорадка отступила и «очищения стали более правильными». Через день была предпринята операция, в результате которой было извлечено около двух фунтов гнойной мочи. Тем не менее острые болевые приступы начали возникать всё чаще. Боль была настолько сильна, что крики императора были слышны даже за пределами дворца. Блюментрост и Бидлоо не отходили от его постели.

При катетеризации мочевого пузыря 25 января вышло еще около литра гнойной мочи. На следующий день начался приступ лихорадки, сопровождавшейся судорогами, во время которых император терял сознание. К вечеру, казалось, ему стало лучше, и он попросил есть. Но во время приема пищи у него вновь возник судорожный приступ с потерей сознания на два с лишним часа. Когда государь очнулся, выяснилось, что он утратил способность говорить и владеть правыми конечностями. В шесть часов утра 28 января Петр I скончался на руках Екатерины в возрасте неполных пятидесяти трех лет.

Физические недомогания царя и его соратников отнимали у них немало сил и времени, мешали им работать и отдыхать. Но страдания от телесных болезней иногда было легче переносить, чем душевные недуги.

Болезни нервные и душевные

Нервные и психические расстройства Петра I и лиц из его окружения возникали как из-за врожденной предрасположенности к заболеваниям, так и вследствие физического и нервного перенапряжения, а в случае петровских сподвижников — еще и из-за постоянного опасения за свою судьбу, находившуюся под скипетром скорого на расправу монарха.

Поведение Петра I отличалось заметными проявлениями аномалии, что зачастую поражало современников. На двадцатом году жизни у него стала трястись голова, и на красивом круглом лице в минуты напряженного раздумья или душевного волнения появлялись судороги. Его большие глаза приобретали тогда резкое, даже дикое выражение.

Юст Юль приводит довольно устрашающую зарисовку с натуры, сделанную на торжествах по случаю полтавской победы: «Мы вышли из кареты и увидали, как царь, подъехав к одному простому солдату, несшему шведское знамя, стал безжалостно рубить его обнаженным мечом и осыпать ударами, быть может, за то, что тот шел не так, как хотел царь. Затем царь остановил свою лошадь, но всё продолжал делать... страшные гримасы, вертел головою, кривил рот, заводил глаза, подергивал руками и плечами и дрыгал взад и вперед ногами. Все окружавшие его в ту минуту важнейшие сановники были испуганы этим, и никто не смел к нему подойти, так как все видели, что царь сердит и чем-то раздосадован». Датский посланник отметил, что «описанные выше страшные движения и жесты царя доктора зовут конвульсиями. Они случаются с ним часто, преимущественно когда он сердит, когда получил дурные вести, вообще когда чем-нибудь недоволен или погружен в глубокую задумчивость. Нередко подобные подергивания в мускулах рук находят на него за столом, когда он ест, и если при этом он держит в руках вилку и ножик, то тычет ими по направлению к своему лицу, вселяя в присутствующих страх, как бы он не порезал или не поколол себе лицо». Юль предположил, что причиной нервно-психического расстройства Петра I является «острота крови» и что «эти ужасные на вид движения — топание, дрыгание и кивание — вызываются известным припадком сродни апоплексическому удару»[56].

Парижская газета «Ведомости иностранных дел» при описании внешности российского монарха, прибывшего во французскую столицу в 1717 году, отметила: «Он очень часто гримасничает. Привычное его движение — смотреть на свою шпагу, стараясь склонить голову через плечо, при этом отставляя назад ногу. Иногда

он ворочает головой, словно желая втянуть ее в плечи. Приближенные уверяют, будто бы такое судорожное подергивание появляется у него при усиленной сосредоточенности мыслей»[57].

Только Екатерина могла совладать с царем во время его припадков гнева — он начинал успокаиваться от одного звука ее голоса. Жена умела снимать его судорожные головные боли: «...сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое действие, он засыпал в несколько минут. Чтоб не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжение двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым»[58].

Современники и историки называют две причины неуравновешенности Петра: детский испуг во время кровавых кремлевских событий 1682 года и частые кутежи в юности в Немецкой слободе, подточившие здоровье еще не окрепшего организма. Однако не исключено, что царь страдал врожденным психическим недугом, получившим дальнейшее развитие из-за названных неблагоприятных факторов.

Приступы ярости у государя происходили довольно часто. Они возникали внезапно под воздействием неприятных известий или каких-то иных внешних раздражителей, но иногда и без видимой причины. Вероятно, в ряде случаев монарх при желании мог бы себя сдерживать, но его твердое убеждение во вседозволенности, присущей самодержавной власти, обычно исключало всякое стремление к самоконтролю. Во время новогоднего праздника 1 сентября 1698 года повод для недовольства Петра был вполне определенным: стало известно, что первый русский генералиссимус А. С. Шеин раздавал высшие офицерские чины за взятки. Дальнейший, весьма драматичный, эпизод описан в дневнике Иоганна Георга Корба. После оживленного спора с провинившимся вельможей царь выскочил из-за праздничного стола в соседнюю комнату и через несколько минут появился с обнаженной шпагой; ударив ею по столу перед Шеиным, он закричал: «Так истреблю я твой полк!» В порыве ярости Петр начал размахивать

оружием, приводя в ужас всех пирующих. Князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский был легко ранен в палец; Н. М. Зотов, отводя от себя «удар царского меча, поранил себе руку». Царь уже занес шпагу над Шеиным, но Ф. Я. Лефорт успел схватить сзади разбушевавшегося державного друга и сжать его в своих крепких объятиях. Петр, рассказывает Корб, «напрягал все усилия вырваться из рук Лефорта и, освободившись, крепко хватил его по спине. Наконец, один только человек, пользовавшийся наибольшей любовью царя перед всеми московитянами, сумел поправить это дело. Говорят, что этот человек достиг настоящего завидного своего положения, происходя из самого низшего сословия (несомненно, речь идет об А. Д. Меншикове, которого австрийский дипломат в данном случае почему-то не называет по имени. — *В. Н.*). Он так успел смягчить сердце царя, что тот воздержался от убийства, а ограничился одними только угрозами»[59].

25 мая (6 июня) 1719 года французский консул Лави писал министру иностранных дел Дюбуа: «Беспокойные движения царя и порывы гнева, которым он предается, показывают силу волнующих его страстей; колеблясь между гневом и опасением, он часто переходит с места на место»[60]. Очевидно, с годами болезнь Петра I проявлялась всё сильнее.

Внезапные приступы ярости, судорожные припадки, непроизвольные телодвижения Петра являются несомненными признаками эпилепсии, однако нет никаких оснований говорить о случаях помрачения его сознания. Н. Н. Пуховский предполагает несколько диагнозов нервно-психических расстройств царя, в числе которых — такие малоправдоподобные, как вторичная паранойя, бисексуализм, сифилофобия, перешедшая в сифиломанию, и т. д. Возможно, он прав в том, что Петр страдал симптоматической фокальной (локализованной) эпилепсией (синдромом Кожевникова)[61]. Эту форму болезни можно отнести к разряду нервных, а не душевных[62]. В данном случае речь идет о внезапных избыточных возбуждениях нейронов коры головного мозга в результате органического или функционального повреждения, вызванного недостаточным

кровообращением, травмами головы, инфекционными заболеваниями, опухолями, нарушением обмена веществ и другими факторами: на месте структурного повреждения образуется рубец, а периодически возникающие острый отек и раздражение нервных клеток двигательной зоны ведут к судорожным сокращениям мышц.

Признаки нездоровой психики проявлял царевич Алексей Петрович. Иностранные современники утверждали, что он страдал галлюцинациями и был склонен к религиозной экзальтированности. Современный исследователь, доктор медицинских наук В. Л. Минутко считает, что задумчивость царевича, его неразговорчивость в незнакомом обществе, скрытность, боязливость и подозрительность свидетельствуют о развивавшейся у него депрессии[63].

В конце 1719 года иностранные дипломаты стали замечать распространение депрессии среди сподвижников Петра I. 10 (22) декабря 1719 года Лави сообщил Дюбуа, что «Шафиров и день и ночь испытывает душевные мучения; у него бывают припадки апоплексии или меланхолии, после которых он, придя в себя, плачет и поверяет своим лучшим друзьям, что... постоянно о чем-то беспокоится, чего-то боится, ему представляется близкая опасность чего-то»[64]. 20 декабря 1719 года (1 января 1720-го) Лави вернулся к этой теме: «Бар<он> Шафиров выказывает полное равнодушие к делам... Кажется, что его болезнь, представляющая смесь ипохондрии с меланхолией, начинает распространяться здесь. Ею страдают ген<ерал> Вейде, Остерман и многие другие; первый уехал на Олонецкие воды»[65]. Несомненно, давали знать нервное перенапряжение и обеспокоенность своей судьбой. Шафирова недобрые предчувствия не обманули: три года спустя он оказался в ссылке.

Маленький внук царя Петр Алексеевич, в отличие от своего апатичного отца, был очень активным, непоседливым. Несомненно, он пошел в деда, который в детстве тоже фонтанировал энергией. Трудно сказать, унаследовал ли мальчик его недуги. Известно только, что гиперактивность ребенка приводила к нервным перегрузкам. 20 декабря 1719 года (1 января 1720-го) Лави

сообщил Дюбуа: «Недавно великий князь захворал, что приписывают чрезмерной живости, заставляющей его делать больше движения, чем следовало бы принцу его лет. Теперь он поправляется»[66].

В конце 1711 года тяжелая психическая болезнь настигла генерал-майора Михаила Борисовича Шереметева, сына фельдмаршала. 8 (20) декабря секретарь английского посольства в Москве Людвиг Христофор Вейсброд известил статс-секретаря виконта Генриха Сен-Джона: «Рассказывают... будто молодой Шереметев помешался. Он, впрочем, еще и до отъезда из дому (в Прутский поход. — *В. Н.*) имел склонность к помешательству: с ним случались припадки бешенства»[67]. Несомненно, его болезнь развилась под влиянием неблагоприятных внешних факторов, когда летом 1711 года он был отправлен в Турцию в качестве заложника (подробнее об этом речь пойдет ниже). Ностальгия, вынужденное безделье, тяжелые условия содержания в турецкой тюрьме, опасение за свою жизнь — всего этого было достаточно, чтобы сломать и более устойчивую психику. Михаил Борисович так и не оправился от недуга и 23 сентября 1714 года скончался по дороге из Турции на родину.

Глава четырнадцатая

«От трудов отдохнуть едва нам мочно»

Баталии с русским Бахусом

Ежедневная напряженная работа Петра I и его соратников требовала хорошего отдыха и восстановления сил для новых «трудовых подвигов». Наиболее распространенный вид досуга на Руси допетровского времени хорошо известен, поскольку он сохранился до наших дней: до сих пор «отдохнуть» для большинства наших соотечественников означает «напиться». Это не значит, что до Петра у представителей правящей элиты не существовало других форм досуга: чтение, игра в шахматы и другие интеллектуальные виды отдыха известны по крайней мере со времен Ивана

Грозного. Любимым развлечением первых Романовых, как и большинства представителей верхушки русского общества, была охота. Но Петр I ее терпеть не мог, считая пустой тратой времени, что, конечно, способствовало снижению интереса этому занятию и у лиц из его окружения, старавшихся во всём ориентироваться на вкусы и жизненные установки монарха. Петр не любил также карточные игры, но в этом отношении его соратники не следовали его примеру: карты являлись, пожалуй, самой любимой формой их досуга после выпивки. А зачастую «застольное питие», курение и карточная игра происходили одновременно. Правда, это случалось по большей части в отсутствие государя, поскольку при нем пьянка обычно принимала такие чудовищные размеры — до одури, до драк, а иногда и до смерти тех, кто не был достаточно крепок здоровьем, — что было уже не до игры.

Петр I пристрастился к вину очень рано, в 16—17 лет, в компании известного пьяницы и дебошира Франца Лефорта. Вокруг них сложилась «кумпания» ближайших друзей, также любивших выпить или же подстраивавшихся под вкус молодого царя. Со временем это веселое общество выпивох оформилось в своеобразную шутовскую организацию — Всешутейший собор, о котором выше уже шла речь. Но компания друзей и собутыльников Петра была гораздо шире, состав ее с годами менялся, однако суть оставалась прежней: царь и его окружение пили без меры, пока выдерживал организм.

Античный бог виноделия и покровитель пьяниц (греческий Дионис, римский Вакх, или Бахус), именовался в России Ивашкой Хмельницким. На Руси пьянка зачастую не обходится без драки, что образно отражено и в питейном мифотворчестве. Шутливая переписка Петра I и его друзей изобилует упоминаниями о «сражениях» с Ивашкой, в которых тот неизменно одерживал верх. Яркое описание одной такой битвы находим в письме Петру I от фельдмаршала Шереметева, присланном из военного похода. Он получил известие о рождении царевича Петра Петровича и поделился этой радостью с генералами Аникитой Репниным, Петром Ласси,

Федором Шарфом и Алексеем Глебовым, собравшимся на военный совет. «И как о той всемирной радости услышали, — доносил Борис Петрович, — и бысть между нами шум и дыхание бурно; и, благодаря Бога, были зело веселы».

«Быть навеселе» — известный эвфемизм, сохранившийся в русском языке до наших дней. Всем понятно, что автор письма имеет в виду основательную пьянку. И тут в дело вступает задиристый русский Бахус: «И умысля над нами Ивашко Хмельницкой, незнаемо откуда прибыв, учал нас бить и по земле волочить, что друг друга не свидали. И сперва напал на генерал-маеора Леси, видя его безсильна, ударил ево в правую ланиту и так ево ушиб, что не мог на ногах устоять. А потом генерала маеора Шарфа изувечил без милости». Репнин якобы хотел оказать помощь товарищам, но «Хмельницкой воровски зделал, под ноги ударил и на лавку не попал, а на землю упал». В строю остались лишь два бравых участника военного совета, сумевшие ретироваться, не сложив перед Бахусом оружия. «И я з Глебовым, — продолжает Шереметев, — видя такую силу, совокупившися, пошли на него Хмельницкого, дескурацией (контратакой. — *В. Н.*) и насилу от него спаслися, ибо по щастию нашему, прилучилися дефилеи надежные». Однако поле боя осталось не за ними. «Я на утрее опамятовался, — заканчивает свой драматический рассказ Борис Петрович, — на постели в сапогах без рубашки, только в одном галстухе и парике. А Глебов ретировался под стол и, пришедши в память, не знал, как и куда вытить»[68].

Безмерное пьянство при дворе Петра I составляло предмет мучений иностранных дипломатов, не привыкших к подобным излишествам. «Вечер прошел в сильной выпивке»; «день прошел в попойке; отговорки от питья помогали мало», — то и дело сообщает в своих записках датчанин Ю. Юль. «Для иностранного посланника в России, — сетует дипломат, — такого рода попойки представляют великое бедствие: если он в них участвует, то губит свое здоровье; если же устраняется, то становится неугодным царю...» От необходимости общения с русским Бахусом не спасали никакие хитрости. Юль описывает забавный случай, произошедший на ко-

рабле вице-адмирала Крюйса 20 апреля (2 мая) 1710 года. Когда царский ключник поднес датскому посланнику большой стакан вина, трезвенник Юль попытался спастись бегством и ретировался на переднюю часть судна, где взобрался на снасти, поддерживавшие фок-мачту.. Но его маневр не удался: «...когда ключник доложил об этом царю, его величество полез за мною сам на фокванты, держа в зубах тот стакан, от которого я только что спасся, уселся рядом со мною, и там, где я рассчитывал найти полную безопасность, мне пришлось выпить не только стакан, принесенный самим царем, но еще и четыре других стакана. После этого я так захмелел, что мог спуститься вниз лишь с великой опасностью»[69].

Христиан Фридрих Вебер зачастую оказывался в столь же плачевном положении: «Дюжина бокалов венгерского и две кварты водки, которые я должен был выпить в два приема из рук... вице-царя Ромодановского, отняли у меня всякое чувство и разум; почти все другие гости спали уже на полу»[70]. Прочие иностранные дипломаты страдали не меньше. «Пили страшно много, — жаловался французский посланник Жак Кампредон, — а караул никого не выпускал, так что я никогда в жизни не подвергался такому тяжкому испытанию»[71]. Немаловажную роль в спаивании иностранцев и других трезвенников играли в компании Петра I дамы. Как отметил Юль, «в обществе русских женщин благодаря их усердному канючению и просьбам в самый короткий срок выпиваешь более, чем в обществе самых завзятых пьяниц»[72].

Любопытны догадки иностранных наблюдателей относительно того, что пьянство под эгидой Петра I не было лишено тайного смысла. Юль утверждал, что «царь охотно допускает в свое общество разных лиц, и тут-то на обязанности шутов лежит напаивать в его присутствии офицеров и других служащих, с тем чтобы из их пьяных разговоров друг с другом и перебранки он мог незаметно узнавать об их мошеннических проделках и потом отымать у них возможность воровать или наказывать их»[73]. Ему вторит Кампредон: «...так как он знает, что его не особенно любят, то часто подпаивает тех, чьи секреты хочет выведать»[74].

Под влиянием винных паров нередко происходили ссоры между ближайшими соратниками Петра. Например, Юль сообщает, что на свадьбе герцога Курляндского и царевны Анны Иоанновны между А. Д. Меншиковым и Ф. М. Апраксиным «в присутствии всех гостей и царя произошла... великая перебранка; пущены были в ход разнообразные ругательства». «У русских, — добавляет датский дипломат, — на их собраниях такие перебранки и руготня случаются то и дело. Так как царь сам принуждает присутствующих напиваться, то и не обращает на оные внимания, предоставляя их собственному течению, и бранящиеся не подвергаются его гневу и немилости. Когда двое русских рассердятся друг на друга, то называют один другого вором и плутом и, следуя весьма распространенному здесь обычаю, плюют друг другу в лицо. Но до кулачной расправы и до шпаг их обыкновенно не допускают»[75].

Порой провоцируемые царем излишества приводили к трагическим последствиям. 5 (17) февраля 1710 года стало известно о смерти отца известного дипломата В. Л. Долгорукого. Юль описал обстоятельства кончины князя Луки, которые были достаточно характерны для петровского времени. «Накануне вечером, — рассказывает датский посланник, — он был в Преображенской слободе в гостях у царя, и там ему предложили выпить большой кубок вина. Но будучи трезвым от природы и имея более 70 лет от роду, к тому же женившись всего за четыре дня тому назад, князь решился вылить часть кубка, чтоб не быть вынужденным пить его весь. Узнав о том, царь велел ему выпить стакан водки размером, как уверяют, в полтора пэля (пэль равен четверти литра. — *В. Н.*). Лишь только Долгоруков выпил этот стакан, ноги у него подкосились, он лишился чувств и в обмороке был вынесен в другую комнату; там он через час скончался». Говорили, что эта смерть весьма опечалила царя, но, как пишет Юль, «горе было изобильно залито добрым венгерским вином»[76].

Местом попоек Петра I и его друзей часто служила австерия, то есть гостиница на Троицкой площади, принадлежащая царскому обер-кухмейстеру Иоганну Фельтену. Здесь они иногда напивались до умопомрачения,

о чем свидетельствует тот факт, что Александр Данилович Меншиков вечером 6 ноября 1715 года потерял в австерии свой орден Андрея Первозванного. Наутро опомнившийся светлейший князь издал по всем петербургским полкам приказ о поисках пропажи и пообещал пожаловать 200 рублей тому, кто ее обнаружит.

К тому времени орден был уже найден: квартирмейстер Белозерского полка Яким Ивакин зашел в австерию сразу же после ухода из нее царя с друзьями и «увидел, на полу лежит кавалерия, которую поднял, осмотрел, что при ней нет камня». Без этого большого алмаза Ивакин побоялся возвращать орденский крест всесильному владельцу — попробуй докажи, что не ты выломал камень. А алмаз, как впоследствии выяснилось, был найден в тот же вечер на полу австерии солдатом Ратуши Фомой Худяковым. Он, по-видимому, хотел продать драгоценную находку, но человек, которому она была показана, поспешил донести об этом властям. Когда об обнаружении камня стало известно Ивакину, он с чистой совестью сдал куда положено найденный им крест. Таким образом, части ордена Меншикова были собраны и воссоединены. Александр Данилович постановил разделить обещанную им награду между всеми участниками этого эпизода. Наибольшую сумму — 100 рублей — получил посадский человек Иван Мартьянов, сообщивший подьячим Ратуши о том, что камень находится в руках у Худякова. Подьячие, донесшие о находке по инстанции, получили по 30 рублей. «Солдату Худякову, — постановил Меншиков, — хотя он в том и погрешил, что никому не объявил, то достоин наказания, однако ж в том щастлив, что в ево руки прежде оный камень пришел, то дать ему тритцать рублев; а за крест квартермистру Ивакину — десять рублев»[77]. Последнюю часть этого решения вряд ли можно считать справедливой: ведь сам орденский знак был не менее важен, чем украшавший его бриллиант.

«Ассамблея — слово французское»

Знаменитые петровские ассамблеи начали проводиться в Петербурге с 27 ноября 1718 года. Несомненно, это новшество было навеяно впечатлениями Петра

от поездки во Францию годом раньше. Непринужденные собрания французского «света» очень ему понравились, и он пожелал завести нечто подобное в своем отечестве. Условия для этого были уже подготовлены: за неполные десять лет со времени пребывания в Петербурге Юста Юля описанные им дикие черты быта ушли в прошлое, и теперь никто уже не опасался, что после ухода гостей придется убирать покрытое нечистотами сено.

Объявление об учреждении ассамблей извещало подданных: «Ассамблея — слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать: вольное, в каком доме собрание или съезд; делается не для только забавы, но для дела, ибо тут можно друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, притом же и забава». На эти собрания «вольно всякому прийти, как мужескому полу, так и женскому». Далее этот пункт конкретизировался: «...каким чинам на оные ассамблеи ходить, а именно: с вышних чинов до обор-офицеров и дворян, также знатным купцам и начальным мастеровым людям, также и знатным приказным; тож разумеется и о женском полу, их жен и детей». Под «начальными мастеровыми», как пояснил Вебер, подразумевались «преимущественно кораблестроители».

Определялось время проведения ассамблеи: «ранее пяти или четырех часов не начинается, а далее десяти по полудни не продолжается». Хозяин дома, в котором проводилось собрание, не был обязан встречать, провожать и потчевать гостей. Более того, он мог даже отсутствовать. Ему вменялось в обязанность только «несколько покоев очистить», поставить столы и приготовить на них свечи, «питье употребляемое в жажду» и «игры на столах употребляемые», то есть карты, шахматы и шашки. Каждый из гостей мог явиться в любое удобное для него время, лишь бы не раньше и не позже установленного срока, «также тут быть сколько кто хочет и отъехать волен когда хочет».

Хозяину и гостям предписывалось вести себя раскованно и непринужденно: «Во время бытия в ассамблее вольно сидеть, ходить, играть, и в том никто друго-

му прешкодить или унимать, также церемонии делать вставанием, провожанием и прочим отнюдь да не дерзает, под штрафом Великого Орла, но только при приезде и отъезде поклоном почтить должно»[78].

Упомянутый кубок Большого (Великого) орла мог явиться достаточно тяжелой мерой наказания для малопьющих: он вмещал больше литра вина, и выпить его полагалось «в один дух». Однако большинство лиц из ближайшего окружения государя вряд ли боялись подобного штрафа. «Хотя на ассамблеях, — отмечал Вебер, — никому не предлагается вина или водки больше того, сколько кто сам пожелает, кроме случаев (которые нередко повторяются), когда кто поступит в противность установленным правилам; тем не менее иной русский порядочно напивается и смотрит на учреждение ассамблей как на одно из лучших нововведений в России»[79].

Порой действие алкоголя заставляло забывать о хороших манерах. Берхгольц рассказывает, как на ассамблее 22 марта 1722 года подрались два «почтенных старика» — адмирал К. И. Крюйс и вице-адмирал К. Г. Зоммер, в результате чего последний упал под стол и потерял парик[80]. Думается, подобные случаи не были редкостью.

На ассамблеях Петр принципиально демонстрировал отсутствие деликатных манер и обходительности в обращении. Он запросто садился играть в шахматы с корабельными мастерами, вместе с ними пил пиво и тянул махорку из длинной голландской трубки, не обращая внимания на танцевавших в той же зале дам[81].

Французский консул Анри Лави 19 (31) декабря 1718 года был на ассамблее у вице-адмирала Корнелиуса Крюйса, где присутствовали царь, царица, многие российские вельможи, а также иностранные дипломаты. Порядок проведения подобных собраний французский дипломат описал следующим образом: «Такого рода ассамблеи устраиваются три раза в неделю, поочередно у знатных придворных. На них одни играют в шахматы или в карты, другие курят, пьют, разговаривают о новостях дня, даже о торговле, так как и именитые купцы допускаются на эти собрания. Если кто, когда царь проходит мимо, почтительности ради, встанет, того под-

вергают штрафу, т. е. заставляют выпить огромный кубок вина. Дамы сидят в отдельном апартаменте, куда к ним иногда призывают для танцев министров и других сановников»[82].

Для проведения ассамблей в соответствии с правилами хорошего тона требовалось по меньшей мере четыре помещения: «одна комната назначена для танцев, другая для всякого рода карточной игры и особенно для шахматной (в которой отличаются самые простые русские люди), в третьей комнате курят и ведут беседы, а в четвертой женщины играют в фанты и другие забавные игры». Однако этот идеальный порядок не всегда соблюдался, по всей видимости, из-за недостатка свободных помещений в некоторых домах. «Что мне не нравится в этих ассамблеях, — замечает Берхгольц, — так это, во-первых, то, что в комнате, где дамы и где танцуют, курят табак и играют в шашки, отчего бывают вонь и стукотня, вовсе неуместные при дамах и при музыке, и, во-вторых, то, что дамы всегда сидят отдельно от мужчин, так что с ними не только нельзя разговаривать, но не удается почти сказать и слова. Когда не танцуют, все сидят как немые и только смотрят друг на друга»[83].

Основным увеселением на ассамблеях являлись танцы, которые открывали хозяин, хозяйка или кто-нибудь из домашних. Поскольку на ассамблеях установлено было полное равенство, каждый мог пригласить на танец не только любую даму или девицу, но и саму государыню или царевен.

Петр нередко нарушал установленные им самим правила проведения ассамблей, приказывая дамам через генерал-полицеймейстера продолжать танцы после десяти часов вечера. В таких случаях царь давал гостям некоторое время для отдыха и «подкрепления едой», а затем начинал сам управлять танцами со свойственной ему неукротимой энергией. При этом он иногда проявлял присущий ему грубоватый юмор, что бывало весьма тягостно для тех, кто удостаивался монаршего внимания. Например, он мог поставить в ряды танцующих самых дряхлых стариков, дав им в партнерши молодых дам, и сам становился с Екатериной в первой паре. Все престарелые кавалеры обязаны были в точности пов-

торять движения государя, а между тем Петр, по словам Берхгольца, выделывал такие «каприоли», которые составили бы честь лучшим европейским балетмейстерам. Танец, разумеется, не удавался. «Царь, — продолжает очевидец, — со свойственною ему настойчивостью принялся обучать танцоров и объявил им, что выучит их скоро. Как ни бился, однако, государь, дело не шло на лад: ученики его чуть держались на ногах, а царь прискакивал и вертелся перед ними без устали. Старики путались, задыхались, кряхтели, у некоторых кружились головы, другими овладевали припадки одышки; некоторые не выдержали и повалились на пол, другие присели на корточки; Петр рассердился, приказал прекратить музыку и заставил каждого из неудачных танцоров выпить по большому штрафному бокалу крепкого венгерского. Отпустив после этого стариков, он начал танцевать с молодыми новый, им самим придуманный, трудный и замысловатый "цепной танец"»[84].

Екатерина, как и Петр, умела танцевать очень хорошо: в паре с супругом она делала три круга, в то время как остальные не успевали еще окончить первый. Но с другими кавалерами она не проявляла такого усердия и вместо положенных подпрыгиваний, приседаний и пируэтов ходила обыкновенным шагом. С 1721 года в ассамблеях участвовали юные дочери императора — тринадцатилетняя Анна и двенадцатилетняя Елизавета, которые, по словам очевидца, «танцевали много и весело, с большим изяществом».

Во время ассамблей Петр обычно ходил из комнаты в комнату, подсаживаясь время от времени к какой-нибудь компании и вступая в общий разговор. В хорошем настроении он шутил, смеялся и передразнивал неловких танцоров, изображая, как они нелепо вертят руками и ногами. Но любезен и весел он бывал не всегда. Очевидец рассказывает, как однажды царь приехал в дом Меншикова «в самом тяжелом расположении духа»: «Вместо того чтобы танцевать, он начал ходить по комнате взад и вперед и так сильно тряс головой и подергивал плечами, что присутствующими овладел страх и трепет; поэтому все были очень довольны, когда он в десять часов уехал, ни с кем не простясь».

Такие случаи бывали, по всей видимости, всё же нечасто. Обычно ассамблеи проходили в обстановке всеобщего веселья, особенно если на них присутствовал генерал-прокурор П. И. Ягужинский — «душа петербургских собраний». Будучи прекрасным танцором, он любил изобретать новые забавные «фигуры», которые все должны были повторять. Однажды на ассамблее у вице-канцлера П. П. Шафирова он предложил каждой танцующей паре «проделать что-нибудь необычное». Пример подала его дама — молодая красавица Наталья Лопухина, которая во время танца стащила Ягужинскому на нос парик, а затем поцеловала его. Проделки прочих присутствующих зависели от их находчивости и остроумия. Одни кавалеры приседали перед своими дамами в глубоком реверансе, другие доставали во время танца табакерку и нюхали табак, третьи щелкали пальцами в воздухе, четвертые подбегали к столу и пили за здоровье общества[85]. Место для подобного веселья находилось далеко не во всех петербургских домах, поэтому гости иногда делились на две группы, одна из которых ужинала, другая танцевала, а затем они менялись местами.

Как справедливо отметил историк В. В. Мавродин, «в Петербурге вели открытую жизнь и не было той сословной замкнутости, которая так характерна для старомосковских времен... На ассамблее знатный дворянин, Рюрикович и Гедиминович, беседовал и пил вино с лекарем, генерал играл в шахматы с купцом, шкипер "кружку пенил" с ученым, гвардейский офицер слушал рассказ "начального" мастерового»[86].

Гулянья в Летнем саду

Ассамблеи проводились в период с ноября по апрель, а затем их сменяли собрания на свежем воздухе — в садах Петра I, Меншикова, Апраксина и других. Обычным их местом служил Летний сад — первый в России парк с регулярной планировкой, павильонами, фонтанами, мраморной скульптурой. Он был заложен вскоре после основания города, в 1704 году, причем первоначальная его планировка придумана самим царем, кото-

рый посадил еловую и дубовую рощи (до нашего времени дожил один дуб). Во времена Петра сад занимал всё пространство между Мойкой, Фонтанкой, Невой и Длинной аллеей (будущим Невским проспектом). Петр пожелал иметь сад «лучше, чем в Версале у французского короля».

Многочисленные прямые узкие аллеи были обсажены стриженым кустарником и пахучими травами, на их пересечениях находились площадки со статуями в выстриженных в зелени нишах, фонтанами или цветниками. Для устройства фонтанов были сооружены водоподъемные машины, находившиеся в башне над Фонтанкой, а в 1718 году для подачи воды был впервые в мире использован английский паровой насос. К 1725 году в Летнем саду было два десятка фонтанов. Рощи правильной формы со стрижеными деревьями по периметру изолировали Летний дворец и людские покои от остального сада. Расположенный на берегу Фонтанки садовый павильон — Грот, изображавший царство Нептуна, сказочную пещеру с тремя залами, стены которых были облицованы туфом, раковинами, стеклами, зеркалами, а своды расписаны, — прославлял выход России к морю. Слух посетителей Грота услаждали «гласы наподобие соловьев», издававшиеся водяной машиной.

С 1717 по 1722 год состоялось шесть корабельных рейсов, доставивших из Рима в Петербург статуи, закупленные русскими агентами С. Л. Владиславичем-Рагузинским и Ю. И. Кологривовым. Летний сад украшали около двухсот скульптур: аллегории Веры и Религии, Архитектуры и Навигации, Сладострастия и Красоты, Искренности и Истины, стихий, времен года и суток, статуи муз, скульптурные группы сатира и вакханки, Амура и Психеи, похищения сабинянок, статуи прорицательниц-сивилл, бюсты исторических персон: древних философов, римских цезарей и их жен. Уже после смерти государя в саду была установлена изготовленная по его заказу итальянским скульптором П. Баратте аллегория главного исторического события Петровской эпохи — Ништадтского мира. По мнению Н. Д. Кареевой, огромное количество скульптур на сравнительно небольшой территории обусловлено тем, что Летний сад в 1710-х

годах был единственным в то время пространством, знакомящим с европейской культурой, и одновременно выполнял роль учебника аллегорий — языка европейской культуры: статуи были снабжены табличками с пояснительными надписями, и часто сам царь водил гостей по саду[87].

Вход в него был почти свободным — единственным требованием к посетителям являлось «облачение в приличное платье». В садовых галереях располагались столы с фруктами и сладостями, а к вечеру на них выставлялись холодные кушанья и вино. Тогда ворота сада запирались и часовые получали приказ никого не выпускать. На центральную аллею выступала процессия: рослые гвардейские гренадеры несли ушаты простой хлебной водки, а шедшие за ними майоры предлагали всем встречным выпить по большой чарке за здоровье их полковника, то есть царя. Тем, кто упорно отказывался от угощения, гвардейцы лили водку на голову. Никакие отговорки не принимались, дамы обязаны были принять чарку наравне с мужчинами. Польский посол, не избежав общей участи, отправился выветривать хмель в дальнем уголке сада. Здесь на него наткнулся государь, который вновь потащил несчастного к ушатам, решив, по-видимому, что тот выглядит слишком трезвым. Дипломата спасло заступничество одного из гвардейцев, подтвердившего, что «кушал господин посол»[88].

Подробное описание Летнего сада приведено в дневнике камер-юнкера Берхгольца. «Сад этот, — пишет голштинец, — имеет продолговатую форму; с восточной стороны к нему примыкают летний дворец царя, с южной — оранжерея, с западной — большой красивый луг (на котором при всех празднествах обыкновенно стоит в строю гвардия...), а с северной он омывается Невою, в этом месте довольно широкою... С северной стороны, у воды, стоят три длинные открытые галереи, из которых длиннейшая средняя, где всегда при больших торжествах, пока еще не начались танцы, ставится стол со сластями... В обеих других помещаются только столы с холодным кушаньем, за которые обыкновенно садятся офицеры гвардии. В средней галерее находится мраморная статуя Венеры (античная скульптура, на-

зываемая Венерой Таврической по месту позднейшего пребывания — Таврическому дворцу. — *В. Н.*), которою царь до того дорожит, что приказывает ставить к ней для охранения часового. Она в самом деле превосходна, хотя и попорчена немного от долгого лежания в земле. Против этой галереи аллея, самая широкая во всем саду; в ней устроены красивые фонтаны, бьющие довольно высоко. Вода для них проводится в бассейны из канала с помощью большой колесной машины, от чего в ней никогда не может быть недостатка. У первого фонтана место, где обыкновенно царица бывает с своими дамами, а далее, у другого, стоят три или четыре стола, за которыми пьют и курят табак; это место царя»[89].

Берхгольц удивлялся тому, что гренадеры разносят по саду «такой дурной напиток как хлебное вино» (водку). Ему отвечали, что «русские любят его более всех возможных данцигских аквавит* и французских водок... и что царь приказывает подавать именно это вино из любви к гвардии, которую он всячески старается тешить»[90].

В открытой галерее на берегу Невы тем временем устраивались танцы, а на большом лугу, прилегавшем к саду со стороны будущего Невского проспекта, тысячами разноцветных огней разгорался великолепный фейерверк. Фигуры для него нередко изобретал сам Петр, очень любивший эту потеху.

«Огненные потехи»

Фейерверки составляли неотъемлемую часть праздников петровского времени. Царь сам любил их жечь, проявляя при этом большую изобретательность. Подобная деятельность была сопряжена с немалой опасностью, проистекавшей от близости горючих и взрывчатых веществ, но государя это не смущало.

Фейерверки в Петербурге организовывали в разных местах: на Троицкой площади между Петропавловской крепостью и зданием Государственных канцелярий, на Царицыном лугу, на плотах или барках, стоящих на Неве перед Летним садом или дворцом Меншикова. Для

* Искаж. лат. *aqua vitae* (аква вита) — вода жизни.

этого устраивали особый «театрум»; в одних случаях это было отгороженное и удаленное от жилья пространство, в других — стоящие на якорях большие плоты. На «театруме» воздвигали щиты с иллюминацией и «планы» — рамы огромных размеров. На них с помощью пропитанных горючими составами шнуров пиротехники по проектам художников создавали сложные изображения аллегорических фигур, храмов, дворцов, деревьев и т. д. Они сопровождались надписями, раскрывавшими содержание аллегорий. Поджигаемые в темноте в определенном порядке шнуры создавали иллюзию объема и даже движения, а «планы» образовывали «огненные перспективы»[91]. Фейерверки поражали воображение: на глазах у зрителей вырастали деревья, с небес єпускались гении и божества, по воздуху летели колесницы, храмы мгновенно превращались в рощи[92].

Сожжение фейерверка было делом в высшей степени сложным: плошки с горючим составом на щитах иллюминаций, шнуры на «планах» и другие составные его части поджигались в строго определенном порядке, очень быстро, иногда синхронно. Эту работу выполняли сотни вышколенных солдат, бегавших по трапам, которые зрители в темноте не видели. Одновременно с неподвижными элементами фейерверка поджигали вращавшиеся огненные колеса и специальные снаряды — «верховые» и «водяные» ракеты, которые прыгали по земле, плавали, ныряли и поднимались над поверхностью воды[93]. Действие фейерверка было очень громким, ярким и динамичным, а часто и небезопасным: от сильных разрывов вылетали стекла и рамы стоявших неподалеку домов.

Фейерверки и иллюминации устраивались по случаю всех торжественных событий придворной и государственной жизни: дня рождения и тезоименитства монарха, военных побед, наступления нового года и т. п.

Перед глазами гостей, присутствовавших в 1710 году на свадьбе царской племянницы Анны Иоанновны и курляндского герцога Фридриха Вильгельма, предстало великолепное зрелище. Сначала на двух колоннах загорелись два княжеских венца; под одним из них

стояла буква *F* (Фридрих), под другим — *A* (Анна), а посредине, между венцами — буква *V* (Виват!); потом появились две пальмы со сплетенными вершинами, над которыми горели слова: «Любовь соединяет». Затем возникло изображение Купидона в человеческий рост; он замахивался большим кузнечным молотом, сковывая вместе два сердца, лежавшие перед ним на наковальне. Сверху горела надпись: «Из двух едино сочиняю». Было выпущено множество ракет, шутих, баллонов и других фейерверочных приспособлений. «Вообще всё было великолепно и роскошно», — завершает рассказ об увиденном датский дипломат Юст Юль.

Новогодний праздник 1720 года описан в донесении французского консула Анри Лави министру иностранных дел Франции Гийому Дюбуа: «Все коллегии были приглашены к празднованию нового года в помещении бывшего Сената. На праздники выдавался великолепный фейерверк, представлявший скалу среди моря, на которой возвышалась фигура Правосудия, как ее обыкновенно изображают: с весами в одной руке и с мечом в другой». Петр I объяснил дипломатам смысл этой эмблемы: «сердце его верно, как эти весы... он никогда никого не обманывал (намек на его союзников)», однако «меч, которым вооружена фигура, сумеет защитить его против того, кто окольными путями старался повредить ему»[94].

Водные прогулки

Еще одной формой общественных гуляний в Петербурге являлись прогулки по воде. Катание по Неве на парусниках было любимым развлечением царя, который неизменно получал от него большое удовольствие и захотел приобщить к нему и своих подданных. По указу от 12 апреля 1718 года жителям столицы были бесплатно розданы маленькие парусные и гребные суда «для увеселения народа, наипаче же для лучшего обучения и искусства по водам и смелости в плавании». Петербуржцы должны были иметь такие суда «вечно»: «...ежели какая трата на какое судно придет, повинен он (владелец. — *В. Н.*) такое ж вновь сделать, а не меньше,

а больше воля, и не точию он, но и его потомки и наследники его». Указ строго предписывал содержать суда в чистоте и порядке: «...сии суда даны, дабы их употребляли так, как на сухом пути кареты и коляски, а не как навозные телеги»[95].

В определенные дни в разных местах города вывешивались особые сигнальные флаги, а на флагштоке Петропавловской крепости взвивался морской штандарт — это означало, что петербуржцы на своих судах приглашаются к участию в «невском катании». Мероприятие это было обязательным: не явившиеся на него уплачивали штраф. Суда собирались в самой широкой части Невы — напротив крепости. Царь на своем маленьком буере или на шняве прибывал одним из первых. Если в прогулке участвовала Екатерина, Петр обычно плыл на принадлежавшей ей барке. Собрание всех этих судов называлось «невским флотом», а командовал им «невский адмирал» — обер-сарваер И. М. Головин.

Яркую картину одной из таких водных прогулок оставил голштинский камер-юнкер Берхгольц: «Чудный вид представляла наша флотилия, состоявшая из 50 или 60 барок и вереек*, на которых все гребцы были в белых рубашках (на барках их было по 12 человек, а в самых маленьких верейках не менее четырех). Удовольствие от этой прогулки увеличивалось еще тем, что почти все вельможи имели с собою музыку: звуки множества валторн и труб беспрестанно оглашали воздух». Петр I плыл на барке Екатерины Алексеевны; «он стоял у руля, а царица с обеими принцессами, своими дамами и камер-юнкерами сидела в каюте». Флотилия приплыла в загородную царскую резиденцию Екатерингоф, где вошла в маленькую гавань. «Всё общество, — продолжает Берхгольц, — по выходе на берег отправилось в находящуюся перед домом рощицу, где был накрыт большой длинный стол, уставленный холодными кушаньями, за который, однако ж, порядочно долго не садились; царь и некоторые другие ходили взад и вперед и по временам брали что-нибудь из поставленных на нем плодов. Царица была так милостива, что подала каждо-

*Верейка (англ. *wherry*) — небольшая узкая лодка для перевозки пассажиров.

му из нашей свиты по стаканчику превосходного венгерского вина»[96]. В обратный путь флотилия пустилась лишь с наступлением вечера.

Водные прогулки предпринимались и во время нахождения двора в Москве. Берхгольц сообщает о том, что 11 мая 1724 года, после коронации Екатерины Алексеевны, проходившей по многовековой традиции в Успенском соборе Московского Кремля, императорская чета в сопровождении вельмож и придворных на верейках и ботах предприняла «поездку водою вплоть до старого царского увеселительного дворца в селе Коломенском*, до которого, если ехать по реке, считается верст двадцать»[97].

В хорошую погоду водные прогулки были очень приятны, но иногда Петр приказывал плыть морем из Петербурга в Кронштадт или даже в Ревель при сильном ветре. Тогда большинство участников мероприятия страдали от качки и, соответственно, от морской болезни. А однажды шквал разметал суденышки по ревельской акватории и едва не потопил их. К счастью, тогда никто не пострадал. Как-то раз царь на яхте в компании А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, Г. И. Головкина и других приближенных попал в сильный шторм. Часть парусов была сорвана шквальным ветром, каюту залило водой, яхту бросало из стороны в сторону. Петр встал к штурвалу и сумел направить судно к берегу, а потом, когда опасность миновала, подсмеивался над перетрусившими спутниками, особенно над генерал-адмиралом Апраксиным.

Иногда же водные прогулки заканчивались трагически. В начале ноября 1724 года во время возвращения Петра I в Петербург из Дубков началась сильная буря. По свидетельству Ф. В. Берхгольца, «его величество принужден был держаться с своей яхтой на двух якорях, и всем находившимся на ней приходилось жутко». Одно из судов, сопровождавших императора, затонуло почти со всей командой, лишь два человека сумели спастись вплавь[98].

---

* Имеется в виду великолепный деревянный дворец в 270 комнат, построенный отцом Петра I царем Алексеем Михайловичем в его любимой подмосковной резиденции в 1667—1668 годах.

Прогулки «невского флота» были частью культа воды, насаждаемого Петром I в новой столице. Ни морская болезнь, ни другие хвори не могли служить отговорками от участия в речных и морских путешествиях. Так отдых для одних нередко превращался в мучения для других. Но за близость к особе государя приходилось расплачиваться.

Настольные игры

Любимой игрой Петра I были шахматы, которыми он увлекался с детства. Мастера изготовили для маленького царевича расписные шахматные фигурки, когда ему исполнилось четыре года. В десять лет Петр лично приказал купить для себя комплект шахмат[99]. В далекие походы государь непременно брал с собой кожаные «шахматницы». Царь и сам мастерил шахматные фигуры. В Походном журнале 16 ноября 1714 года есть запись: «Кушал в токарне и был в ней, зачал точить шахматы».

Любимым партнером Петра по этой игре был придворный священник Иван Хрисанфович, которого царь за умение выигрывать прозвал «поп Битка». В Походных журналах Петра I встречаются записи: «Играл в шахматы с Биткой весь день»[100]. Петр не только играл сам, но и обучал сына, считая шахматы необходимым элементом воспитания.

Увлечение царя шахматами отметил в своем дневнике голштинский камер-юнкер Берхгольц: «Его величество, когда мы приехали, сидел с одним старым русским за шахматами, в которые, говорят, играет превосходно, как и большая часть русских вельмож». Почитателями шахмат были А. Д. Меншиков и Ф. М. Апраксин. В кабинете светлейшего князя в его доме на Васильевском острове экспонируются принадлежавшие ему янтарные шахматы.

Петр любил также играть в шашки, а вот карты терпеть не мог, считая эту игру пустой тратой времени. Поэтому на ассамблеях гости играли преимущественно в шахматы или в шашки. Правда, часть соратников государя не разделяли его отношения к картам. Заядлым картежником был П. И. Ягужинский; Ф. М. Апраксин, по

свидетельству Юста Юля, часто коротал вечера за бутылкой вина и игрой в карты «на копейки» с кем-нибудь из подчиненных ему морских офицеров. Умеренным любителем карточной игры был Меншиков. В «Повседневных записках делам князя Меншикова» многократно отмечено, что Александр Данилович «забавлялся в карты», «забавлялся в карты и шахматы» или, чаще, только в шахматы после обеда или по вечерам[101].

Берхгольц сообщает, что в 1720-е годы в Петербурге и Москве были в ходу такие карточные игры, как марьяж, ломбер и «короли». Последняя игра, которую он называет русской, показалась ему такой «несравненной и умной», что он подробно записал ее правила. «Для упомянутой игры, — пишет голштинец, — нужно семь карт, и она состоит главным образом в том, что тот, кто в первый, второй или третий раз возьмет прежде других семь взяток, делается королем. Достоинство это, кроме чести, во-первых, приносит известный доход и, во-вторых, запрещает королю *снимать*. Если ему подложат снять, он должен сухо отвечать: *хлопцы есть*; если же, напротив, по рассеянности как-нибудь снимет, то лишается своего высокого сана и обязан возвратить другим всё, что прежде получил». Сдаваемые «королю» семь карт кладутся перед ним открытыми; «если по вскрытии козырей окажется, что у него нет ни одного, он во второй раз делается королем и по-прежнему получает известную плату». В этом случае карты сдаются по новой. При наличии козырей «король» требует контрибуцию: каждый из партнеров обязан отдать ему свои козырные карты, если их у него больше двух. Взамен «король» дает самые худшие свои карты. «Король — продолжает Берхгольц, — всегда первый обязан ходить во все семь ходов, возьмет ли он взятки или нет, и если ему посчастливится набрать три взятки, он снова делается королем, опять получает плату и берет лучшие карты. Но это случается не часто, потому что подданные, чтобы свергнуть его с престола, открыто переговариваются между собою, кому что бросать, и, кроме того, имеют право употреблять только козырей. Если король не возьмет ни одной взятки, то с большим позором лишается своего сана и должен отдать дру-

гим столько же денег, сколько получил прежде, когда сделался королем; если же возьмет две взятки, то платит за свое удаление только половину, говоря: подводы есть, т. е. имею двух лошадей, чтобы доехать домой. После того он, не снимая, должен взять и, в знак уважения, положить перед каждым из играющих первые три карты. Затем игра начинается снова для избрания нового короля»[102].

В литературе распространено мнение, что в 1717 году Петр I запретил игру в карты под угрозой денежного штрафа[103]. В действительности именной указ от 17 декабря 1717 года касался всех без исключения азартных игр: «Чтоб никто в деньги не играл под тройным штрафом обретающихся денег в игре». Этот закон выразил озабоченность царя тем, что некоторые дворяне проигрывали не только большие суммы, но и дворы, деревни, крепостных.

В Петровскую эпоху в России появился бильярд. Петр познакомился с этой игрой во время заграничного путешествия 1697—1698 годов, заказал английский резной бильярдный стол и приказал «установить сей стол возле приемной, дабы посланники разные и дипломаты не били баклуши». Возможно, именно он украшает ныне Большой Китайский кабинет в Ораниенбаумском дворце. 23 января 1720 года в Походном журнале сделана запись: «Его величество был в Адмиралтейской верфи у кораблей и был в мыльне; кушали дома и играли в шахматы и билиарт».

В России начала XVIII века была известна игра, которая называлась «труктафель»* и представляла собой нечто среднее между бильярдом и боулингом: игроки руками бросали каменные шары в желоба по двум сторонам длинного и узкого стола.

Помимо этих европейских нововведений, продолжали существовать исконно русские игры. Название одной из них известно всем, но не многие знают, что это такое. Речь идет о бирюльках — маленьких точеных игрушечных фигурках (шляпках, посуде, лесенках), имевших ручки или отверстия; их нужно было доставать

* Вероятно, название происходит от немецких слов *Druck* — давление, нажим и *Tafel* — доска.

пальцами или крючком одну за другой из кучки таких же фигурок, не шевеля остальные.

Сведения об играх Петра I и его окружения наиболее полно отразились в Походном журнале за март 1720 года, когда государь отдыхал и лечился на Марциальных водах. 9-го числа «его величество принимал лекарства, играл в билиарт и бирюльки»; 18-го — «играли в билиарт и трукт-тафель»; 19 марта «его величество после кушанья ездил на озеро и играл в билиарт и трукт-тафель, и в шахматы, и в бирюльки до ночи»[104]. Особая насыщенность игровой жизни Петра I на водах, по-видимому, объясняется тем, что во время лечения врачи запрещали ему употреблять алкогольные напитки, поэтому он не мог коротать время и расслабляться другим способом.

Глава пятнадцатая

Женское окружение

Нелюбимая супруга

«Женщины в Московии имеют рост стройный и лицо красивое, но врожденную красоту свою искажают излишними румянами; стан у них также не всегда так соразмерен и хорош, как у прочих европеянок, потому что женщины в Московии носят широкое платье и их тело, нигде не стесняясь убором, разрастается как попало», — писал в 1699 году секретарь австрийского посольства И. Г. Корб. В последующие годы в связи с введением европейской женской одежды фигуры представительниц прекрасного пола, надо думать, значительно улучшились. Но и впоследствии иностранные наблюдатели отмечали, что пышные формы считаются в России неотъемлемым признаком женской красоты.

В начале Петровской эпохи представительницы прекрасного пола продолжали жить очень замкнуто, как было принято на Руси. Австрийский дипломат писал, что «женщины, пользующиеся некоторой знатностью или принадлежащие к почетному званию, не являются за званым столом и даже не садятся вместе с мужем за

стол обыкновенный. Но их можно видеть, когда они в своих экипажах едут в церковь или к друзьям; впрочем, последнее обстоятельство составляет уже значительное отступление от строго наблюдавшегося прежде обыкновения, по которому экипажи, в которых запирались женщины, так бывали закрыты, что у заключенных в оные отнималась также сама свобода зрения»[105].

Однако как раз в это время положение дворянских жен и дочерей стало меняться в соответствии с европейскими нормами, которые Петр I начал вводить в русском обществе после своего возвращения из длительной заграничной поездки. В середине февраля 1699 года Корб зафиксировал в своем дневнике важный факт: «Сегодня обнаружилось в русском обществе смягчение нравов, так как до сего времени женщины никогда не находились в одном обществе с мужчинами и не принимали участия в их увеселениях, сегодня же некоторые не только были на обеде, но также присутствовали при танцах»[106].

Вебер отмечал, что «русские женщины живут в большой зависимости; положение их рабское и мужья держат их так строго, что многие питают страх к брачному состоянию и охотнее избирают монастырь»[107].

Такая драматичная ситуация нередко возникала при угрозе брака по принуждению. Коснулась она и соратников Петра Великого. «Богатый князь Гагарин, губернатор Сибирский, — пишет тот же автор, — хотел было единственную дочь свою, молодую, прекрасную и разумную девицу, выдать, против воли ее, за старшего сына сенатора Мусина-Пушкина, возвратившегося из Франции; чтоб избавиться от этого невольного брака, девица бежала из Москвы в какой-то русский монастырь и постриглась в нем»[108].

Домашнее положение женщин в начале Петровской эпохи охарактеризовал Корб: «Русские женщины вовсе не занимаются домашним хозяйством; в отсутствие хозяина рабы его, без ведома и согласия хозяйки, по доверию со стороны хозяина или по собственному рассуждению вполне всем распоряжаются... Все русские женщины проводят вообще жизнь праздно, и поэтому нет ничего удивительного, что они, по народному

обыкновению, должны слишком часто ходить купаться, так как это видоизменение праздности до некоторой степени все-таки служит им развлечением в скуке от бездействия, снедающей эти жалкие существа»[109]. Несомненно, австриец слишком строг к русским женщинам, поскольку готов поставить им в вину даже привычку к гигиене.

Перемены в положении женщин в петровское царствование емко и точно описал князь Михаил Михайлович Щербатов: «Приятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами в домах своих, пользоваться всеми удовольствиями общества, украшать себя одеяниями и уборами, умножающими красоту лица их и оказующими их хороший стан...»[110]

Но сами женщины порой проявляли несравнимо больше консерватизма, чем мужчины, в восприятии насаждаемых Петром I западноевропейских порядков. Они с трудом привыкали к заграничной одежде и долгое время не желали отказываться от старинной русской традиции чернить зубы угольным порошком. Описывая пир у царевны Натальи Алексеевны летом 1714 года, брауншвейгский дипломат Х. Ф. Вебер отметил: «На помянутом пиршестве присутствовали все красавицы Петербурга, и хотя тогда уже все носили французские платья, но многие не умели в них хорошо держать себя, а своими черными зубами достаточно доказывали, что они не совсем отстали от устарелого русского мнения, будто бы только у мавров и обезьян белые зубы»[111].

Десятью годами позже положение уже полностью изменилось. Берхгольцу среди женского общества особенно понравилась княгиня Мария Юрьевна Черкасская — дочь сенатора князя Юрия Юрьевича Трубецкого, считавшаяся первой красавицей при дворе. «Но, — пишет голштинец, — я насчитал еще до тридцати хорошеньких дам, из которых многие мало уступали нашим дамам в приветливости, хороших манерах и красоте»[112].

Петр I очень любил женщин и готов был проявлять интерес к любой привлекательной особе. Некоторым из них суждено было сыграть в его жизни существенную роль.

Когда царю не исполнилось еще и семнадцати лет, Наталья Кирилловна настояла на том, чтобы он женился. Ее беспокоило, что другой царь, Иван Алексеевич, старше единокровного брата шестью годами, уже был женат и имел дочерей. Это, по мнению матери Петра, в дальнейшем могло угрожать положению ее сына. Царица сама нашла невесту — Евдокию, дочь окольничего Федора Абрамовича Лопухина. Эта старинная боярская семья давно уже пользовалась ее особым расположением.

Евдокия Федоровна родилась 30 июля 1669 года, следовательно, была почти на три года старше Петра. Она была красива, имела статную фигуру, отличалась скромностью и набожностью, словом, была воспитана в традициях русской православной семьи. Видимо, невеста понравилась юному царю, и он легко согласился на брак. 27 января 1689 года в небольшой придворной церкви Святых апостолов Петра и Павла состоялось венчание шестнадцатилетнего царя и девятнадцатилетней Евдокии. Обряд совершал духовник Петра протопоп Меркурий. По случаю бракосочетания все родственники молодой царицы получили земельные пожалования, были возведены в почетные звания и заняли важные придворные должности.

Восемнадцатого февраля 1690 года появился на свет первенец царской четы, Алексей. 3 октября 1691 года Евдокия родила второго сына Александра, который умер на следующий год 14 мая. Среди историков преобладает мнение, что семейная жизнь Петра с первой супругой не заладилась с самого начала. Однако автор очерка «Авдотья Федоровна Лопухина» М. И. Семевский с уверенностью высказывает иную точку зрения: «Смело можно сказать, что до смерти царицы Натальи (25 января 1694 года) отношения Петра к жене были самые дружелюбные и что они жили в любви и согласии»[113].

Письма царицы Евдокии мужу действительно дают основания предполагать, что их супружеская жизнь поначалу складывалась благополучно. «Государю моему радости, царю Петру Алексеевичу, — писала Евдокия в 1689 году, вскоре после замужества, — здравствуй, свет мой, на множество лет! Просим милости, пожалуй, государь, буде к нам из Переславля не замешкав. А я при ми-

лости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челом бьет». Спустя четыре года царица продолжала писать мужу, пребывавшему на Белом море, столь же нежные письма: «Предражайшему моему государю-радости, Петру Алексеевичу. Здравствуй, мой свет, на многие лета! Пожалуй, батюшка мой, не презри, свет, моего прошения: отпиши, батюшка мой, ко мне о здоровье своем, чтоб мне, слыша о твоем здоровье, радоваться. А сестра твоя, царевна Наталья Алексеевна, в добром здоровье. А про нас изволишь милостью своей напамятовать, и я с Алешенькой жива. Женка твоя Дунька».

Первые годы после женитьбы Петр праздновал 4 августа именины супруги в Измайлове или Преображенском, угощал думных чинов и служилых людей вином и водкой[114]. В весенние и летние месяцы молодой царь с матерью, женой и сыном выезжал на пару недель на отдых в Коломенское. Однако после смерти царицы Натальи Кирилловны сведения о подобных семейных мероприятиях в источниках отсутствуют. Вероятно, с этого времени между Петром и Евдокией наступил заметный разлад. Царь начал в открытую посещать свою фаворитку Анну Монс, с которой познакомился еще четырьмя годами ранее, но, побаиваясь матери, при ее жизни всячески скрывал эту связь.

Из письма Евдокии Федоровны от 1694 года видно, что Петр охладел к супруге: «Здравствуй, мой батюшка, на множество лет! Прошу у тебя, свет мой, милости, обрадуй меня, батюшка, отпиши, свет мой, о здоровье своем, чтобы мне бедной в печалях своих порадоваться. Как ты, свет мой, изволил пойти, и ко мне не пожаловал, не отписал о здоровье ни единой строчки. Только я, бедная, на свете безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровье своем. Не презри, свет мой, моего прошения»[115].

Жена явно не подходила Петру по характеру, образу мыслей, вкусам и привычкам. Она очень не любила окружавших мужа иностранцев, не одобряла его поведение, не соответствующее ее представлениям о семейной жизни. Как отметил историк Е. В. Анисимов, «порывистость, бесцеремонность, эгоизм Петра сталкивались с упрямством и недовольством Евдокии — особы само-

любивой, строптивой и волевой»[116]. Петр с радостью покидал супругу с ее навязчивой любовью и уезжал на переславское Плещеево озеро, где строились небольшие корабли. Кроме того, государя весьма раздражали многочисленные родственники жены, которые напористо добивались царских милостей, будучи при этом людьми невежественными и пустыми. Он все более склонялся к желанию развестись с Евдокией и жениться на Анне Монс.

Окончательный разрыв между Петром и его супругой произошел, видимо, в марте 1697 года. Во всяком случае, отец царицы Федор Абрамович Лопухин и его братья Василий и Сергей тогда были сосланы на вечное житье в Тотьму, Саранск и Вязьму.

Вскоре после этого царь отправился в заграничное путешествие. Во время поездки в Европу в составе Великого посольства царь за 18 месяцев ни разу не написал жене. Именно тогда желание отделаться от Евдокии стало его навязчивой идеей[117]. В начале 1698 года, находясь в Лондоне, он послал боярам Л. К. Нарышкину и Т. Н. Стрешневу повеление склонить царицу к добровольному пострижению в монастырь[118].

Возвратившись 25 августа 1698 года из-за границы, Петр потребовал, чтобы его супруга приняла монашеский постриг. Она решительно отказалась, ссылаясь на свой долг матери престолонаследника Алексея. Но ее мнение мужа не интересовало. Через несколько дней восьмилетнего мальчика отняли у матери и отдали на воспитание сестре Петра царевне Наталье Алексеевне. Несчастную Евдокию вывели под руки из кремлевского дворца, посадили в простую повозку, запряженную парой лошадей, и повезли в Суздальский Покровский монастырь, где в 1699 году она была насильно пострижена под именем Елены и жила без содержания от казны[119]. Однажды в разговоре с датским посланником Юстом Юлем Петр I со смехом заявил, что «оценив всё благочестие своей супруги и желая облегчить ей возможность вести честную жизнь, он постриг ее в монахини»[120].

В 1718 году бывшая царица подверглась допросу «с пристрастием» во время следствия по делу ее сына царевича Алексея, призналась в тайной связи с генералом

Степаном Глебовым, который после жестоких пыток был посажен на кол. Саму старицу Елену сослали в Староладожский Успенский монастырь, где она провела семь лет, до смерти Петра. В царствование Екатерины I ее предшественница была переведена в Шлиссельбургскую крепость и только после вступления на престол внука, императора Петра II, вернулась в Москву, жила в Кремле и была похоронена в 1731 году в соборной церкви Новодевичьего монастыря.

Метрессы и подруги на час

Вопреки мнению Казимира Валишевского и ряда других исторических публицистов, Петр I не имел ни гиперпотенции, ни склонности к гомосексуализму. Он был нормальным полноценным мужчиной, правда, не ограничивавшим себя рамками супружеской верности, но и не проявлявшим каких-либо признаков сексуальной распущенности или извращений. Его связи с женщинами в большинстве случаев были устойчивыми, многолетними. И женщин этих можно насчитать не так уж много.

Самым серьезным увлечением в жизни Петра I стала знаменитая красавица Анна Монс (Анна Маргрета Монсон), чистокровная немка, жительница Немецкой слободы. По одним сведениям, ее отец, уроженец Вестфалии, был виноторговцем, по другим — золотых дел мастером; впрочем, не исключено, что он совмещал оба эти занятия. Семейство Монсов жило очень открыто, постоянно устраивало званые обеды, праздничные вечера, маленькие балы и другие домашние светские увеселения для довольно широкого круга своих друзей и знакомых, преимущественно иностранцев. Частым гостем Монсов был Франц Лефорт, который, по некоторым сведениям, стал первым любовником Анны. Он ввел в этот дом юного Петра, которому в ту пору едва исполнилось 18 лет. Шестнадцатилетняя, не по годам развитая красавица Анна покорила сердце царя с первого взгляда. По словам историка Е. Оларта, эта девушка, «статная, видная, ловкая, с живыми огненными глазами, смелая и вечно веселая, красиво одетая в заморское

платье, находчивая, бойкая на ответы, готовая потешить царя пляской, а при случае умевшая поддержать серьезную беседу и с иноземным купцом, и с заезжим ремесленником... конечно, выгодно отличалась от несчастной жены Петра»[121].

Иностранцы отзывались об Анне Монс восторженно. Секретарь саксонского посольства Георг Гельбиг называл ее «образцом женского совершенства», отмечая, что «с необыкновенной красотой, признававшейся всеми и бывшей как бы особенностью фамилии Монсов, соединяла она обворожительный характер»: «Она обладала сентиментальностью, но без томления; была пикантно своенравна, но не упряма; умна, но ее ум не вредил ее сердечной доброте; ее серьезный ум умерялся шаловливой шуткой. Все эти преимущества давали ей власть над сердцами мужчин, для обладания которыми она никогда не прибегала к искусственным мерам»[122].

Петр стал частым гостем в доме Монсов и без стеснения оказывал девушке знаки внимания. Анна какое-то время старалась казаться неприступной, завлекая державного гостя в свои сети, но вскоре, конечно, уступила. Влюбленный царь щедро одаривал свою фаворитку: он построил для нее роскошный каменный дом в Немецкой слободе, осыпал ее бриллиантами и другими драгоценностями, подарил несколько поместий, установил ей ежегодное содержание в 708 рублей — по тем временам это была огромная сумма. Кроме того, практичная Анна под руководством опытной матери умела извлекать из своего положения большую пользу. Живший в России барон Генрих Гюйссен, воспитатель царевича Алексея, писал: «...даже в присутственных местах было принято за правило: если мадам или мадемуазель Монс имели дело и тяжбы собственные или друзей своих, то должно было оказывать им всякое содействие». Анна с матерью до такой степени вошли во вкус своего привилегированного положения, что начали даже вмешиваться в ходатайства по внешнеторговым сделкам, нанимая для этой цели стряпчих[123].

Анна умела быть нежной и заботливой по отношению к Петру. Сохранились ее письма, которые она посылала царственному любовнику под Азов. По-русски

она писать не умела и диктовала письма своему секретарю, а затем собственноручно делала маленькие приписки на немецком или голландском языке и ставила подпись: «Верная Анна». «Гораздо без вас скучаю, — сетовала она, — для Бога приезжайте скорей»; «предаю вас в сохранение Бога и желаю вас в радости видеть, что дай Боже». Она посылала Петру по тем временам экзотические и дорогие подарки: четыре цитрона, четыре апельсина и дюжину склянок его любимого напитка цидреоли (разновидность лимонада). «Если бы у меня, убогой, крылья были бы, — писала она в письме, сопровождавшем посылку, — я бы тебе, милостивому государю, сама бы цидреоль принесла. Не гневись, кушай на здоровье, и больше бы прислала, да не смогла достать»[124].

Во время заграничной поездки в составе Великого посольства любвеобильный Петр не считал нужным хранить верность своей фаворитке. Находясь в Англии в марте 1698 года, он вступил в кратковременную связь с лондонской актрисой Летицией Кросс. По завершении романа А. Д. Меншиков от имени Петра подарил ей 500 гиней (1200 рублей). Она осталась недовольна такой суммой и жаловалась на скупость царя. Александр Данилович передал ее слова своему державному другу. В ответ прозвучала достаточно циничная реплика:

— Ты, Меншиков, думаешь, что я такой же мот, как ты. За 500 гиней у меня служат старики с усердием и умом, а эта худо служила.

— Какова работа, такова и плата, — согласился Меншиков[125].

Однако эта измена ничего не значила для Петра: в первый же день по возвращении в Москву он немедленно помчался в дом Анны, даже не удосужившись навестить свою законную супругу. Австрийский посол Отто Плейер заметил по этому поводу: «Крайне, крайне удивительно, что царь, против всякого ожидания, после столь долговременного отсутствия еще одержим прежнею страстью: он тотчас по приезде посетил немку Монс»[126].

Секретарь австрийского посольства И. Г. Корб сделал 15 января 1699 года запись в своем дневнике: «День рождения какой-то девицы из простого звания (говорят,

дочери золотых дел мастера, Монса) был удостоен присутствием его царского величества в доме ее отца»[127].

Ходили слухи, что Петр собирается жениться на Анне. Во всяком случае, уже через десять дней после возвращения из Великого посольства он поспешил насильно отправить свою супругу Евдокию в монастырь, что было равносильно разводу. Возросшее влияние Анны на своего венценосного любовника беспокоило Меншикова, находившегося в неприязненных отношениях с семейством Монс. Он сумел сделать так, что Петр всерьез увлекся Мартой Скавронской, нареченной при переходе в православие Екатериной Алексеевной. Новая фаворитка уступала прежней в красоте, зато ее пышные формы более соответствовали вкусу государя, чем безупречная стройность Анны. Кроме того, Екатерина умела быть гораздо заботливее и предупредительнее, чем Монс, которая была слишком горда и самолюбива. Вскоре Петр уже не мог обходиться без новой любовницы, хотя не прекращал отношения и с Анной, продолжавшей получать от него значительные подарки. Например, царь отписал ей большое поместье Дудино в Козельском уезде.

Тем не менее честолюбивая красавица сочла себя оскорбленной открытой изменой державного любовника и в свою очередь поспешила изменить ему, вступив в 1704 году в связь с молодым и красивым польским дипломатом Ф. Кёнигсеком. Разумеется, эта любовь тщательно скрывалась и Петр о ней не подозревал. Тайна раскрылась при весьма драматических обстоятельствах.

Однажды государь в сопровождении вельмож и иностранных посланников осматривал строящуюся крепость. Находившийся рядом с ним Кёнигсек при переходе по подъемному мосту оступился и упал в залитый водой глубокий ров. Плавать он не умел, поэтому тут же утонул, несмотря на попытки оказать ему помощь. Когда тело вытащили из воды, любопытный Петр не преминул осмотреть карманы покойного и обнаружил у него на груди связку бумаг. Сначала он приказал их запечатать, полагая, что это важная дипломатическая переписка; однако любопытство взяло верх. Вече-

ром царь приказал принести ему бумаги Кёнигсека и начал их разбирать. Можно представить себе его удивление и гнев, когда он обнаружил между сложенными листками миниатюрный портрет Анны Монс, а затем нашел несколько ее страстных писем к новому любовнику.

Петр пришел в ярость. Он немедленно приказал князю Ф. Ю. Ромодановскому посадить Анну вместе с ее старшей сестрой Матреной под строжайший домашний арест; им не разрешалось даже посещать церковь. Но Юст Юль вряд ли прав в своем утверждении, что «тогда Петр I проявил недостойную его мелочность и отобрал назад все свои подарки»[128]. Дворец и деревни, действительно, были конфискованы, но движимое имущество и драгоценности царь оставил бывшей возлюбленной.

Сестры Монс прожили под арестом около двух лет, пока Анна не нашла заступника в лице прусского посланника Георга Кейзерлинга, давно влюбленного в нее. Они познакомились еще летом 1702 года в доме сестры Петра, царевны Натальи Алексеевны[129]. Кейзерлинг принялся ходатайствовать перед царем о смягчении участи его бывшей фаворитки. Петр уступил — указом от 3 апреля 1706 года позволил Анне и Матрене посещать церковь. Некоторое время спустя арест был полностью снят; Матрена уехала со своим мужем Федором Николаевичем Балком в Дерпт, куда тот был назначен комендантом. Анна осталась в Немецкой слободе, где поселилась в купленном ею маленьком деревянном домике.

Кейзерлинг начал настойчиво ухаживать за ней и добился ее согласия выйти за него замуж. После этого он принялся с еще большей настойчивостью уговаривать Петра взять Анну и ее младшего брата Вилима ко двору. Однажды во время обеда по случаю царских именин 29 июня 1707 года Кейзерлинг после изрядной попойки решил воспользоваться хорошим настроением государя и вновь завел разговор с ним о Монсах. Петр резко оборвал посланника:

— Я держал твою Монс при себе, чтобы жениться на ней, а коли ты ее взял себе, так и держи ее, и не смей никогда соваться ко мне с нею или с ее родственниками.

— Знаю я вашу Монс, — вмешался в разговор Меншиков. — Хаживала она и ко мне, да и ко всякому пойдет. Уж молчите вы лучше с нею[130].

Взбешенный этой явной клеветой Кейзерлинг хотел дать Меншикову пощечину, но тот парировал удар и подозвал стоявших у двери гвардейцев из своей личной охраны. Они избили прусского посланника и сбросили его с лестницы. Кейзерлинг жаловался прусскому королю на столь вопиющее нарушение принципа дипломатической неприкосновенности, но в ответ получил выговор и приказ извиниться перед царем[131].

Вопрос о браке Кейзерлинга и Анны Монс не удавалось положительно решить еще в течение пяти лет, поскольку Петр всячески ему препятствовал: бывшая фаворитка оставалась объектом его ревности. Бракосочетание состоялось только в 1711 году. К тому времени Анна уже успела родить от прусского посланника двоих детей. Через полгода после свадьбы Кейзерлинг был отозван в Берлин и по дороге неожиданно скончался от какой-то болезни. Его смерть не особенно огорчила жену, которая, по всей видимости, его не любила. Из переписки Анны с братом Вилимом видно, что она была озабочена лишь вопросом о наследстве покойного мужа, на которое заявил претензии его старший брат. Анна со свойственной ей настойчивостью вела судебный процесс в течение двух лет, сама ездила по этому делу за границу и в конце концов добилась решения в свою пользу.

К тому времени Анна Кейзерлинг была уже очень больна: бывало, чахотка держала ее в постели по целому месяцу. Она продолжала жить в своем маленьком бедном домике в Немецкой слободе с двумя детьми, прижитыми от мужа до брака, и еще одной девочкой более старшего возраста, которую она называла сиротой и любила больше своих детей (возможно, это была ее дочь от Кёнигсека). В августе 1714 года Анна умерла в возрасте сорока лет.

Вилим Монс был взят ко двору царицы Екатерины Алексеевны и стал ее камер-юнкером. Она очень симпатизировала красивому молодому человеку и без какой-либо неприязни вспоминала его сестру, свою бывшую соперницу.

Случайные амурные похождения Петра I в России трудно отследить из-за почти полного отсутствия сколько-нибудь достоверных источников, зато о его поведении во время пребывания за границей известно лучше.

В 1708 году в Варшаве Петр был приглашен на ужин в полном собрании польской знати. Одна тамошняя красавица, относившаяся к числу противников Августа II, позволила себе остроумные шутки в адрес короля и поддерживавшего его русского монарха. Тогда Петр сказал ей с резкой прямотой: «Вы шутите, сударыня, за столом при всех, так позвольте мне после ужина пошутить с вами наедине».

«Сия резкая очная речь, — пишет Андрей Андреевич Нартов, — в такое привела ее смятение, что после не могла она ничего уже промолвить. Но государь так умел ея смягчить и обласкать, что в самом деле с нею наедине был и имел ее своею приятельницею»[132]. (Надо отдать должное деликатности формулировок писателя XVIII века.)

Не вызывает сомнения факт, что в 1717 году в Версале Петр и сопровождавшие его русские дворяне привели во дворец уличных проституток, которых, по свидетельству Луи Сен-Симона, уложили «в апартаментах мадам Ментенон, рядом с комнатой, в которой спал царь». Слухи об оргиях в королевских опочивальнях дошли до самой вдовы Людовика XIV, которая с возмущением писала своей племяннице: «Мне рассказали, что царь притащил с собой девку, большой скандал в Версале, Трианоне и Марли»[133].

Более заметны длительные любовные истории Петра I, которых было немного. Самая трагическая из них связана с именем Марии Гамильтон, юной горничной при дворе царицы Екатерины. Эта девушка родилась в Немецкой слободе в семье дворян-эмигрантов, чье происхождение трактуется в источниках двояко, поскольку в России в то время жили Гамильтоны и шотландского, и шведского происхождения. Более вероятно, что она была шотландкой, но всё же не относилась к знаменитой ветви лордов Гамильтонов. Ей было суждено стать героиней очередного романа Петра I и окончить свою жизнь самым ужасным образом.

Подробности отношений царя и горничной неизвестны; можно только сказать, что Петр пленился ее молодостью и красотой и без труда добился близости с ней, поскольку девушка не решилась противоречить монарху. Факт своего сожительства с Марией царь не считал нужным скрывать, во всяком случае, от наиболее доверенных лиц. Сын любимого токаря Петра I Андрея Нартова со слов отца описал примечательный случай: «Впущена была к его величеству в токарную присланная от императрицы комнатная ближняя девица Гамильтон, которую, обняв, потрепал рукою по плечу, а потом сказал: "Любить девок хорошо, да не всегда, инако, Андрей, забудем ремесло", — после сел и начал точить»[134].

Однако сама Мария Гамильтон не испытывала к царю никаких чувств. Предметом ее страсти являлся рослый и красивый молодой человек — царский денщик Иван Орлов. Они часто виделись при дворе, а в отсутствие своих высочайших хозяев тайком встречались в Летнем саду. Свободное время Орлов проводил в выпивках и кутежах, поэтому постоянно нуждался в деньгах, выпрашивая их у возлюбленной. А у Марии средств было немного, и она в угоду своему непутевому дружку начала воровать деньги и драгоценности у царицы. Долгое время это сходило ей с рук, поскольку Екатерина не была мелочна и подозрительна.

Дважды Мария беременела — то ли от Петра, то ли от Орлова. Возможно, она и сама не смогла бы ответить на этот вопрос. В обоих случаях она сумела прервать беременность, выпив какой-то отвар. Но в третий раз зелье не помогло, и она родила мальчика. Факт его появления на свет удалось скрыть, поскольку Мария несколько месяцев не выходила из своей комнаты, ссылаясь на тяжелую болезнь. Сердобольная Екатерина не беспокоила свою горничную.

С ребенком надо было что-то делать — ни объявить о нем, ни скрывать его не было никакой возможности, и Мария решилась на ужасный поступок: она задушила младенца, а ее служанка под покровом ночи вынесла тельце из дворца и положила его возле фонтана в Летнем саду. Утром труп ребенка был обнаружен; по дворцу

поползли слухи и догадки, но никаких улик против Марии не было, а служанка была щедро одарена деньгами и поэтому молчала.

Петр узнал и об измене своей наложницы, и о ее преступлении благодаря случайности. Однажды Орлов доставил ему какой-то важный документ; спешивший куда-то Петр засунул его в карман, который оказался дырявым. Бумага попала в прореху и провалилась за подкладку. Тем же вечером Орлов почистил царский кафтан. Наутро государь не нашел документ в кармане и страшно разгневался, решив, что денщик выронил его. Громовым голосом он призвал Орлова к себе. Тот прибежал, увидел царя в ярости и почему-то решил, что тот раскрыл тайну его связи с Марией Гамильтон. «Помилуйте, государь! — закричал он, падая на колени. — Люблю Марьюшку!»

Петр моментально сопоставил новую информацию с недавним известием об обнаружении детского трупа. Вспомнил он и о том, что Мария несколько месяцев не выходила из комнаты, ссылаясь на недомогание. Юная любовница царя, а также ее служанка и Орлов были немедленно арестованы. Всё это произошло в конце июня 1718 года, через несколько дней после смерти царевича Алексея. Государь был в это время особенно ожесточен семейной трагедией, поэтому Гамильтон не могла рассчитывать ни на какое снисхождение. Ее и служанку подвергли пыткам, и они во всём признались. Но Петра это не удовлетворило — он считал нужным узнать, не замешан ли в убийстве младенца Орлов. Царь собственноручно написал короткий указ следователям: «Пытать Гаментову вдругорядь. И буде в другом розыску скажет то же самое, что и в первом, а на Орлова ничего не покажет, и оного Орлова сослать на каторгу на время без наказания». Впрочем, вскоре царский денщик и удачливый соперник был прощен и произведен в поручики гвардии.

Следователи полностью выяснили обстоятельства детоубийства. 27 ноября 1718 года Петр I указал «девку Марию Гаментову... казнить смертью».

Казнь состоялась 14 марта 1719 года. Мария, пере-

несшая тяжелые пытки и девятимесячное тюремное заключение, была всё еще очень хороша — в белом шелковом платье, оттененном черными лентами. Подбирая наряд в этот день, когда ей предстояло расстаться с жизнью, девушка, возможно, надеялась тронуть сердце царя своей красотой и получить помилование. Надежда оказалась тщетной. «Без нарушения божественных и государственных законов не могу я спасти тебя от смерти, — сказал Петр своей бывшей возлюбленной. — Итак, прими казнь и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих, помолись только ему с раскаянием и верою»[135].

Палач подхватил отрубленную голову Марии и передал ее царю. Тот поцеловал мертвые губы, а затем начал объяснять окружающим на наглядном примере устройство шейных позвонков, мышечных тканей и артерий. Закончив короткую лекцию, он распорядился сохранить голову в спирте в Академии наук, перекрестился, еще раз поцеловал губы покойной фаворитки и уехал[136]. Голова Марии Гамильтон являлась академическим экспонатом до тех пор, пока не была похоронена по распоряжению Екатерины II.

Последней любовью Петра I на склоне его лет стала молодая и красивая княжна Мария Кантемир, дочь молдавского господаря Дмитрия Кантемира, который по Прутскому договору (1711) между Россией и Турцией лишился своих владений и с тех пор жил с семьей в Петербурге. Чувства государя к юной фаворитке были достаточно сильными и даже вселяли в него надежды на будущее. Петр только что пережил огромное горе: 25 апреля 1719 года умер трехлетний Петр Петрович, наследник российского престола, проживший дольше других сыновей царской четы. Государь уже отчаялся иметь их от немолодой и не очень здоровой Екатерины. А Мария Кантемир в начале 1722 года забеременела. Петр уже всерьез подумывал развестись с супругой и жениться на Марии, чтобы тем самым обеспечить наследование престола.

Той же весной царь отправился в Персидский поход, взяв с собой и жену, и любовницу. Каждая из женщин ехала в своей карете. В Астрахани Петр оставил Марию дожидаться его возвращения и готовиться стать

матерью. Однако некоторое время спустя его ожидало тяжелое разочарование: у Марии случился выкидыш. Государь подозревал, что подкупленные Екатериной служанки напоили молодую женщину какими-то лекарствами, спровоцировавшими несчастье, но никаких доказательств этого предположения не нашлось, а доктора обвиняли только природу. Екатерина, притворно выражавшая сочувствие, внутренне торжествовала; Мария Кантемир, не оправдавшая ожиданий императора, была удалена[137].

Царевич Алексей Петрович по примеру отца завел любовницу — финку Евфросинью Федорову, которая прежде была служанкой у его бывшего воспитателя князя Никифора Вяземского. По отзывам современников, она была некрасивой, маленькой, рыжей, коренастой, толстогубой и неряшливой[138]. Однако для царевича она оказалась дороже всех на свете.

Бежав за границу, Алексей Петрович взял с собой Евфросинью, которая под видом пажа путешествовала в мужском костюме. Когда П. А. Толстой и А. И. Румянцев выследили беглецов в Неаполе и предложили Алексею вернуться в Россию, обещав прощение Петра I, Евфросинья умоляла царевича уступить. В конце концов он объявил посланцам, что вернется в Россию, если отец разрешит ему жениться на Евфросинье. Согласие Петра было получено.

После возвращения царевича в Россию его любовница некоторое время оставалась в Берлине. Встретившись с отцом 3 февраля 1718 года, Алексей послал Евфросинье трогательное письмо, показывающее силу его чувств к ней: «Друг мой сердешный, Афросиньюшка, здравствуй, матушка моя, на множество лет... Слава богу, что нас от наследия отлучили, понеже останемся в покое с тобою, дай Боже благополучно пожить с тобою в деревне, понеже мы с тобою ничего не желали, только б жить в Рожествене (дворцовом селе, принадлежавшем царевичу. — *В. Н.*). Сама ты знаешь, что мне ничего не хочется, только с тобою до смерти дожить»[139].

Евфросинья вернулась в Петербург 15 апреля 1718 года и была сразу же доставлена в Петропавловскую кре-

пость. В надежде на снисхождение Петра I она дала показания против Алексея и даже предоставила следствию черновики его писем, которые послужили поводом к продолжению дела царевича. С целью самооправдания Евфросинья даже утверждала, что «вступила в любовную связь по принуждению: на нее замахивались ножом и грозились смертью в случае ее сопротивления»[140].

Евфросинья получила прощение Петра I и была отправлена на свободное жительство в деревню. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Сведений о внебрачных связях соратников Петра I в источниках не обнаружено, за исключением упоминания Ф. В. Берхгольца о 76-летнем вдовце П. А. Толстом: «Жены у него нет, но есть любовница, которой содержание обходится ему весьма дорого»[141]. Прочие лица из окружения государя либо не имели метресс, либо, что более вероятно, вели себя осмотрительнее и их любовные интрижки не попали в поле зрения иностранных наблюдателей.

«Друг сердешнинькой»

Большинство писем Петра I супруге Екатерине Алексеевне начинается с нежного обращения: «Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!» Несомненно, великий монарх испытывал к этой женщине настоящую привязанность. История ее жизни удивительна и вместе с тем весьма характерна для эпохи петровских преобразований, когда ломка обычаев и традиций могла коренным образом изменять судьбы людей...

Русские войска взяли Мариенбург (ныне Алуксне в Латвии) 25 августа 1702 года. В числе пленных оказалась красивая девушка девятнадцати лет Марта Скавронская*, которая в течение нескольких дней вынуждена была поменять четверых хозяев: от захватившего ее рядового солдата она перешла к капитану, а от не-

* Имеется как минимум восемь версий происхождения Екатерины; точно неизвестна даже ее национальность: ее называют латышкой, литовкой, эстонкой, финкой, полькой. С учетом того, что сам Петр I называл жену Веселевской или Василевской, возможно, она являлась не родной, а двоюродной сестрой объявившимся в 1726 году Скавронским.

го к полковнику; тот в свою очередь подарил ее фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, у которого она прожила не меньше полугода. В конце 1702-го или начале 1703 года Марта каким-то образом попала к А. Д. Меншикову; историк Е. В. Анисимов предполагает, что скорее всего он попросту отнял миловидную девицу у фельдмаршала[142].

Неизвестно, была ли лифляндская пленница наложницей Меншикова. Во всяком случае, между ними сложились дружеские отношения, сохранявшиеся много лет. В доме Александра Даниловича Марта стала служанкой под именем Екатерины Трубачевой (ее первым мужем был шведский солдат-трубач). Возможно, хитрый и расчетливый Меншиков с самого начала решил пристроить свою подопечную в царские фаворитки вместо Анны Монс, к которой он относился неприязненно.

Контр-адмирал Франц (Никита Петрович) Вильбуа в своих «Рассказах о российском дворе» описывает первую встречу Петра I и Екатерины следующим образом: «Так обстояли дела, когда царь, проезжая на почтовых из Петербурга, который назывался тогда Ниеншанцем, или Нотебургом, в Ливонию, чтобы ехать дальше, остановился у своего фаворита Меншикова, где и заметил Екатерину в числе слуг, которые прислуживали за столом. Он спросил, откуда она и как тот ее приобрел. И, поговорив тихо на ухо с этим фаворитом, который ответил ему лишь кивком головы, он долго смотрел на Екатерину и, поддразнивая ее, сказал, что она умная, а закончил свою шутливую речь тем, что велел ей, когда она пойдет спать, отнести свечу в его комнату. Это был приказ, сказанный в шутливом тоне, но не терпящий никаких возражений. Меншиков принял это как должное, и красавица, преданная своему хозяину, провела ночь в комнате царя... На следующий день царь уезжал утром, чтобы продолжить свой путь. Он возвратил своему фавориту то, что тот ему одолжил. Об удовлетворении царя, которое он получил от своей ночной беседы с Екатериной, нельзя судить по той щедрости, которую он проявил. Она ограничилась лишь одним дукатом, что равно по стоимости половине одного луидора (десять франков), который он сунул по-военному ей в руку при расставании»[143].

Первая встреча Петра и Екатерины, вероятно, состоялась в начале 1703 года, поскольку, как отмечает Вильбуа, она произошла до момента основания Петербурга. Как раз к тому времени государь порвал отношения с Анной Монс, уличив ее в измене. Новая фаворитка была как нельзя кстати.

В последующие годы Екатерина жила в Преображенском, куда Петр наведывался из военных походов. В отсутствие царя она проводила время в компании сестер Дарьи и Варвары Арсеньевых, первая из которых являлась невестой Меншикова. Отношения Петра и его фаворитки развивались, и некоторое время спустя он уже не мог долго без нее обходиться. Весной 1705 года Меншиков в письме Дарье Арсеньевой передал царский приказ отправить Катерину Трубачеву в Ковно, где тогда находился Петр. Для соблюдения приличия с ней надо было послать «других двух девок немедленно же», поручив всем трем привести в порядок скромный гардероб царя, постирать и заштопать кое-что из его одежды. Еще в 1704 году Екатерина родила от Петра первенца, названного в его честь. Мальчик на время отсутствия матери в Преображенском был поручен заботам сестер Арсеньевых, получивших письмо царя: «Пожалуйте, матушки, не покиньте Петрушки... прикажите сделать сыну моему платье и... прикажите, чтоб ему было пить-есть довольно»[144].

Пятеро из двенадцати детей первой четы России родились до брака. Осенью 1705 года любовница родила царю второго сына, Павла. Оба мальчика вскоре умерли, но это несчастье уже не могло помешать близости Петра и Екатерины. В следующем году она была крещена по православному обряду и получила имя Екатерины Алексеевны, поскольку ее крестным отцом стал юный царевич Алексей Петрович. Таким образом, отношения царя и его фаворитки приняли уже семейный характер. В 1707 году родилась их первая дочь Екатерина, также умершая в младенчестве. До взрослых лет дожили только Анна (1708—1728), будущая герцогиня Гольштейн-Готторпская, мать императора Петра III, и ее погодок, ровесница полтавской победы Елизавета (1709—1761), впоследствии российская государыня.

Екатерина стала для Петра необходимой, о чем свидетельствуют его письма: «Приезжайте на Киев, не мешкав» (6 января 1707 года из Жолквы); «Для Бога, приежжайте скоряй; а ежели за чем невозможно скоро быть, отпишите понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу вас»(20 марта 1708 года, из Петербурга).

Зимой 1711 года Петр I принял окончательное решение о вступлении в брак с Екатериной. Перед выездом из Москвы он призвал к себе вдовствующую царицу Прасковью Федоровну и своих сестер: родную Наталью и единокровных Екатерину и Феодосию — и «объявил им свое решение провозгласить Екатерину Алексеевну государыней, причем пригласил их оказывать будущей царице соответствующий почет, а также озаботиться, чтобы, в случае какого-либо несчастия с ним во время кампании, ей присвоены были почести, привилегии и доходы, подобающие вдовствующим государыням, как бы она действительно была его женой, хотя ему еще и некогда было совершить надлежащего брачного обряда, который он, впрочем, совершит при первом удобном случае»[145].

Петр вынужден был отложить свадьбу, поскольку начиналась война с турками. Екатерина сопровождала царя в Прутском походе и поддерживала его в самый напряженный момент, когда многотысячное османское войско осадило русский лагерь. Молва приписывает именно ей спасение армии от пленения или разгрома, поскольку она якобы отдала все свои драгоценности для подкупа турецкого главнокомандующего Мехмет-паши, который благодаря этому согласился на перемирие[146].

После урегулирования отношений с Турцией Петр I смог наконец обвенчаться с Екатериной. Это произошло 19 февраля 1712 года в Петербурге. Отныне никто из российских подданных не мог обращаться к бывшей лифляндской пленнице иначе как «ваше царское величество».

Екатерина не была красавицей, но имела достаточно приятную внешность. Несмотря на полноту, она двигалась легко и изящно, на балах прекрасно танцевала в паре с супругом. Не отличаясь высоким интеллектом,

царица обладала определенными лингвистическими способностями. По свидетельству Вильбуа, «не умея ни читать, ни писать ни на одном языке, она говорила свободно на четырех, а именно на русском, немецком, шведском, польском». Вероятно, Петра более всего привлекали душевные качества его супруги: врожденный такт, доброта, снисходительность к людям. Она тонко понимала характер своего вспыльчивого и сурового мужа и умела с ним обращаться. Г. Ф. Бассевич отмечал, что Екатерина обладала властью над чувствами Петра: во время его тяжелых болезненных припадков «она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его».

Петр старался окружить супругу царским блеском, который ему самому всегда был в тягость. «Царь, — пишет Бассевич, — не мог надивиться ее способности и умению превращаться, как он выражался, в императрицу, не забывая, что она не родилась ею. Они часто путешествовали вместе, но всегда в отдельных поездах, отличавшихся один величественностью своей простоты, другой — своею роскошью. Он любил видеть ее всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась»[147].

Сохранившаяся переписка Петра и Екатерины характеризует их трогательную заботу друг о друге. Во время разлуки они постоянно обменивались подарками. Царь посылал жене свежие лимоны из Варшавы, устриц из Гамбурга, кружева, ленты и манжеты из Брюсселя, платье из Лейпцига, часы «новой моды» из Карлсбада. Екатерина отправляла супругу пиво, эль, венгерское вино, русский «крепыш» (водку), свежепосоленные огурцы, померанцы, винные ягоды и дыни, а также «кафтан, два камзола, штаны, партупей».

Царская чета была несчастлива только в одном: все сыновья от этого брака умирали в младенчестве, поэтому вопрос о престолонаследии оставался открытым. 25 апреля 1719 года они лишились трехлетнего Петра Петровича, который был радостью и надеждой родителей, признанным наследником трона после отречения его единокровного брата Алексея. Семейная трагедия заставила царицу задуматься о своей участи

в случае смерти супруга. Интересные замечания относительно положения Екатерины приведены в донесении французского посланника Жака Кампредона министру иностранных дел Франции Гийому Дюбуа от 2 (14) марта 1721 года: «Что касается до царицы, то хотя царь по-прежнему очень ласков с ней и нежно любит принцесс, дочерей ее, но она не имеет никакого влияния на дела, в которые никогда не вмешивается. Все ее заботы посвящены старанию сохранить любовь царя, отвлечь его, насколько в ее силах, от вина и других излишеств, сильно подорвавших его здоровье, и смягчить его готовый разразиться над кем-нибудь гнев». Кампредон пишет далее, что Екатерина старается заслужить любовь высших сановников, обеспечивая себе возможно более прочное положение на случай кончины супруга. Впрочем, она не обольщается относительно своих шансов занять престол после смерти Петра I и поэтому «страстно желает видеть хоть одну из своих дочерей хорошо пристроенной и выданной замуж за какого-нибудь государя, который мог бы оказать ей покровительство»[148].

В 1722 году, после заключения Ништадтского мира, состоялся шуточный разговор царя с супругой.

— Как договором постановлено всех пленных возвратить, то не знаю, что с тобой будет, — сказал Петр.

— Я ваша служанка, — ответила Екатерина, — делайте что угодно. Не думаю, однако же, чтоб вы меня отдали; мне хочется здесь остаться.

— Всех пленников отпущу, о тебе же условлюсь с королем шведским, — закончил царь разговор[149].

Некоторое время спустя Петр начал склоняться к решению завещать престол Екатерине. Первым шагом в этом направлении стал манифест от 15 ноября 1723 года с обоснованием ее прав на титул императрицы. 7 мая 1724 года в Москве, в кремлевском Успенском соборе состоялась коронация Екатерины. Бассевич сообщает, что накануне этого события, во время обеда в присутствии сенаторов и иерархов православной церкви «император сказал обществу, что назначенная на следующий день церемония гораздо важнее, нежели думают; что он коронует Екатерину для того, чтоб дать ей пра-

во на управление государством; что, спасши империю, едва не сделавшуюся добычею турок на берегах Прута, она достойна царствовать в ней после его кончины; что она поддержит его учреждения и сделает монархию счастливою»[150].

Однако осенью того же года в императорской семье наступил разлад: Петр заподозрил Екатерину в супружеской измене с камергером ее двора Вилимом Монсом, братом давнишней фаворитки царя. Имеющиеся в распоряжении историков документы не дают оснований утверждать, что между императрицей и камергером существовала интимная связь. Однако несомненно, что тридцатилетний красавец пользовался благосклонностью и покровительством Екатерины.

Восьмого ноября 1724 года Монс был арестован. Во время следствия, продлившегося всего неделю, чиновники Тайной канцелярии не прибегали ни к очным ставкам, ни к пыткам, а довольствовались признанием самого Монса, обвиненного в получении больших взяток. Суд приговорил его к смертной казни, и Петр утвердил приговор. 15-го числа Монс был обезглавлен. Бассевич, Берхгольц и Вильбуа сообщают, что Петр возил Екатерину в коляске на площадь, посреди которой на кол была насажена голова ее камергера. Несомненно, императора интересовала реакция супруги. Но она лишь спокойно заметила: «Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности»[151].

Возможно, история с Монсом ускорила кончину Петра I, который, вопреки запрету врачей, начал по прежнему обыкновению злоупотреблять спиртным. «Вполне допустимо, — полагает Н. И. Павленко, — что Петр заливал вином горе, причиненное ему супружеской изменой»[152]. По мнению Е. В. Анисимова, император тогда же уничтожил завещание в пользу Екатерины, подписанное накануне ее коронации. 24 ноября 1724 года был оформлен брачный контракт, согласно которому шестнадцатилетняя цесаревна Анна должна была стать женой герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского. Ребенку от этого брака Петр вознамерился завещать русский престол[153].

Семейная жизнь представителей петровского окружения складывалась по-разному, но, кажется, одним из самых счастливых был брак А. Д. Меншикова. Его супруга Дарья Михайловна, принадлежавшая к старинному и знатному роду Арсеньевых, с ранней юности вместе с сестрой Варварой состояла при дворе царевны Натальи Алексеевны, где находились и младшие сестры Меншикова Анна и Мария. В 1698 году Петр I поручил «любезному другу Алексаше» привести в порядок дворец сестры Натальи в Преображенском; тогда 25-летний Александр Меншиков познакомился с шестнадцатилетней Дарьей Арсеньевой, которая сразу понравилась ему красотой, скромностью и веселым нравом. Между Меншиковым и сестрами Арсеньевыми установились дружеские отношения, отразившиеся в сохранившейся переписке. В своих первых письмах царскому любимцу на лоскутках серой бумаги «Дашка да Варька челом бьют», печалятся о разлуке «с радостью» Александром Даниловичем, осведомляются о его здоровье, беспокоятся, «нет ли от досаждения их на них гневу». Вскоре переписка становится более оживленной и в посланиях Дарьи возлюбленному появляются эпитеты «свет мой, батюшка мой, душенька моя дорогая». Сестры Арсеньевы часто отправляли Меншикову подарки: сорочки, камзолы, кафтаны и даже «кровать с постелью и одеялом». Спустя какое-то время Дарья прислала Александру украшение в виде «алмазного сердца». Ответное письмо Меншикова подтверждало: «Оное присланное принято с любовью, за сие Ваше ко мне любление поклонение отсылаю. Если милость Вашу получу видеть, буду сам платить, недорого мне алмазное сердце, дорого Ваше ко мне любительство»[154].

Восемнадцатого августа 1706 года в Киеве в присутствии государя и высших российских сановников была пышно отпразднована свадьба Александра Даниловича и Дарьи Михайловны. В последующие годы супруги виделись не часто, поскольку светлейший князь пребывал в основном на театре военных действий. Жена постоянно переживала за любимого супруга. В январе 1709

года Меншиков узнал, что Дарья Михайловна, будучи на последнем месяце беременности, очень беспокоится за него, и написал ее сестре Варваре: «Уведомился я... что вы печалуетесь, что вам не надлежало бы делать, а надобно скакать да плясать и княгиню забавлять, дабы не печалилась. И печалиться вам не о чем, понеже за помощью Божиею и за вашими молитвами в добром обретаемся мы здравии и, чаю, к вам вскоре буду»[155]. Однако Дарья Михайловна не выдержала беспокойства и отправилась в дорогу. Так первенец четы Меншиковых Лука Петр родился в феврале 1709 года в Белгороде, где его отец находился с войсками.

Переписка последующих лет отражает взаимную заботу супругов. В ответ на письма жены, полные нежности и беспокойства, Александр Данилович отправлял заверения в том, что он «обретается в добром здравии» и неприятель ему не угрожает. Только в ноябре 1712 года Дарья Михайловна получила от мужа 15 посланий[156].

С начала 1714 года светлейший князь жил главным образом в Петербурге, воссоединившись наконец с семьей. Дарья Михайловна оставалась верной, преданной и любящей женой до конца своей жизни (она скончалась в 1728 году под Казанью, направляясь вместе с мужем к месту его сибирской ссылки).

У Павла Ивановича Ягужинского поначалу также не было причин жаловаться на свои брачные узы: 1 февраля 1711 года он женился на очень богатой невесте Анне Федоровне Хитрово и получил в приданое поместья в двенадцати уездах трех губерний: Московской, Киевской и Азовской. В семье появились на свет сын и три дочери. Но в 1719—1720 годах у Анны Федоровны начали проявляться признаки душевной болезни, которые она объясняла тоской по мужу, отправленному сначала на Аландский конгресс, а затем в Вену с дипломатическим поручением. 22 февраля 1722 года Ф. В. Берхгольц записал в своем дневнике: «В этот день я в первый раз видел супругу генерала Ягужинского, которая почти никуда не выезжает и во всё пребывание наше в Петербурге ни разу не выходила из дому. Она с некоторого времени впала в совершенную меланхолию и была почти постоянно больна, что, говорят, очень огорчает генерала». Он

же описал громкую ссору между супругами Ягужинскими на второй день свадьбы сержанта гвардии князя Никиты Юрьевича Трубецкого и Анастасии Гавриловны Головкиной, дочери канцлера: Анна Федоровна наотрез отказалась танцевать с мужем, хотя это было положено по правилам, так как он являлся маршалом свадьбы, а она исполняла обязанности посаженой сестры невесты. Узнав об этом происшествии, скорый на расправу император 15 мая приказал временно заключить Ягужинскую в монастырь[157].

В сентябре 1722 года Павел Иванович начал бракоразводный процесс. Свидетели показали, что Анна Федоровна убегала из дому, заводила знакомства «со многими дамами непотребными и подозрительными», била и кусала дворовых женщин, ездила верхом на людях в избе, валялась по земле, «скакала сорокою», являлась раздетая и простоволосая в церковь, оскорбляла священнослужителей и сбрасывала на пол иконы[158]. Синод, в ведении которого находился суд по семейным делам, а также делам о богохульстве, не вынес никакого приговора и послал к Ягужинской духовного отца для увещевания. Она признала правоту многих обвинений, но заявила, что «оные непотребства чинила она в беспамятстве своем в меланхолии, которая-де случилась в Петербурге в 1721 г., и в скорби да печали от разлучения с сожителем и детьми своими, от скуки и одиночества».

Анне Федоровне было запрещено выходить из дома без разрешения мужа, но она по-прежнему убегала, врывалась в соседние дома, где совершала «без зазрения мерзости», бесчинствовала и буянила. В январе 1723 года Павел Иванович подал в Синод второе прошение о разводе, которое было удовлетворено 21 августа, и по именному указу Анна Федоровна была сослана в Переславль-Залесский Федоровский монастырь.

Уже спустя месяц, 24 сентября, Ягужинский подал в Синод просьбу разрешить ему вступить во второй брак. После получения согласия иерархов 3 октября был совершен брачный сговор Ягужинского с Анной Гавриловной Головкиной, дочерью канцлера. Такая поспешность невольно наводит на мысль, что обвинения в адрес первой жены генерал-прокурора Сена-

та могли быть частично или полностью сфальсифицированы.

Невесту Ягужинского, по отзыву Берхгольца, нельзя было назвать красавицей, так как ее лицо было испорчено оспой; зато она отличалась живостью характера и веселым нравом, прекрасно говорила по-французски и по-немецки, превосходно танцевала и имела стройное сложение. Кроме того, граф Головкин, несмотря на свою жадность, согласился дать за дочерью большое приданое. 10 ноября 1723 года состоялась свадьба. Г. Ф. Бассевич, бывший с Ягужинским в приятельских отношениях, уверял, что тот «настолько же был доволен своей второй супругой, насколько император своей»[159].

Тесть Ягужинского Гавриил Иванович Головкин был женат на Домне Андреевне Дивовой. О спутнице жизни канцлера известно только то, что она была преданной женой и заботливой матерью троих сыновей и двух дочерей.

Князь Михаил Михайлович Голицын вступал в брак дважды. Его первая супруга Евдокия Ивановна была дочерью премьер-майора Преображенского полка Ивана Ивановича Бутурлина, получившего генеральский чин в 1721 году, на год позже своего зятя. Евдокия Ивановна к тому времени уже умерла. Второй раз Голицын женился на княжне Татьяне Борисовне Куракиной, дочери выдающегося дипломата петровского времени. От двух жен Михаил Михайлович имел 17 детей.

Граф Борис Петрович Шереметев также был дважды женат. Со своей первой супругой Евдокией Алексеевной Чириковой он сочетался браком в 1669 году в возрасте семнадцати лет, а во второй раз женился 43 года спустя, когда ему исполнилось 60 лет. У престарелого фельдмаршала были совсем другие планы: он собирался провести остаток дней в Киево-Печерском монастыре. Но Петр I решил его судьбу иначе и вместо пострижения приказал жениться, причем сам подыскал невесту. Ею стала вдова Анна Петровна Нарышкина, урожденная Салтыкова. В 1703 году она была выдана замуж за Льва Кирилловича Нарышкина, дядю Петра I, и уже через два года овдовела. К моменту бракосочетания с Шереметевым Анне Петровне исполнилось всего 26 лет.

Весть о появлении на свет первого сына от этого брака, Петра, была встречена грубой шуткой Петра I. Поздравив Бориса Петровича с новорожденным, государь съязвил: «Пишешь, ваша милость, что оной младенец родился без вас и не ведаете где, а того не пишете, где и от кого зачался». Шереметев ответил на этот выпад вполне достойно: «И что изволите, ваше величество, меня спросить, где он родился и от ково, я доношу: родился он, сын мой, в Рославле, и я в то время был в Киеве. И по исчислению месяцев, и по образу, и по всем мерам я признаваю, что он родился от мене. А больше может ведать мать ево, кто ему отец»[160].

Второй брак Шереметева был мезальянсом по возрасту вступивших в него, но случались мезальянсы и по положению супругов в обществе. Любимый денщик и впоследствии генерал-адъютант Петра I Антон Мануилович Девиер, португалец по происхождению, возвысился благодаря женитьбе на сестре Меншикова Анне Даниловне. Мужественный красавец был уверен в чувствах молодой женщины и просил у светлейшего князя ее руки. Меншиков с презрением отклонил это предложение. Дальнейший ход событий воспроизвел в своей книге секретарь саксонского посольства Георг Гельбиг: «Девиер не бросил своего намерения. Сестра князя дала ему столь неопровержимые доказательства своей любви, что Девиер счел, наконец, необходимым заявить ее брату, что необходимо торопиться с формальным утверждением брака, если князь не желает иметь неприятности видеть свою сестру незамужней матерью. Вместо всякого ответа Меншиков приказал вздуть батогами своего непрошеного зятя. Еще покрытый кровавыми последствиями гнева князя отправился Девиер к императору, бросился в ноги и просил о защите... Петр не отказал ему в ней и даже принудил князя Меншикова вести свою сестру к обручальному алтарю»[161]. Благодаря этой женитьбе Девиер в 1718 году получил высокую должность петербургского генерал-полицеймейстера, а в 1721 году он был пожалован в чин генерал-поручика. Однако Меншиков навсегда сохранил враждебное отношение и к нему, и к своей сестре.

Авантюрист Девиер явно поставил себе цель войти в круг русской знати, поэтому не интересовался женщинами, которые были ближе ему по национальности и вероисповеданию. Большинство иностранцев на русской службе поступали иначе. Родившийся в Москве и достаточно обрусевший Яков Вилимович Брюс при выборе невесты не вышел за пределы Немецкой слободы. Его избранницей стала Маргарита (Марфа Андреевна), дочь генерал-поручика кавалерии на русской службе, эстонца по происхождению Генриха Цеге фон Мантейфель. Они поженились в 1694 году и прожили в любви и согласии 34 года, до кончины Марфы Андреевны.

Глава шестнадцатая

«Дети суть надежда наша»

«При живом отце сирота»

Большинство людей озабочены вопросом о том, кому они завещают свое наследие, кто будет после их кончины продолжать их дела и распоряжаться оставленным имуществом. Петр I не являлся исключением, тем более что оставлял после себя огромную империю, превращенную в великую державу, и незавершенные преобразования. Между тем проблема престолонаследия встала очень остро. Петр не любил своего старшего сына Алексея, не доверял ему и всегда подозревал в нем тайного противника своих свершений, в чем, как впоследствии выяснилось, был абсолютно прав. А сыновья от второй жены умирали один за другим в младенчестве.

...Однажды на пиру в Кронштадте флотский лейтенант Захар Мишуков под воздействием винных паров вдруг расплакался. Удивленный Петр участливо спросил, что его так расстроило. Лейтенант объяснил, что подумал о судьбе свершений петровского царствования, всего того, что появилось государевыми усилиями: Кронштадта, новой столицы, Балтийского флота, множества русских моряков и самого его, командира фрегата Мишукова.

— Как вспомнил я всё это да подумал, что здоровье ваше государево всё слабеет, так и не мог удержаться от слез. На кого ты нас покинешь?

— Как на кого? — возразил Петр. — У меня есть наследник-царевич.

— Ох, да ведь он глуп, всё расстроит.

— Дурак! — усмехнулся Петр и наградил лейтенанта подзатыльником за пьяную откровенность. — Этого при всех не говорят[162].

Из этого диалога ясно, что царь был вполне согласен с собеседником.

Царевич Алексей Петрович родился от брака с нелюбимой женой Евдокией Федоровной Лопухиной 18 февраля 1690 года, когда его отцу не исполнилось еще и восемнадцати лет. Мальчик рос хилым ребенком в тени своей нежной, излишне заботливой, набожной, суеверной и неумной матери. Запуганная мужем, она растила сына в атмосфере молитв и слез. От нее он научился слепо почитать церковь и опасаться реформ, которые, по мнению Евдокии, переворачивали установленный Богом порядок вещей. Первым наставником царевича стал педантичный и невежественный князь Никифор Вяземский, учивший шестилетнего мальчика грамоте по церковным книгам. Впоследствии Алексей сам признавал недостатки своего первоначального воспитания, называя причину непослушания: «со младенчества моего несколько жил с мамою и с девками, где иному ничему не обучался, кроме избных забав, а более научился ханжить, к чему я и от натуры склонен»[163].

После заточения царицы Евдокии в монастырь в 1698 году Алексей был взят на воспитание теткой, царевной Натальей Алексеевной, и переселен из кремлевских покоев в село Преображенское. Мальчику исполнилось в то время только восемь лет. По замечанию Анри Труайя, «он испытал странное чувство сиротства, несмотря на то, что его оба родителя были живы»[164].

В следующем году царь намеревался отправить сына для обучения в Дрезден и Вену, но эти планы не осуществились. Петр ограничился тем, что приставил к мальчику в качестве учителя выходца из Германии Мартина Нейгебауера. Это был не самый удачный выбор.

Нейгебауер являлся человеком образованным, но грубым и склочным; он постоянно ссорился с Вяземским на глазах у царевича, что не могло быть хорошим воспитательным примером. Весной 1703 года он был заменен доктором права бароном Генрихом Гюйссеном, которому удалось внести немалый вклад в образование Алексея. Под его руководством мальчик изучал математику, историю, немецкий, французский и польский языки. К сожалению, Петр I сам нередко мешал обучению, отвлекая сына разными делами, поскольку хотел приучить его к трудам и заботам военного времени. В 1703 году тринадцатилетний царевич в звании солдата бомбардирской роты участвовал в походе к Ниеншанцу, а двумя годами позже был надолго прикомандирован к войскам, осаждавшим Нарву. В начале 1705 года Петр почти на полгода прервал процесс обучения, послав Гюйссена с дипломатическим поручением за границу. Обязанности учителя вновь были возложены на Вяземского, который мало что мог дать своему воспитаннику. Общий надзор за воспитанием и образованием Алексея был поручен Меншикову, который ограничился тем, что драл царевича за уши и за волосы, если находил его успехи в науках недостаточными. В отсутствие Гюйссена Алексей вместе с Вяземским был отправлен в Москву. Здесь его ближайшее окружение составили монахи и священники, в общении с которыми богобоязненный юноша находил особое удовольствие. О своем духовнике протопопе Якове Игнатьеве Алексей говорил, что всегда видел в нем своего ангела-хранителя и советовался с ним во всех делах. Вскоре вокруг царевича сложилась группа доверенных лиц, в число которых входили адмиралтейский советник Александр Кикин, дворянин Федор Дубровский, камердинер Иван Афанасьев. В этой компании юноша рано пристрастился к спиртному и научился под воздействием винных паров в открытую критиковать реформы отца, которого втайне ненавидел и очень боялся.

Иностранные современники отзывались об Алексее Петровиче и его окружении недоброжелательно. «Царевич этот, — писал брауншвейгский дипломат Х. Ф. Вебер, — вследствие постоянного вредного обращения с

невежественными людьми усвоил себе такие наклонности, которые делали его неприятным в образованном обществе»[165].

Петр I понимал, что наследник престола не оправдывает его надежд. В 1704 году после взятия Нарвы он торжественно объявил сыну в присутствии многочисленных офицеров:

— Если я тебя взял с собой в эту кампанию, то для того, чтобы ты видел, что я не боюсь ни работы, ни опасности. Но так как я смертный человек, меня может не стать даже завтра, и я хочу, чтобы ты знал, что я не получу удовлетворения от жизни, если ты не последуешь моему примеру. Ты уже в твоем возрасте должен любить всё, что служит интересам и чести родины... Посвяти свою жизнь работе на общее благо... Если мои советы разнесет ветер и ты не захочешь делать того, что я желаю, я не признаю тебя своим сыном; я буду молить Бога, чтобы он наказал тебя и в сей и в будущей жизни.

— Государь и любимый батюшка! — воскликнул со слезами Алексей. — Я еще очень молод и делаю то, что могу. Но я уверяю вас, как покорный сын, что я буду стараться походить на вас во всём[166].

В действительности же это было невозможно в силу слишком больших различий в убеждениях, силе характера и физических данных отца и сына. В жилах царевича тела кровь слабой и набожной Евдокии, а от Петра он не унаследовал почти ничего. Алексей был тщедушным молодым человеком. Он чтил старые московские обычаи, отличался экзальтированной набожностью, ненавидел петровские преобразования и мечтал о том дне, когда после смерти «тирана-отца» сможет вернуть Россию в прежнее состояние.

После ряда неудачных попыток привлечь Алексея к административным делам Петр I наконец решил отправить его для обучения за границу. В марте 1710 года двадцатилетний царевич выехал из Москвы, направляясь в Дрезден. Однако в Германии он не интересовался арсеналами, доками и заводами, как предписывал ему отец, а вместо этого принялся за изучение религиозных книг. Набожность не мешала ему волочиться за дрезденскими красавицами и ежедневно напиваться до бес-

памятства в компании своих молодых соучеников Ивана Головкина и Юрия Трубецкого.

Желая упорядочить жизнь Алексея, Петр решил его женить. В невесты была выбрана брауншвейг-вольфенбютельская принцесса Шарлотта Христина София. Х. Ф. Вебер отмечал, что этим браком отец намеревался «пробудить царевича из его обычной лени влиянием благовоспитанной супруги»[167]. Кроме того, будущий брак был замешан на политических расчетах русского государя: старшая сестра Шарлотты, Елизавета Христина, являлась супругой Карла VI Габсбурга, наследника престола Священной Римской империи. Петру хотелось, чтобы его сын стал свояком австрийского эрцгерцога и германского императора, поскольку в то время Россия была заинтересована в союзнических отношениях с Австрией для совместной борьбы с Турцией.

Шестнадцатилетняя Шарлотта была очень высокой и болезненно худой девушкой со следами оспы на лице. Алексей невзлюбил ее с первого взгляда, но не мог противиться воле отца. 14 октября 1711 года в Торгау состоялась свадьба, на которой присутствовал Петр, находившийся в то время на лечении в Германии. Юная невеста плакала, когда шафер Иван Головкин держал венец над ее головой.

Первое время этот брак казался счастливым. «Царевич любит меня страстно, — писала наивная принцесса матери, — он выходит из себя, если мне недостает хоть малейшей вещи, а я без ума от любви к нему»[168]. Но вскоре Алексей охладел к супруге и начал в пьяном виде жаловаться собутыльникам, что ему навязали «на шею чертовку», которая постоянно сердится на него и не хочет с ним разговаривать. Вероятно, это происходило, когда он являлся к жене в сильном подпитии. Другой причиной раздора в семье царевича стали, как часто бывает, денежные проблемы. У Шарлотты совершенно отсутствовали хозяйственные навыки, и средств, отпускаемых царем на содержание ее двора, постоянно недоставало. Алексей стал упрекать супругу в расточительстве, а та в свою очередь обвиняла его в скупости[169].

Утром 12 июля 1714 года Шарлотта родила дочь, названную Натальей. Ее супруг в это время находился на

лечении в Карлсбаде и вернулся в Петербург только в конце декабря. В течение нескольких месяцев Алексей был внимательным и нежным к жене и дочери. Вскоре Шарлотта опять забеременела. И как раз тогда ей стало известно, что у мужа появилась любовница — крепостная «чухонка» Ефросинья Федорова. Алексей Петрович зачислил ее в штат своего двора и жил с ней почти открыто, проводя с женой только часть ночи.

Между тем в Алексее все больше росло раздражение против отца. Он мечтал о том дне, когда Петр умрет. Однажды, осмелев под воздействием алкоголя, царевич заявил собутыльникам: «Когда то, что должно произойти, произойдет, друзья моего отца и моей мачехи узнают, что такое кол... Флотилия сгорит, а Санкт-Петербург погрузится в болота»[170]. Но его чаяниям не суждено было сбыться.

Вторая беременность Шарлотты протекала тяжело; кроме того, за десять дней до родов она упала на лестнице и сильно ушибла левый бок. Впрочем, ходили слухи, что она была избита пьяным мужем. 12 октября 1715 года принцесса родила сына Петра. Сначала ее самочувствие казалось удовлетворительным, но затем у нее началась горячка в очень тяжелой форме. В ночь на 22 октября Шарлотта скончалась. В день ее похорон, 27 октября, отец вручил Алексею письмо, в котором упрекал за невнимание к военным делам и вообще за непригодность к правлению и грозил устранить его от наследования престола. Уже через два дня эта опасность стала вполне реальной: Екатерина Алексеевна родила сына, которого назвали Петром. Теперь у государя появилась надежда передать трон другому сыну.

Девятнадцатого января 1716 года Петр послал Алексею письмо с характерным названием «Последнее напоминание еще». «Чем воздаешь рождение отцу своему? — упрекал он сына. — Помогаешь ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, но паче ненавидишь дел моих, которые я для народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь. Того ради так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно; но

или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал. На что по получении сего дай немедленно ответ на письме или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобою как с злодеем поступлю». На следующий день царевич прислал ответ: «Желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения»[171].

Спустя неделю Петр вместе с Екатериной отправился в заграничное путешествие. Накануне отъезда он встретился с Алексеем и предложил ему подумать еще полгода. По истечении этого срока, 26 августа 1716 года, он послал сыну письмо из Копенгагена, требуя сделать окончательный выбор: либо отправиться за границу для участия в военных действиях против шведов, либо определить точное время пострижения в монастырь. «И буде первое возьмешь, — писал царь, — то более недели не мешкай, поезжай сюда, ибо еще можешь к действам поспеть»[172].

Алексей выехал за границу, но направился совсем в другую сторону: бежал в Австрию в надежде на помощь императора Карла VI, приходившегося ему свояком. Петр приказал во что бы то ни стало найти царевича и привезти в Россию. Эта сложная миссия была возложена на искусного дипломата П. А. Толстого, которому удалось убедить беглого царского сына вернуться домой. Немалую роль в этом деле сыграло доброжелательное письмо Петра: «Я тебя обнадеживаю и обещаю Богом и судом его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься».

Алексея привезли в село Преображенское 31 января 1718 года, а рано утром 3 февраля царь собрал государственных министров и высшее духовенство в Большой столовой палате Кремлевского дворца. На заседании присутствовали семь архиереев, пять архимандритов, канцлер Г. И. Головкин, генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев, генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, сенаторы И. А. Мусин-Пушкин и Т. Н. Стрешнев, генерал-лейтенант И. И. Бутурлин и многие другие сановники и

высшие офицеры. Царевича Алексея ввели без шпаги, как арестанта. Петр обвинил сына в неблагодарности и преступном неповиновении. «Не достоин ли он смерти?» — задал государь риторический вопрос. Алексей упал на колени, признал свою вину и молил царя сохранить ему жизнь и не лишать своей милости. Петр вновь пообещал сыну прощение, если тот откажется от престола и назовет тех, кто посоветовал ему бежать. В дворцовой часовне Алексей поклялся соблюдать отречение и подписал его текст, а вслед за ним свои подписи поставили вельможи и духовенство. После этого Алексей и все собравшиеся присягнули в верности новому наследнику, царевичу Петру Петровичу. Наконец все перешли в Успенский собор на благодарственный молебен, но Алексей остался под надзором П. А. Толстого[173].

В тот же день в доверительной беседе с отцом царевич назвал имена своих сообщников, советовавших ему бежать в Австрию, в том числе — Александра Кикина. Петр немедленно послал Меншикову приказ об их аресте. Началось следствие, к которому было привлечено множество людей, сочувственно относившихся к Алексею. Специально созданная следственная комиссия во главе с Толстым старательно искала следы заговора и государственной измены. Вопреки обещаниям отца, в застенок попал и Алексей, причем Петр лично присутствовал при его пытках. 24 июня 1718 года Верховный суд, состоявший из высших сановников государства, приговорил царевича Алексея Петровича к смертной казни. Через два дня он умер в Петропавловской крепости при невыясненных обстоятельствах. Наиболее вероятной представляется версия Х. Ф. Вебера, согласно которой утром «чувствительное душевное потрясение и страх смерти причинили царевичу сильный апоплексический удар» и он скончался к вечеру того же дня[174].

К делу Алексея Петровича было привлечено несколько заметных соратников Петра I. Александр Васильевич Кикин, когда-то очень любимый царем и внесший значительный вклад в дело отечественного судостроения, был казнен. Князь Василий Владимирович Долгорукий, майор гвардии и генерал-поручик, был лишен всех зва-

ний, знаков отличия и состояния, отправлен в ссылку в Казань и получил царское прощение только в конце 1724 года. Сенаторы Михаил Михайлович Самарин и граф Петр Матвеевич Апраксин также привлекались к следствию, но были оправданы.

Аннушка, Лизонька и большая политика

У Петра I и Екатерины родилось 12 детей, из которых десять умерли в младенчестве. Кроме названных выше Петра (1704 — до 1707), Павла (1705 — до 1707) и Екатерины (1707—1708), родители в один год потеряли Наталью (1713—1715) и Маргариту (1714—1715). Еще один сын, также получивший имя Петр (1715—1719), после смерти царевича Алексея Петровича был объявлен наследником престола, но и ему не суждено было пережить отца; Павел, родившийся во время заграничного путешествия, умер в 1717 году на следующий день после появления на свет. В 1723 году родился и умер еще один Петр, а в 1724-м — Павел. Младшую дочь, опять названную Натальей (1718—1725), императрица Екатерина Алексеевна хоронила одновременно с мужем[175].

Анна и Елизавета Петровны были погодками: старшая родилась 27 января 1708 года, а младшая — 18 декабря 1709-го. Девочки появились на свет до официального вступления их родителей в брак, что отчасти влияло на судьбу обеих. Правда, они утратили статус незаконнорожденных, когда были привенчаны* к родителям при их вступлении в официальный брак.

Первое упоминание об Анне в журнале повседневных занятий Петра I встречается в записи от 3 февраля 1711 года: «У его царского величества господа министры все обедали и довольно веселились, понеже в тот день была именинница маленькая царевна Анна Петровна»[176]. Датский дипломат Юст Юль увидел ее впервые 16 (28) мая 1710 года, когда по возвращении русского флота из Кронштлота в Петербург вельможи,

*Привенчанные дети — рожденные до брака и признанные родителями во время его заключения. Термин происходит от старинного обычая, когда во время венчания таких детей вместе с матерью обводили вокруг аналоя.

офицеры и иностранные дипломаты отправились к царю, чтобы поздравить его с благополучным прибытием на берега Невы. Разумеется, все гости были приглашены на обед. Напитками их обносила крохотная девочка, сидевшая на руках у няньки; это и была царевна Анна Петровна. Поскольку ребенок был крупным и развитым, Юль решил, что ей четыре года, хотя в действительности ей было лишь два с небольшим. К тому же месяцу относится первое упоминание Елизаветы в переписке ее родителей: 1 мая Петр передал привет «четверной лапушке», называя так Лизоньку, которая к тому времени начала ползать на четвереньках[177].

Сохранились известия об участии Анны и Елизаветы в свадьбе родителей 19 февраля 1712 года. Чарлз Уитворт сообщил британскому статс-секретарю Роберту Гарлею, что дочери Петра были «ближними девицами» невесты-матери: «...одной было около пяти лет, а другой — три года; но так как эти царевны по причине слишком нежного возраста не могли переносить усталости, то они присутствовали короткое время и затем их место заняли две царские племянницы»[178].

Сестры очень редко видели отца, участвовавшего в непрерывных походах. Когда и Екатерина уезжала к мужу, дети переходили под опеку сестры Петра, Натальи Алексеевны, или семьи Меншикова, который в каждом письме царю сообщал: «Дорогие детки ваши, слава Богу, здоровы». 11 июня 1717 года Екатерина сообщила супругу, что Елизавета заболела оспой, но «от оной болезни уже освободилась бес повреждения личика своего».

Девочки довольно рано научились писать — в возрасте не старше восьми лет. В 1717 году Екатерина в письме из-за границы просила восьмилетнюю Анну «для Бога потщиться писать хорошенько, чтоб похвалить за оное можно и вам послать в презент прилежания вашего гостинцы, на то б смотря, и маленькая сестричка также тщилась заслуживать гостинцы». Вероятно, Елизавета действительно постаралась — в начале 1718 года она получила письмо от отца: «Лизетка, друг мой, здравствуй! Благодарствую вам за ваши письма, дай Боже вас в радости видеть»[179].

Первое из сохранившихся писем царевен, хотя и не собственноручное, но за их подписями, датировано тем же годом. Оно было адресовано А. Д. Меншикову, которого девочки просили распорядиться о помиловании некой женщины, подвергнутой медленной и мучительной казни путем закапывания по горло в землю. Анна и Елизавета писали, что она «закопана уже ныне немалое время и при самом часе смерти ее», и просили «ее от той смерти... освободить и отослать в монастырь»[180]. Как видим, дочерям Петра Великого с детских лет было присуще милосердие.

Сначала Екатерина Алексеевна «держала дочерей своих очень просто и не совсем открыто», но после свадьбы с Петром I она почувствовала себя вполне уверенно, что отразилось и на положении Анны и Елизаветы. Они получили собственное помещение, отдельный стол и особую прислугу. В 1716 году к девочкам была определена «дохтурица» гречанка Лавра Паликала. В ноябре того же года из Италии прибыла графиня Марианна Маньяни, занявшая место воспитательницы при царевнах. При них состояли также виконтесса Латур-Лануа и «мастер немецкого языка» Глик. Таким образом, девочки изучали немецкий, французский и итальянский языки, на которых впоследствии неплохо говорили, и знали также шведский, поскольку с раннего детства были окружены «мамками» и прислугой из числа уроженцев Ингрии, знавших этот язык. Под руководством танцмейстера Стефана Рамбура царевны обучались хореографии и впоследствии блистали на балах. Елизавета, кроме легкости в движениях, отличалась находчивостью и изобретательностью, беспрестанно выдумывая новые фигуры. В то же время образование дочерей Петра I носило достаточно поверхностный характер: основы грамматики, иностранные языки и танцы — это был необходимый минимум для девушек, которых готовили к вступлению в брак с европейскими принцами.

Анна и Елизавета привлекали внимание французской дипломатии в связи с матримониальными планами Петра I, имевшими крайне важное политическое и международное значение. 25 июля 1719 года Анри Ла-

ви сообщил Гийому Дюбуа, что русский царь рассчитывает заключить союз с французским королем Людовиком XV (он был на полгода моложе Елизаветы) и надеется «убедить со временем его величество принять в супружество принцессу, его младшую дочь, очень красивую и хорошо сложенную особу; ее можно бы даже назвать красавицей, если бы не рыжеватый цвет волос, что, впрочем, может измениться с годами; она умна, очень добра и великодушна». Конечно, о чертах характера Елизаветы Петровны, наверно, уже можно было составить впечатление, но вывод о телосложении царевны консул сделал заранее — девочке было всего десять лет. Однако Лави не ошибся в своем предположении. Кстати, спустя два года только что прибывший в Россию Бурхард Христофор Миних был очарован Елизаветой. Впоследствии знаменитый фельдмаршал вспоминал, что «еще в самой нежной юности... она была уже, несмотря на излишнюю дородность, прекрасно сложена, очень хороша собой и полна здоровья и живости. Она ходила так проворно, что все, особенно дамы, с трудом могли поспевать за нею; она смело ездила верхом и не боялась воды»[181].

Екатерина Алексеевна разделяла надежды супруга относительно брака Лизоньки и «не раз повторяла своей младшей дочери, прося ее учиться со вниманием и усовершенствоваться во французском языке, что она имеет важные причины желать, чтобы она изучила именно этот, а не другой язык»[182].

В том же донесении Лави описал и Анну: «Старшая из принцесс — вылитый портрет царя-отца, слишком экономна для принцессы и хочет обо всём знать»[183]. А двумя неделями ранее он отметил: «Царь дает понять, что он назначает престол старшей из принцесс, дочерей своих»[184] (прошло менее трех месяцев со смерти в возрасте трех с половиной лет Петра Петровича). То же предположение было повторено им через месяц: «...царь желает сделать наследницей престола принцессу, свою старшую дочь, выдав ее замуж за какого-нибудь иностранного государя, который был бы в состоянии продолжать дело, столь блистательно начатое им. Некоторые политики предрешают, будто тут имеется в ви-

ду герцог Голштинский, сын сестры королевы Ульрики Шведской»[185].

Последнее предположение вскоре подтвердилось: в июне 1721 года в Петербург прибыл герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский, которого Петр I прочил в женихи одной из своих дочерей. Заинтересованность русского императора в этом мелком германском владетеле объяснялась тем, что он приходился родным племянником покойного короля Карла XII и мог являться претендентом на шведский престол. В связи с этим он был нужен российской дипломатии в качестве средства давления на его тетку, королеву Ульрику Элеонору, и ее мужа, короля Фредрика I, которых необходимо было склонить к скорейшему заключению мира с Россией.

Герцогу недавно исполнился 21 год; Анне в это время было 13 лет, а Елизавете — 11. 25 июня 1721 года, вскоре по прибытии в Россию, голштинский камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц описал свои впечатления от первой встречи с дочерьми российского монарха. «Взоры наши, — рассказывает он, — тотчас обратились на старшую принцессу, брюнетку и прекрасную как ангел. Цвет лица, руки и стан у нее чудно хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростом. По левую руку царицы стояла вторая принцесса, белокурая и очень нежная; лицо у нее, как и у старшей, чрезвычайно доброе и приятное. Она годами двумя моложе и меньше ростом, но гораздо живее и полнее старшей, которая немного худа. В этот раз они были одеты одинаково, но младшая имела еще позади крылышки*; у старшей же они были недавно отрезаны, но еще не сняты и только зашнурованы. Сделаны эти крылышки прекрасно. Платья принцесс были без золота и серебра, из красивой двухцветной материи, а головы убраны драгоценными камнями и жемчугом, по новейшей французской моде и с изяществом, которое бы сделало честь лучшему парижскому парикмахеру»[186].

Девятого сентября 1721 года в торжественной обстановке Петр обрезал ножницами с платья Елизаветы ма-

* Девочки из знатных семейств носили на спине изящные крылышки, символизировавшие ангельскую чистоту и невинность, которые торжественно обрезали после совершеннолетия.

ленькие белые крылышки, и она была признана совершеннолетней[187].

Тем временем герцог Карл Фридрих настойчиво ухаживал за обеими цесаревнами и вместе с тем оказывал восторженные знаки внимания их матери Екатерине Алексеевне. Она очень благоволила к будущему зятю и всё время помогала ему остаться наедине то с Анной, то с Елизаветой, но чаще с ними обеими. Герцог беседовал с девушками по-немецки. Старшая дочь Петра, красивая брюнетка, очень похожая на отца, была умна, серьезна, рассудительна и образованна. Она явно превосходила потенциального жениха интеллектом и эрудицией, что он чувствовал и несколько этим тяготился. Зато ее младшая сестра, веселая и непосредственная, очаровала герцога с первых часов их знакомства. Но Карл Фридрих помнил о политическом значении своей будущей женитьбы и поэтому не позволял себе выказывать предпочтение Елизавете. Лишь очень близкие к нему люди вроде голштинского министра и дипломата графа Геннинга Фридриха Бассевича и камер-юнкера герцогского двора Фридриха Вильгельма Берхгольца знали, что он мечтает получить руку именно младшей дочери Петра I[188].

Набор способов ухаживания был традиционен: танцы, прогулки, остроумные беседы на легкие темы, далекие от политики. В то же время герцог не упускал случая продемонстрировать свою находчивость и хороший вкус. Например, однажды во время ночного катания со свитой по каналу он приказал гребцам остановить барку под окнами цесаревен и находившиеся при нем придворные валторнисты исполнили прекрасный ноктюрн. Карл Фридрих был вознагражден сиянием девичьих глаз и радостными улыбками юных красавиц, прильнувших к стеклам окон.

Жених в течение трех лет жил в Петербурге, пребывая в неопределенности. Петр не спешил решать вопрос о браке. Бассевич объясняет колебания русского императора в деле заключения брачного и династического союза с герцогом Гольштейн-Готторпским происками французского посланника в России Кампредона. Франция являлась союзницей Швеции и активно под-

держивала шведского короля Фредрика I, которому его жена Ульрика Элеонора передала власть в 1720 году. Чтобы помешать браку русской цесаревны с опасным претендентом на шведский трон, Кампредон поддерживал стремление Петра I выдать Анну или Елизавету за французского короля Людовика XV. Карл Фридрих в свою очередь «не спешил браком в надежде, что император, по пристрастию своему к принцессе Анне, предоставит ей столь выгодный союз и что в таком случае ему, герцогу, останется Елизавета, к которой он чувствовал более расположение»[189].

Впрочем, Версальский двор на самом деле вовсе не был склонен женить юного французского короля на дочери бывшей прачки. Более реальным являлся проект брака Анны и молодого герцога Луи Филиппа Шартрского, старшего сына регента Франции Филиппа Орлеанского. Эти планы всерьез обсуждались в дипломатических кругах. 10 января 1722 года российский посол во Франции барон Г. Х. Шлейниц подготовил соответствующий проект:

«Царь объявит принцессу, свою дочь, наследницей и преемницей своею на престоле российском. Принцесса вступит в брак с герцогом Шартрским и получит в приданое Ливонию и Эстонию с условием, что, в случае, если бы принцесса умерла бездетной, провинции эти снова отходят к российской монархии.

При жизни царя молодые будут жить, где он пожелает: в Ливонии или во Франции. Принцесса остается в лоне православной греческой веры и во время пребывания ее во Франции будет пользоваться правом свободного и открытого отправления богослужения по обрядам этой церкви.

Будут сообща условлены и приняты меры к избранию герцога Шартрского в короли Польши, когда трон ее сделается вакантным, и даже постараются какими-либо подходящими средствами склонить короля Августа к добровольному отречению. На случай, если бы герцогу Шартрскому пришлось по праву своего рождения наследовать французскую корону, в брачном договоре будут заранее приняты основательные предосторожности к тому, чтобы российская монархия оставалась

навсегда независимой от монархии французской, а равно в том же договоре будет определен порядок наследования того и другого престола детьми, рожденными от сказанного брака»[190].

Кампредону было известно об отношении Анны к этому матримониальному проекту. Эти сведения французская миссия получила от виконтессы де Лануа, находившейся в услужении у цесаревны. «Я знаю совершенно достоверно, — подчеркивал дипломат, — что сказанная принцесса, красавица собой, прелестно сложена, умница, ни нравом, ни манерами не напоминающая русскую, не любит герцога Голштинского... Когда принцесса прочла в газетах предположение о браке ее с герцогом Шартрским, она была этим приятно взволнована, расспрашивала, красив ли он, хороший ли человек и, наконец, по-видимому, не зная, что ей предназначено сделаться наследницей русского престола, сказала, что нежно любящий ее царь, ее родитель, выдаст ее замуж не иначе как за короля»[191].

Существовал еще один брачный проект: шведский король Фредрик I хотел женить своего младшего брата Георга Гессен-Кассельского на одной из дочерей российского императора, желательно на той, которая станет наследницей престола. Французская дипломатия учитывала возможность его женитьбы не на Анне, а на Елизавете «с тем, чтобы впоследствии возложить на его голову шведскую корону». Но вскоре Кампредон, получив письма от шведского короля и его отца, ландграфа Гессен-Кассельского, склонился к идее о необходимости способствовать браку Анны и принца Георга, что, по мнению французского посланника, связало бы интересы российского и французского дворов и уничтожило бы планы герцога Гольштейн-Готторпского, который считался врагом Франции — союзницы Гессенского дома[192].

Всё это было существенно, но можно назвать две более простые причины, по которым Петр не спешил породниться с герцогом Гольштейн-Готторпским. Во-первых, Анна и Елизавета могли казаться отцу слишком юными для брака. Они и в самом деле еще не были готовы к такому решительному перелому в жизни. В

конце марта 1722 года Екатерина Алексеевна прислала к Карлу Фридриху одну из своих доверенных особ, которая «говорила ему, что обе царевны принимаются плакать, как только с ними заговаривают о замужестве, а принуждать их не хотят»[193]. Во-вторых, по всей видимости, жених не слишком нравился императору. Хотя Петр постоянно демонстрировал Карлу Фридриху знаки дружеского расположения, но в душе не мог не понимать, что тот — человек недалекого ума, не склонный к серьезным занятиям. Между тем в случае женитьбы на дочери русского монарха ему предстояло играть весьма существенную роль в государственных делах России. Петр I не хотел завещать престол своему внуку, сыну покойного царевича Алексея Петровича, опасаясь, что он отойдет от курса деда. А о передаче верховной власти супруге император вряд ли помышлял: какая может выйти правительница из женщины с невысоким уровнем интеллектуального развития, едва умевшей читать и писать? Наиболее реальной кандидатурой на трон в тех условиях была цесаревна Анна Петровна. Именно поэтому вопрос о ее браке был так важен: ведь будущий супруг должен был, по существу, стать ее соправителем. Ничего подобного русская история еще не знала — до той поры престол в России передавался только по мужской линии, так что колебания Петра в этом весьма важном вопросе вполне объяснимы.

Приезд отпрыска шведских королей в российскую столицу отчасти ускорил заключение Ништадтского мира между Россией и Швецией, который был подписан 30 августа 1721 года. А затем Петр I сумел использовать пребывание Карла Фридриха в Петербурге в качестве козыря русской дипломатии при обсуждении условий союза России и Швеции, заключенного 22 февраля 1724 года.

Наконец, 24 ноября того же года, в день именин императрицы Екатерины Алексеевны состоялось обручение герцога с Анной Петровной. Прежде это было нежелательно еще и потому, что сторонники Карла Фридриха надеялись посадить его на шведский престол путем дворцового переворота, но при этом требовали в качестве приданого за Анной Лифляндию, Эстляндию и

Карелию. После заключения русско-шведского союза с гарантией новых границ эта опасность отпала[194].

За день до обручения герцог вознамерился устроить большой концерт в честь тезоименитства императрицы. В шесть часов вечера он в сопровождении всей своей свиты в парадных костюмах и оркестра отправился к Зимнему императорскому дворцу. Место для концерта было отведено во дворе, перед комнатами императрицы и цесаревен; вокруг музыкантов стояли факельщики в герцогских ливреях. Анна и Елизавета слушали музыку, стоя у открытого окна. После концерта Петр и Екатерина пригласили герцога наверх, где императрица собственноручно поднесла ему и всем его кавалерам по стакану венгерского вина. Анна была необыкновенно любезна с Карлом Фридрихом. «Она, — замечает Берхгольц, — и в своем *neglige* походила на ангела. Вообще смело можно сказать, что нельзя написать лица более прелестного и найти сложение более совершенное, чем у этой принцессы. Ко всему этому присоединяются еще врожденная приветливость и обходительность, которыми она обладает в высшей степени»[195].

Таким образом, вопрос о браке Карла Фридриха и Анны Петровны решился окончательно, и с этого времени политические акции герцога в Петербурге начали расти. Однако при жизни Петра этот брак так и не успел состояться.

Маленький принц

Правда, династия Романовых тогда еще не пресеклась по мужской линии: у Петра I был внук, сын покойного царевича Алексея. Мальчик отличался ранним развитием, проявлял заметные способности, выказывал тягу к военному делу и даже давал основания для уверенности в его патриотических убеждениях — это немало для ребенка восьми лет! Но дело было не в мальчике, а в тех, кто за ним стоял. Император боялся, что его внук и полный тезка, юный Петр Алексеевич, станет знаменем боярской оппозиции — и тогда его реформы пойдут прахом. Рисковать делом всей своей жизни Петр I не мог.

Император испытывал к этому ребенку смешанные чувства. Он искренне любил мальчика, очень похожего на него и внешне, и по характеру, темпераменту и раннему физическому развитию. Он испытывал жалость к сироте, понимая, что виноват в смерти его отца, но в то же время он не мог не видеть в своем внуке потенциальную угрозу своим делам и свершениям, которым отдано столько трудов, времени, крови и денег...

Великий князь Петр Алексеевич, сын царевича Алексея Петровича и Шарлотты Христины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, родился 12 октября 1715 года. Через десять дней его мать умерла от послеродовой горячки, а еще спустя неделю Екатерина Алексеевна родила сына Петра Петровича. В 1718 году Россия по воле царя присягнула этому ребенку, но в апреле следующего года болезненный, отставший в развитии мальчик умер. Трехлетний Петр Алексеевич оказался тогда единственным потомком Петра I по мужской линии. Это сделало его символом надежд всех недовольных политикой царя-реформатора, а также объектом придворных интриг и международных комбинаций.

О раннем детстве великого князя известно немного. Сохранился договор 1717 года с некой госпожой Бриан, приехавшей из-за границы для воспитания внука Петра Великого[196]. Позже Петр Алексеевич и его старшая сестра Наталья находились на попечении мадам Роо, которая, по-видимому, сумела внести заметный вклад в их воспитание. Во всяком случае иностранные наблюдатели достаточно высоко оценивали ее работу на педагогическом поприще. 20 февраля 1719 года французский консул Анри Лави сообщил министру иностранных дел Франции Гийому Дюбуа: «Г-жа Роо, немецкая воспитательница юного принца, сына покойного Алексея Петровича, умерла, проболев несколько дней. Она оплакиваема всеми, кто имел честь знать ее, и это действительно большая потеря для юного принца и принцессы, сестры его»[197]. Затем в числе воспитателей малолетнего Петра долгое время состоял камер-паж царицы Екатерины Алексеевны Семен Афанасьевич Мавр-рин. В качестве учителя великого князя известен также венгр Иван Зейкин[198].

По свидетельству Х. Ф. Вебера, в ноябре 1718 года трехлетний Петр Алексеевич «получил от царя царский портрет, усеянный бриллиантами и за свой бодрый, воинственный нрав объявлен сержантом лейб-гвардии; а затем его одели в сержантский кафтан и стали наставлять в первоначальных строевых приемах». Мальчик быстро разучил их и вскоре «сам выделывал, по крайней мере, важнейшие из построений и упражнений»[199].

Лави утверждал, что «царь нежно любит юного князя, который служит утешением его подданных, любящих его до обожания. Царь решил, если бы сын его остался в живых, отдать престол тому из двух великих князей, который окажется наиболее достойным». 30 июля (11 августа) 1719 года французский дипломат писал: «Надеются, что по возвращении его царского величества (в Петербург с театра военных действий в Финском заливе. — *В. Н.*) великий князь, сын покойного царевича Алексея Петровича, будет объявлен наследником русского престола и что это послужит действительным средством восстановить доброе согласие между здешним двором и императором, который, вследствие связей крови, некоторым образом вынужден принять его сторону*. Достоверно, что с тех пор как юный принц помещен в апартаментах Летнего дворца вместе с принцессой, сестрой своей, штат его прислуги увеличен и с ним очень милостиво обращаются ее величество и принцессы, ее дочери. Он кажется вполне достойным их любви, потому что кроме того, что это один из самых красивых принцев, каких только можно встретить, он обладает чрезвычайной миловидностью, необыкновенной живостью и выказывает редкую в такие молодые годы страсть к военному искусству»[200]. Справедливости ради надо заметить, что интерес к воинской атрибутике характерен для многих мальчиков этого возраста.

Лави рассказывает об интересном случае, произошедшем 12 октября 1719 года:

«...праздновали день рождения великого князя Московского, сына покойного царевича Алексея Петро-

---

* Имеется в виду император Священной Римской империи Карл VI Габсбург (1711—1740), женатый на родной тетке великого князя Петра Алексеевича.

вича, которому исполнилось восемь лет (на самом деле мальчик был ровно вдвое моложе, но недостаточно осведомленный иностранец был введен в заблуждение удивительно высоким для его лет ростом и необычайно ранним умственным развитием. — *В. Н.*). Юный князь вошел в бальную залу с двенадцатью гренадерами, остановил танцы и произвел учение своим солдатам; заметив одного высокого прусского офицера, он заставил его надеть гренадерскую шапку». Затем молодой Петр Алексеевич сделал иностранцу комплимент:

— Едва ли у прусского короля есть люди красивее и выше тебя ростом.

Но этим замечанием мальчик не удовлетворился. Он приказал одному из своих гренадеров встать на стул и заявил пруссаку:

— Теперь он выше тебя.

А затем прибавил:

— Но самые высокие люди не всегда самые храбрые, а я своими доволен»[201].

В июне 1721 года голштинский камер-юнкер Берхгольц рассказал о своих первых впечатлениях от встречи с маленьким великим князем и его старшей сестрой Натальей: «...они как вылитые из воску и ангельской красоты. Великому князю, говорят, только шестой год, а сестре его осьмой, но они уж довольно велики для своих лет». Голштинец отметил, что царские внуки «имеют свой особенный стол, так же как и обе старшие принцессы»[202], то есть Анна и Елизавета.

В том же году Петр I принял императорский титул, после чего его дочери стали именоваться не царевнами, а цесаревнами. Но на статусе Петра-младшего эта перемена заметно не отразилась. На совещании Сената и Синода 23 декабря 1721 года высшие светские и духовные сановники постановили: «...где в титулах вспоминалось великому князю и цесаревнам благородство... приличнее употреблять слово благоверные, потому что титуловаться благородством их высочеству по нынешнему употреблению низко, ибо благородство и шляхетству дается». Петр I с этим решением согласился [203].

Тем не менее с начала 1720-х годов иностранные наблюдатели начали замечать изменения в положении

малолетнего Петра при дворе его царственного деда. В 1720 году внук государя впервые появился на миниатюрном семейном портрете Петра I работы Григория Мусикийского[204], а два года спустя Луи Караваком был выполнен парный портрет Петра и его сестры Натальи, на котором дети изображены в виде Аполлона и Дианы.

Иностранные дипломаты проявляли заметный интерес к фигуре маленького великого князя, поскольку видели в нем вполне реального претендента на престол могучей российской державы. Для этого были все основания: мальчик являлся последним оставшимся в живых отпрыском династии Романовых по мужской линии, а женщины никогда прежде не занимали русский трон. Наибольшую озабоченность его судьбой выражал австрийский посланник граф Стефан Кинский, поскольку маленький Петр состоял в прямом родстве с домом Габсбургов, являясь по матери родным племянником императрицы Елизаветы Христины. Кинский обратился с представлением к петербургскому двору, заявив, что «великий князь Петр не получает достойного воспитания, живет во дворце окруженный женщинами, вследствие чего может оказаться ни к чему не способным; из этого видно, что его императорское величество не хочет объявить его наследником престола; но может ли отсюда произойти что-нибудь доброе, кроме нарушения союза между двумя империями?»[205]

Ходатайство австрийского дипломата было оставлено без ответа, а вскоре, в начале 1722 года, Петр I издал знаменитый «Устав о наследии престола», в котором провозгласил право монарха назначать себе преемника по собственному волеизъявлению. Тем самым многовековая традиция наследования русского трона по мужской линии отменялась. Шестилетний Петр в принципе не терял прав потенциального наследника, но его шансы на получение российской короны сильно снижались: он был еще слишком мал, чтобы успеть проявить себя и понравиться своему великому деду, здоровье которого всё ухудшалось. Для государя была более предпочтительна кандидатура его любимой дочери Анны — уже достаточно взрослой и весьма разумной девушки.

Петр Великий умер, не успев назначить преемника. В момент его предсмертной болезни в силу позиций придворных группировок были только две реальные кандидатуры на роль будущего монарха: маленький Петр и Екатерина Алексеевна. За первого выступали представители родовой знати в лице князей Д. М. Голицына, Г. Ф. Долгорукого и А. И. Репнина, вторую поддерживали князь А. Д. Меншиков, граф П. А. Толстой и генерал И. И. Бутурлин. Братья Апраксины разделились: младший, Петр Матвеевич, был на стороне великого князя, а Федор Матвеевич — на стороне императрицы[206]. При поддержке гвардии победу в этот драматический момент одержала партия Екатерины. Старший внук* Петра I вступил на престол через два года.

Птенцы «птенцов гнезда Петрова»

К числу соратников Петра I принадлежали люди разного возраста, кое-кто годился ему в отцы. К примеру, князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский был на 30 с лишним лет старше государя, а его сын Иван — моложе года на три-четыре. После смерти отца 17 сентября 1717 года Иван Федорович занял его место: Петр I даровал ему титул князя-кесаря и поручил руководство Преображенским приказом; правда, при новом начальнике этот орган политического сыска уже не имел прежнего значения, поскольку его частично оттеснила от дел петербургская Тайная канцелярия.

Государь относился к младшему Ромодановскому с большим доверием и оказывал ему такие же знаки внимания, которых прежде удостаивался его отец. При приезде нового князя-кесаря в Петербург в апреле 1718 года «в почет ему не только стреляли троекратно из пушек, но и сам его величество, в качестве вице-адмирала, с большою свитою явился к нему навстречу, принял его с глубоким уважением и вместе с генерал-лейтенантом Бутурлиным сел спиною к вице-царю на переду кареты, привез его таким образом во дворец, где его также со

* В 1728 году Анна Петровна родила сына, герцога Карла Петера Ульриха Голштейн-Готторпского, впоследствии российского императора Петра III (1761—1762).

всем почетом приветствовала царица вместе со всеми своими дамами и усадили его в кресла, а царь и царица стали по сторонам и потчевали его вином и водкою»[207].

Ромодановский-сын был женат на Анастасии Федоровне Салтыковой, родной сестре вдовой царицы Прасковьи Федоровны. Петр неукоснительно следил за тем, чтобы княгине Ромодановской также воздавались всевозможные почести. На обеде у генерал-адмирала графа Апраксина он заметил, что царица Екатерина Алексеевна и мекленбургская герцогиня Екатерина Ивановна сидят, в то время как княгиня-кесарша стоит. Дамы были немедленно оштрафованы за недостаток почтения к высокой особе — они «должны были выпить по рюмке крепчайшего венгерского вина»[208].

Единственная дочь И. Ф. Ромодановского, Екатерина Ивановна, родившаяся 22 ноября 1701 года, вышла замуж за графа Михаила Гавриловича Головкина, сына канцлера и руководителя Коллегии иностранных дел.

Иван Федорович обладал здравым умом, честностью и прямотой, но был необразован[209]. Этим он отличался от отпрысков петровских соратников более младшего возраста, на обучение которых как родители, так и государь обращали пристальное внимание. С конца XVII века учебная подготовка дворянской молодежи стала складываться из трех ступеней. Первоначальное обучение давал сельский дьячок или «дядька» из достаточно образованных русских людей, обычно зависимый от родителей воспитанника, а иногда и иностранцы-гувернеры. Средний курс изучался под руководством учителя-иностранца, зачастую с ученой степенью, каких в России петровского времени появилось великое множество. Высшее образование в то время можно было получить только в заграничной командировке[210].

Сыновья царского воспитателя Н. М. Зотова долгое время учились за границей. Старший из них Иван, родившийся в 1687 году, был отправлен в 1703 году во Францию. Изучив за два года французский язык в совершенстве, он в 1705 году принимал участие в переговорах, которые вел с французским правительством российский посол в Париже граф А. А. Матвеев. Вернувшись в Россию, Иван Зотов по поручению Петра I

выполнял переводы французских книг по фортификации.

Отец не позволял старшему сыну служить, а поставил управлять имениями. Сохранилось отчаянное письмо Ивана кабинет-секретарю Алексею Макарову, написанное, по всей видимости, в 1716 году. Иван Никитич писал: «...я ныне, бедный, закоснел и в скорби упал по воле отцовой, понеже держал меня для деревень под клятвою и ни в какую службу не выпускал; а ныне как увидал, что я весьма болен, по желанию некоторых считал меня в расходе десять лет, от чего я едва не умер, однако отчет дал; а потом и кормить, как сына надлежит, не соизволяет, а своим мне прожить нечем».

Иван Зотов выпросил у Петра разрешение отправиться на лечение за границу, но опять же встретил противодействие отца. Другое его письмо адресовано уже государю: «Премилосердым вашего величества природным человеколюбием призирая на мою погибель, повелено мне для исцеления тайной моей конечной скорби, чтоб здесь не исчезнуть, ехать в теплицы французские, о чем указ из Кабинета вашего величества и пашпорт из канцелярии иностранных дел ко мне был отправлен; и тот указ я получил, а пашпорт и поныне удержан у господина моего отца, который за жалостию разлучения и для строения дому и поныне меня не отпускает, не рассуждая того, что я в такой моей злой болезни безвременно погибну и, пока жив, не токмо вашему величеству в службу, ниже кому-либо годен быть могу»[211]. Нельзя не признать, что Никита Моисеевич из родительского эгоизма способствовал преждевременной кончине старшего сына в 1723 году.

Два других его сына — Конон, родившийся в 1690 году, и Василий, год рождения которого неизвестен, — в 1704 году были посланы в Англию для изучения мореходства. По окончании обучения Конон Зотов с 1707 по 1712 год служил по собственному желанию в английском флоте; по возвращении в Россию он был произведен в поручики и назначен на корабль, крейсировавший в Финском заливе. В январе 1715 года он в чине капитан-лейтенанта был послан во Францию для сбора сведений о французском флоте и мореходстве. Как

уже говорилось, Петр I назначил его своим агентом во Франции. По возвращении в 1719 году в Россию Конон был произведен в капитаны третьего ранга. 24 мая он участвовал в бою со шведскими военными судами между островами Готека-Сандо и Эзель (современный эстонский Сааремаа) и взял в плен шведский фрегат, за что получил чин капитана второго ранга. Спустя два года, состоя контролером при Адмиралтейств-коллегии, он принимал участие в составлении Морского регламента[212].

Василий Зотов в 1709—1710 годах являлся нарвским комендантом, затем некоторое время служил ревельским комендантом. 27 ноября 1715 года Петр I назначил его генеральным ревизором, однако его деятельность по контролю за Сенатом свелась главным образом к получению от сенаторов месячных отчетов о принятых указах; изредка он сообщал государю о замеченных им неправильных действиях сенаторов. С 1719 года он руководил проведением первой подушной переписи населения[213].

Старший сын фельдмаршала Б. П. Шереметева от первого брака с Евдокией Александровной Чириковой, Михаил, родился 1 сентября 1672 года, то есть являлся ровесником Петра I. В юности он служил при государе комнатным стольником; в марте 1691 года царь наградил его за усердие своим верхним бархатным кафтаном на собольей подкладке, отделанным золотым и серебряным кружевом. Позже Михаил перешел на военную службу, сражался под командованием отца, в сентябре 1701 года одержал победу над шведами у Ряпиной мызы (недалеко от современного эстонского Тарту). В 1705 году он участвовал в подавлении Астраханского восстания. В феврале 1706-го в чине майора Михаил Борисович сражался со шведами во главе четырех пехотных полков под Гродно, а 29 июня, в день царских именин, был произведен в полковники и получил под свое командование полк. В августе следующего года Шереметевский полк (тогда части именовались по фамилиям командиров) по указу государя был переформирован из пешего в конный.

Одиннадцатого июля1711 года Михаилу Шереметеву вместе с вице-канцлером П. П. Шафировым пришлось

отправиться в Турцию в качестве заложника, чтобы гарантировать выполнение Россией условий Прутского договора. При этом Петр I произвел его в генерал-майоры, выдал вперед годовое жалованье и подарил свой портрет, осыпанный бриллиантами, стоимостью в тысячу рублей[214]. В начале своего пребывания в ставке великого визиря Шереметев не имел причин жаловаться на судьбу: турецкие власти подарили ему роскошную палатку, приставили большую свиту и обращались с почтением. Однако решение вопроса о возвращении туркам Азова затягивалось русской стороной, поэтому заложники были заточены в Семибашенный замок, где находились в ужасных условиях. В ноябре 1711 года Михаил Борисович писал Петру I: «Посадили нас в тюрьму Едикульскую (то есть в крепость Едикуле. — *В. Н.*), в ней одна башня и две избы в сажень, и тут мы заперты со всеми людьми нашими, всего 250 человек, и держут нас в такой крепости, что от вони и духу в несколько дней принуждены будем помереть»[215].

Заключение продлилось почти полтора года. Только в марте 1713-го после возобновления мирных переговоров между Россией и Турцией Шереметев был отправлен в Адрианополь, где условия его содержания были сносными. Затем было подписано мирное соглашение и заложников наконец-то отпустили на родину. Но тяжелобольному Михаилу Борисовичу уже не довелось увидеть Россию: 23 сентября 1714 года он умер в дороге неподалеку от Киева[216].

Анна Борисовна Шереметева, дочь фельдмаршала от первого брака, в декабре 1702 года вышла замуж за Ивана Федоровича Головина.

Вторая жена фельдмаршала, Анна Петровна, урожденная Салтыкова, по первому мужу Нарышкина, родила фельдмаршалу пятерых детей: в 1713 году появился на свет Петр, в 1714-м — Наталья, в 1715-м — Сергей, в 1716-м — Вера и в 1718 году — Екатерина. Младшей дочери исполнилось три с половиной месяца, когда 17 февраля 1719 года умер отец, а через девять лет дети потеряли и мать. Сведений об их воспитании почти не имеется. Известно только, что Наталья Борисовна, впоследствии известная мемуаристка, находилась на попе-

чении гувернантки мадемуазель Штауден[217]. Будучи в 16 лет обрученной с фаворитом императора Петра II Иваном Долгоруким, Наталья обвенчалась с ним уже после вступления на престол Анны Иоанновны и отправилась вместе с семейством Долгоруких в Сибирь. После казни мужа в 1738 году она осталась вдовой с двумя маленькими сыновьями. Вернувшись из ссылки во времена Елизаветы Петровны, княгиня Долгорукова приняла постриг в киевском Флоровском монастыре под именем Нектарии, умерла в 1771 году и была похоронена в Киево-Печерской лавре.

Генерал-адмирал граф Ф. А. Головин имел трех сыновей. Старший, Иван, стольник и инженер, муж Анны Шереметевой, умер в 1708 году на двадцать девятом году жизни. Младшие сыновья, Николай и Александр, после смерти отца в 1706 году поступили в возрасте одиннадцати и двенадцати лет под опеку Ф. М. Апраксина. Он определил их в московскую математико-навигационную школу, где они учились два года. В мае 1708 года братья были отправлены для обучения морскому делу в Голландию и Англию. За границей они провели семь лет, в совершенстве овладели теорией и практикой мореходной науки, основательно изучили английский язык. За год службы в голландском флоте Николай успел совершить плавание по Балтийскому морю; перейдя в английский флот, он ходил на военном корабле до Португалии и обратно, позже в течение полутора лет плавал по Средиземному морю, доходил до Смирны, Кипра и египетских берегов. С 1712 года братья Головины жили в основном в Лондоне. По молодости лет они не умели рассчитывать средства и не хотели ни в чем себе отказывать. В результате Николай в конце 1714 года был посажен в долговую тюрьму. Как раз в это время был получен приказ Ф. М. Апраксина возвратиться на родину. Головины обратились к генерал-адмиралу с письмом: «...прилагаем вашему превосходительству наше нижайшее прошение, чтоб по своей к нам милости пожаловал нам время управиться в наших крайних нуждах; понеже здесь есть на нас несколько долгов, чтоб нам во всем расплатиться и не оставить бы никакого бесчестия своей нации»[218]. Апрак-

син был вынужден прислать деньги на уплату долгов своих подопечных.

По возвращении в Россию в 1715 году братья Головины были произведены в подпоручики флота. 3 ноября 1717 года Николай был лично экзаменован Петром I и получил чин поручика. В дальнейшем он участвовал в морских операциях против шведов, в том числе в десанте на остров Аланд в мае 1719 года. В следующем январе он был произведен в капитан-лейтенанты, а в октябре 1721 года стал капитаном третьего ранга. 14 декабря 1724 года Петр I назначил его присутствующим в Адмиралтейств-конторе. В последующие царствования Николай Головин продолжил продвижение по службе, закончив свой путь адмиралом, президентом Адмиралтейств-коллегии и сенатором. Его брату Александру не удалось сделать столь блестящую карьеру: он оставался флотским капитан-лейтенантом до своей кончины в 1731 году.

У канцлера графа Г. И. Головкина тоже было три сына. Старшие, Иван и Александр, были погодками: родились соответственно в 1687 и 1688 годах. В 1704 году они были отправлены в Германию, где слушали лекции в Берлине, Лейпциге и Галле, в 1707-м побывали в Париже и в конце того же года через Голландию, Австрию, Венгрию и Валахию вернулись в Россию[219].

Иван поступил в армию и дослужился до чина кавалерийского полковника. О его деятельности в петровское время известно только то, что весной 1720 года он был послан с военным отрядом из Мензелинска в Уфу, чтобы воспрепятствовать башкирам принимать в свои селения беглых русских крестьян, а также татар, чувашей и черемисов[220]. Вскоре после этого он был разбит параличом и долгое время жил с женой и дочерью в доме отца. Впоследствии он сумел оправится от болезни, поступил на гражданскую службу, где достиг чина действительного тайного советника и должности сенатора.

Александр Головкин в 1708 году был определен к царскому двору, в течение нескольких лет выполнял разнообразные, в основном дипломатические, поручения государя. 28 февраля 1711 года он был назначен полномочным министром к прусскому двору, при этом Петр I

произвел его в камергеры и установил годовое содержание в пять тысяч рублей. В 1715 году за успех в деле заключения союзного договора с Пруссией царь увеличил жалованье искусного дипломата на тысячу рублей.

Весной 1723 года император вызвал Александра Гавриловича в Россию. Он возвращался из-за границы вместе с князем Василием Лукичом Долгоруким, долгое время являвшимся послом в Дании и Франции. 25 мая 1723 года государь лично встретил дипломатов в нескольких верстах от Петербурга; по свидетельству голштинского министра Г. Ф. Бассевича, Петр был при этом «в богатом костюме, в прекрасном фаэтоне, запряженном шестью лошадьми, и с отрядом гвардии». Грудь Головкина украшал прусский орден Черного орла, Долгорукий имел датский орден Слона. «Оба были с отличными способностями и превосходно образованны, — продолжает Бассевич. — Император... посадил их к себе в фаэтон, возвратился в свою резиденцию и провез их по всем главным улицам до своего дворца, где назначил большое собрание. "Не справедливо ли было с моей стороны, — сказал он, входя туда с ними, — поехать и привезти к себе с почетом сокровища знаний и добрых нравов, для приобретения которых эти благородные русские отправились к другим народам и которые ныне они приносят к нам?"»[221] Сходным образом этот эпизод описан Ф. В. Берхгольцем, добавившим, что «его величество показал им в этот день почти весь город и всюду побывал с ними. Таким отличием он доказал, как уважает тех из своих подданных, которые с пользою употребили время, проведенное за границей»[222]. Александр Головкин провел в России менее года, а затем снова был отправлен посланником к прусскому двору, где оставался до 1727 года. Впоследствии он являлся дипломатическим представителем России во Франции и Голландии.

Младший сын канцлера, Михаил Головкин, родился в 1698 году. Четырнадцатилетним он был отправлен для обучения в Берлин, где находился под присмотром старшего брата Александра. В 1721 году государь послал его с дипломатическим поручением во Францию. После его возвращения иностранные дипломаты об-

суждали возможности его дальнейшей карьеры. Прусский посланник барон Густав Мардефельд писал в конце июля 1721 года: «Здесь много говорят, что молодой граф Головкин, который несколько времени как вернулся из Франции, посылается посланником к испанскому двору. Он ловкий кавалер и говорит свободно на всех языках. Он такого же высокого роста, как и его отец, и отличается в его годы такой величавостью и осанистостью, каких трудно найти даже у любого испанца»[223]. Однако это назначение не состоялось. 8 апреля 1722 года он женился на княжне Екатерине Ромодановской, дочери князя-кесаря И. Ф. Ромодановского. В 1723 году Михаил Головкин исполнял обязанности российского полномочного министра в Берлине, но затем был заменен в этой должности братом Александром и вернулся в Россию. При Анне Иоанновне он стал сенатором, в регентство Анны Леопольдовны — вице-канцлером, а после прихода к власти Елизаветы Петровны сослан в Якутию.

Вице-канцлер барон П. П. Шафиров имел сыновей Исая и Якова и пять дочерей. Исай, родившийся в 1699 году, получил хорошее домашнее образование. Известно, что во второй половине 1710 года личный секретарь датского посланника Юста Юля Расмус Эребо по поручению своего патрона давал уроки одиннадцатилетнему Исаю Шафирову. Для этого мальчик переселился в дом иностранного дипломата, где прожил шесть месяцев[224]. Затем юный Шафиров был отправлен учиться в Париж, где в совершенстве овладел несколькими иностранными языками. Вернувшись около 1720 года в Россию, он служил в Коллегии иностранных дел.

Голштинец Берхгольц, познакомившийся с Исаем Петровичем в июле 1721 года, отметил, что тот был невысокого роста и при этом почти так же толст, как и его отец. 6 февраля того же года Исай Шафиров женился на Евдокии Андреевне Измайловой, дочери ближнего стольника А. П. Измайлова, бывшего российского посла в Дании. Берхгольц передает колоритные подробности этого бракосочетания со слов знакомых, присутствовавших на свадьбе. По русскому обычаю жениху было положено напиться допьяна, но он избежал этой непри-

ятной для него обязанности, разыграв приступ тяжелой болезни. Дамы постарались оказать ему первую медицинскую помощь обычными в таких случаях подручными средствами: уксусом, венгерской водой и «шпанской» солью. «Между тем, — пишет Берхгольц, — гости мало-помалу разъехались, молодому сделалось немного лучше и бедная невеста должна была лечь с ним, хоть в этот раз, конечно, ожидала от него мало хорошего». На другой день друзья начали подсмеиваться над молодоженом, «не переставали его дразнить, желая непременно узнать, как он вел себя с своею невестою». Исай Петрович ответил: «Я ее поцеловал и оборотил 11 раз». Слух об этом дошел до царя, который сначала принял слова Шафирова за обычное хвастовство, «спрашивал сам молодого, но, получив от него тот же ответ, поверил ему только тогда, когда расспросил самою молодую, подтвердившую сказанное ее мужем»[225].

В феврале 1723 года всё семейство Шафировых было сослано в Новгород. В ссылке пришлось бедствовать, и Исай Петрович, хорошо знавший иностранные языки, вынужден был служить переводчиком за 160 рублей в год[226]. Шафировы получили помилование только после смерти Петра I. Возвратившись в Петербург, Исай Петрович работал в Герольдмейстерской конторе, Вотчинной коллегии и Камер-коллегии, но имел пристрастие к спиртному, азартным играм и «неслыханным и безумным шалостям», из-за чего даже был на несколько лет заточен в Донском монастыре. К концу жизни он спустил в карты всё имущество.

Яков Петрович Шафиров умер в молодом возрасте за границей, куда был послан для обучения. Пятерых своих дочерей Петр Павлович удачно выдал замуж, породнившись со знатными семьями князей Гагариных, Салтыковых и др.

Дети «полудержавного властелина» Меншикова были значительно моложе и не успели себя никак проявить в петровское царствование. Его первенец Лука Петр родился в ночь на 10 февраля 1709 года в Белгороде, куда супруга Александра Даниловича, Дарья Михайловна, приехала навестить мужа, занятого подготовкой к военным действиям против шведов. Петр I стал крестным

отцом мальчика и при крещении произвел его в поручики Преображенского полка, а также подарил ему сто дворов, предоставив отцу крестника выбрать уезд и деревню по своему усмотрению.

Самсон Меншиков появился на свет в январе 1711 года. В том же году, 26 декабря, родилась дочь Мария, в 1712-м — дочь Александра, а в 1714 году — сын Александр. Позже родились Варвара и Екатерина. Лука Петр, Самсон и две младшие девочки умерли в детском возрасте.

Особым попечением родителей пользовалась Мария, что отразилось в множестве писем Александра Даниловича и Дарьи Михайловны «бабушке-кормилице» Варваре Кубасовой. В январе 1712 года княгиня Меншикова, отправившаяся вскоре после родов к супругу в Померанию, давала наставления воспитательнице: «За дитятем с прилежностью смотрите, а особливо, чтоб больных тут при вас отнюдь не было, и не держите, если кто занеможет, — прочь отсылайте!» В другом письме княгиня выражала заботу о питании дочери: «Уведомите нас, чем вы кормите дитя. И велите готовить цыпленочка или телятину молодую»[227].

Родители вели своеобразную игру, выражавшуюся в переписке с младенцами начиная с грудного возраста. 7 апреля 1712 года Дарья Михайловна извещала четырехмесячную дочь: «Писание ваше я получила». Разумеется, письма от имени Марии сочиняла «бабушка» Кубасова или кто-то другой из домашних слуг. 10 июля того же года мать писала Марии: «Брат твой (Самсон. — *В. Н.*) за твой презент благодарствует и всегда помнит, и вам посылает взаимно презент платьицо и шапочку новой моды и передничек, четыре пары чюлков шолковые и две пары башмаков, которые вы себе носите на здоровье»[228].

Письма детей, хотя и не собственноручные, отражают реалии их жизни. В сентябре 1712 года Мария «сообщила» родителям: «...у себя имею шесть зубков и учусь ходить». Летом следующего года во время посещения княжеского дворца царем и царицей девочка «по отеческому благословению при музыке танцовала, что было зело угодно их величествам»[229].

В августе 1715 года Мария и Александра уже обуча-

лись танцам под руководством танцмейстера, но более подробных сведений об их воспитании не имеется. Несколько лучше известно, как обстояло дело с образованием сына Александра. Под руководством своего гувернера профессора Конрада Генингера, выбранного на эту роль лично царем, юный Меншиков обучался русскому, латинскому, французскому и немецкому языкам, Закону Божьему, истории, географии, арифметике и фортификации. Приходилось заниматься и с танцмейстером, но Александр терпеть не мог уроки танцев. В свое оправдание восьмилетний мальчик заявлял отцу: «Еще успею выучиться танцовать! Прежде следует знать полезнейшие науки»[230].

Светлейший князь приобщал сына к ведению хозяйством. В 1724 году мальчику было поручено наблюдать за окраской крыши, а два года спустя он должен был наблюдать за строительством нового зимнего дома[231].

Воспитательные принципы Александра Даниловича видны из его наставления, данного сыну в 1725 году: «...дорожить временем, убегать праздности, прилежать к занятиям». «Ничего нет лучше в молодых летах труда и учения», — писал Меншиков. Отец требовал, чтобы каждое утро юноша приносил благодарение Богу, а следом прочитывал выученное накануне; приказывал ему «вместо забавы» переводить для родителей иностранные газеты и в случае, если в них будут помещены любопытные воинские или другие известия, смотреть на «ландкарт», в каком государстве это происходило, чтобы впоследствии он мог во время разговоров основательно судить об означенных предметах. В заключение светлейший обязывал сына в воскресные и праздничные дни посещать церковь, внимательно слушать литургию, рассуждая о Законе Божьем и о воздаянии. За неисполнение означенных статей и непослушание гувернеру отпрыска ждали штрафы.

Молодой Меншиков благодаря могуществу отца уже в 13 лет стал обер-камергером, был кавалером орденов Андрея Первозванного, Александра Невского, Святой Екатерины и прусского Черного орла, но вскоре разделил со всей семьей тяготы опалы в сибирском Березове. Вернувшись из ссылки в 1731 году, Александр стал пра-

порщиком Преображенского полка (ранее он числился там поручиком), участвовал в Русско-турецкой войне 1735—1739 годов, «за отличную храбрость» был произведен в 1738 году в капитан-поручики, в 1748-м получил чин секунд-майора, а в 1757-м — генерал-поручика. В 1762 году он первым известил москвичей о восшествии на престол Екатерины II, привел их к присяге, был возведен ею в генерал-аншефы, а спустя два года умер, оставив по себе славу «храброго воина и благонамеренного гражданина».

Любимая дочь Александра Даниловича, красавица Мария, очень рано начала фигурировать в матримониальных планах честолюбивого отца. Первоначально он решил выдать ее замуж за польского графа Петра Сапегу, сына великого литовского гетмана, представителя одной из знатнейших и богатейших семей Речи Посполитой. Жених был вдвое старше юной невесты, которой тогда не исполнилось и десяти лет. Он прибыл в Петербург в конце июля 1721 года и поселился в доме Меншикова. Г. Мардефельд утверждал, что Мария «еще чистый ребенок 8 или 9 лет». Ему вторил Ф. В. Берхгольц, одновременно отмечая, что дочь светлейшего князя «еще довольно мала, но при всем том очень милая девушка»[232].

Петр Сапега и Мария Меншикова были обручены, но их брак не состоялся, поскольку у Александра Даниловича появились более заманчивые перспективы. Однако его намерение выдать старшую дочь за юного императора Петра II окончилось ссылкой семьи Меншиковых в сибирский Березов, где «порушенная» царская невеста умерла от оспы незадолго до кончины ее отца.

После освобождения в 1731 году девятнадцатилетняя Александра Меншикова была пожалована Анной Иоанновной во фрейлины и на следующий день по приезде из Сибири выдана замуж за майора гвардии Густава Бирона, родного брата фаворита императрицы. Она умерла в Петербурге в 1736 году, двадцати четырех лет от роду.

Большинство отпрысков сподвижников Петра продолжили их дело служения России, использовали те возможности, которых зачастую были лишены родите-

ли: получали образование, избирали род деятельности. При этом у них, в отличие от детей современных «новых русских», растущих зачастую в «тепличных» условиях, был запас прочности, который позволил им пережить трудные времена эпохи дворцовых переворотов.

Глава семнадцатая

«Звери вельми утешны»

Обитатели царских зверинцев

Петр I с молодых лет любил зверей и птиц и проявлял по-детски восторженный интерес к живой природе. Царские зверинцы не были новым явлением в садах русских государей. При Алексее Михайловиче на охотничьих угодьях его измайловской вотчины был основан «звериный двор». Австриец Корб, посетивший его в 1698 году, увидел там «белого невероятной величины медведя, леопардов, рысей и многих других животных, которых там держат для того только, чтобы смотреть на них».

При Петре количество и разнообразие обитателей зверинцев значительно увеличилось. Подробное описание зверинца в Летнем саду в Петербурге мы находим в дневнике голштинского камер-юнкера Берхгольца. Он отметил наличие там большого птичника, «где многие птицы частью свободно расхаживают, частью заперты в... небольших клетках. Там есть орлы, черные аисты, журавли и многие другие редкие птицы. Тут же содержатся, впрочем, и некоторые четвероногие животные, как, например, очень большой еж, имеющий множество черных и белых игл до 11 дюймов длиною» (несомненно, на самом деле это был дикобраз). «Кроме того, — продолжает Берхгольц, — там есть еще синяя лисица, несколько соболей и проч. В высоком домике с восточной стороны множество прекрасных и редких голубей... На воде плавает здесь большое количество самых редких уток и гусей, которые до того ручны, что позволяют кормить себя из рук. По берегу вокруг расставлены маленькие домики, где они, вероятно,

запираются на ночь... Далее отсюда, вправо, стоит большая, сплетенная из стальной проволоки клетка с круглым верхом, наполненная всякого рода маленькими птицами, которые целыми группами летают и садятся на посаженные внутри ее деревца»[233].

Основание зверинцу в Летнем саду положили диковинные звери и птицы, подаренные Петру I иранским шахом и доставленные в Петербург в апреле 1714 года. Среди экзотических животных находился слон. Когда этот удивительный великан прибыл в Астрахань, сотни любопытных провожали его более сорока верст. В Петербурге перс-погонщик заставил умное животное поклониться до земли перед царским дворцом, чем вызвал бурю восторгов у собравшихся многочисленных зрителей. В столице был сооружен специальный слоновник-загон[234]. Суточный рацион слона включал 34 фунта риса, семь фунтов патоки, столько же коровьего масла, а также от тридцати до шестидесяти калачей. Пяти попугаям, в том числе одному какаду, выдавалось в сутки по ¾ фунта сахара, столько же коровьего масла, два фунта муки, два фунта «персидских» (грецких) орехов. Историк Н. И. Павленко с юмором отметил: «Судя по рациону, слон и какаду с попугаями были любителями горячительных напитков. Слону ежедневно выписывалось по ведру простого вина, а птицам — более изысканный напиток — бутылка рейнского. Надзиратели, надо полагать, по-братски делили вино со слоном и птицами»[235].

Экзотические животные не выдерживали сурового климата и быстро погибали. В 1717 году Меншиков отправил кабинет-секретарю Алексею Макарову, находившемуся вместе с Петром I за границей, печальное известие: «...слон умер, который нимало на ноги вставал, лежал тридцать дней, ничего пищи употреблял, в которой ево болезни кожа на нем вся згнила и облезла. Правда, что немало жаль такого знатного зверя». Та же участь постигла льва, который в январе 1722 года «умре без всякие причины скорым временем», а затем произошла гибель «неведомой породы ежа».

Потери восполнялись новыми партиями будущих обитателей царских зверинцев. В 1718 году русский посланник в Персии Артемий Петрович Волынский

получил в Исфахане для отправки в Петербург «зверей, лошадей и птиц», которых, как он сам признавался, ему ранее не приходилось видеть; среди шахских подарков были шесть обезьян, три попугая, два барса, два льва и слон. Правда, последнему не довелось на своей шкуре испытать особенности столичного климата — индийский великан умер еще в Астрахани.

В столицу доставлялись также звери и птицы различных климатических зон России. Архангелогородский губернатор Петр Ладыженский по указу царя прислал шестерых белых медведей. Нарвский комендант получил предписание поймать пару «летучих белок», но смог раздобыть лишь одну живую, а другую — убитую. В астраханских степях и Приазовье были выловлены птицы редких пород[236]. Появился в Петербурге и новый слон, который, вероятно, отличался более крепким здоровьем, чем два его предшественника. Встреча с этим экзотическим зверем описана в дневнике Берхгольца. 25 декабря 1724 года герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский принимал поздравления по случаю своего обручения с цесаревной Анной Петровной; «в числе множества поздравителей, являвшихся в этот день ко двору, находился и здешний большой слон, обязанный во все большие праздники ходить с поздравлениями и зарабатывать на водку своим сторожам, к которым всегда присоединяется еще несколько гвардейских солдат. Он явился в своем богатейшем наряде, увешанный великолепнейшими покрывалами»[237].

Весьма интересны были четвероногие и крылатые обитатели Екатерингофа. Берхгольц отметил, что там есть «небольшой, но очень хорошенький зверинец, наполненный многими зверьми, которые необыкновенно ручны: двенадцатирогие олени подходили к нам на зов и позволяли себя гладить. Кроме большого числа обыкновенных оленей, мы насчитали там с дюжину ланей, потом смотрели на особом дворе двух старых и двух молодых лосей, довольно больших и ручных. У старых лосей шерсть черно-серая, а у молодых земляного цвета. С виду они похожи на среднего роста лошадей, но хвост имеют, как простые олени, едва заметный.

Ноги у них высоки и копыта сильно раздвоены; брюхо, сравнительно с ростом, вовсе не велико; уши очень длинные, как у лошаков. Самец отличается от самки тем, что у него рога выше и крепче, но зато менее разветвлены, чем у самки»[238].

Царские зверинцы продолжали пополняться в течение всего правления Петра I, который весьма интересовался живой природой и особенно редкими зверями и птицами, находил отдых в наблюдении за их жизнью.

Домашние любимцы

Государь очень любил собак, но только не охотничьих гончих, которых в то время высоко ценили увлекавшиеся псовой охотой дворяне. К этому занятию он был совершенно равнодушен, считая его пустой тратой времени. Соответственно в Петровскую эпоху при царских дворцах практически не было псарен, в отличие от времен предшествующих и последующих российских монархов. С одной стороны, Петру нравились комнатные собачки, которых он охотно ласкал. С другой стороны, он проявлял интерес к большим собакам новых пород, еще неизвестных в России. В истории сохранились два имени его любимцев: Тиран и Лизетта. Оба они щенками появились у царя одновременно, в 1705 году. Тиран, данцигский большой булленбейсер, вырос огромным псом; собаки этой породы, весьма распространенной в то время в Западной Европе, отчасти напоминали современных бульдогов. Последние представители булленбейсеров исчезли в конце XIX века, успев дать жизнь новой породе, получившей название «боксер». По всей видимости, щенок булленбейсера был прислан царю из Голландии. Тиран сопровождал Петра I в военных походах и поездках и самозабвенно его любил. Государь нередко говорил, что «не имеет более верного друга».

Другая любимица, Лизетта, была маленьким гладкошерстным терьером. Эта порода была уже известна в России, ее представители использовались преимущественно для норной охоты на барсуков и лисиц, а также для истребления крыс. Лизетта была подарена царю А. Д. Меншиковым, который присмотрел веселого сим-

патичного щенка в Полоцке. Государь был признателен светлейшему князю за живой подарок и в письмах часто называл собачку Лизеттой Даниловной. Надзиратель Императорской кунсткамеры О. И. Беляев отмечал, что «Лизетта очень любила своего хозяина, увидев его, сразу прибегала, ласкалась, прыгала и увивалась вокруг него». Андрей Нартов, сын любимого токаря Петра Великого, со слов отца передает следующий эпизод: «Государь, возвратясь из Сената, видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее и притом говорил: "Когда б послушны были в добре так упрямцы, как послушна мне Лизетта, тогда не гладил бы я их дубиною. Моя собачка слушает без побой. Знать, в ней более догадки, а в тех заматерелое невежество"»[239].

Якоб Штелин в своих рассказах о Петре Великом сообщает драматический и в то же время забавный эпизод, связанный с любимой собачкой монарха. Один из вельмож по обвинению в каком-то серьезном преступлении был посажен в крепость и приговорен к наказанию кнутом. .Екатерина Алексеевна и приближенные просили о его помиловании, но Петр был неумолим. Тогда царица решила прибегнуть к хитрости. Она приказала написать от имени Лизетты короткую челобитную, в которой собака будто бы «представляла государю свою бескорыстную верность», доказывала невиновность впадшего в немилость, просила пересмотреть дело и простить несчастного. Эту бумагу засунули за ошейник так, чтобы Петр мог сразу ее заметить. Вернувшись во дворец, император начал гладить подбежавшую к нему любимицу, увидел свернутое трубочкой послание, вынул его, прочитал и сказал со смехом: «И ты, Лизетта, ко мне с челобитными подбегаешь? Я исполню твою просьбу, потому что она от тебя еще первая».

Возможно, это лишь исторический анекдот, однако он очень верно отражает отношения Петра и Екатерины, в которых зачастую прослеживался добрый юмор. К тому же в XVIII веке анекдоты редко возникали на пустом месте, чаще всего они в преувеличенном виде отражали реальное событие. Наверняка царица в самом деле передала мужу какую-то бумагу при посредничестве Лизетты. Есть даже упоминания о том, что Петр якобы

заказал серебряную печатку в виде собачьего носа, оттиск которой ставил на документах о помиловании.

Собачья преданность маленького терьера была вознаграждена царским подарком: Петр надел на Лизетту серебряный позолоченный ошейник с шутливой надписью: «За верность не умираю». Этот предмет до сих пор хранится в фондах Эрмитажа. В честь своей четвероногой любимицы монарх даже назвал шестнадцатипушечную шняву — военный корабль, участвовавший в морских операциях против шведов.

Тиран и Лизетта дожили до преклонного собачьего возраста и умерли в 1715 или 1716 году. Петр не пожелал навсегда расстаться со своими любимцами и приказал изготовить из умерших собак чучела, которые были переданы им на хранение в Кунсткамеру. Ныне они являются экспонатами Санкт-Петербургского Зоологического музея Российской академии наук.

Сведения о других домашних питомцах Петра I отрывочны. Известно, например, что во время пребывания в Голландии в 1697 году он купил мартышку и повсюду носил ее на плече. Обезьянка жила в комнате царя, причем без клетки. Предоставленная ей свобода действий едва не привела к дипломатическому скандалу: в Лондоне она вдруг прыгнула на голову королю Вильгельму III Оранскому, явившемуся с визитом к русскому монарху. Впоследствии мартышка была привезена Петром в Россию и довольно долго жила в царских дворцах. В одном из писем Екатерина передавала супругу привет от их общей любимицы.

Мода на мартышек и попугаев начала распространяться в Москве после возвращения Великого посольства из-за границы в 1698 году. Многие спутники Петра привезли домой эти живые диковинки; глядя на них, другие московские вельможи стали заказывать домашних обезьян и экзотических птиц за границей. В Москве, а потом и в Петербурге начали появляться купцы, специализировавшиеся на торговле редкими животными, хотя таких негоциантов было в то время еще немного.

Как уже говорилось, обезьяна была преподнесена Ф. Ю. Ромодановскому в качестве подарка от членов Ве-

ликого посольства. Но в доме этого колоритного сподвижника Петра обитал еще один ручной зверь, издавна являвшийся своеобразным символом русской силы. Брауншвейгский резидент Х. Ф. Вебер донес до нас описание «гостеприимства» князя-кесаря: «Этот господин имел обыкновение приневоливать приходящих к нему гостей выпивать чарку сильной, с перцем смешанной водки, которую держал в лапе хорошо обученный большой медведь, причем часто, ради потехи и в случае отказа гостей пить водку, этот медведь принуждал их к тому, срывая с них шляпу, парик или хватая за платье»[240].

Ко времени Петра I многие собаки мелких пород уже успели перебраться из псарен в комнаты и занять почти такое же положение в жизни людей, как и в наши дни. Кажется, к кошкам царь относился более прагматично. Одним из указов он предписал «иметь при амбарах котов, для охраны таковых и мышей и крыс устрашения». Они жили в подвалах и на чердаках на самообеспечении и лишь по вечерам получали в качестве поощрения миску молока или подкормку из птичьего мяса. Правда, на фелинологических интернет-сайтах встречается информация о том, что Петр привез кота из Голландии, и упоминается его (или другого любимца) «оригинальная» кличка — Васька. Однако я не нашел сведений об этом в источниках, если не считать таковым анекдот о шуте Балакиреве.

Когда в 1715 году Меншиков был пойман на очередном злоупотреблении, царь намеревался утвердить суровый приговор Сената, гласивший, что светлейшего надлежит лишить чинов и имений и сослать на вечное поселение в Сибирь. Кот обычно сидел на столе рядом с государем, когда тот работал с бумагами. Балакирев незаметно запустил в кабинет мышонка; увидев его, кот рванулся со стола, опрокинув чернильницу. Все бумаги оказались залитыми чернилами, и Петр, сочтя это за знак Провидения, не стал подписывать приговор.

Однако «золотой век» мурлык был еще впереди, при Екатерине II. Великая императрица даже занималась выведением породы русских голубых кошек.

Повседневная жизнь эпохи Петра I насыщена противоречиями. Из-под французских камзолов и париков проглядывала старомосковская косность, попытки усвоения европейской культуры сочетались с дикими шутовскими забавами, навыки цивилизованного общения трудно было совместить с непомерным пьянством. Однако отстоящие друг от друга на несколько лет наблюдения иностранных современников показывают, что высшее русское общество становилось всё более европейским. Этот процесс быстрого изменения самосознания, быта и нравов российского дворянства составляет заметную особенность петровского времени.

Фигура Петра Великого также весьма противоречива. Его нельзя назвать тираном — он был мудр, справедлив и объективен в оценке людей. Но в то же время ему были присущи грубость, жестокость, пренебрежение к человеческому достоинству, ощущение вседозволенности, произвол в политике и быту. Железная воля царя-реформатора проявлялась в каждой мелочи, кулаки и дубинка то и дело использовались как средство воспитания приближенных. А. С. Пушкин верно заметил, что перед великим монархом «всё дрожало, всё безмолвно повиновалось».

Петр I перемещался по суше и по морю, внутри страны и за границей, любил женщин, шутил, жадничал, спаивал трезвенников, с помощью сподвиж-

ников управлял страной, создавал армию, флот и промышленность, побеждал в войне и превращал Россию в великую державу. Масштаб и значение этой деятельности были видны уже современникам. Один из младших помощников Петра И. И. Неплюев писал о Петре Великом с чувством благодарности и преклонения: «На что в России ни взгляни, всё его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут».

В деле служения Отечеству государь не щадил ни себя, ни других. Ф. И. Головин умер в дороге от перенапряжения сил, больной А. Д. Меншиков выслушивал от Петра упреки в симуляции, Б. П. Шереметеву было отказано в желании уйти на покой, престарелый Ф. Ю. Ромодановский трудился до конца жизни. Однако загруженность работой не мешала большинству соратников государя устраивать собственные дела, причем зачастую в ущерб интересам казны. Размах коррупции в кругу высших сановников Петр не смог остановить никакими репрессиями.

Сам великий император был непритязателен в быту, чего нельзя сказать о его соратниках. Они окружали себя блеском и роскошью, стремились к максимальному комфорту в соответствии с новейшими западноевропейскими образцами. Для этого нужны были деньги, добываемые при помощи власти. Такова была эпоха с неизжитой грубостью нравов, и такова человеческая природа во все времена.

К деятелям прошлого должно относиться с пониманием и уважением. Не следует смаковать, а тем более комментировать их пороки и слабости — «не судите, да не судимы будете», но и умалчивать ни о чем нельзя. Как верно заметил римский мыслитель Аммиан Марцеллин, «историк, сознательно утаивающий факты, совершает не меньший обман, чем тот, который сочиняет никогда не бывшее».

Каждого человека нужно оценивать прежде всего с точки зрения его заслуг. Герои этой книги создали великую Россию и уже одним этим заслужили благодарную память. Они стóят того, чтобы потомки захотели ближе познакомиться с их реальной жизнью.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие
Капля отражает море

[1] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с фр. М., 2006. С. XXXIX.

Часть первая
Строители империи

[1] См.: *Князьков С.* Очерки из истории Петра Великого и его времени. 2-е изд. СПб., 1914. С. 1—3.

[2] См.: *Ключевский В. О.* Русская история: Полный курс лекций: В 3 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 455.

[3] См.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1994. С. 6.

[4] См.: *Князьков С.* Указ. соч. С. 4.

[5] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 7. М., 1991. С. 430.

[6] См.: *Князьков С.* Указ. соч. С. 5—7.

[7] См.: Там же. С. 7—8.

[8] *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 25—26.

[9] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 7. С. 431.

[10] *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 65.

[11] Цит. по: *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет жизни имп. Петра Великого. 1672—1689. М., 1875. С. 103—104.

[12] См.: *Князьков С.* Указ. соч. С. 13—14.

[13] Цит. по: Там же. С. 15.

[14] См.: *Павленко Н. И.* Лефорт. М., 2009. С. 57.

[15] *Куракин Б. И.* Указ. соч. С. 75, 83.

[16] См.: *Бабкин А.* Письма Франца и Петра Лефортов о «Великом посольстве» // Вопросы истории (далее — ВИ). 1976. № 4. С. 122; *Гузевич И. Д., Гузевич Д. Ю.* Болезни и смерть Франсуа Лефорта // Петровское время в лицах — 2004: Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 97—98.

[17] См.: Император Петр I Великий: Энциклопедия / Под ред. М. Л. Вольпе. М., 2007. С. 11.

[18] Цит. по: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. С. 6.

[19] См.: *Труайя А.* Петр Великий. М., 2004. С. 112.

[20] Там же. С. 115.

[21] См.: *Брикнер А. Г.* Иллюстрированная история Петра Великого. М., 2000. С. 175.

[22] Цит. по: *Карпов Г. М.* Великое посольство и первое заграничное путешествие Петра I. 1697—1698. Калининград, 1997. С. 35.

[23] См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 178; *Труайя А.* Указ. соч. С. 117.

[24] Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — ПиБ). Т. 1. СПб., 1887. С. 240.

[25] Цит. по: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 32—33.

[26] Цит. по: *Карпов Г. М.* Указ. соч. С. 38—39.

[27] 300 лет российско-бранденбургского договора о дружбе: Торжественный вечер 10 декабря 1997 г. в берлинском отделении Посольства Российской Федерации. Берлин, 1998. С. 17—18.

[28] См.: *Труайя А.* Указ. соч. С. 119.
[29] Цит. по: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 47—48.
[30] Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 7. С. 534.
[31] См.: *Труайя А.* Указ. соч. С. 122.
[32] См.: *Чистяков А. С.* История Петра Великого. М., 1992. С. 154.
[33] Цит. по: *Труайя А.* Указ. соч. С. 124.
[34] См.: *Номен К.* Записки о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. Киев, 1904. С. 27—28.
[35] Цит. по: *Карпов Г. М.* Указ. соч. С. 52.
[36] *Труайя А.* Указ. соч. С. 125.
[37] См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1867. Т. 8. Стб. 917.
[38] См.: *Князьков С.* Указ. соч. С. 39.
[39] Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697—1699 гг., веденный состоявшим при Великом посольстве русском к владетелям разных стран Европы // Русская старина. 1879. № 5. С. 108.
[40] Там же. С. 110.
[41] Там же. С. 108.
[42] См.: *Труайя А.* Указ. соч. С. 127.
[43] Цит. по: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 72.
[44] См.: *Труайя А.* Указ. соч. С. 129.
[45] См.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 72.
[46] См.: *Бакланова Н. А.* Великое посольство за границей в 1697—1698 гг.: его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства // Петр Великий: Сборник статей / Под ред. А. И. Андреева. М., 1947. С. 32—35.
[47] См.: *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Окно в Европу. М., 1999. С. 49.
[48] ПиБ. Т. 1. С. 227, 670—671; *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 73—74.
[49] Цит. по: *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Указ. соч. С. 49.
[50] См.: *Труайя А.* Указ. соч. С. 131.
[51] См.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 74—75; *Труайя А.* Указ. соч. С. 132.
[52] Цит. по: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 75—76.
[53] Цит. по: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1876. Отд. 2. Вып. 6. С. 558.
[54] См.: *Карпов Г. М.* Указ. соч. С. 80.
[55] *Труайя А.* Указ. соч. С. 133—134. Сходные данные приводит Н. И. Павленко (см.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 77).
[56] См.: *Карпов Г. М.* Указ. соч. С. 81—82; *Труайя А.* Указ. соч. С. 134.
[57] См.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 77; *Карпов Г. М.* Указ. соч. С. 95.
[58] Цит. по: *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Указ. соч. С. 53.
[59] Цит. по: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 79.
[60] См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 200; *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 79.
[61] См.: *Карпов Г. М.* Указ. соч. С. 101; *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 200; *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 79.
[62] См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 7. С. 538.
[63] См.: *Труайя А.* Указ. соч. С. 135—136; *Карпов Г. М.* Указ. соч. С. 101; *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Указ. соч. С. 58.
[64] См.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 80.
[65] См.: *Карпов Г. М.* Указ. соч. С. 107; *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 80; *Труайя А.* Указ. соч. С. 137; *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Указ. соч. С. 60—61.

[66] См.: *Труайя А.* Указ. соч. С. 139, 142; *Картов Г. М.* Указ. соч. С. 111—112.

[67] См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 212—213.

[68] См.: *Богословский М. М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. М., 1904. С. 5.

[69] См.: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 316.

[70] См.: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 201.

[71] См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 215.

[72] См.: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 426.

[73] См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 218.

[74] См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 9. М., 1993. С. 48; *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 218—219.

[75] См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 220.

[76] См.: *Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 157.

[77] Цит. по: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 285.

[78] См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 222.

[79] Цит. по: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 285.

[80] См.: Полное собрание законов Российской империи. Серия 1 (далее — ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 5. № 2986, 2997.

[81] Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 8. М., 1993. С. 447.

[82] Цит. по: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 285—286.

[83] См.: *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 6.

[84] См.: ПСЗРИ. Т. 5. № 3058; Т. 6. № 3682.

[85] См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 225—226.

[86] Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 40. С. 127.

[87] *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 5—6.

[88] См.: Там же. С. 7.

[89] См.: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 201.

[90] *Толстой П. А.* Путешествие стольника П. А. Толстого / Предисл. Д. А. Толстого. // Русский архив (далее — РА). 1888. Кн. 1. Вып. 2. С. 174.

[91] *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 202.

[92] Цит. по: Там же. С. 203.

[93] См.: РА. 1888. Кн. 2. Вып. 7. С. 236—237, 259.

[94] См.: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 204.

[95] См.: Там же.

[96] РА. 1888. Кн. 2. Вып. 7. С. 264.

[97] Цит. по: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 205.

[98] См.: РА. 1888. Кн. 1. Вып. 4. С. 547, 550; Вып. 5. С. 50; Кн. 2. Вып 7. С. 260; Вып. 8. С. 380.

[99] Там же. Кн. 2. Вып. 5. С. 42, 47.

[100] См.: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 207.

[101] См.: Там же. С. 209.

[102] См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 217; *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 209.

[103] Записки путешествия Б. П. Шереметева. М., 1773. С. 1.

[104] Там же. С. 21.

[105] *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 133.

[106] См.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Ч. 1.С. 38—39.

[107] См.: Там же. С. 134.

[108] См.: Там же. С. 40.

[109] См.: Там же. С. 41.

[110] См.: Записки путешествия Б. П. Шереметева. С. 81.
[111] См.: Там же. С. 40—44; *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 135.
[112] См.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Указ. соч. С. 44—45.
[113] *Корб И. Г.* Дневник путешествий в Московию 1698 и 1699 гг. СПб., 1906. С. 127.
[114] См.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 374.
[115] *Семевский М. И.* Исторические портреты. М., 1996. С. 161—162.
[116] См.: Там же. С. 162.
[117] Цит. по: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 375.
[118] Цит. по: *Семевский М. И.* Указ. соч. С. 166—167.
[119] См.: *Чистяков А. С.* Указ. соч. С. 372.
[120] См.: Там же. С. 374—375.
[121] *Труайя А.* Указ. соч. С. 232.
[122] См.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 378; *Труайя А.* Указ. соч. С. 233—235.
[123] Цит. по: *Труайя А.* Указ. соч. С. 233.
[124] Цит. по: Там же. С. 235—236.
[125] См.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 378; *Труайя А.* Указ. соч. С. 236—237.
[126] Цит. по: *Труайя А.* Указ. соч. С. 240.
[127] Цит. по: Император Петр I Великий: Энциклопедия. С. 77—78.
[128] Цит. по: *Труайя А.* Указ. соч. С. 258—259.
[129] Цит. по: *Нартов А. А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи). СПб., 2001. С. 110.
[130] Цит. по: *Павленко Н. И.* Екатерина I. М., 2009. С. 213.
[131] См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 515—516.
[132] См.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 379—380; *Труайя А.* Указ. соч. С. 243.
[133] Цит. по: *Нартов А. А.* Указ. соч. С. 101.
[134] Цит. по: *Труайя А.* Указ. соч. С. 244.
[135] Там же. С. 103.
[136] Цит. по: *Труайя А.* Указ. соч. С. 250—251.
[137] См.: *Вагеманс Э.* Петр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 19.
[138] Цит. по: *Труайя А.* Указ. соч. С. 252—253.
[139] См.: Там же. С. 254.
[140] См.: *Вагеманс Э.* Указ. соч. С. 19.
[141] *Юль Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 83.
[142] *Голиков И. И.* Статьи, заключающие в себе характеристику Петра Великого и суждения о его деятельности // Петр Великий: Pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2003. С. 130.
[143] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 90.
[144] *Ключевский В. О.* Указ. соч. Кн. 2. С. 477.
[145] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 228.
[146] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. М., 1997. С. 205.
[147] См.: *Ключевский В. О.* Указ. соч. Кн. 2. С. 476.
[148] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 83.
[149] Там же. С. 111.
[150] См.: Там же. С. 83.
[151] *Ключевский В. О.* Указ соч. С. 314.
[152] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 88.

[153] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 91.
[154] Там же. С. 162, 165.
[155] *Голиков И. И.* Указ. соч. С. 131.
[156] Сб. РИО. Т. 40. С. 180—181.
[157] Цит. по: *Курукин И. В., Никулина Е. А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008. С. 15.
[158] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 117.
[159] *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 134.
[160] Цит. по: *Сухарева О. В.* Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005. С. 476.
[161] См.: *Князьков С.* Указ. соч. С. 628.
[162] Сб. РИО. Т. 39. С. 299.
[163] Там же.
[164] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 121.
[165] См.: Русский биографический словарь (далее — РБС). Т. 2. Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 256—258.
[166] См.: *Беспятых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2005. С. 27, 39, 192.
[167] См.: *Ефимов С. В.* А. Д. Меншиков в Полтавском сражении // Петр Великий и его время: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 290-летию Полтавской победы. СПб., 1999. С. 51—52.
[168] Сб. РИО. Т. 39. С. 125.
[169] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 175.
[170] Цит. по: Сб. РИО. Т. 40. С. 38.

Часть вторая
Живем как можем

[1] Цит. по: *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 101.
[2] См.: *Коршунова Т. Т.* Костюм в России XVIII — начала XX в.: Из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1979. С. 7.
[3] *Желябужский И. А.* Дневные записки // Рождение империи. С. 325.
[4] См.: *Юль Ю.* Указ. соч. С. 50—51.
[5] Сб. РИО. Т. 50. С. 248.
[6] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 225.
[7] См.: *Коршунова Т. Т.* Указ. соч. С. 8.; *Анисимов Е. В., Каменский А. Б.* История России. 1682—1861. М., 1996. С. 137.
[8] См.: *Денисова М. В., Моисеенко Ю. В., Тарасова Н. И.* «Искусству сего швения... не можно надивиться»: К истории костюма «Восковой персоны» // Петровское время в лицах — 2009: Материалы научной конференции. СПб., 2009. С. 106—107.
[9] *Нартов А. А.* Указ. соч. С. 64.
[10] *Голиков И. И.* Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого. М., 1798. С. 458—459.
[11] См.: *Денисова М. В.* Реставрация костюма «Восковой персоны» // Петровское время в лицах —2009. С. 122.
[12] См.: *Денисова М. В., Моисеенко Ю. В., Тарасова Н. И.* Указ. соч. С. 109.
[13] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 126.
[14] *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера (окончание) // Юность державы. М., 2000. С. 233.

[15] Цит. по: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 268, 270—71.

[16] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 87.

[17] Там же. С. 88.

[18] Сб. РИО. Т. 50.

[19] О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Лондон, 1858. С. 17.

[20] См.: *Кошелева О. Е.* Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004. С. 231.

[21] О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. С. 17.

[22] *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 124.

[23] *Пушкин А. С.* История Петра. М., 2000. С. 294.

[24] Кашин Н. И. Поступки и забавы императора Петра Великого // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 127.

[25] *Юст Ю.* Указ. соч. С. 117.

[26] *Штелин Я. Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1830. Ч. 1. С. 47—48.

[27] См.: *Труайя А.* Указ. соч. С. 241.

[28] *Нащокин В. А.* Записки // Империя после Петра. 1725—1765. М., 1998. С. 228.

[29] *Агеева О. Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб., 1999. С. 237—238.

[30] См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 7. С. 582.

[31] См.: *Пипуныров В. Н., Чернягин Б. М.* Развитие хронометрии в России. М., 1977. С. 42.

[32] Цит. по: *Агеева О. Г.* Указ соч. С. 241.

[33] См.: *Пипуныров В. Н., Чернягин Б. М.* Указ. соч. С. 42.

[34] Цит. по: *Картов Г. М.* Указ. соч. С. 86—87.

[35] Цит. по: *Яковер Л. Б.* Занимательные истории из русской истории (XVIII в.). М., 2000. С. 30.

[36] См.: *Осипов Н. О.* Табак // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 32 (63). Судоходные сборы — Таицы. СПб., 1901. С. 429.

[37] См.: *Девятова С. В.* Курительные принадлежности и традиция употребления табака в России XVIII—XIX вв. // Научные чтения памяти В. В. Василенко: Сборник статей. Вып. 3. М., 2001. С. 33.

[38] Цит. по: *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 225—226.

[39] См.: *Бекетов А. Н.* Кофе // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 16 (31). Конкорд — Коялович. СПб., 1895. С. 449.

[40] Цит. по: *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 222.

[41] См.: *Кротов П. А.* Основание Петербурга: Загадки старинной рукописи. СПб., 2006. С. 110—112.

[42] См.: *Пыляев М. И.* Старый Петербург. М., 1990. С. 10; О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 258—259.

[43] См.: *Предтеченский А. В.* Основание Петербурга // Петербург петровского времени: Очерки. Л., 1948. С. 25.

[44] См.: *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 28—29.

[45] См.: *Зязева Л. К.* Домик Петра I. Л., 1983. С. 31.

[46] См.: *Андреева Е. А.* Где жил «полудержавный властелин»? // Родина. 2007. № 11. С. 91—92.

[47] См.: Ведомости времени Петра Великого. Вып. 1. М., 1903. С. 95—96.
[48] ПиБ. Т. 4. Вып. 1. СПб., 1900. С. 184; Т. 6. СПб., 1912. С. 168.
[49] Цит. по: *Андреева Е. А.* Указ. соч. С. 92.
[50] См.: Там же. С. 93.
[51] См.: *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703—1782. М., 2004. С. 71; *Крюковских А. П.* Дворцы Санкт-Петербурга: Художественно-исторический очерк. СПб., 2001. С. 10.
[52] См.: *Калязина Н. В.* Архитектор Леблон в России // От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX в. М., 1984. С. 113.
[53] См.: *Баринова И. Н.* Летний дворец Петра I // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1. Кн. 1. СПб.; М., 2003. С. 543—545.
[54] Петербург в 1720 г.: Записки поляка-очевидца // Русская старина. 1879. № 6. С. 287.
[55] См.: *Михайлов Г. В.* Зимние дворцы Петра I // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1. Кн. 1. С. 366—368.
[56] *Вебер Х. Ф.* Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях / Пер., предисл., прим. П. П. Барсова // РА. 1872. Вып. 6. Стб. 1087.
[57] «Описание... столичного города С.-Петербурга...» // Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., 1975. С. 224.
[58] Цит. по: *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 236—237.
[59] См.: *Саверкина И. В.* Вещный мир семьи Меншиковых // Петр Великий и его время. С. 122.
[60] См.: Там же. С. 123.
[61] Цит. по: *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 237.
[62] См.: *Андреева Е. А.* Петербургские дома А. Д. Меншикова // Меншиковские чтения — 2003: Материалы чтений к 330-летию А. Д. Меншикова. СПб., 2004. С. 44.
[63] Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716—1720, 1726—1727 гг. // Российский архив. Т. 10. М., 2000. С. 65.
[64] Цит. по: *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 239.
[65] «Описание... столичного города С.-Петербурга...». С. 208.
[66] См.: Там же. С. 212—213.
[67] Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кронштлот и их окрестностях // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 53.
[68] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 88.
[69] Там же. С. 54.
[70] См.: *Эренмальм Л. Ю.* Описание города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 92.
[71] «Описание... столичного города С.-Петербурга...». С. 213.
[72] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 6. Стб. 1062.
[73] «Описание... столичного города С.-Петербурга...». С. 216.
[74] См.: *Агеева О. Г.* Указ. соч. С. 120.
[75] Сб. РИО. Т. 15. С. 185.
[76] *Мавродин В. В.* Основание Петербурга. Л., 1983. С. 184.
[77] *Яковер Л. Б.* Указ. соч. С. 57.
[78] Цит. по: *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 24.

[79] Цит. по: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 273.
[80] «Описание... столичного города С.-Петербурга...». С. 228.
[81] *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 241—244, 257.
[82] Сб. РИО. Т. 40. С. 347—349.
[83] См.: *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 124—125.
[84] Цит. по: *Базарова Т. А.* Пожары в истории петровского Петербурга // Петровское время в лицах — 2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 50—52.
[85] См.: Сб. РИО. Т. 50. С. 358.
[86] Там же. Т. 61. С. 333.
[87] *Петров П. Н.* Указ. соч. С. 80.
[88] См.: *Базарова Т. А.* Указ. соч. С. 53—55.
[89] Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 194.
[90] См.: *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 252, 255.
[91] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 194.
[92] См.: *Базарова Т. А.* Указ. соч. С. 59; *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 257.
[93] «Описание... столичного города С.-Петербурга...». С. 209.
[94] См.: *Семенова Л. Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). СПб.,1998. С. 166.
[95] Сб. РИО. Т. 40. С. 65—66.
[96] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 174.
[97] Инструкция А. П. Волынского дворецкому И. Немчинову // Памятники древней письменности. Т. 15. СПб., 1881. С. 26.
[98] См.: *Семенова Л. Н.* Указ. соч. 167.
[99] См.: *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 58.
[100] *Вебер Ф. Х.* Указ. соч. Вып. 6. С. 1067.
[101] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 160; Походный журнал 1714 г. СПб., 1854. С. 8.
[102] См.: *Богуславский Г. А.* Петр Великий и Петербург // Петербург — место встречи с Европой: Материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб., 2003. С. 57.
[103] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 127, 130.
[104] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 205.
[105] Там же. С. 152.
[106] См.: *Юль Ю.* Указ. соч. С. 121.
[107] Цит. по: *Евангулова О. С.* А. Д. Меншиков и Куракины. Дом на Мясницкой в Москве // Петровское время в лицах — 2000: Краткое содержание докладов научной конференции. СПб., 2000. С. 18.
[108] См.: *Евангулова О. С.* Усадьбы Головкиных в Москве // Петровское время в лицах — 2009. С. 131.
[109] См.: *Пыляев М. И.* Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М., 1990. С. 200—201.
[110] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 208.
[111] Сб. РИО. Т. 61. С. 230.
[112] Там же. С. 205.
[113] Там же. Т. 50. С. 358.
[114] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 116.
[115] См.: Сб. РИО. Т. 50. С. 1.
[116] См.: Там же. С. 385.
[117] Там же. Т. 40. С. 419, 429.
[118] Там же. Т. 50. С. 291—292.

[119] Сб. РИО. Т. 58. С. 5.
[120] Там же. С. 48—51.
[121] См.: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 197.
[122] См.: *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 225—227.
[123] *Леонид, архим.* Историческое описание Борисовской Тихвинской девичьей пустыни. М., 1872. С 115.
[124] Цит. по: *Заозерский А. И.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 30.
[125] См.: Там же. С. 20.
[126] Цит. по: Там же. С. 30—32.
[127] Цит. по: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 131.
[128] Цит. по: *Заозерский А. И.* Указ. соч. С. 67.
[129] См.: *Анисимов Е. В.* Екатерина I // Романовы: Исторические портреты. 1613—1762. М., 1997. С. 347.
[130] См.: *Заозерский А. И.* Указ. соч. С. 141—142.
[131] *Павленко Н. И.* Меншиков: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 151.
[132] См.: *Ефимов С. В.* Повседневная жизнь начальника русской артиллерии Я. В. Брюса в годы Северной войны // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2006. С. 56—57.
[133] Там же. С. 57.
[134] Там же. С. 57—58.
[135] Там же. С. 56, 61—62.
[136] См.: *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 76.
[137] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 205.
[138] См.: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997 С. 43.
[139] См.: *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. В 5 т. Т. 4. М., 1948. С. 270.
[140] См.: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. С. 47.
[141] См.: Там же. С. 70.
[142] См.: *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 76—78.
[143] *Бакланова Н. А.* Обстановка московских приказов в XVIII в. // Труды Государственного исторического музея. Вып. 3. М., 1926. С. 78, 96—99; *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 78—80.
[144] См.: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. С. 19.
[145] См.: *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М., 1983. С. 74.
[146] См.: Там же. С. 75.
[147] См.: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. С. 31.
[148] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2. Л. 399.
[149] См.: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. С. 31.
[150] См.: *Серов Д. О.* Прокуратура Петра I (1722—1725): Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 45.
[151] Сб. РИО. Т. 58. С. 33.

[152] Цит. по: *Градовский А. Д.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1886. С. 21.

[153] Цит. по: *Яковер Л. Б.* Указ. соч. С. 45.

[154] Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. Т. 4. М., 1986. С. 190.

[155] Там же. С. 192—193.

[156] *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 506—507.

[157] Цит. по: Там же. С. 510.

[158] См.: *Дроздова О. Ю.* Коллегии // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 620.

[159] Цит. по: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. С. 115.

[160] См.: Там же. С. 116—117.

[161] См.: *Дроздова О. Ю.* Указ. соч. С. 620.

[162] См.: *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 239—240.

[163] См.: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. С. 179.

[164] Сб. РИО. Т. 58. С. 31.

[165] См.: Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. С. 185—186.

[166] См.: *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 240.

[167] См.: *Князьков С.* Указ. соч. С. 201.

[168] См.: *Юль Ю.* Указ. соч. С. 61.

[169] См.: *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 10, 13—14, 26, 33.

[170] *Кошелева О. Е.* Указ. соч. С. 270.

[171] Цит. по: *Заозерский А. И.* Указ. соч. С. 35—36.

[172] См.: *Кошелева О. Е.* Указ. соч. С. 269—270.

[173] См.: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. С. 85.

[174] См.: *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 487—488.

[175] См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 8. М., 1990. С. 110, 114.

[176] ПСЗРИ. Т. 4. № 1928.

[177] См.: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. С. 84.

[178] См.: *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 127.

[179] См.: Сб. РИО. Т. 40. С. 82.

[180] См.: *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 130.

[181] См.: *Троицкий С. М.* Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А. Д. Меншикова) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 216—217.

[182] См.: *Голомбиевский А. А.* Александр Данилович Меншиков // Сборник биографий кавалергардов. 1724—1762. М., 2007. С. 105.

[183] См.: *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 218.

[184] См.: Там же. С. 221.

[185] См.: Там же. С. 228—232, 241.

[186] *Голомбиевский А. А.* Указ. соч. С. 96.

[187] См.: *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 237—238.

[188] См.: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 307—309.

[189] См.: *Богословский М. М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. С. 22—23.

[190] См.: Там же. С. 25.

[191] Там же. С. 27—28.

[192] *Серов Д. О.* Строители империи: Очерки государственной и

криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 7.

[193] *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 137.

[194] Российское законодательство X—XX вв. Т. 4. С. 187—188.

[195] Цит. по: *Серов Д. О.* Строители империи. С. 17.

[196] См.: *Сухарева О. В.* Указ. соч. С. 198—199.

[197] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 202; *Бассевич Г. Ф.* Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. С. 417.

[198] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 24.

[199] См.: *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 137.

[200] См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. Т. 7. М., 1959. С. 324.

[201] См.: Там же. С. 324—325.

[202] *Нартов А. А.* Указ. соч. С. 70.

[203] См.: *Серов Д. О.* Строители империи. С. 19.

[204] См.: Там же. С. 19—20.

[205] Сб. РИО. Т. 40. С. 457.

[206] Там же. С. 15—16.

[207] Там же. С. 461.

[208] Там же. С. 445.

[209] Там же. Т. 58. С. 5—6, 27.

[210] См.: *Яковер Л. Б.* Указ. соч. С. 45—46; *Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. Т. 7. С. 322.

[211] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 6. Стб. 1086.

[212] См.: *Выскочков Л.* Дебош с дамами и питье непрестанное // Родина. 2007. № 11. С. 81.

[213] См.: *Юль Ю.* Указ. соч. С. 101; *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 122.

[214] Цит. по: Петр Великий: Pro et contra. С. 25.

[215] Цит. по: *Павленко Н. И.* Петр I. М., 1976. С. 268.

[216] *Штелин Я. Я.* Указ. соч. Ч. 1. С. 131—132.

[217] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 6. Стб. 1086.

[218] *Юст Ю.* Указ. соч. С. 48; *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 121.

[219] См.: *Петров П. Н.* Из жизни русских вельмож прошлого века // Древняя и новая Россия. 1880. № 2. С. 18—19.

[220] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 58; *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1385.

[221] См.: *Выскочков Л.* Указ. соч. С. 85—86.

[222] Цит. по: *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 120.

[223] Петербург в 1720 г. С. 275.

[224] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 114.

[225] См.: Там же. С. 154; ПиБ. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1900. С. 806; Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 18.

[226] См.: *Дуров И. Г.* Общественное питание в Петербурге и на Котлине при Петре I // Феномен Петербурга: Труды Второй международной конференции. СПб., 2001. С. 436.

[227] См.: *Анисимов Е. В.* Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 50.

[228] Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях. С. 67.

[229] Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 17.

[230] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 151—152.

[231] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 204—205.

[232] См.: *Марасинова Л. М.* Пути и средства сообщения // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1. С. 258—260.

[233] См.: Походный журнал 1705 г. СПб., 1854. С. 2—4; Походный журнал 1706 г. СПб., 1854. С. 2—8.

[234] Походный журнал 1707 г. СПб., 1854. С. 2—3.

[235] См.: *Марасинова Л. М.* Указ. соч. С. 269.

[236] См.: *Яковлев О. А.* Б. К. Миних — строитель дороги Москва-Петербург // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 164, 167; *Марасинова Л. М.* Указ. соч. С. 270.

[237] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1348.

[238] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 103.

[239] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1347.

[240] См.: *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 273—277.

[241] Сб. РИО. Т. 39. С. 207.

[242] См.: Походный журнал 1705 г. С. 19.

[243] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 100.

[244] Там же. С. 95.

[245] См.: *Шипилов А. В.* Торговля, транспорт и связь в России первой половины XVIII в. Воронеж, 2008. С. 229.

[246] *Бруин де К.* Путешествие в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 111; *Юль Ю.* Указ. соч. С. 103.

[247] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 86.

[248] См.: *Кириллова Л. П.* Экипажи XVI—XVIII вв.: Каталог выставки. М., 1985. С. 17, 21.

[249] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 271.

[250] См.: *Кириллова Л. П.* Указ. соч. С. 41.

[251] См.: Старинные экипажи на выставках Эрмитажа: Путеводитель. Л., 1980. С. 9.

[252] *Бассевич Г. Ф.* Указ. соч. С. 405.

[253] *Штелин Я. Я.* Указ. соч. Ч. 1. С. 207.

[254] См.: *Агеева О. Г.* Императорский двор России. 1700—1796 гг. М., 2008. С. 54.

[255] *Бруин де К.* Указ. соч. С. 104.

[256] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 70—71; 278.

[257] Цит. по: *Заозерский А. И.* Указ. соч. С. 19.

[258] Цит. по: *Шипилов А. В.* Указ. соч. С. 230.

[259] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 205.

[260] См.: *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 249.

[261] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 99.

[262] См.: *Базарова Т. А.* Указ. соч. С. 59.

[263] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 66.

[264] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 127.

[265] См.: Там же. С. 201—202.

[266] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 101.

[267] РГАДА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 4. Л. 2.

[268] Сб. РИО. Т. 40. С. 7—8.

[269] См.: *Уханова Е.* Медаль для «нового Иуды» // Родина. 2007. № 11. С. 33.

[270] *Куракин Б. И.* Указ. соч. С. 81.

[271] См.: *Молева Н. М.* «Персоны» Всешутейшего собора // ВИ. 1974. № 10. С. 210.

[272] См.: *Семенова Л. Н.* Общественные развлечения в Петербурге в первой половине XVIII в. // Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 159.

[273] См.: ПиБ. Т. 9. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 415.

[274] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 6. Стб. 1090, 1104.

[275] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 124—125.
[276] Сб. РИО. Т. 34. С. 259.
[277] См.: *Епатко А. Ю.* Исторические и библиографические обстоятельства создания фонтана «Лакоста» в Летнем саду // Петровское время в лицах — 2008: Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 106—107.
[278] Сб. РИО. Т. 34. С. 259.
[279] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 139—140.
[280] См.: *Чеботарев А. Ю.* Иван Алексеевич Балакирев как персонаж русского фольклора // Петровское время в лицах — 2004. С. 230.
[281] См.: Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни / Сост. Б. Н. Путилов. СПб., 2008. С. 161, 171—172, 174.
[282] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 83.
[283] Там же. С. 84.
[284] Там же. С. 86.
[285] Там же. С. 90—91.
[286] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 261.
[287] См.: *Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008. С. 183.
[288] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 112.
[289] Там же. С. 125—126.
[290] Цит. по: *Семевский М. И.* Слово и дело. 1700—1725: Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. М., 1991. С. 283.
[291] См.: *Ключевский В. О.* Русская история. Кн. 2. С. 485.
[292] Там же.
[293] См.: *Уханова Е.* Указ. соч. С. 35.
[294] См.: *Ключевский В. О.* Русская история. Кн. 2. С. 486.
[295] См.: Там же.
[296] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 89.
[297] См.: *Семевский М. И.* Слово и дело. С. 301, 328.
[298] См.: Там же. С. 304—310.
[299] Цит. по: Там же. С. 314—315.
[300] См.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1708 г. Д. 23. Л. 1—3 об.
[301] Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1704 г. Д. 2. Л. 179—180.
[302] Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 9. С. 617. Прим. 15.
[303] См.: *Плешков В.* Чернотелый человек жарких стран // Родина. 2003. № 3. С. 46.
[304] См.: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 283.
[305] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 221—222.
[306] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 9. Стб. 1681.
[307] См.: *Юль Ю.* Указ. соч. С. 222—223; *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 9. Стб. 1680—1682.
[308] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 88.
[309] См.: Там же. С. 89.
[310] См.: Там же. С. 90.
[311] Сб. РИО. Т. 50. С. 299.
[312] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 117.
[313] Там же.
[314] Там же. С. 109.
[315] Сб. РИО. Т. 40. С. 151.
[316] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 114.
[317] Там же.
[318] Сб. РИО. Т. 61. С. 333.
[319] Там же. С. 466—467.

[320] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 126—127; *Юль Ю.* Указ. соч. С. 140, 142—143.
[321] См.: *Агеева О. Г.* Общественная и культурная жизнь Петербурга I четверти XVIII в.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1991. С. 11.
[322] См.: *Юль Ю.* Указ. соч. С. 188—189.
[323] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 145—149.
[324] См.: Там же (окончание). С. 95—96.
[325] Сб. РИО. Т. 40. С. 61.
[326] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 213—214.
[327] См.: *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 167—177.
[328] См.: Там же. С. 181—186.
[329] См.: Там же. С. 189.
[330] См.: Там же. С. 192.
[331] См.: *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 116—117.
[332] Там же. С. 240.
[333] См.: *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. С. 192—193.
[334] Сб. РИО. Т. 40. С. 118—119.
[335] Цит. по: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 144.
[336] Сб. РИО. Т. 40. С. 271.
[337] Там же. С. 274.
[338] Там же. С. 305.
[339] *Ключевский В. О.* Русская история. Кн. 2. С. 484—485.
[340] См.: *Юль Ю.* Указ. соч. С. 211—213.
[341] См.: *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 6. Стб. 1066.
[342] См.: Там же. Вып. 7. Стб. 1341.
[343] Там же. С. 191—192.
[344] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 179—183.
[345] Сб. РИО. Т. 50. С. 15, 18, 28.
[346] См.: *Юль Ю.* Указ. соч. С. 176, 178.
[347] Там же. С. 189—190.
[348] Сб. РИО. Т. 61. С. 545.
[349] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 150—153.
[350] Там же (окончание). С. 96—97.
[351] Сб. РИО. Т. 39. С. 433.
[352] Там же. Т. 50. С. 115.
[353] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 88.
[354] Сб. РИО. Т. 40. С. 66—67.
[355] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 151—152.
[356] См.: *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 245.
[357] См.: Там же. С. 255—256.
[358] Сб. РИО. Т. 61. С. 357.
[359] Там же. Т. 40. С. 166—169.

Часть третья
Частная жизнь и развлечения

[1] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 152.
[2] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 211.
[3] Там же. С. 226.
[4] См.: Там же. С. 96.
[5] См.: Сб. РИО. Т. 50. С. 146, 147.
[6] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 6. Стб. 1066—1067.

[7] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1340—1341.
[8] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 242.
[9] Там же. С. 243.
[10] Там же. С. 256.
[11] *Неплюев И. И.* Записки // Империя после Петра. С. 419—420.
[12] См.: Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни. С. 37.
[13] *Стрейс Я.* Третье путешествие по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам // Московия и Европа. М., 2000. С. 335—337.
[14] *Бруин де К.* Указ. соч. С. 103—105.
[15] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 217—218.
[16] Там же. С. 218—220.
[17] Там же. С. 191.
[18] Там же. С. 122—124.
[19] Там же. С. 130.
[20] Там же. С. 140—141.
[21] Сб. РИО. Т. 61. С. 143—145.
[22] Там же. Т. 61. С. 205.
[23] Там же. С. 214.
[24] Там же. С. 215—216.
[25] См.: *Евангулова О. С.* А. Д. Меншиков и Куракины. С. 129.
[26] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 387—393.
[27] Там же (окончание). С. 108—110.
[28] Там же. С. 244—245.
[29] Сб. РИО. Т. 40. С. 64.
[30] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 241.
[31] Там же. С. 258.
[32] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 215.
[33] Там же. С. 133—135.
[34] См.: *Пекарский П. П.* Царица Марфа Матвеевна, урожденная Апраксина, вторая супруга царя Феодора Алексеевича, самодержца всероссийского. СПб., 1858. С. 14—15; *Агеева О. Г.* К истории траурного церемониала Романовых петровского времени: редкий рисунок погребения представительницы царской семьи (из ОР РНБ) // Петровское время в лицах — 2007: Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 6.
[35] Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 19—20.
[36] См.: *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1342—1343.
[37] См.: *Агеева О. Г.* К истории траурного церемониала Романовых петровского времени. С. 6—7.
[38] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 307—308.
[39] См.: *Гузевич И. Д., Гузевич Д. Ю.* Указ. соч. С. 63—106.
[40] Цит. по: *Богословский М. М.* Петр I. Т. 1. М., 1940. С. 201—202.
[41] См.: *Гузевич И. Д., Гузевич Д. Ю.* Указ. соч. С. 66—67.
[42] См.: *Бабкин А.* Указ. соч. С. 184, 189—190; *Гузевич И. Д., Гузевич Д. Ю.* Указ. соч. С. 67—68, 71.
[43] Цит. по: *Гузевич И. Д., Гузевич Д. Ю.* Указ. соч. С. 84—85.
[44] См.: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 19.
[45] См.: *Богословский М. М.* Петр I. Т. 2. М., 1941. С. 39, 66.
[46] Цит. по: *Гузевич И. Д., Гузевич Д. Ю.* Указ. соч. С. 87.
[47] *Павленко Н. И.* Лефорт. С. 215.
[48] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 130—131.

[49] Цит. по: *Ефимов С. В.* Повседневная жизнь начальника русской артиллерии Я. В. Брюса в годы Северной войны. С. 58.
[50] См.: Там же.
[51] См.: *Нахапетов Б. А.* Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007. С. 32.
[52] Сб. РИО. Т. 61. С. 483—484.
[53] Там же. Т. 40. С. 20.
[54] Там же. С. 31—32.
[55] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 252—253.
[56] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 108—109.
[57] Цит. по: Император Петр I Великий: Энциклопедия. С. 78.
[58] *Бассевич Г. Ф.* Указ. соч. С. 340.
[59] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 90.
[60] Сб. РИО. Т. 40. С. 31—32.
[61] См.: *Пуховский Н. Н.* Император и государь всея Руси Петр I Алексеевич Романов Великий // Психология элиты. 2009. № 4. С. 83.
[62] См.: *Тиганов А. С.* Эпилепсия // Справочник по психиатрии. 2-е изд. М., 1985. С. 116.
[63] См.: *Минутко В. Л.* Депрессия. М., 2006. С. 29.
[64] Сб. РИО. Т. 40. С. 71.
[65] Там же. С. 73.
[66] Там же.
[67] Там же. Т. 61. С. 111.
[68] Цит. по: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 152—153.
[69] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 84, 162—163, 225.
[70] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 6. Стб. 1063.
[71] Сб. РИО. Т. 40. С. 191—192.
[72] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 164.
[73] Там же. С. 85.
[74] Сб. РИО. Т. 40. С. 181.
[75] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 220.
[76] Там же. С. 138.
[77] См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 40. Л. 1—4.
[78] Цит. по: *Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 200—202.
[79] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1424.
[80] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 131.
[81] См.: Император Петр I Великий: Энциклопедия. С. 34.
[82] Сб. РИО. Т. 40. СПб., 1881. С. 2.
[83] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1423; *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 191.
[84] Цит. по: *Князьков С.* Указ. соч. С. 622.
[85] См.: *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 360.
[86] *Мавродин В. В.* Указ. соч. С. 184.
[87] См.: *Кареева Н. Д.* Летний сад // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1. Кн. 1. С. 546—553.
[88] См.: Петербург в 1720 г. С. 286.
[89] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 161.
[90] Там же. С. 140—141.
[91] См.: *Анисимов Е. В.* Юный град. С. 358.
[92] См.: *Малиновский К. В.* Фейерверк // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1. Кн. 2. С. 448.
[93] См.: *Сариева Е. А.* Фейерверки в России // Развлекательная культура России XVIII—XIX вв.: Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 91—93; *Анисимов Е. В.* Юный град. С. 358.

[94] Сб. РИО. Т. 40. С. 79.
[95] ПСЗРИ. Т. 5. № 3193.
[96] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 201.
[97] Там же. С. 231.
[98] См.: Там же. С. 257.
[99] См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей. Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 88.
[100] Цит. по: *Семенова Л. Н.* Общественные развлечения в Петербурге в первой половине XVIII в. С. 153.
[101] См.: Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 392, 395, 396, 399, 400.
[102] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 284—285.
[103] См.: *Розалиев Н.* Карточные игры России. М., 1991. С. 7.
[104] Походный журнал 1720 г. СПб., 1855. С. 10—12.
[105] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 225.
[106] Там же. С. 129.
[107] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1370.
[108] Там же. Вып. 6. Стб. 1106.
[109] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 226.
[110] О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. С. 17.
[111] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 6. Стб. 1086.
[112] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 137.
[113] *Семевский М. И.* Исторические портреты. С. 309.
[114] См.: *Богословский М. М.* Петр I. Т. 1. С. 80, 123.
[115] Цит. по: *Семевский М. И.* Исторические портреты. С. 310.
[116] *Анисимов Е. В.* Екатерина I. С. 348.
[117] См.: *Лефстранд Э.* Петр Великий и русские женщины // Царь Петр и король Карл: Два правителя и их народы / Пер. с шв. В. Возгрина. М., 1999. С. 200.
[118] См.: *Семевский М. И.* Исторические портреты. С. 311.
[119] См.: *Олларт Е.* Петр I и женщины. Киев, 1991. С. 52.
[120] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 186.
[121] Там же. С. 44.
[122] *Гельбиг Г.* Русские избранники / Пер. с нем., предисл., прим. В. А. Бильбасова. М., 1999. С. 74.
[123] См.: *Олларт Е.* Указ. соч. С. 56—58.
[124] См.: Там же. С. 52, 54.
[125] Цит. по: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 76.
[126] Цит. по: *Олларт Е.* Указ. соч. С. 50.
[127] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 118.
[128] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 111.
[129] См.: *Бушкович П.* Указ. соч. С. 241.
[130] Цит. по: *Олларт Е.* Указ. соч. С. 64.
[131] См.: *Бушкович П.* Указ. соч. С. 269; *Олларт Е.* Указ. соч. С. 64.
[132] *Нартов А. А.* Указ. соч. С. 112—113.
[133] См.: *Труайя А.* Указ. соч. С. 242, 244.
[134] *Нартов А. А.* Указ. соч. С. 61.
[135] Цит. по: *Олларт Е.* Указ. соч. С. 118.
[136] См.: *Труайя А.* Указ. соч. С. 350—351.
[137] См.: Там же. С. 353—355.
[138] См.: Там же. С. 268—269.
[139] Цит. по: *Павленко Н. И.* Царевич Алексей. М., 2008. С. 130.
[140] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1452.

[141] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 165.
[142] См.: *Анисимов Е. В.* Екатерина I. С. 347.
[143] *Вильбуа Ф.* Рассказы о российском дворе // ВИ. 1992. № 1. С. 142.
[144] Цит. по: *Анисимов Е. В.* Екатерина I. С. 350.
[145] Сб. РИО. Т. 61. С. 143—144.
[146] См.: *Анисимов Е. В.* Екатерина I. С. 353; *Павленко Н. И.* Екатерина I. С. 17.
[147] *Бассевич Г. Ф.* Указ. соч. С. 389.
[148] Сб. РИО. Т. 40. С. 187.
[149] Цит. по: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 144—145.
[150] Там же. С. 420.
[151] См.: *Белявский В. С.* Екатерина I: Золушка на троне России // На Российском престоле. 1725—1796: Монархи Российские после Петра Великого. М., 1993. С. 29.
[152] *Павленко Н. И.* Екатерина I. С. 38.
[153] См.: *Анисимов Е. В.* Екатерина I. С. 364.
[154] Цит. по: *Голомбиевский А. А.* Указ. соч. С. 91.
[155] Цит. по: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 39.
[156] См.: Там же. С. 50.
[157] См.: *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 344, 399, 415.
[158] См.: РБС. Т. 25. Яблоновский—Фомин. СПб., 1913. С. 23; *Голомбиевский А. А.* Граф Павел Иванович Ягужинский // Сборник биографий кавалергардов. 1724—1762. С. 11.
[159] *Бассевич Г. Ф.* Указ. соч. С. 415.
[160] Цит. по: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 183—184.
[161] *Гельбиг Г.* Указ. соч. С. 63.
[162] Цит. по: *Ключевский В. О.* Русская история. Кн. 2. С. 481—482.
[163] Цит. по: РБС. Т. 2. С. 36.
[164] *Труайя А.* Указ. соч. С. 256.
[165] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1337.
[166] Цит. по: *Труайя А.* Указ. соч. С. 258.
[167] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1337.
[168] Цит. по: *Павленко Н. И.* Царевич Алексей. С. 55.
[169] См.: Там же. С. 56—57.
[170] Цит. по: *Труайя А.* Указ. соч. С. 267.
[171] Цит. по: *Павленко Н. И.* Царевич Алексей. С. 70.
[172] См.: Там же. С. 71.
[173] См.: *Бушкович П.* Указ. соч. С. 392—394.
[174] См.: *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1455—1456.
[175] См.: Три века Санкт-Петербурга. Т. 1. Кн. 2. С. 121.
[176] РБС. Т. 2. С. 189.
[177] См.: *Юль Ю.* Указ. соч. С. 173; *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 13.
[178] Сб. РИО. Т. 61. С. 144.
[179] Цит. по: *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII в. С. 13.
[180] См.: *Наумов В. П.* Елизавета Петровна // ВИ. 1993. № 5. С. 52.
[181] *Миних Б. Х.* Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. М., 1997. С. 313.
[182] Сб. РИО. Т. 40. С. 39—40.
[183] Там же. С. 40.
[184] Там же. С. 33.
[185] Там же. С. 40—41.
[186] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 136—137.
[187] См.: *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII в. С. 14.

[188] См.: *Наумов В. П.* Герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский в Петербурге // Петровское время в лицах — 2007. С. 195.
[189] *Бассевич Г. Ф.* Указ. соч. С. 424.
[190] Сб. РИО. Т. 58. С. 4—5.
[191] Там же. С. 58.
[192] См.: Там же. С. 36, 60, 69.
[193] Там же. Т. 49. С. 90.
[194] См.: *Наумов В. П.* Герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский в Петербурге. С. 196.
[195] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 261—262.
[196] См.: *Курукин И. В.* Петр II. Тень Петра Великого // На Российском престоле. С. 69.
[197] Сб. РИО. Т. 40. С. 20.
[198] См.: *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 69.
[199] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1428—1429.
[200] Сб. РИО. Т. 40. С. 46.
[201] Там же. С. 62—63.
[202] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 137.
[203] См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 9. С. 522—523.
[204] См.: Первые художники Петербурга. Л., 1984. С. 165.
[205] Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 9. С. 519.
[206] См.: Там же. С. 541.
[207] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1451.
[208] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 88.
[209] См.: РБС. Т. 17. Романова—Рясовский. Пг., 1918. С. 124.
[210] См.: *Богословский М. М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. С. 5.
[211] Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 8. С. 513.
[212] См.: РБС. Т. 7. Жабокритский—Зяловский. СПб., 1897. С. 474—476.
[213] См.: Там же. С. 473.
[214] См.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. С. 346.
[215] Цит. по: *Заозерский А. И.* Указ. соч. С. 132.
[216] См.: РБС. Т. 23. Шебанов—Шютц. СПб., 1911. С. 184—185.
[217] См.: *Богословский М. М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. С. 14.
[218] Цит. по: РБС: Неопубликованные дополнительные материалы: В 8 т. Т. 2. Гоголь—Гюне. М., 1997. С. 243.
[219] См.: Там же. С. 261.
[220] См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 8. С. 571—572. Составитель именного указателя к этому тому Т. В. Мальчикова ошибочно полагает, что речь в данном случае идет не об Иване Гавриловиче Головкине, а о его брате Михаиле.
[221] *Бассевич Г. Ф.* Указ. соч. С. 405—406.
[222] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 74.
[223] Сб. РИО. Т. 15. С. 193.
[224] См.: *Юль Ю.* Указ. соч. С. 190.
[225] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 158—159.
[226] См.: *Бычков Ф. А.* Барон Исай Петрович Шафиров // Исторический вестник. 1886. № 7. С. 28.
[227] Цит. по: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 105.
[228] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1173. Л. 17.
[229] См.: *Павленко Н. И.* Меншиков: Полудержавный властелин. С. 306.
[230] Цит. по: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 117.
[231] См.: *Павленко Н. И.* Меншиков. С. 307.

[232] Сб. РИО. Т. 15. С. 195; *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание) С. 200.
[233] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 161—162.
[234] См.: *Яковер Л. Б.* Указ. соч. С. 37—38.
[235] *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 283.
[236] См.: Там же. С. 283—284.
[237] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. (окончание). С. 262.
[238] *Берхгольц Ф. В.* Указ. соч. С. 166.
[239] *Нартов А. А.* Указ. соч. С. 53.
[240] *Вебер Х. Ф.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1370.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999.

Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989.

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.

Анисимов Е. В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л.: Наука, 1991.

Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. М.: Сварог и К, 2000.

Вагеманс Э. Петр Великий в Бельгии. СПб.: Гиперион, 2007.

Калязина Н. В., Калязин Е. А. Окно в Европу. СПб.: Лики России; М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1999.

Картов Г. М. Великое посольство и первое заграничное путешествие Петра I. 1697—1698. Калининград: Янтарный сказ, 1997.

Лавры Полтавы / Ю. Юль, О. А. Плейер. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001.

Нартов А. А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи). СПб.: Историческая иллюстрация, 2001.

Неистовый реформатор / И. Г. Фоккеродт, Ф. В. Берхгольц. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.

Павленко Н. И. Екатерина I. М.: Молодая гвардия, 2009 (серия «ЖЗЛ»).

Павленко Н. И. Лефорт. М.: Молодая гвардия, 2009 (серия «ЖЗЛ»).

Павленко Н. И. Меншиков: Полудержавный властелин. М.: Молодая гвардия, 1999 (серия «ЖЗЛ»).

Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994.

Павленко Н. И. Петр I. М.: Молодая гвардия, 2007 (серия «ЖЗЛ»).

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1994.

Павленко Н. И. Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008 (серия «ЖЗЛ»).

Рождение империи / Неизвестный автор. И. Г. Корб. И. А. Желябужский. А. А. Матвеев. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997.

Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. От Петра до Екатерины II (1697—1761): Сборник отрывков из записок, воспоминаний и писем. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2010.

Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998.

Труайя А. Петр Великий. М.: Эксмо, 2004.

Юность державы / Ф. В. Берхгольц. Г. Ф. Бассевич. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 6

Предисловие. Капля отражает море 8

***Часть первая.* Строители империи** 11

Глава первая. Первые самостоятельные шаги государя 11
Потехи как средство познания 11
В Немецкой слободе 24
Глава вторая. В чужих краях 26
Великое посольство 26
Заграничные ученики 55
«Предивный путь» дедушки Толстого 63
Боярин становится рыцарем 70
Европейские странствия 76
Глава третья. Люди новой эпохи 93
Характер и привычки Петра Великого 93
Друзья и соратники 101

***Часть вторая.* Живем как можем** 110

Глава четвертая. На манер политичных народов 110
«Платье носить европейское» 110
Парики вместо бород 117
Новое время 121
Новые привычки 123
Глава пятая. Из жизни двух столиц 127
Обитатели «Парадиза» 127
Москвичи на время и навсегда 154
Глава шестая. В военных походах 166
Хлебосольный фельдмаршал 166
Ученый на войне 170
Глава седьмая. В местах государственных 174
Приказный быт 174
«Первейшее место державы» 177
Коллежские президенты 185
Глава восьмая. «Без денег жить зело тяжко» 191
Государево жалованье 191
«Доходы преумножить надобно» 198
«Мы все воруем» 204
Глава девятая. «Без чего жить не можно» 212
Пиршества и трапезы 212
Дороги, экипажи, кони 218
Глава десятая. «Смехом искореняя пороки» 226
Юмор Петра I 226
Придворные шуты 230
Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор 235
Придворные великаны, карлики и арапы 242
Глава одиннадцатая. «Праздник есть дело заботное» 247
Новый год, Святки, Масленица 247

Викториальные торжества ... 254
Рождение кораблей ... 269
Семейные праздники ... 272

***Часть третья.* Частная жизнь и развлечения** ... 281

Глава двенадцатая. Обряды русские и не только ... 281
Родины и крестины ... 281
Свадьбы ... 287
Похороны ... 307
Глава тринадцатая. «Во многождых недугах» ... 313
Хвори телесные ... 313
Болезни нервные и душевные ... 322
Глава четырнадцатая. «От трудов отдохнуть едва нам мочно» 327
Баталии с русским Бахусом ... 327
«Ассамблея — слово французское» ... 332
Гулянья в Летнем саду ... 337
«Огненные потехи» ... 340
Водные прогулки ... 342
Настольные игры ... 345
Глава пятнадцатая. Женское окружение ... 348
Нелюбимая супруга ... 348
Метрессы и подруги на час ... 354
«Друг сердешниньки» ... 365
Сенаторши и маршальши ... 372
Глава шестнадцатая. «Дети суть надежда наша» ... 377
«При живом отце сирота» ... 377
Аннушка, Лизонька и большая политика ... 385
Маленький принц ... 394
Птенцы «птенцов гнезда Петрова» ... 399
Глава семнадцатая. «Звери вельми утешны» ... 412
Обитатели царских зверинцев ... 412
Домашние любимцы ... 415

Послесловие ... 419

Примечания ... 421
Библиография ... 441

Наумов В. П.

Н 34 Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников / Виктор Наумов. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 443[5] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03374-0

Невозможно найти другого исторического деятеля, столь же существенно повлиявшего на судьбу России, как Петр Великий. Однако ни он, ни творившие вместе с ним великую историю страны его соратники и единомышленники, сенаторы и дипломаты, военачальники и флотоводцы не были подобны мифологическим титанам, а являлись живыми людьми со своими талантами и амбициями, самоотверженностью и склочностью, бескорыстием и рвачеством, сентиментальностью и жестокостью.

Книга историка Виктора Наумова повествует о том, как работали, путешествовали, воевали, веселились на ассамблеях и заседаниях кошунственного Всепьянейшего собора, гуляли на свадьбах и провожали в последний путь участники ближнего круга Петра I, где они жили, как изменяли женам и любили детей, чем болели, какими играми и развлечениями скрашивали часы досуга.

УДК 94(47):930.85"17"
ББК 63.3(2)511-7

Наумов Виктор Петрович

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ

Редактор **Е. А. Никулина**
Художественный редактор **И. И. Суслов**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 24.03.2010. Подписано в печать 02.08.2010. Формат 84x108/$_{32}$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 23,52+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 10268

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21

ISBN 978-5-235-03374-0

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Турков
«ТВАРДОВСКИЙ»

В. Чайковская
«ТЫШЛЕР»

С. Нечаев
«ТОРКВЕМАДА»

М. Гейзер
«ФАИНА РАНЕВСКАЯ»

В. Попов
«ДОВЛАТОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
http://gvardiya.ru, dsel@gvardiya.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

http://gvardiya.ru/shop/

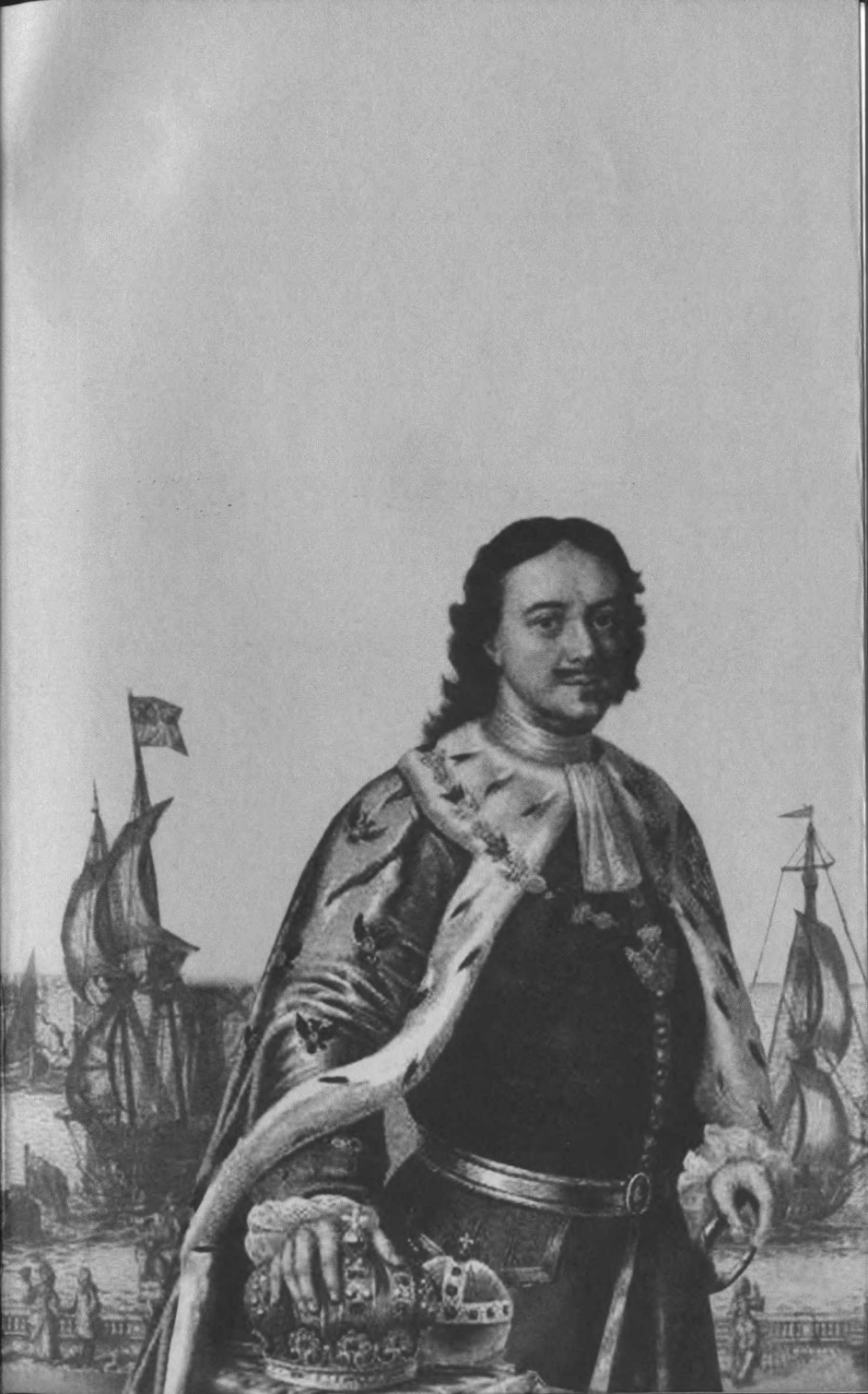
или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги
можно получить по адресу:
г. Москва, ул. Сущевская, д.21, подъезд 1
или воспользоваться курьерской
и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!



СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

И. Курукин, А. Булычев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО

В. Журавлев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ФРАНЦУЗСКОГО ИНОСТРАННОГО ЛЕГИОНА

Б. Григорьев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ В XIX ВЕКЕ

О. Семенова
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ПАРИЖА

Пьер Декс
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЮРРЕАЛИСТОВ

Е. Глаголева
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПИРАТОВ И КОРСАРОВ АТЛАНТИКИ ОТ ФРЭНСИСА ДРЕЙКА ДО ГЕНРИ МОРГАНА

ISBN 978-5-235-03374-0

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ